BRAVE NEW WORLD 001
УИЛЬЯМ ГИБСОН
ВИРТУАЛЬНЫЙ СВЕТ
ЭКСТРА-КУЛЬТУРА
Э-ФАКТОРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Будущее? Фантастика? НЕТ!

Альтернативное настоящее.

Будущее, которое уже началось.

Стильный футуристический триллер, открывающий вторую трилогию Гибсона (вслед за «трилогией кибер-пространства» Нейроманта, Графа Ноль и Моны Лизы Овердрайв) – «трилогию Моста».

Разрушительное землетрясение, разделяющее Калифорнию на Северную и Южную. Вырождение экосферы, делящее всех людей на аллергиков и «приспособившихся». Разлом проходит не только по планете, но и внутри общества, внутри человеческих отношений, внутри самого человека.

- СОДЕРЖАНИЕ
  - 1. Пламенеющая плоть исполинов
  - 2. «Громила» в деле
  - 3. Нехорошая вечеринка
  - 4. Проблема трудоустройства
  - 5. Бессонница
  - 6. Мост
  - 7. Чтобы все было о'кей
  - 8. На другое утро
  - 9. Когда дипломатия бессильна
  - 10. Современные танцы
  - 11. Крути педали
  - 12. Контролируемые движения глаз
  - 13. Дрожь в коленках
  - 14. Лавлесс
  - 15. Тысяча пятнадцатый номер
  - 16. «Санфлауэр»
  - 17. Мышеловка
  - 18. Конденсатор
  - 19. Супербол
  - 20. Полная пустота
  - 21. Когнитивные диссиденты
  - 22. Неприличная фамилия
  - 23. Была не была
  - 24. Песня стальной рептилии
  - 25. Хоть вброд, хоть вплавь
  - 26. «Цветные люди»
  - 27. После грозы

    - 28. Ар-Ви
    - 29. Мертвый молл
    - 30. Погребальный карнавал
    - 31. С водительской стороны
    - 32. Фаллонтаун
    - 33
    - 34. Звонок из рая
    - 35. Держава желаний
    - 36. Записная книжка (2)
    - 37. Сенчури-сити
    - 38. Чудесная миля
    - 39. Праздник в непогоду
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46

СОДЕРЖАНИЕ

Уильям Гибсон
Виртуальный свет

Гэри Гаэтано Бандьере, крутому пижону и нашему другу

1. Пламенеющая плоть исполинов

Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет – узкая хищная оса, высматривающая добычу, цепкие лапки тесно прижимают к груди гладкий черный кокон, набитый десятками смертей.

Несколькими часами раньше на один из северных пригородов обрушились ракеты, семьдесят три убитых, никакая группа не взяла еще на себя ответственность. Но здесь, где пламенеющей плотью исполинов плывут зеркальные зиккураты Ласаро Карденаса,[1] все кошмары ночи остаются снаружи, на ждущих своего часа avenidas[2] – обыденные заботы, мир, что пребудет.

По милости заоконного воздуха каждый источник света окружен ореолом, желтушным посередине, тускло-коричневым – ближе к краю. Тонкие, почти невесомые хлопья сухого фекального снега, прилетающие с городских отстойников, запорошили око ночи.

Крепко зажмуриться, сосредоточиться на еле слышном шипении кондиционера. Так можно перенестись в Токио, представить себе, что этот номер расположен в одном из новых корпусов старой гостиницы «Империал». Увидеть себя на улицах Тиодаку, услышать шелест поездов, пролетающих по эстакаде, прямо над головой. Узкий переулок, цепочка красных бумажных фонариков.

Курьер открыл глаза.

Мехико, снова Мехико.

На кофейном столике аккуратно выстроились восемь пустых пластиковых бутылочек: «Возвращение лосося», название японской водки раздражает даже сильнее, чем прилипчивый, ничем не смоешь и не заешь, привкус.

Нежно-бежевым фризом застыли на экране девочки. Ждут приказа. Курьер берет дистанционный пульт; высокие, острые скулы девочек приходят в движение, поворачиваются где-то в его черепе, чуть позади глаз. Мальчики, неизменно проникающие в своих напарниц сзади, щеголяют черными лайковыми перчатками. Славянские лица непрошено вызывают осколки детских воспоминаний: вонь масляно-черного канала, стальной грохот раскачивающегося на рельсах поезда, высокие потолки старой квартиры, окна, выходящие в зимний, промерзший парк.

Вокруг трудолюбиво совокупляющихся русских – рамка из двадцати восьми периферийных кадров. Курьер мельком видит, как выносят трупы с дочерна прокопченной грузовой палубы

азиатского парома.

Он откупоривает еще одну маленькую, на один стакан, бутылочку.

Теперь девочки отсасывают у своих высокомерных, самопоглощенных дружков, запрокинутые головы двигаются в едином ритме, словно части хорошо смазанного механизма. Ракурсы съемки приводят на память самозабвенный пыл раннего советского кино.

Взгляд курьера натыкается на метеосводку NHK. По Канзасу движется фронт низкого давления. На исламском канале раз за разом с жутковатой монотонностью повторяется нечто вроде сложного, угловатого орнамента – имя Господа во фрактальной каллиграфии.

Курьер пьет водку.

И смотрит телевизор.

Чуть заполночь, на перекрестке Ливерпульской и Флорентийской, курьер смотрит с заднего сиденья белой «Лады» на Сона Роса. Нанопористый швейцарский респиратор неприятно трет его свежевыбритый подбородок.

Губы и ноздри прохожих укрыты фильтрами. В честь Дня Мертвых некоторые маски украшены серебряными бусинками, они похожи на ухмыляющиеся пасти сахарных голов. Производители всех респираторов дают одни и те же неопределенные обещания насчет защиты от вироидов. Неубедительно, но все же успокаивает.

Курьер хотел отвлечься от рутины, от одинаковости, возможно – найти что-нибудь красивое или хотя бы достойное мимолетного интереса, но здесь были только маски и уличные огни, и прежний, неизбывный страх.

Из-за поворота, с авениды Чапультепек, выползает допотопный американский автомобиль, из-под полуоторванного бампера вырываются густые клубы выхлопа. Зеркальное покрытие, укутывающее весь, за исключением ветрового стекла, корпус, растрескалось и покрыто пылью, сквозь него проглядывает темно-коричневая скорлупа эпоксидной обмазки. Ветровое стекло, черное и блестящее, непроницаемое, как лужица пролитой на бумагу туши, напоминает курьеру смертоносный кокон боевого вертолета. Беспредметный прежде страх конденсируется вокруг «Кадиллака», этого карнавального урода, допотопного (ну надо же – двигатель внутреннего сгорания!) чудища, одетого в грязный, клочкастый серебряный балахон. Кто позволил ему отравлять своей вонью и так непереносимый воздух?

Кто скрывается внутри, за черным ветровым стеклом?

Он смотрит вслед нелепой таратайке. Его пробирает дрожь.

– Эта машина…

Подавшись помимо собственной воли вперед, он обращается к толстой, дочерна загорелой шее водителя, чьи большие уши странным образом приводят на память древнюю керамику, точнее – копии с нее, рекламируемые по гостиничному телевидению.

– El coche.[3]

У водителя нет маски. Он поворачивается и словно впервые замечает своего пассажира, «Кадиллак» проезжает мимо какого-то ночного клуба, попадает в луч лазера, вспыхивает ярким рубином, исчезает из вида.

Недоуменный взгляд водителя.

Курьер приказывает вернуться в гостиницу.

Он выплывает из глубин сна, наполненного металлическими голосами, из сводчатых переходов какого-то европейского аэропорта, где крошечные, непостижимо далекие фигурки людей застыли в беззвучном ритуале прощания.

Темнота. Шипение кондиционера.

Льняные простыни. Телефон под подушкой. Звуки улицы, приглушенные газовой прослойкой оконных стекол. Все напряжение, вся недавняя паника – все это исчезло. Вспоминается бар на крыше отеля. Музыка. Лица.

Редкая, желанная минута, когда внутренний мир пришел в равновесие. Спокойствие. Никакого другого спокойствия курьер не знает.

И… ну да, очки тоже здесь, рядом с телефоном. Вытаскивая очки из-под подушки, курьер ощущает виноватое наслаждение, почти такое же, как тогда, в полузабытой Праге.

Он любит ее почти уже десять лет, хотя никогда не задумывается над своими чувствами, и вряд ли поверил бы, что это – любовь. Но он не покупает другой программы, а черная пластиковая оправа почти утратила свой первоначальный блеск. Надпись на кассете совсем стерлась, ночные прикосновения превратили ее в белое, матовое пятно. Сколько их было – комнат, таких как эта.

Пожелтевшие наушники остаются без дела, курьер давно уже предпочитает тишину, а точнее – собственное звуковое сопровождение. Он шепчет ей, своей единственной, ускоренно прокручивая дурацкие титры и вступительную сцену – черный, залитый лунным светом пейзаж, не Голливуд и не Рио, но некое расплывчатое, компьютерное подобие их обоих.

Белый домик в конце ущелья. Она ждет его, как и прежде, как и всегда. Свечи. Вино. Черным бисером расшитое платье и белая,

матовая, невероятная в своей безупречности кожа. Туго обтянутое бедро, гладкое и холодное, как брюхо змеи.

Где-то очень далеко, под простыней, его руки начинают двигаться.

Позднее, когда он готов уже провалиться в новый, не похожий на прежние, сон, из-под подушки доносится негромкий одиночный звонок.

– Да?

– Место на Сан-Франциско заказано.

Голос принадлежит то ли женщине, то ли компьютеру. Курьер трогает клавишу, чтобы записать номер рейса, затем говорит: «Спокойной ночи», смотрит на тусклый свет, сочащийся сквозь щель между занавесками, и снова закрывает глаза.

Его обвивают белые как снег руки. Предвечная, неизбывная белизна.

Он спит.

2. «Громила» в деле

Машины «Интенсекьюра» выходят на патрулирование по щадящему графику: смена рабочая, две смены отдыха. Мыли их исключительно в большом специализированном заведении рядом с Колби – двадцать слоев эмали «свежий мед», ручная шлифовка; к такой роскоши поневоле начнешь относиться бережно.

Тем памятным ноябрьским вечером, когда Держава Желаний положила конец его карьере на поприще вооруженной охраны, Берри Райделл пришел в автомойку чуть раньше времени.

Ему там нравилось. Запах розоватого раствора, которым снимали с машин дорожную грязь, приводил на память последние школьные каникулы, летнюю халтурку, которую он подыскал себе тогда в Ноксвилле. Громадный жилой дом на улице Джефферсона Дэвиса решили переделать в кондоминиум, а для начала полностью раскурочили. Нужно было обдирать шлакоблочные стены, но обдирать не совсем, а чтобы кое-где, на стыках и в углублениях, оставались следы старой розовой краски – такой вот имелся у архитекторов бзик. Архитекторы – приехавшие, к слову сказать, из Мемфиса – все как один щеголяли в черных костюмах и белых хлопковых рубашках. Они никогда не надевали галстуков и никогда не расстегивали верхние пуговицы рубашек, стоивших побольше, чем костюмы, – или, во всяком случае, не меньше. Райделл решил про себя, что архитекторы всегда так одеваются: последующая жизнь в Лос-Анджелесе подтвердила его догадку. Однажды он нечаянно подслушал, как один из этих героев объяснял прорабу смысл задания. Нужно подчеркнуть преемственность, выявить непрерывность прохождения материала через время. Чушь, конечно же, собачья, а все равно здорово. Сразу вспоминаешь, как стареют люди в телевизионных фильмах.

Здорово там не здорово, но на практике все сводилось к тому, что нужно было обдирать долбаную краску со многих тысяч квадратных футов дважды долбаной шлакоблочной стены: делалось это с помощью пульсирующей высоконапорной струи какого-то раствора, берешь в руки брандспойтную головку, прикрепленную к длинной ручке из нержавейки, и – вперед на танки. Если прораб не смотрит, можно развернуть струю в тридцатифутовый павлиний хвост жгучей радуги и смыть с кого-нибудь из ребят всю обмазку. Результат проявлялся мгновенно – австралийская фирма, выпускавшая солнцезащитный крем, окрашивала свою продукцию в яркие, заметные цвета, чтобы не перепутать, какие участки кожи уже намазаны, а какие – нет.

Операция требовала осторожности и глазомера – с близкого расстояния да на полную силу струя могла ободрать хромировку с автомобильного бампера. В конечном итоге Райделла и Бадди Криггера выгнали с работы за хулиганство, каковое событие они отметили на противоположной стороне улицы Джеффа Дэвиса, в пивной, после чего Райделл пошел ночевать к этой девице из Ки-Уэста, что само по себе было событием не меньшим – он впервые уснул рядом с женщиной.

А теперь он в Лос-Анджелесе, крутит баранку «Лихого Гусара», покрытого двадцатью слоями лака, да еще с ручной шлифовкой. «Гусаром» назывался бронированный лендровер, способный выдать сто сорок миль в час – если, конечно же, ты найдешь прямой, свободный от машин участок шоссе и успеешь разогнаться. Эрнандес, старший по смене, любил говорить, что англичане органически не способны сделать что-либо крупнее и сложнее шляпы, сделать так, чтобы оно не отказало в самую нужную минуту. Еще он говорил, что «Интенсекьюр» должен был купить израильские машины или хотя бы бразильские и вообще – на хрена это Ральф Лорен полез изобретать танк, без него, что ли, не обошлись бы?[4]

Райделл не имел своего мнения на этот счет, но вот с краской ребята явно перестарались. Возможно, они хотели, чтобы «Гусар» был похож на большие коричневые грузовики фирмы «Юнайтед Парсел», развозящие товары по домам, – и в то же самое время напоминал какой-нибудь элемент интерьера епископальной церкви. Никакой показной роскоши, простенько так и со вкусом.

В автомойке работали по преимуществу монголы, недавние иммигранты, не успевшие еще подыскать себе место получше. Они без умолку пели свои бредовые гортанные песни, Райделлу эти песни нравились. Он все время пытался понять, как же это можно выделывать горлом такие штуки – малость похоже на кваканье древесных лягушек, только лягушки квакают однотонно, а тут вроде как два совершенно независимых звука.

Теперь работяги надраивали ряды хромированных шишек, опоясывающие машину. К этим шишкам крепилась, если надо, электрифицированная сетка, а хромировали их так, для красоты. В нормальной обстановке электричество ни к чему, а вот для разгона беснующейся толпы – самое милое дело. В Ноксвилле полицейские машины тоже были электрифицированы, но там ставили вдобавок систему увлажнения – мокрая сетка бьет гораздо сильнее.

– Распишитесь, – сказал бригадир, тихий чернокожий парень по фамилии Андерсон. Днем он учился на врача, вечером работал и всегда выглядел сильно невыспавшимся.

Райделл взял блокнот и световой карандаш, расписался на маленьком экранчике. Андерсон протянул ему ключи.

– Ты бы хоть отдохнул когда-нибудь, – посоветовал Райделл. Андерсон тускло улыбнулся. Райделл подошел к «Громиле» и отключил охранную сигнализацию дверцы.

Внутри машины, прямо над ветровым стеклом, кто-то написал: «ГРОМИЛА». Зеленым маркером, большими буквами. Название прижилось – в первую очередь потому, что оно нравилось Саблетту. Уроженец Техаса, Саблетт вырос в трейлерном поселке какой-то бредовой видеосекты. Повзрослев, он смылся на волю. «Моя мамаша, – говорил он, – готова отдать церкви все, вплоть до собственной жопы». Райделл не очень понимал насчет жопы – это так, для красного словца, или в каком-нибудь там смысле?

Саблетт не любил рассказывать про секту, но Райделл уловил главное: эти придурки считали, что Господь Всевышний предпочитает общаться с потомками Адама посредством телевидения, что экран – нечто вроде перманентно функционирующей неопалимой купины.

– Господь, – сказал как-то Саблетт, – Он в деталях. Нужно смотреть очень внимательно, и тогда ты Его узришь.

В какой бы там форме ни общались эти психи со своим Богом, ясно было одно: Саблетт наглотался всякой телевизионной хрени по самое это место, в первую очередь – старых фильмов, транслируемых по каналам, которые только тем и занимаются, что их транслируют. Он сообщил Райделлу, что «Громила» – имя танка-робота из какого-то там японского фильма про чудовищ. У Эрнандеса было подозрение, что Саблетт сам и написал это слово над ветровым стеклом. Саблетт яростно отпирался. Эрнандес сказал: «Тогда возьми тряпку и сотри». Саблетт проигнорировал приказ. Надпись так и осталась на месте, но Райделл знал, что такой законопослушный парень, как Саблетт, никак не мог совершить акта вандализма, к тому же чернила из маркера уложили бы его без сознания, а могли б и вовсе убить.

Аллергия. Мельчайшая капелька какого-нибудь растворителя или моющего вещества вызывала у Саблетта аллергический шок, так что он не заходил в автомойку никогда, ни под каким видом. Ко всем прочим радостям, аллергия вызывала у несчастного парня болезненную чувствительность к свету, так что он постоянно носил зеркальные контактные линзы. Черная интенсекьюровская форма, сухие светло-соломенные волосы да плюс еще эти долбаные линзы – Саблетт выглядел самым натуральным фашистом, придурком ку-клукс-клановским. Что могло привести к определенным недоразумениям, особенно в

негритянской лавочке на бульваре Сансет. Особенно если время, скажем, три часа ночи, а тебе вдруг прямо позарез потребовалось купить бутылку кока-колы или там минералки. И все же Райделл искренне радовался, когда расписание сводило его с долговязым техасцем. Саблетт ненавидел насилие, черта характера редчайшая, а у наемного копа так и вовсе невероятная. Сумасшедший? Самое интересное, что даже не сумасшедший. С точки зрения Райделла, и то и другое было вполне определенными плюсами. Ведь в Южной Калифорнии, как любил говорить Эрнандес, очень строго расписано, кто может и кто не может работать парикмахером, а вот полицейских нанимают прямо с улицы, безо всякой, считай, проверки.

Многие теперешние коллеги Райделла пришли в «Интенсекьюр» из полиции, некоторые из них успели даже поработать в ДПЛА, Департаменте полиции Лос-Анджелеса. Судя по строгим, подробно детализированным правилам, запрещавшим выходить на работу с каким-либо оружием, кроме табельного, фирма почти не сомневалась, что только дай этим ребятам волю – и они под завязку нагрузятся всякими противозаконными железками. Двери диспетчерской были снабжены металлодетектором, и совсем не напрасно – стол Эрнандеса буквально ломился от ножей выкидных и ножей засапожных, от нунчаков, кастетов, парализующих пистолетов и прочей хурды-мурды. Ну, прямо, как в школе. После смены полицейские получали свое хозяйство назад, но при выездах по вызову они должны были ограничиваться глоками и чанкерами.

Глоки – древние, двадцатилетней давности, полицейские пистолеты – «Интенсекьюр» закупал у полицейских департаментов, которые могли позволить себе перейти на оружие с безгильзовыми боеприпасами, закупал навалом, чуть ли не целыми грузовиками. Согласно инструкции каждый глок должен был находиться в пластиковой кобуре, кобуру же пришпиливали к центральной консоли машины, на липучке. Выходя по вызову, ты отдирал кобуру с пистолетом от консоли и вешал ее на себя, при помощи все той же липучки. Единственная ситуация, когда ты вооружен и находишься вне машины, – это выход по вызову клиента.

Чанкеры не были настоящим оружием, во всяком случае, с точки зрения закона. Однако десятисекундная очередь из этой штуки могла обглодать чью-нибудь физиономию до костей, особенно – если с близкого расстояния. Пневматические, израильского изготовления устройства для борьбы с толпой, чанкеры стреляли дюймовыми кубиками из твердой резины. Выглядели они как ублюдочный плод насильственного

скрещивания автомата схемы «буллпап» с клепальным пистолетом – хотя какой же идиот станет делать автомат из ярко-желтого пластика? Нажимаешь на спуск, и машинка выдает почти непрерывную струю кубиков. Немного наловчившись, можно стрелять даже из-за угла, была бы только подходящая отражающая поверхность. Длинная очередь в упор способна перепилить лист фанеры, а человеку, словившему одиночный кубик с расстояния в тридцать ярдов, гарантирован приличный синяк. Основополагающая теория заключалась в том, что вооруженные бандиты – большая редкость. Работайте чанкерами, чтобы поменьше калечить клиента и его имущество. Ну а если уж нарвался на вооруженного бандита – у тебя есть глок. О том, что оружие этого бандита почти наверняка имеет плавающий затвор и безгильзовые боеприпасы, теория скромно умалчивала. И еще один факт, забытый теорией: выходя на дело, серьезный бандит почти наверняка примет дозу «плясуна», приобретет нечеловеческую скорость реакции, а заодно превратится в самого настоящего, клинического психа.

В Ноксвилле «плясуна» этого тоже хватало – почему, собственно, Райделл и был отстранен от работы. Он приполз на карачках в квартиру, где механик по имени Кеннет Терви держал в заложниках свою подружку и двоих ее детей. Этот костлявый, белобрысый, месяц не мывшийся парень хотел побеседовать с президентом. На его груди красовалась свеженькая – даже кровь не успела подсохнуть – татуировка, Тайная Вечеря. Райделлу бросилось в глаза, что ни у Иисуса, ни у апостолов нет лиц, только слепые овалы.

– Да мать вашу так, – сказал Терви. – Я всего-то и хочу, что поговорить с президентом.

Он сидел, скрестив ноги, на диване. Совершенно голый. На коленях у него лежала толстая, сплошь обмотанная изоляционной лентой труба.

– Мы пытаемся с ней связаться, – объяснил Райделл. – Ты уж извини за задержку, но только дело это очень сложное, инстанции всякие промежуточные, никак не пробиться.

– Кой хрен, – покачал головой Терви. – Да неужели никто не может понять, что я действую по указаниям Господа?

В голосе его не было никакой злобы, только усталость и отчаяние. Через открытую дверь спальни Райделл увидел девушку. Она лежала на полу ничком, так что лица не было видно. Правая нога неестественно вывернута, сломана что ли? А где же дети?

– Что это у тебя за штука? – спросил Райделл, указывая на

обмотанную скотчем трубу.

– Ружье, – устало объяснил Терви. – Потому-то мне и нужно поговорить с президентом.

– В жизни не видел таких ружей, – признался Райделл. – А чем оно стреляет?

– Консервные банки, залитые бетоном.

– Не брешешь?

– Смотри.

Терви поднес свою пушку к плечу. Теперь Райделл рассмотрел замысловатый затвор, спуск (наверное, спуск), похожий на ручки хирургического зажима, и два гибких шланга. Шланги тянулись к тяжелому – такие возят на тачке – газовому баллону.

Все это время Райделл стоял на коленях. Синтетический ковер, устилавший комнату, насквозь пророс пылью. Ствол идиотского оружия описал широкую дугу, какую-то долю секунды он смотрел Райделлу прямо в лицо. Круглая черная дыра, огромная, дюйма четыре в диаметре. Кулак просунуть можно. Терви взял на мушку дверь стенного шкафа, видневшуюся в глубине спальни.

– Терви. – Собственный голос показался Райделлу чужим. – Терви, а где эти долбаные дети?

Терви потянул спусковую ручку и прошиб в двери стенного шкафа рваную дыру размером с блюдце. В шкафу сидели дети. Они завопили. Наверняка завопили, хотя Райделл этого и не запомнил. Мой подзащитный, говорил позднее адвокат, не только лишился на время слуха, но и пришел в состояние акустически индуцированной каталепсии. Изобретение этого вонючего придурка грохнуло лишь на пару децибел слабее, чем шумопарализующая граната. Короче говоря, Райделл не помнил, как вопили дети, не помнил, как прострелил Кеннету Терви голову, не помнил вообще ничего. Очнулся он в больнице. Рядом с койкой сидела женщина из телевизионного шоу «Копы влипли». Женщина сказала Райделлу, что ничего не может обсуждать с ним, пока не поговорит с его адвокатом. Нет у меня никакого адвоката, сказал Райделл. Знаю, сказала женщина. Нет, так будет, мы уже об этом позаботились, подожди немного, адвокат скоро придет.

«Копы влипли»… Райделл лежал и вспоминал, как любили они с папашей смотреть эту передачу. Особенно папаша: его, бывало, и вообще от телевизора не оторвешь.

– А что, – спросил он через пару минут, – крупно я влип?

– Мало не покажется, – улыбнулась женщина.

Райделл присмотрелся к ней повнимательнее. Симпатичная.

– Как тебя звать?

– Карен Мендельсон.

Столичная штучка, в Ноксвилле таких не встретишь. Да и в Мемфисе – тоже.

– Так ты что, с телевидения? «Копы влипли»?

– Да.

– И чем же ты у них занимаешься?

– Я юрист.

За всю свою жизнь Райделл не видел еще ни одного юриста – зато теперь ему предстояло встречаться с ними чуть не каждый день.

Райделл вставил ключ, набрал на клавиатуре пароль, прогнал через систему тестовую программу, и серые прямоугольники дисплеев ожили. Ему очень нравились камеры, установленные под задним бампером «Громилы»: это ж какое удобство при парковке, когда подаешь машину задом и точно видишь – куда.

Связь со «Звездой Смерти» пока что отсутствовала, слишком уж много металла в стенах и перекрытиях автомойки. Ничего, у Саблетта в ухе капсульный приемник, вот пусть и слушает, все равно ему делать нечего.

«Звезда Смерти» – только так и называли этот спутник, хотя в диспетчерской «Интенсекьюра» и висела бумажка, призывавшая сотрудников компании воздерживаться от употребления нехорошей клички. Да что там наемные копы, если и в ДПЛА тоже иначе не говорили. Ну а официально это «Геостационарный спутник южнокалифорнийских органов охраны правопорядка», язык сломать можно.

Райделл дал задний ход, внимательно глядя на экраны боковых камер. Керамические двигатели «Громилы» не успели еще износиться и работали довольно тихо, сквозь их мирное урчание доносился шелест покрышек по мокрому бетону.

Саблетт ждал снаружи, на парковочной площадке; по серебряным бельмам его глаз ползли рубиновые мошки – отражения хвостовых фонарей. Солнце уходило за горизонт; судя по расцветке закатного неба, коктейль атмосферных загрязнений был сегодня даже крепче обычного. Техасец торопливо отскочил от приближающейся машины – одна-единственная крошечная брызга из-под колес гарантировала ему веселую жизнь. Райделл тоже старался разворачиваться поаккуратнее, а то свалится этот красавец с аллергическим шоком и тащи его тогда в «Кедры», большая радость.

Ну вот, а теперь это чудо морское натягивает одноразовые хирургические перчатки. Райделл терпеливо ждал.

– Привет, – сказал Саблетт, забираясь на сиденье. Он захлопнул дверцу и начал осторожно снимать перчатки, чтобы тут же кинуть их в застегивающийся пластиковый мешочек.

– Смотри, на себя не капни, – ухмыльнулся Райделл, наблюдая за этим священнодействием.

– Смейся, смейся, – беззлобно откликнулся Саблетт. Он вытащил пакет антиаллергической жевательной резинки, закинул пластинку в рот. – Ну и как там старик «Громила»?

Райделл окинул взглядом дисплей.

– Ничего, на здоровье не жалуется.

– Надеюсь, у нас не будет сегодня этих долбучих стелсов, – заметил, не переставая жевать, Саблетт.

Стелсы, дома-невидимки, занимали в его личном каталоге неприятных вызовов чуть не самое первое место. Воздух там, видите ли, токсичный. Райделл в это не верил, но давно перестал спорить. Скучно и бесполезно. Стелсы, говорил он когда-то, больше обычных домов, больше и дороже. И уж как-нибудь хозяин такой халупы позаботится о чистоте воздуха, не станет экономить по мелочам. Саблетт упрямо возражал, что в стелсах живут исключительно психи, построить себе такой дом – это все равно, что громко заявить: «У меня мания преследования». И психи эти затыкают в своих жилищах каждую дырку, так что воздух не может циркулировать, в нем накапливается всякая отрава.

В Ноксвилле стелсов не было, а если даже и были, то Райделл о них ничего не слыхал. Он и сейчас считал, что это чисто лос-анджелесские закидоны. Саблетт работал на «Интенсекьюр» уже два года, по преимуществу – в Венисе, на дневном патрулировании, он-то и рассказал своему напарнику о домах-невидимках. А потом Райделл попал в стеле по вызову и почти не поверил своим глазам. Снаружи, на поверхности, виднелось нечто похожее на фабрику химчистки, сильно пострадавшую при бомбежке, – ну не то чтобы совсем было похоже, но что-то вроде. А под этой убогостью – шахта, уходившая вглубь и вглубь, а совсем внизу – комнаты, а уж в комнатах чего только не было. Бревенчатые стены, белая штукатурка, турецкие ковры, большие – огромные – картины, изразцовые полы, мебель, какую нигде и не увидишь. А вызов был странный и не очень приятный, семейное насилие – так, во всяком случае, показалось Райделлу. Ну, вроде как, муж шарахнул жену, жена шарахнула по кнопке, а потом они опомнились и решили сделать вид, что ничего такого не было, случайная накладка, вот и все. Только никакая это была не накладка, не сама же кнопка нажалась. И случайно нажать ее тоже не могли – ровно через три и восемь десятых секунды был проверочный звонок, подняли бы трубку, сказали бы: «Мы это

нечаянно», назвали бы пароль – и дело с концом, а тут ведь никто и не подошел. Скорее всего, жена перебила все телефоны, а потом уже нажала на кнопку. В тот раз напарником Райделла был «Большой Джордж» Кечакмадзе, и грузину (грузины живут где-то там, на Кавказе, и столица у них называется Тбилиси) эта история тоже не понравилась. «Ни хрена не поделаешь, – сказал потом Большой Джордж. – Эти люди – подписчики, так что убедился, что ни трупов, ни крови нет, и мотай на все четыре стороны, да поскорее». Но Райделл долго еще вспоминал напряжение, стоявшее в глазах женщины, и как она сжимала воротник роскошного белого халата – горло прикрывала, что ли? Ее муж был в таком же халате и в дорогих очках, а из-под халата высовывались толстые волосатые ноги. Что-то там было не так, сильно не так, но что именно – этого Райделл так и не узнает. И он совершенно не понимал, как строится жизнь таких людей, жизнь, очень похожая на то, что показывают по телевизору, и в то же самое время – совсем другая.

Вот чуть присмотришься и видишь, что Лос-Анджелес полон тайн, и нет этим тайнам конца.

И все же ему нравилось кататься по этому городу. И не обязательно, чтобы спешить в какое-то определенное место, а просто так, колесить по улицам на «Громиле», вот как сейчас. Он свернул на Ла Сьенту; крошечный зеленый курсор на экране сделал то же самое.

– «Запретная зона», – сказал Саблетт. – Херв Виллечез, Сюзан Тирелл, Мари Паскаль Эльфман, Вива.

– Вива? – переспросил Райделл. – Вива что?[5]

– Просто Вива. Актриса.

– А когда это его сняли?

– Тысяча девятьсот восьмидесятый.

– Меня еще и на свете не было.

– На телевидении, Райделл, всегда одно и то же время.

– А мне-то казалось, что ты стараешься бороться со всей этой хренью, которую в тебя с детства вдалбливали. – Райделл выключил зеркальный фильтр бокового окошка, чтобы полюбоваться рыжей девицей, проезжавшей мимо в розовом открытом «дайхацу спикере». – Как бы там ни было, я этого фильма не смотрел.

По не совсем ясной причине на закате лос-анджелесские автомобилистки выглядели невероятно красивыми. А главный врач США все пытается запретить машины с открывающимся верхом, говорит, что они увеличивают заболеваемость раком кожи.

– «Эндшпиль». Эл Кливер, Мойра Чен, Джордж Истмен,

Гордон Митчелл, тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

– Тогда мне было уже два года, – откликнулся, не отрывая глаз от дороги, Райделл, – но этого фильма я тоже не видел.

Саблетт погрузился в унылое молчание. Райделл искренне ему сочувствовал: вот не знает парень другого способа завязать разговор и все тут, а был бы он среди тех, своих, в трейлерном лагере, так они и эти фильмы смотрели по десять раз, и миллион других.

– А я вот тоже вчера смотрел один старый фильм, – сказал Райделл, чувствуя, что теперь его черед поддерживать светскую беседу.

– Да? – заинтересованно вскинулся Саблетт. – И какой?

– Не знаю, – покачал головой Райделл. – Там этот парень, он в Лос-Анджелесе, и он только что познакомился с этой девушкой. А потом он слышит, что таксофон звонит и звонит, и берет трубку. А время уже позднее, совсем ночь. И вот этот другой парень, он сидит где-то в ракетной шахте, и он знает, что мы только что запустили в них свои ракеты – в них, в русских то есть. И он пытается дозвониться до своего папаши, или брата, или хоть до кого. И он говорит, что миру приходит конец, и времени почти не осталось. А потом парень – ну тот, который трубку взял, – слышит, как вбегают солдаты, и они тут же парня этого пристрелили. Это, значит, того парня, который дозванивался.

Саблетт прикрыл глаза, просматривая свои внутренние банки данных.

– Да? И чем же все кончилось?

– Не знаю, – признался Райделл. – Потом я уснул.

– А кто там снимался? – поднял голову Саблетт.

– Спроси чего полегче.

Серебряные глаза Саблетта изумленно расширились.

– Господи, Берри, да ты просто не имеешь права смотреть телевизор. Если уж смотришь, то смотри внимательно.

В тот раз, пристрелив Кеннета Терви, он провалялся в больнице совсем недолго, каких-то два дня. Адвокат Райделла, знаменитый Аарон Персли, устроил шум, что его не должны были выписывать так быстро, что нужно было получше оценить уровень посттравматического шока, но сам Райделл ненавидел больницы, да и вообще он чувствовал себя совсем неплохо, просто не мог вспомнить точно, как там и что там случилось, вот и все. И у него имелась теперь надежная помощница, та самая Карен Мендельсон, а кроме того – Веллингтон Ма, агент, взявший на себя общение с другими людьми из «Влипших копов»; только Карен была очень хорошенькая, одни длинные темно-каштановые

волосы чего стоят, а все эти другие ей и в подметки не годились. Веллингтон Ма, чистокровный китаец, жил в Лос-Анджелесе; его отец состоял в банде «Большой Круг»,[6] это Карен так сказала, а потом сразу прикусила язык и посоветовала Райделлу никогда об этом пикантном обстоятельстве не упоминать.

Визитная карточка Веллингтона Ма представляла собой тончайшую, почти как бритвенное лезвие, прямоугольную пластинку розового кварца с лазерной гравировкой, первая строчка – имя и фамилия, вторая – «Агентство Ма – Мариано», а дальше – адрес по бульвару Беверли и уйма всяких адресов электронной почты и еще каких-то номеров. Серый замшевый конверт с пижонской визиткой доставил Райделлу курьер «Глобал Экспресса» прямо в больницу.

– Это ж порезаться можно, – сказал Райделл.

– Можно, – согласилась Карен Мендельсон. – А если положить ее в бумажник и сесть, она разлетится вдребезги.

– Зачем это все? Какой смысл?

– А такой, чтобы получатель относился к ней бережно, с почтением. Другой тебе никто не даст.

Райделл так и не встретился с Веллингтоном Ма лично – встретился, конечно, но это произошло потом, гораздо позже, – зато Карен приносила иногда маленький чемоданчик с наглазниками на проводке, и тогда можно было связаться с лос-анджелесской конторой, поговорить с великим человеком. Райделл никогда еще не пользовался аппаратами телеприсутствия с таким разрешением, эффект был потрясающий, словно и вправду перенесся в Лос-Анджелес. За окном кабинета виднелась темно-синяя сильно скособоченная пирамида. Он спросил у Ма, что это такое, и Ма сказал: старый конструкторский центр, только теперь это молл, торгующий с уценкой, вот приедет Райделл в Лос-Анджелес – а это будет совсем скоро, – пусть туда забежит.

Подружка Кеннета Терви, Дженни-Рей Клайн, возбудила целую кучу отдельных хитроумно переплетенных исков против Райделла, против департамента полиции, против города Ноксвилль и даже против сингапурской компании, владевшей домом, в котором все и случилось. В сумме так миллионов на двадцать.

Короче говоря, Райделл крупно влип, слава еще богу, что у него нашлись такие союзники, как эти, из «Влипших копов», телевизионщики. Для начала они наняли Аарона Персли, а уж кто такой этот Аарон Персли, Райделл знал прекрасно, не зря же они с отцом смотрели чуть не каждую передачу. У адвоката была

благородная седая шевелюра, ярко-голубые глаза и тонкий, хоть коли им лучину, нос. Обычная его одежда состояла из джинсов, ковбойских сапог и ковбойской же, египетского хлопка рубашки с галстуком-шнурком, украшенным серебряными индейскими бусинами. Персли был весьма знаменит и часто защищал копов вроде Райделла от личностей вроде Кеннетовой подружки и ее адвоката.

Адвокат этой самой Дженни-Рей Клайн, не моргнув глазом, утверждал, что Райделлу вообще нечего было делать в ее квартире, что, незаконно проникнув в жилище его клиентки, преступный полицейский зверски умертвил Кеннета Терви, а заодно поставил невинную женщину и ее малолетних детей в смертельно опасное положение. Мистер Терви описывался в исках как квалифицированный механик, усердный труженик, любящий приемный отец маленьких Рембо и Келли, истовый христианин, вернувшийся к вере после искуса сомнений, человек, сумевший избавиться от пагубного пристрастия к тетратиобускалину, а также единственный кормилец семьи.

– Сумевший избавиться? – переспросил Райделл.

Готовясь к отъезду, он переселился в один из служебных номеров аэропорта, сюда-то Карен Мендельсон и принесла полученный от адвоката Кеннетовой подружки факс.

– Как выясняется, – пожала плечами Карен, – в тот самый день он участвовал в собрании.

– И что же он там делал? – прищурился Райделл, живо припомнивший кровавую, со слепыми лицами Тайную Вечерю.

– Согласно нашим источникам, он открыто, у всех на виду, занюхал целую столовую ложку своего излюбленного препарата, после чего силой занял кафедру и разразился тридцатиминутной речью о колготках президента Миллбэнк, а также о предполагаемом состоянии ее половых органов. Затем он заголился, некоторое время мастурбировал, однако эякуляции не достиг, с чем и покинул зал собраний Первой баптистской церкви.

– Господи Иисусе, – поразился Райделл. – Так это что же, происходило на одном из собраний бывших наркоманов – ну, которые вроде «Анонимных алкоголиков»?

– Именно так, – кивнула Карен. – И, насколько я понимаю, выступление Терви стало побудительным толчком для целой серии крайне прискорбных рецидивов. Мы высылаем сюда бригаду юристов, пусть побеседуют с участниками этого собрания.

– Хорошая мысль, – согласился Райделл.

– Собранный ими материал очень пригодится мистеру

Персли – в том, конечно же, маловероятном случае, если дело это дойдет до суда.

– Хорошенькое «сумел избавиться», – продолжал кипеть Райделл. – Да он уторчавшийся был, как не знаю что. Занюхать столовую ложку этой дури – это ж вообще сумасшедший дом.

– Так-то оно так, – пожала плечами Карен, – только тут есть еще одно обстоятельство. Терви принадлежал к Дожившим Сатанистам, и уже прошел слушок, что они заинтересовались этим делом. Исходя из чего, мистер Персли и мистер Ма пришли к выводу, что нам, Берри, нужно линять отсюда и поскорее. Нам – тебе и мне.

– А как же судебные иски?

– Ты всего лишь временно отстранен от работы. Тебе не предъявлено никаких обвинений, а адвоката твоего звать Аарон – с двумя «а» – Персли. Ты уезжаешь отсюда, Берри.

– В Эл-Эй?

– Видишь, какой ты догадливый.

Райделл задумался о Лос-Анджелесе – Лос-Анджелесе, каким его показывали по телевизору.

– А он мне понравится?

– Вначале, – улыбнулась Карен. – Вначале ты понравишься ему. Я сужу по тому, что мне ты понравился.

Так вот и вышло, что Райделл оказался в одной постели с юристкой – юристкой, верткой, как угорь, и не стеснявшейся никаких самых непристойных слов, юристкой, от чьего запаха кружилась голова, чье белье было изготовлено в Милане, это такой город в Италии.

– «Смертельная доза». Сиринда Бурдетт, Гудрун Уивер, Дин Митчелл, Синобу Сакамаки. Тысяча девятьсот девяносто седьмой.

Райделл допил последние капли охлажденного декофеинизированного кофе со сливками, взглянул на грязновато-молочные кубики льда, болтавшиеся на дне пластиковой чашечки термоса, и помотал головой.

– В жизни о таком не слышал.

– А вот мама видела Сиринду Бурдетт живьем. В Уэйко, в молле каком-то. Даже автограф взяла. На самое почетное место положила на телевизоре, вместе с молельными платочками и голограммой преподобного Уэйна Фаллона. У нее же для каждой хрени свой молельный платочек. Один для арендной платы, другой от СПИДа, третий от туберкулеза…

– Правда? И что же она с ними делает?

– Да просто держит их на телевизоре, – объяснил Саблетт.

Немного подумав, он достал хрустально-прозрачную бутылку

и вытряхнул в рот последние капли четырехкратно дистиллированной воды. До единственного на Сансете магазина, торговавшего столь экзотическим напитком, было довольно далеко, однако Райделла это ничуть не волновало. Ну, сделаем лишний крюк, чего тут такого страшного? И парковочная площадка там удобная, прямо за углом, и кофейный бар совсем рядом, можно будет термос наполнить. Отличный, кстати, мужик этот, который за парковочной площадкой следит, – всегда вроде как радуется, когда нас видит.

– Молельным платочком от СПИДа не убережешься, – сказал Райделл. – Сделал бы ты лучше прививку, как все нормальные люди. И мамаше бы своей посоветовал.

За прозрачным (после той рыжей Райделл так и не включил зеркальный фильтр) стеклом виднелся уличный алтарь Джей-Ди Шейпли, пристроенный к полуобвалившейся бетонной стене – жалкому остатку вполне, вероятно, приличного дома. В западном Голливуде такое не редкость. На стене красовались трехфутовые буквы, намалеванные ядовито-розовой аэрозольной краской: «ШЕЙПЛИ В РОТ ДОЛБАНЫЙ ПИДОР» – и большое, тоже ярко-розовое, сердце. Прямо под надписью стена была облеплена открытками с портретом Шейпли и фотографиями людей, обреченных когда-то на смерть. Таких людей миллионы и миллионы. Еще ниже, на тротуаре, валялись увядшие цветы, огарки свечей и прочая дребедень. Странное все-таки, подумал Райделл, у этого парня лицо, страшновато даже, прямо мурашки по коже. Нечто среднее между Элвисом и каким-нибудь католическим святым – костлявое, почти бесплотное, и глаза как блюдца.

– А то, – повернулся он к Саблетту, – что ты до сих пор не вакцинировался, так это все твоя деревенская тупость, упрямство ослиное.

– Да это же, – виновато забубнил Саблетт, – даже хуже живой вакцины, там же одного вируса вышибают другим, и он в тебе остается…

– Ну да, – кивнул Райделл, – а что тут такого? Он же ничего тебе не сделает. А того, старого, СПИДа в мире еще ой-ё-ёй сколько. Будь моя воля, я бы заставлял делать прививки.

Саблетт зябко поежился.

– Преподобный Фаллон всегда говорил…

– А в рот я твоего преподобного, и в ухо, – разозлился Райделл. – Этот ублюдок попросту зашибает деньги, втюхивая молельные платочки людям вроде твоей мамочки. Да что я тебе объясняю, ты же и сам прекрасно понимаешь, что все это хрень собачья, иначе сидел бы ты сейчас не здесь, а в своем трейлерном

лагере, сидел бы и молился на телевизор.

Он шарахнул по кнопке зажигания, затем врубил скорость и бросил «Громилу» в поток машин. Удобно все-таки ездить на «Лихом Гусаре» – прочие водители всегда пропускают тебя, дают вклиниться в ряд.

Уныло свешенная голова, сутулая спина и высокие плечи делали Саблетта удивительно похожим… на кого? На орла, наверное, только на орла обеспокоенного, затюканного какими-то своими орлиными невзгодами.

– Не так это все просто, – вздохнул он. – Ведь это вера, в которой меня воспитывали, которая сделала меня таким, как я есть. Ну не может же все в ней быть хренью собачьей, вот ты сам подумай, ведь не может?

Райделл искоса взглянул на Саблетта и сжалился.

– Нет, – согласился он, – конечно, не может. Я и не говорю, что все в ней хрень, просто…

– Слушай, Берри, а тебя-то в какой вере воспитывали?

Райделл надолго задумался.

– В республиканской.

В жизнь Райделла вошло много нового, вроде кредитной карточки Южнокалифорнийского отделения мексикано-американского банка, выданной ему «Влипшими копами», или возможности летать не туристским, а бизнес-классом, но лучшей изо всех этих приятных новинок была, пожалуй, Карен Мендельсон.

В тот первый раз, в служебном номере ноксвиллского аэропорта, он не имел при себе ничего предохранительного и пытался показать Карен свои справки о прививках (без справок этих департамент полиции не выписывал страховой полис). Карен только расхохоталась и сказала, что обо всем позаботится немецкая нанотехника. Потом она показала Райделлу нечто вроде портативной скороварки, и там, под прозрачной крышкой, лежала эта штука. Райделл слышал про такие, но никогда прежде их не видел; еще он слышал, что они стоят жутко дорого, ну, примерно, как среднего класса автомобиль. А хранить их нужно при температуре человеческого тела. Обязательно – это он прочитал в какой-то газете или журнале.

Белесая такая штука, вроде небольшой медузы и вроде как шевелится, а может, и нет. Райделл спросил: а правда, что они живые? Карен улыбнулась и сказала, что не то чтобы совсем, но почти, а в основном это шарики Баки и субклеточная автоматика. И что он совсем не почувствует, что эта штука там, и что она ни в коем случае не станет вставлять ее здесь, у него на глазах.

Карен ушла в ванную и вернулась в этой самой рубашке, миланской, но тогда он еще не знал, что рубашка миланская, это она позже сказала. Ну и правда, он совсем не чувствовал эту штуку и никогда не догадался бы, что она там, но он все равно про нее знал, но очень скоро забыл. Почти забыл.

На другое утро они наняли маленький конвертиплан до Мемфиса, а там пересели на «эр-магеллановский» лайнер, направлявшийся в LAX.[7] Бизнес-класс отличался в первую очередь изобилием примочек, смонтированных в спинке сиденья, которое перед тобой; Райделл сразу же увлекся аппаратом телеприсутствия, который можно было подключить к управляемым камерам на обшивке самолета. Карен такими глупостями не занималась, она очень не любила пользоваться крошечным, карманным виртуфаксом, а потому с облегчением вызвала на откидной дисплей свою лос-анджелесскую контору и начала просматривать свежепоступившую почту. Затем она говорила по телефону, рассылала какие-то факсы, работала ловко и сосредоточенно, не обращая внимания на восхищенные охи и ахи крутого ноксвиллского копа, увлекшегося новой игрушкой.

Нет, что ни говори, а на самолетах местной линии, которыми Райделл летал иногда во Флориду, к отцу, все выглядело гораздо скромнее, здесь же и сиденья просторнее, и кормежка лучше, и за выпивку денег не берут. Райделл и сам не заметил, как высосал три или четыре фужера, а потом задремал и очнулся уже где-то над Аризоной.

Аэропорт поразил его странным, незнакомым запахом, да и свет здесь был какой-то не такой. Райделл знал, что в Калифорнии большая плотность населения, и все же никак не ожидал такой толчеи и гомона. Представитель «Влипших копов» держал над головой мятую картонку с надписью «Мендельсон», криво накарябанной красным маркером, и растерянно озирался. Буква «S» была написана задом наперед. Райделл улыбнулся, представился и пожал парню руку. Тот, похоже, очень обрадовался и сказал, что его звать Сергей. Карен спросила: а где же твоя долбаная машина? – и тогда Сергей густо покраснел и сказал: подождите минутку, сейчас я ее подгоню. Нет уж, сказала Карен, большое спасибо, мы уж лучше сами дойдем до стоянки, вот только вещи с самолета выдадут. Ты что же, думаешь, я вот так вот и буду торчать в этом обезьяннике, и чтобы меня каждую секунду толкали, и шум тут такой, что оглохнуть можно. Сергей покорно кивнул, он все пытался сложить свою картонку и засунуть в карман, но картонка была очень большая и никак не помещалась. И чего это, удивлялся Райделл, Карен на него так окрысилась? Устала, наверное, после полета, а то с чего бы? Он

подмигнул Сергею, надо же подбодрить парня, но тот, похоже, ничуть не успокоился, а стал, наоборот, еще больше нервничать.

У Карен были две черные кожаные сумки, а у Райделла – мягкий синий «самсонит», купленный по новой кредитной карточке. Они с Сергеем потащили багаж сперва к выходу из аэропорта, а затем через большую круглую площадь, опоясанную кольцевой дорогой. Наружный воздух ничем не отличался от того, что внутри аэропорта, вот только жарко было тут как в пекле. Динамики непрерывно орали, что площадки, выкрашенные в белый цвет, предназначены исключительно для погрузки и разгрузки. На площади был форменный сумасшедший дом – сотни людей, груды багажа, детский рев, автомобили всех на свете марок, слава еще богу, что Сергей точно знал, куда нужно идти – к гаражу на противоположной стороне.

Машина у Сергея была немецкая, черная и длинная, и выглядела она так, словно всю ее минуту назад протерли носовым платочком. Давайте, предложил Райделл, я сяду впереди, вроде как охранником, и тогда Сергей снова задергался и засунул его на заднее сиденье, к Карен. Глядя на эту сцену, Карен засмеялась, и Райделл почувствовал себя немного лучше.

Когда машина выезжала из гаража на площадь, Райделл заметил под огромной, составленной из отдельных стальных букв вывеской «МЕТРО» двух копов. Здоровенные мужики в сферических, с прозрачными пластиковыми визорами шлемах-кондиционерах. Они лениво лупили дубинками какого-то старика. Лупили как простыми палками, не включая разрядников, а потому старик, одетый в грязные, продранные на коленях джинсы, реагировал довольно вяло. На обеих скулах дочерна загорелого – даже и не поймешь, белый он или какой еще, – лица ярко выделялись большие нашлепки из лейкопластыря, верный признак рака кожи. Людской поток, стремившийся ко входу в метро, раздваивался, равнодушно обтекал старика и копов, снова смыкался.

– Добро пожаловать в Лос-Анджелес, – провозгласила Карен. – Цени, что едешь на машине, а не подземкой.

Ужинали они в обществе самого Аарона Персли, в Голливуде, как объяснила Карен, а точнее – на Норт-Флорес-стрит. Ресторан был техасско-мексиканский, и кормили там просто здорово, все блюда вроде бы и знакомые, но как-то особенно вкусно приготовленные. Месяц спустя у Саблетта был день рождения, и Райделл повел его в этот же самый ресторан – пусть парень поест родной, как у себя дома, пищи, может, и взбодрится немного. Однако ничего не вышло.

– Все столики заняты, – сказал швейцар.

Райделл взглянул в окно и увидел, что ресторан почти пуст – потому, наверное, что время было совсем раннее.

– А как же эти? – спросил он, указывая на свободные столики.

– Заказаны, – отрезал швейцар.

– Пошли, – сказал Саблетт. – Да и вообще зря мы сюда сунулись, тут же все будет переперченное, а у меня изжога.

А лучше всего было объезжать на «Громиле» горы и каньоны, особенно если лунной ночью.

Там иногда видишь такие вещи, что даже и не понять, видел ли ты их или нет. Один раз – тогда было как раз полнолуние – Райделл вел «Громилу» по ущелью и вдруг за поворотом увидел обнаженную женщину; она застыла в лучах фар, ну точно как олень, выбежавший из леса на просеку, – дрожит, а с места сдвинуться не может. Словно примерзла. Так вот она и стояла добрую секунду, достаточно долго, чтобы Райделл увидел – а может, ему это просто почудилось, – что у нее на голове то ли серебряные рога, то ли какая-то такая шляпа в виде полумесяца концами вверх, и она вроде бы японка. И вот это-то – что японка – поразило его больше всего. Затем она увидела Райделла – то есть это он отчетливо увидел, что она его видит, – и улыбнулась. И тут же пропала.

Саблетт же впал в священный ужас и разразился неудержимым, как понос, потоком слов. Он извел недельный запас своей антиаллергийной жвачки и все говорил и говорил; фильмы ужасов – все, наверное, какие он видел в жизни, – дико мешались с бредовыми россказнями преподобного Фаллона о ведьмах и колдуньях, о дьяволопоклонниках и могуществе Князя Тьмы, и так оно продолжалось, пока Райделл не озлился вконец и не сказал своему экстатическому компаньону: «Заткни хлебало».

Теперь, когда женщина исчезла, ему хотелось не слушать всякую хренотень, а спокойно подумать. Подумать о том, как она выглядела, что она тут делала, да и о том, кстати, каким это образом она исчезла. Не обращая внимания на Саблетта, уныло поникшего на соседнем сиденье, Райделл пытался вспомнить, как же это было: вот она здесь, на шоссе, а потом вдруг ее нет. Забавно, он же вроде и помнил все, помнил отчетливо, но только в двух разных вариантах одновременно, тоже заморочка, но совсем иная, чем с Кеннетом Терви, – вот тут в голове не осталось ровно ничего: ни как стрелял, ни что потом, хотя за последующие дни он столько наслушался, как эту историю пережевывают сценаристы и адвокаты, что иногда начинало казаться, что он все-таки видел ее – в версии «Влипших копов» (которая так и не пошла в эфир). Так вот, Райделл помнил, что женщина вроде как

спустилась вниз по склону налево, хотя бежала она при этом или парила в воздухе – этого он сказать не мог. А еще он помнил, как она прыгнула – плохое слово, слабое, тут бы надо было выразиться как-то по-другому, но только как? – прыгнула вверх по склону, примыкавшему к дороге справа, каким-то образом перебежала через посеребренные луной деревья, взметнулась вверх на сорок футов с такой же легкостью, как, скажем, на пять, а затем невозможным образом исчезла, растворилась в воздухе.

И разве бывают у японок такие вот длинные волнистые волосы? А курчавый, еле различимый в тени кустик – он действительно был подбрит в форме восклицательного знака?

Кончилось все тем, что Райделл завернул в Уилшир, в круглосуточную русскую аптеку, и купил Саблетту в утешение четыре пакета его хитрой жвачки – и страшно поразился, как дорого стоит эта отрава.

Насмотрелся он в каньонах и многого другого, особенно когда выпадала смена от полуночи до шести утра, самая глухая. Чаще всего это были огоньки, совсем маленькие, ничего, вроде, особенного, только горели они в таких местах, где никаких огоньков не могло быть. Иногда попадались огни поярче, висевшие прямо в небе, но мозги Саблетта были настолько засраны этой ихней, из телевизионного лагеря, хренью про пришельцев и блюдца, что Райделл прямо боялся указать техасскому красавчику на эти огни – и никогда не указывал.

Патрулируя каньоны, он часто думал об этой женщине. Он понимал, что не знает, кто она такая или что такое, и никогда не узнает, но это его совсем не волновало; странно сказать, но ему было наплевать даже, человек она или кет. И ему ни разу не пришло в голову, что она какая-нибудь там плохая – просто другая, не такая, как мы, вот и все.

А сегодня, в последнюю ночь своей работы на «Интенсекьюр», Райделл попросту крутил баранку и трепался с Саблеттом. Луны не было, зато на поразительно ясном небе сверкали яркие, как лампочки, звезды. Еще пять минут пути, затем первая за смену проверка дома клиентов и – назад, в Беверли-Хиллз.

Трепались они об этой сети японских гимнастических залов, чья реклама висела на каждом углу, о «Боди Хаммере». «Боди Хаммер» не шибко-то упирал на традиционные физические упражнения, скорее уж, если можно так выразиться, наоборот – там делали деньги на подростках, желающих получить инъекцию бразильской зародышевой ткани, чтобы укрепить свои скелеты «стойким, надежным материалом», так это называлось в рекламе.

Саблетт сказал, что это – дело рук Сатаны.

Райделл сказал, что это – франчайзинговая операция с

головной фирмой в Токио.

– Тяжкое убийство нескольких лиц, – сказал «Громила». – Захват заложников, среди которых могут оказаться и малолетние дети клиента. Бенедикт-Каньон. «Интенсекьюр» санкционирует неограниченное, повторяю: неограниченное применение силы.

Приборная доска полыхнула россыпью разноцветных огней, не хуже древнего игрального автомата.

В результате Райделл так и не успел толком привыкнуть ни к Карен Мендельсон, ни к сиденьям бизнес-класса, ни ко всей остальной роскоши.

Карен жила на хренадцатом этаже Сенчури-Сити-П, то бишь Пузыря, третьего по росту здания во всем лос-анджелесском бассейне; по виду Пузырь очень смахивал на сиську, только сиську зеленоватую и полупрозрачную, каких в природе не бывает (и слава богу, что не бывает). Иногда, при нужном освещении, эта штука просматривалась почти насквозь, тогда можно было различить три подпорки, на которых она держалась; подпорки настолько огромные, что в каждую из них свободно влез бы обычный небоскреб. В этой-то треноге и располагались лифты, двигались они, естественно, под углом – к чему Райделл тоже так и не успел привыкнуть.

Сиська имела бронзовый, вроде как покрытый патиной сосок, в котором поместилась бы пара футбольных стадионов; именно здесь и располагалась квартира Карен – вместе с сотнями других, а также теннисным клубом, барами, ресторанами и небольшим моллом, куда пускали за покупками только тех, кто заплатил вступительный взнос и получил билет, а жилье в этом соске было страшно дорогое – и жизнь тоже. Квартира Карен находилась на самом краю, а потому имела огромные, чуть искривленные окна, посаженные в зеленую – та самая патина – стену.

Все здесь было различных оттенков белого, кроме одежды – Карен носила исключительно черное – и чемоданов, тоже черных. А длинные махровые халаты – дома Карен ходила только в них – были цвета вроде как засохшей овсянки.

Карен сказала, что этот стиль называется «агрессивное ретро семидесятых» и что он начинает ее малость утомлять. Райделл подумал, что и не мудрено, но говорить ничего не стал, здраво размыслив, что получится не очень вежливо.

Телевидение сняло ему комнату в Западном Голливуде, в отеле, более-менее похожем по виду на нормальный дом, но только Райделл почти туда не заглядывал, жил все время у Карен – пока в Огайо не появился Медведь-Шатун.

Уже начальный эпизод, когда были обнаружены тридцать

пять жертв Медведя-Шатуна, почти оборвал карьеру Райделла на непыльном поприще влипшего копа. В довершение всех прочих несчастий первыми на место преступления прибыли сержант Чайна Вальдес и капрал Норма Пирс, самые хорошенькие девушки во всем цинциннатском департаменте полиции («Взглянешь на такую, и прямо как серпом по яйцам», – сказал один из телерепортеров, но никто вокруг даже не улыбнулся; обстоятельства придавали этой шуточке нехорошее, даже зловещее звучание). Счет возрастал с немыслимой быстротой; вскоре Медведь-Шатун далеко опередил самых знаменитых маньяков прошлого. Затем стало известно, что все его жертвы – дети. Затем сержант Вальдес, не совсем еще оправившаяся от посттравматического шока, зашла в некое сомнительное питейное заведение и прострелила обе коленные чашечки известному педофилу – на удивление тошнотворному типу по кличке Мармелад, никаким боком не причастному к убийствам.

В результате роскошный, без единой металлической детали самолетик уносил Аарона Персли в Цинциннати, Карен нацепила очки и обсуждала ситуацию чуть не с десятком собеседников одновременно, а Райделл сидел на краешке огромной снежно-белой кровати, начиная проникаться идеей, что что-то такое вроде бы изменилось.

– У них есть подозреваемые? – спросил Райделл.

Карен окинула его недоуменным взглядом, словно незнакомый предмет, неведомо как оказавшийся в комнате.

– Подозреваемые? Да они уже сознались.

Райделл поразился, какой старой выглядела она в этот момент. А правда, подумал он, сколько же ей лет? Карен встала и вышла из комнаты.

Вернулась она минут через пять, уже одетая в безупречный черный костюм.

– Собирайся. Ты не можешь здесь больше оставаться.

И ушла. Ушла без поцелуя, без «до свидания», без ничего, ушла – и все.

Райделл встал, включил телевизор и увидел Медведя-Шатуна, только это оказался не один человек, а трое. Выглядели они так, что и не подумаешь, – серенькие, безобидные, почти симпатичные парни, одним словом – именно так, как и выглядят всегда по телевидению гниды, способные на любые, самые тошнотворные мерзости.

Так вот он и сидел на кровати Карен, в одном из ее махровых халатов, когда на пороге комнаты появились – появились безо всякого там стука или «разрешите войти» – два рентакопа. У них была черная униформа и такие же высокие черные ботинки, в

каких совсем еще недавно Райделл патрулировал улицы Ноксвилля, – ну те самые, с дополнительной кевларовой стелькой, на случай если кто-нибудь изловчится выстрелить тебе в пятку.

Один из рентакопов грыз яблоко. Второй помахивал электрошоковой дубинкой.

– Слышь, друг, – сказал первый, – нам приказано выпроводить тебя отсюда.

Рот его был полон недожеванного яблока, и слова звучали не очень разборчиво.

– У меня тоже были такие ботинки, – сообщил Райделл. – Изготовлены в Портленде, Орегон. Двести девяносто девять долларов в мелкооптовом магазине, а в обычном еще дороже.

– Ясненько, – ухмыльнулся второй, который с дубинкой. – Так ты шмотки свои будешь собирать или как?

«Черного и белого не выбирайте» – вспомнилась Райделлу детская игра; он собрал по комнате все предметы, кроме черных и белых, а также серых, цвета засохшей овсянки, и побросал их в синий «самсонит».

Рентакоп с дубинкой наблюдал за его действиями, а второй, с яблоком, слонялся по комнате и дожевывал яблоко.

– На кого, ребята, работаете? – поинтересовался Райделл.

– «Интенсекьюр», – сказал тот, что с дубинкой.

– Хорошая шарага? – спросил Райделл, застегивая сумку.

Дубиноносец пожал плечами.

– Сингапурская, – сообщил второй, заворачивая огрызок яблока в мятую бумажную салфетку, выуженную из кармана брюк. – На нас все большие здания, все общины, установившие себе заборы и охранные системы, ну, в общем, ты понимаешь.

Он аккуратно засунул огрызок в нагрудный карман черной, безукоризненно выглаженной форменной рубашки, в тот самый карман, на котором красовалась бронзовая бляха.

– Деньги на метро есть? – спросил мистер Дубина.

– Конечно, – откликнулся Райделл, вспомнив про свою кредитную карточку.

– Видишь, какой ты богатый, – ухмыльнулся рентакоп. – Обычно у засранцев, которых мы отсюда выпроваживаем, вообще ни гроша за душой.

Карточку Мексикано-Американского банка Райделлу обнулили на следующий день.

А ведь не прав Эрнандес насчет английских полицейских броневиков, подумал Райделл, врубая впервые в жизни овердрайв на все три оси. Он ожидал услышать визг проскальзывающих

покрышек, однако «Громила» вцепился в мостовую намертво, как пиявка. Трехтонная, с двумя керамическими моторами пиявка.

Саблетт, расхлябанно обвисший на соседнем сиденье, испуганно вскрикнул – автоматически затянувшиеся ремни безопасности вздернули его в вертикальное положение.

Скорость – семьдесят миль в час, впереди – музейной кондиции «бентли». Правый, по обочине, обгон, под колеса «Громилы» летит чахлая, черная от пыли трава. Ужас, застывший в глазах пассажирки «бентли», еще мгновение – и взвыла сирена, вспыхнули мигалки: Саблетт дотянулся, наконец, до большой красной кнопки.

Прямой участок. И ни одной, абсолютно ни одной машины. Райделл вышел на осевую и до упора вдавил педаль газа, вой спаренных «киоцеров» перешел в пронзительный визг. Странное, даже жутковатое поскуливание Саблетта заставило Райделла на секунду подумать, что техасец не выдержал напряжения, сломался, и то ли молится, то ли поет на неком трейлерлагерном языке, неизвестном никому, кроме сдуревших последователей преподобного Фаллона.

Нет, ничего подобного. Скосив глаза направо, он увидел, что Саблетт до предела – и как только зеркальные линзы не свалятся – выпучил глаза на экран, высветивший данные о клиенте, что губы его непрерывно шевелятся, руки же быстро и словно сами по себе заряжают потертый, бог знает сколько хозяев сменивший глок. Длинные белые пальцы двигались ловко и, как бы это сказать, буднично – ну, словно намазывая бутерброд или сворачивая газету.

И вот это действительно вызывало ужас.

– «Звезда Смерти»! – крикнул Райделл.

Саблетт не имел права ни на секунду вынимать из уха капсульный приемник; в экстренной ситуации небесный голос – голос настоящих копов, переданный через спутник, – мгновенно заставит замолчать все прочие передачи.

Техасец вставил обойму и повернулся; на его бледном лице играли отсветы разноцветных огоньков приборной доски.

– Вся прислуга убита, – сказал он. – Эти типы загнали троих детишек в детскую комнату.

Могло показаться, что Саблетт выражает сдержанное неудовольствие чем-то, увиденным по телевизору, – ну, скажем, увечной версией хорошего старого фильма, изготовленной для нужд какого-нибудь там местного национального рынка.

– И они, Берри, говорят, что убьют их.

– Ну а что там думают долбаные копы? – крикнул Райделл. Охваченный бессильной яростью, он колотил по мягкому, в

форме восьмерки рулевому колесу.

Саблетт тронул правое ухо пальцем. Казалось, еще секунда – и он тоже начнет кричать.

– Молчат. – Ровный, на удивление спокойный голос. – Вырубились.

Передний бампер «Громилы» снес чей-то антикварный, сороковых годов прошлого века, придорожный почтовый ящик, купленный, надо думать, на Мелроуз-авеню, за бешеные деньги.

– Да какого хрена вырубились, – чуть поспокойнее сказал Райделл. – Не могут эти раздолбаи вырубиться. Они же полиция.

Саблетт вытащил капсулу из уха, протянул Райделлу.

– Ничего не слышно, только помехи.

Райделл взглянул на экран и вспомнил игру в дартс. Ярко-зеленый дротик курсора несся по бледно-зеленой горной дороге, неумолимо приближался к мишени – девственно-белому кружку размером с обручальное кольцо. В правом окошке высвечивались жизненные показатели трех детей клиента. Пульс учащенный, у всех. В нижнем окошке – телевизионный, снятый в инфракрасных лучах кадр. Главные ворота. Похоже, что крепкие. Целенькие и, если судить по телеметрии, запертые. Охранная система тоже в порядке.

Вот тогда-то, наверное, он и решил идти на прорыв.

Через неделю, когда пена сошла и события немного прояснились, Эрнандес проявлял даже нечто вроде сочувствия. Конечно же, такая накладка, да еще в его собственную смену, не доставляла начальнику особой радости, однако он честно признал, что не может – если учесть все обстоятельства – винить Райделла особенно строго.

Прискорбное происшествие тщательно скрывалось от журналистов. Для этого, а также для того, чтобы полюбовно договориться с клиентами, с Шонбруннами, из сингапурского головного отделения «Интенсекьюра» спешно прилетела чуть не целая дивизия экспертов – так, во всяком случае, слышал Райделл. Он не имел ни малейшего представления об окончательных условиях этой договоренности, не имел, да и не хотел иметь: телевизионную программу «Рентакопы влипли» никто еще пока не придумал, а одни только шонбрунновские ворота стоили побольше его полугодовой зарплаты.

Ворота «Интенсекьюр» починит без труда, хотя бы уж потому, что он их и ставил. Мощные, кстати, ворота: японский пластик, армированный углеродным волокном, термоустановка в бетонных опорах; вся эта мутотень чуть не начисто соскребла с морды «Громилы» нежно лелеемый «свежий мед».

Далее – ущерб, нанесенный дому, по большей части окнам (сквозь которые «Громила» проехал) и мебели (по которой он проехал).

– Ну и, – закончил Эрнандес, – придется подкинуть Шонбруннам что-нибудь сверху. За эмоциональные страдания, – пояснил он, вытаскивая из-за стола большой железный термос и наливая Райделлу чашку мерзкого, перестоявшего кофе. На термосе была оптимистичная наклеечка: «Я НЕ О'КЕЙ, ТЫ НЕ О'КЕЙ – ПЕЙ, ВОТ И БУДЕТ О'КЕЙ».

Время близилось к десяти утра, обсуждаемые события покрылись уже двухнедельной плесенью, а лицо их главного героя – пятидневной то ли бородой, то ли, тут вопрос спорный, щетиной. На Райделле были мешковатые оранжевые, сильно выгоревшие шорты, ветхая футболка с надписью: «НОКСВИЛЛСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ», начинавшая уже расползаться на плечах, черные ботинки, оставшиеся от интенсекьюровской формы, и прозрачная надувная хирургическая шина на левой руке.

– Эмоциональные страдания, – повторил Райделл.

Эрнандес, чуть ли не такой же широкий, как его стол, передал Райделлу чашку.

– Легко ты отделался, больше тут и не скажешь. Прушник.

– Вылетел с работы, рука сломана – и это ты называешь «прушник»?

– Нет, точно, – кивнул головой Эрнандес. – Тебя же могли там замочить. Ребята из ДПЛА, они же тебя чуть не уложили. Да и потом, мистер и миссис Шонбрунн повели себя на удивление сдержанно, особенно если учесть расстройство миссис Шонбрунн и все прочее. Рука – ну да, рука, жаль, конечно… – он пожал непомерно огромными плечами. – Да и к тому же никто тебя и не увольнял, ведь так? Мы только сняли тебя с патрулирования. Если хочешь на стационарную охрану – пожалуйста, никаких проблем.

– Нет, спасибо.

– Магазины, склады? Будешь работать в ночь. Ну, скажем, «Энсино Фэшн молл».

– Нет.

– Бабу-то видел, которая там работает? – прищурился Эрнандес.

– Не-а.

– Слушай, – вздохнул Эрнандес, – а как там со всем этим говном, которое вываливают на тебя в Нэшвилле?

– В Ноксвилле. Департамент потребовал полного отстранения от должности с полным запретом на работу в

правоохранительных органах. Проникновение в частную квартиру без санкции и без поддержки.

– А что эта сучка, которая таскает тебя по судам?

– Их со старшим сыночком повинтили в Джонсон-Сити за вооруженное ограбление магазина, это последнее, что я слышал…

Райделл тоже пожал плечами – и сморщился от боли.

– Ну вот, – расплылся в улыбке Эрнандес. – Я же говорю – прушник.

Проламывая «Громилой» шонбрунновские бронированные ворота, Райделл испытал мгновенное ощущение чего-то очень высокого, очень чистого, клинически пустого – деланье, лишенное всякого думанья, бредовое адреналиновое возбуждение с утратой всех прочих аспектов своего «я».

И в это время – когда он боролся с рулем, прорываясь через японский сад камней, когда пробивал тугое бронестекло, рассыпавшееся со второго удара, и осколки падали медленно, как во сне, – в это время он вспомнил, что примерно то же самое ощущал и тогда, выхватывая револьвер, нажимая курок, выплескивая мозги Кеннета Терви на бесконечный, как звездное небо, простор белой, загрунтованной под краску стены, которую так никто никогда и не покрасил.

Райделл поехал в «Кедры» навестить Саблетта.

«Интенсекьюр» расщедрился на отдельную палату – чтобы держать его подальше от лезущих в каждую щель журналистов. Техасец полусидел на кровати, уставившись в жидкокристаллический экран маленького CD-плеера, и жевал резинку.

– «Воины двадцать первого века», – сказал он вошедшему Райделлу. – Джеймс Уэйнрайт, Энни Макэироу, Майкл Бек.

– И когда же это его сняли? – ухмыльнулся Райделл.

– Тыща девятьсот восемьдесят второй. – Саблетт приглушил звук и оторвал глаза от экрана. – Только я его уже пару раз смотрел.

– А вот я только что из конторы, говорил с Эрнандесом. Говорит, чтобы ты не беспокоился за свою работу.

В пустых серебряных глазах – нечто, похожее на озабоченность.

– Свою – а как насчет твоей, Берри?

Обтянутая пузырем рука нестерпимо чесалась. Райделл нагнулся, выудил из мусорной корзины, стоявшей у изголовья кровати, пластиковую питьевую соломинку, запустил ее под шину и начал крутить. Помогло, хотя и не слишком.

– Я для них – история, далекое прошлое. За руль меня больше не пустят.

– Не нужно было брать использованную, – огорчился Саблетт. – В больнице это запрещено.

– Да уж ты-то, Саблетт, какой же ты заразный? Ты, может, самый чистый, стерильный раздолбай ныне живущего поколения.

– Так что же ты будешь делать? Есть-то тебе надо.

– Пока не знаю. – Райделл уронил соломинку в корзинку, по принадлежности. – Я только знаю, что не буду сторожить ничьи дома и не буду сторожить никакие там моллы.

– А что там с этими хакерами? Ты как думаешь, сумеют их накрыть – тех, что нас подставили?

– Хрен там сумеют. Слишком уж их много. Держава Желаний резвится уже очень давно. У федерален есть список из трех сотен подозреваемых, но они не имеют возможности загрести их всех, тряхануть и выяснить, кто в чем виноват. Слава еще богу, что эти пидоры любят стучать друг на друга, иначе никого бы из них в жизнь не повинтили.

– Но мы-то им зачем? Чего они нас-то кинули?

– Спроси чего попроще.

– Гадить они любят, вот, наверное, и все, – решил Саблетт.

– Любят, это уж точно. А еще Эрнандес говорит, что, по мнению ДПЛА, кто-то там хотел, чтобы миссис Шонбрунн накрыли с голой жопой.

Ни Саблетт, ни Райделл не видели упомянутую жопу, так как миссис Шонбрунн находилась в детской. Детей в детской не было, они улетели с папочкой в штат Вашингтон, чтобы полюбоваться с воздуха на три новорожденных вулкана.

Ничто, появившееся на экранах «Громилы» после автомойки, не соответствовало действительности. Кто-то залез в бортовой компьютер «Лихого Гусара» и ввел в коммуникационный блок здоровый пакет умело сфабрикованных – и абсолютно липовых – данных, заодно отрезав Райделла и Саблетта от «Интенсекьюра» и даже от «Звезды Смерти» (которая, конечно же, и не думала вырубаться). Райделл сильно подозревал, что монгольские ребята из автомойки – ну, если не все, то двое-трое из них – могли бы рассказать эту историю со значительно большими подробностями.

И может быть, в эти мгновения ослепительной ясности, когда изуродованный, с помятой мордой «Громила» все еще пытался взобраться на раздолбанные в капусту останки двух больших кожаных диванов, когда пробудились, наконец, воспоминания о смерти Кеннета Терви, в эти мгновения Райделл понял, понял с

той же ослепительной ясностью, что вряд ли стоит всегда и во всем доверяться самозабвенному, чистому в своем бешенстве порыву: «Вперед – и ни о чем не думай».

– Слышь, – Саблетт говорил тихо и недоуменно, словно сам с собой, – они же убьют этих детишек.

С этими словами он отщелкнул ремни безопасности и выскочил наружу, с глоком на изготовку, а Райделл не успел еще даже пошевелиться. Где-то на полпути Райделл вспомнил про сирену и мигалки и велел Саблетту их выключить, но уж теперь-то каждый находящийся в доме знал, что отважные интенсекьюровцы прибыли на место происшествия.

– Работаю, – сказал Райделл, и даже вроде не говорил, а услышал свой голос, пришлепывая на бедро кобуру с глоком и хватаясь за чанкер – самое, пожалуй, подходящее оружие для перестрелки в помещении, где содержат детей, вот только скорострельность у него, заразы, больно уж могучая. Он пинком распахнул дверцу и вывалился прямо на кофейный столик, кованые ботинки с мелодичным звоном прошли сквозь дюймовой толщины стекло (двенадцать швов, но это ерунда, порезы). Саблетт куда-то исчез. Райделл пошел в глубь комнаты, к двери, выставив перед собой желтый неуклюжий чанкер, и понемногу осознал, что с левой рукой что-то вроде не так.

– Замри, заеба, – сказал самый громкий в мире голос. – ДПЛА! Бросай свою желтую говешку, а то на хрен замочим!

Плетью хлестнул луч резкого, мучительно яркого света. Райделлу показалось, что в глаза ему льется расплавленный металл.

– Ты слышишь, заеба?

Райделл повернулся, прикрывая глаза рукой, и увидел раздутое бронированное брюхо садящегося вертолета. Поток от винта прижимал к земле то немногое, что осталось от японского садика после броска «Громилы».

Райделл уронил чанкер на пол.

– И пистолет, мудила!

Райделл взялся двумя пальцами за рукоятку глока и оторвал его от бедра вместе с кобурой. Скрипнула липучка, было непонятно, как такой тихий звук сумел прорваться сквозь рев боевой машины.

Он уронил глок и поднял руки. Руку, вторая была сломана.

Саблетта нашли футах в пятнадцати от «Громилы». Лицо и руки техасца раздулись, как розовые воздушные шарики, он задыхался. Босниец, работавший у Шонбруннов дворецким, смывал недавно с маленького дубового столика детские каракули каким-то средством, содержащим ксилол и четыреххлористый

углерод.

– А хрен ли это с ним? – удивился один из копов.

– Аллергия, – с трудом выговорил Райделл. Полицейские надели ему наручники, да к тому же не спереди, а за спиной, боль была страшная. – Нужна «скорая».

Саблетт открыл глаза. Попытался открыть.

– Берри…

И тут Райделл вспомнил название того фильма, который он смотрел, но не досмотрел.

– «Чудесная миля».

– Никогда не видел, – сказал Саблетт и вырубился.

В этот день миссис Шонбрунн развлекала своего ландшафтного садовника, поляка. Копы нашли ее в детской. Взбешенная и беспомощная, она была засупонена более чем пикантным образом с применением английского латекса, северокалифорнийской кожи, а также антикварных наручников фирмы «Смит и Вессон», любовно отшлифованных и покрытых черной хромировкой, – не слабая упряжь, тысячи на две, а то и на три. Ну а садовник – садовник, судя по всему, услышал, как Райделл паркует «Громилу» в гостиной, и тут же дернул в горы.

3. Нехорошая вечеринка

Шеветта никогда не воровала, во всяком случае – у людей, и уж точно – не при разноске. И если в плохой, надолго запомнившийся понедельник она прихватила у этого засранца очки, так он просто ей не понравился.

А было это так: она стояла на девятом этаже, у окна, и просто смотрела поверх серых пустых скорлупок, бывших когда-то роскошными магазинами, на мост, и тут он как раз и подошел сзади. Она почти уже нашла комнату Скиннера – там, высоко, среди ржавых тросов – и вдруг почувствовала на своей голой спине кончик пальца. Он тронул ее за спину, залез и под Скиннерову куртку, и под футболку.

Она всегда ходила в этой куртке, вроде как в доспехах. Дураку понятно, что, когда на байке, да еще в такое время года, нужно носить нанопору и только нанопору, но она все равно предпочитала старую Скиннерову куртку из жесткой, лошадиной что ли, кожи и намертво прицепила к ее лацканам значки с полосатым кодом «Объединенной». Шеветта крутнулась, чтобы сбросить этот палец, дать нахалюге по грабкам, цепочки ее зипперов тоже крутнулись и звякнули.

Налитые кровью глаза. Морда – ну сейчас расплывется в кисель. В зубах – короткая зеленоватая сигарка, только не зажженная. Он вынул сигарку, поболтал мокрым концом в небольшом стакане прозрачной, как вода, жидкости, сунул в рот и жадно к ней присосался. И лыбится при этом от уха до уха, как только репа пополам не треснет. Словно знает, что она тут не на месте, что не полагается ей быть ни на пьянке такой, ни вообще в старом крутом отеле на Гири.

Это была последняя на сегодня разноска, пакет для юриста, и мусорные костры Тендерлойна горели совсем близко, а вокруг них, скрючившись на корточках, все эти безжизненно-тусклые, безвозвратно, химически погибшие лица, освещенные призрачными вспышками крошечных стеклянных трубок. Глаза, завернутые жутким, быстро улетучивающимся кайфом. Мурашки по коже, посмотришь на таких вот – и мурашки по коже.[8]

Она поставила велосипед на гулкую подземную стоянку «Морриси», заперла его, насторожила и поднялась служебным лифтом в холл, где охранные хмыри попытались освободить ее от груза, но хрен там. Она отказалась отдавать пакет кому бы то ни было, кроме вполне конкретного мистера Гарро из восемьсот восьмого, как указано в сопроводиловке. Тогда они проверили сканером полосатый код «Объединенного» значка, просветили

пакет рентгеном, прогнали ее через металлодетектор и, наконец, пустили в лифт, обвешанный розовыми зеркалами и отделанный бронзой, что твой банковский сейф.

Ну и – вверх, на восьмой, в коридор, где стояла такая ватная тишина, словно он и не настоящий вовсе, а только приснился. Рубашка на мистере Гарро была белая, а галстук – цвета свинца, расплавленного и едва начинающего твердеть. Он взял пакет, расписался в сопроводиловке и закрыл перед ее лицом дверь с тремя бронзовыми цифрами – так ни разу в это лицо и не посмотрев. Шеветта проверила свою прическу, смотрясь в зеркально отполированный курсивный нуль. Сзади все о'кей, хвост торчит как надо, а вот спереди – спереди не очень. Перья слишком уж длинные. Клочкастые. Она двинулась назад, позванивая прибамбасами Скиннеровой куртки, новенькие штурмовые ботинки глубоко утопали в свежепропылесошенном ковре цвета влажной терракоты.

А когда открылась дверь лифта, оттуда выпала эта японская девица. Почти выпала. Шеветта ухватила ее под мышки и прислонила к косяку.

– Где тут вечеринка?

– И кто же это позвал тебя, такую? – поинтересовалась Шеветта.

– Девятый этаж! Крупная пьянка!

Зрачки у девицы были огромные, во весь глаз, челка блестела, как пластиковая.

Вот так вот и вышло, что стояла теперь Шеветта с настоящим стеклянным бокалом настоящего французского вина в одной руке и самым крохотным бутербродом изо всех, встречавшихся ей на жизненном пути, в другой, стояла и думала, скоро ли гостиничный компьютер сообразит, что слишком уж долго она здесь задерживается. Здесь-то, конечно, искать ее не станут, кто-то выложил очень и очень хорошие деньги, чтобы спокойно и без помех оттянуться, это ж и дураку понятно.

Весьма интимная вечеринка, никто и ничего не боится, решила Шеветта, глядя в распахнутые двери ванной, где голубое трепещущее пламя мощной, как паяльная лампа, зажигалки высвечивало плавные обводы дутого стеклянного дельфина и лица людей, куривших через него – через кальян – опиум.

И не одна комната, а уйма, все связанные друг с другом, и людей тоже уйма, все больше мужчины в пиджаках на четырех пуговицах, в крахмальных рубашках с высокими, наглухо застегнутыми воротничками, а вместо галстуков – маленькие булавки с камнями. Платья, какие на женщинах, Шеветта видела прежде только в журналах. Богатенькие люди, точно, богатенькие

и иностранцы, не наши. А может, богатые – они все не наши, а иностранцы?

Она доволокла японскую девицу до длинного зеленого дивана и придала ей горизонтальное положение. Девица сразу засопела в две дырки – пусть полежит, теперь-то она в полной безопасности, разве что кто-нибудь не заметит и сядет.

Присмотревшись получше, Шеветта обнаружила, что она здесь не одна такая, не по общей форме одетая. Вот для начала парень в ванной с этим здоровым желтым «Биком», но он – случай особый. И еще – пара вполне очевидных тендерлойнских девушек, возможно, их затащили сюда для местного колорита, что бы это словосочетание ни означало.

А теперь тут еще этот засранец, лыбится своей противной пьяной рожей. Шеветта положила руку на складной нож – тоже, как и куртка, позаимствованный у Скиннера. У ножика этого была выемка в лезвии, под большой палец, чтобы можно открыть одной рукой. Керамическое лезвие в три дюйма длиной, широкое, как столовая ложка, и жутко зазубренное. Фрактальный нож, как выражается Скиннер, режущий край вдвое длиннее лезвия.

– Вы, я вижу, не очень веселитесь, – сказал этот тип. Европеец, но откуда – не понять. Не француз. И не немец.

Кожаная куртка, но совсем не такая, как у Скиннера, табачного цвета и сделана из шкуры какого-то невероятно тонкокожего животного; можно подумать, что и не кожа это совсем, а плотный, тяжелый шелк. Шеветта вспомнила запах скиннеровской комнаты, запах пожелтевших журналов, некоторые из них такие старые, что картинки даже не цветные, а разных оттенков серого; вот такой же серый, без красок, бывает иногда город, если смотреть с моста.

– Все было прекрасно, пока ты не появился, – сказала Шеветта, решив про себя, что пора и сматывать – от этого мужика жди неприятностей.

– Скажи мне, пожалуйста, – не отставал тип, внимательно оглядывая ее куртку, и футболку, и ездовые брюки, – какие услуги ты предлагаешь?

– Что-то я ни хрена тебя не понимаю.

– Абсолютно очевидно, – говорит засранец, указывая в противоположный угол комнаты на тендерлойнских девушек, – что ты имеешь предложить нечто значительно более интригующее, – слово перекатывается у него во рту, как камешек, – чем эти особы.

– Шел бы ты в жопу, – говорит Шеветта. – Я рассыльная.

Засранец молчит и смотрит как-то странно, словно что-то до его пьяных мозгов понемногу доходит. Потом он закидывает

голову и хохочет – можно подумать, Шеветта рассказала самый смешной в мире анекдот. Перед ней пляшут очень белые, очень качественные и, конечно же, очень дорогие зубы. У богатых, говорил Скиннер, никогда не бывает во рту никакого железа.

– Я что, смешное что сказала?

Засранец вытирает выступившие слезы.

– Да у нас же с тобой много общего.

– Сомневаюсь.

– Я тоже рассыльный, – заявляет он; только какой же из такого хиляка рассыльный, думает Шеветта.

– Курьер, – говорит он таким голосом, словно сам себе это напоминает.

– Ну и двигай ногами, – говорит Шеветта, обходя его, и в тот же момент гаснет свет и врубается музыка, и она по первым же аккордам узнает, что это «Крутой Коран», последний ихний хит «Подружка Господа Всевышнего». Шеветта торчит на «Крутом Коране», как ни на чем, и всегда врубает их, когда на байке, и нужно гнать побыстрее, и сейчас она двигается под музыку, и все вокруг тоже танцуют, и даже эти, подкуренные, в ванной, – тоже.

Избавившись от засранца – или, во всяком случае, временно о нем забыв, – она замечает, насколько лучше выглядят эти люди, когда не слоняются просто так, а пляшут. Напротив нее оказывается девушка в кожаной юбке и коротких черных сапогах с побрякивающими серебряными шпорами. Шеветта улыбается, девушка тоже улыбается.

– Ты из города? – спрашивает девушка, когда музыка смолкает.

Это она в каком же смысле? – думает Шеветта. В смысле, что я работаю на мэрию? Теперь, когда девушка – вернее будет сказать: женщина – не танцует, она выглядит заметно старше, ей, наверное, лет под тридцать и уж всяко больше, чем самой Шеветте. Симпатичная, и не так, как это бывает, когда вся красота из косметички выужена, – темные большие глаза, темные, коротко подстриженные волосы.

– Из Сан-Франциско?

Шеветта кивает.

Следующая мелодия постарше ее самой – это вроде бы тот черный парень, который переделался в белого, а потом его лицо сморщилось и облезло. Она ищет свой бокал, но разве тут найдешь, они все одинаковые. Японская куколка уже очнулась и лихо отплясывает, ее глаза безразлично скользнули по Шеветте, не узнаёт.

– В Сан-Франциско Коди всегда умеет найти все, что ему нужно, – говорит женщина; в ее голосе какая-то беспросветная

усталость, а еще как-то так чувствуется, что все происходящее кажется ей очень забавным. Немка. Да, точно, немецкий акцент.

– Кто?

– Наш гостеприимный хозяин.

Женщина чуть приподнимает брови, но улыбается все так же широко и непринужденно.

– Я тут, в общем-то, случайно зашла…

– Если бы я могла сказать такое про себя! – смеется женщина.

– А что?

– Тогда бы я могла выйти.

– А тебе что, здесь не нравится?

Изблизи чувствовался ее дорогой запах. А как же, наверное, от меня-то воняет, забеспокоилась Шеветта. После целого дня верхом и ни разу в душе. Но женщина взяла ее под локоть и отвела в сторону.

– Так ты не знаешь Коди?

– Нет.

Шеветта снова заметила того пьяного, засранца значит, в соседней комнате, где свет все еще горел. Засранец смотрел прямо на нее.

– И мне, наверное, лучше уйти? Я пойду. О'кей?

– Да нет, ты что придумала, оставайся. Просто я завидую, что у тебя есть выбор.

– Ты немка?

– Падуанка.[9]

Это вроде бы часть того, что было когда-то Италией. Северная вроде бы часть.

– А кто такой этот Коди?

– Коди любит вечеринки. Коди любит эту вечеринку. Она продолжается уже несколько лет. Если не здесь, то в Лондоне, Праге, Макао…

Сквозь толпу движется парень с бокалами на подносе. Он не смотрит ни на Шеветту, ни на кого – из гостиничного, наверное, персонала. Крахмальная рубашка парня утратила все свое великолепие – смята, расстегнута до пупа, выбилась из брюк и болтается сзади, и теперь видно, что сквозь левый его сосок пропущена стальная такая хреновинка, вроде маленькой гантели. А крахмальный воротничок, тоже, конечно, расстегнутый, торчит за затылком на манер соскользнувшего нимба. Женщина берет с подноса бокал белого вина и смотрит на Шеветту. Шеветта мотает головой. Кроме бокалов на подносе есть еще белое блюдце с колесами и вроде бы с закрутками «плясуна».

Парень подмигнул Шеветте и потащил свой арсенал дальше.

– Тебе все это странно?

Женщина выпивает вино и бросает пустой бокал через плечо. Шеветта слышит звон бьющегося стекла.

– А?

– Коди с его вечеринкой.

– Да. Пожалуй. То есть я случайно зашла и…

– Где ты живешь?

– На мосту.

Шеветта ждет реакцию.

Женщина улыбается.

– Правда? Он выглядит так… таинственно. Я хотела бы туда сходить, но экскурсий таких нет и, говорят, там опасно…

– Ничего там опасного, – говорит Шеветта. – Только… – добавляет она после секундного колебания, – не одевайся… ну, вот так – вот и все. И там совсем не опасно, здесь вот, в окрестностях, и то гораздо хуже. – (Перед глазами – эти, вокруг мусорных костерков.) – На Остров Сокровищ, вот туда не надо. И не пытайся дойти до конца, до самого Окленда, держись подвесной части.

– А тебе это нравится, жить там?

– Еще как. Я бы нигде больше не хотела.

– Счастливая ты, – улыбается женщина. – Точно.

– Ну ладно. – Шеветта чувствует себя как-то неловко. – Надо мне идти.

– Меня звать Мария…

– Шеветта.

Шеветта пожимает протянутую руку. Имя – почти как ее собственное: Шеветта-Мари.

– Пока, Шеветта.

– Ну, всего тебе хорошего.

– Ничего тут хорошего нет.

Шеветта расправляет плечи, кивает Марии и начинает проталкиваться через толпу, уплотнившуюся за это время на пару порядков, – знакомые этого Коди все подходят и подходят. Много японцев, все они в очень строгих костюмах, на ихних женах, или секретаршах, или кто они уж там есть, жемчуга. Но все это ничуть не мешает им врубаться в атмосферу. Шум в комнате нарастает. Публика быстро косеет, или там балдеет, кто что, Шеветта хочет убраться отсюда как можно скорее.

У двери в ванную, где эти подкуренные, только теперь дверь прикрыта, она застревает. Куча французов, они говорят по-французски, смеются, размахивают руками, а в ванной – Шеветта отлично это слышит – кого-то рвет.

– Дай-ка пройти, – говорит она седоватому, коротко остриженному французу и проталкивается мимо него. Вино из

бокала француза плещет вверх, прямо ему на бабочку, он что-то говорит по-французски, но Шеветта не оборачивается.

У Шеветты самый настоящий приступ клаустрофобии, вроде как бывает у нее иногда в конторах, когда приходится ждать, пока принесут отправляемый пакет, и она смотрит, как конторские шныряют туда-сюда, туда-сюда, и не понимает, они это по делу или просто шныряют туда-сюда. А может, это от вина: Шеветта пьет редко и мало, и сейчас она чувствует вкус не вкус, но что-то такое неприятное в горле.

И тут вдруг она видит этого своего европейца сраного, со все той же нераскуренной сигарой, его вспотевшая харя нависла над туповатым, чуть обеспокоенным лицом одной из тендерлойнских девушек. Он зажал ее в угол. И в этом месте, совсем рядом с дверью, коридором и свободой, такая толчея, что Шеветту на мгновение притискивают к его спине, а он ее и не замечает, продолжает себе засирать девице мозги, только шарахнул локтем назад, прямо Шеветте под ребра, чтобы, значит, место освободила, а так – не замечает.

А из кармана табачной этой кожаной куртки что-то торчит.

А потом это «что-то» не торчит уже ни из какого кармана, а лежит в руке Шеветты, и она запихивает это за брючный ремень и выскакивает в коридор, а засранец так ничего и не заметил.

Здесь, в коридоре, шум уменьшается сразу наполовину, а по мере того, как Шеветта приближается к лифту, он становится еще слабее, почти исчезает. Ей хочется бежать. И смеяться тоже хочется, а еще ее охватывает страх.

Иди спокойно, не торопясь.

Мимо горы подносов, грязных стаканов, тарелок.

Помни об охранных хмырях внизу, в холле.

И эта штука, заткнутая за пояс.

В конце коридора, но не этого, а поперечного, она видит широко распахнутую дверь служебного лифта. В лифте – центрально-азиатского вида парень со стальной тележкой, нагруженной плоскими прямоугольными хреновинами. Телевизоры, вот это что. Он внимательно оглядывает проскользнувшую в кабину Шеветту. У него выпирающие скулы, блестящие, с тяжелыми веками глаза, волосы подбриты и собраны в узкий, почти вертикальный пучок – любимая у этих ребят прическа. На груди чистой серой рубахи – значок «секьюрити», через шею переброшен красный нейлоновый шнурок, на шнурке висит виртуфакс.

– Подвал, – говорит Шеветта.

Факс негромко гудит. Парень поднимает его, нажимает на кнопку, смотрит в глазок.

Эта, что за поясом, штука становится огромной, как… как что? Шеветта не находит сравнения. Парень опускает факс, подмигивает Шеветте и нажимает кнопку П-6. Двери с грохотом захлопываются, Шеветта закрывает глаза.

Она прислоняется спиной к мягкой амортизирующей стенке и страстно желает быть сейчас не здесь, а в Скиннеровой конуре, слушать, как скрипят тросы. Пол там из брусьев два дюйма на четыре, поставленных на ребро, а по самой середине из пола высовывается верхняя часть каната – конура, она не подвешена, а прямо сидит на канате, как на насесте. В нем, в канате этом, говорит Скиннер, семнадцать тысяч четыреста шестьдесят четыре жилы, стальные, в карандаш толщиной каждая. Если прижать к нему ухо, можно услышать, как мост поет, не всегда, но при подходящем ветре – можно.

Лифт останавливается на четвертом. И зря – дверь открывается, а никто не входит. Шеветте очень хочется нажать кнопку П-6, но она себя сдерживает, пусть этот, с факсом, сам. Нажал наконец-то.

П-6 – это не стоянка, куда ей так страстно хочется, а лабиринт древних, столетних, наверное, бетонных туннелей, пол здесь покрыт растрескавшимся асфальтом, по потолкам тянутся толстые железные трубы. Пока парень возится со своей телегой, Шеветта выскальзывает наружу. Громадные, войти внутрь можно, холодильники, дверцы закрыты на висячие замки. Полсотни пылесосов, подзаряжающихся в нумерованных гнездах. Рулоны ковров, наваленные как бревна. Люди кто в робе, кто в белом поварском халате; Шеветта изо всех сил старается выглядеть как рассыльная – а кто же она еще, если не рассыльная, пусть думают, что она здесь по делу, на доставке.

Она находит узкую лестницу, поднимается. Воздух горячий и стоялый. Мертвый воздух. Сенсоры услужливо включают перед ней свет на каждом новом пролете. А сзади – выключают, но Шеветта этого не видит, не оборачивается. Она чувствует огромную тяжесть, словно все это древнее здание навалилось ей на плечи.

П-2, и вот он, ее байк, за щербатым бетонным столбом.

– Отойди, – говорит ей байк, когда Шеветта подходит к нему на пять футов. Не орет во весь голос, как автомобиль, но говорит оч-чень серьезно.

Строгая геометрия углеволоконной рамы, проглядывающая через имитированную ржавчину, и серебристые ленточные проводники вызывают у Шеветты обычную, почти сексуальную дрожь. Она просовывает руку в опознающую петлю.

А потом – все вроде одновременно – сдавленный щелчок

снятых тормозов, Шеветта прыгает в седло и – вперед.

По раскаленному, в масляных пятнах пандусу, вверх и наружу, и этот вес свалился, наконец, с плеч, и никогда еще не была она такой легкой и счастливой.

4. Проблема трудоустройства

Райделлов сосед по комнате, Кевин Тарковский, работавший в виндсерфинговом магазинчике «Раздвинь пошире ноги», носил в ноздре косточку.

В понедельник утром, узнав, что Райделл не работает больше на «Интенсекьюр», Кевин предложил подыскать ему какое-нибудь место в торговле, по линии пляжной субкультуры.

– Сложен ты, в общем-то, прилично, – сказал он, оглядывая голую грудь и плечи Райделла. На Райделле все еще были те самые оранжевые шорты, в которых он ходил к Эрнандесу. Шорты принадлежали Кевину. Надувная шина, спущенная и скомканная, успела уже отправиться в пятигаллонное пластиковое ведро из-под краски, заменявшее им мусорную корзинку. Кевин украсил ведро большой самоклеящейся ромашкой. – Стоит, конечно, качать мышцу малость порегулярнее. И наколки бы тоже не помешали. Племенной обычай.

– Кевин, я ровно ничего не понимаю ни в серфинге, ни в виндсерфинге, ни в ничем. Я и в море-то, считай, не бывал. Пару раз в заливе Тампа – вот и все.

Время шло уже к десяти. У Кевина был выходной.

– Понимаешь, Берри, главное в нашей торговле – давать живое соприкосновение. Клиенту нужна информация – ты даешь информацию. Но заодно ты даешь ему живое соприкосновение. – Для иллюстрации Кевин постучал по двухдюймовой веретенообразной косточке. – И он покупает у тебя комплект.

– Да у меня и загара нет.

Глядя на Кевина, Райделл часто вспоминал коричневые мокасины, подаренные ему тетей на пятнадцать лет, – ну точно такая же кожа, что по цвету, что по текстуре. И ни при чем тут хромосомы, ни при чем ультрафиолет, вся эта роскошь получена и поддерживается уколами, таблетками и специальными лосьонами.

– Да, – согласился Кевин. – Загар – загар тебе потребуется.

Райделл знал, что Кевин не серфингует и никогда не серфинговал, зато он регулярно приносит из своего магазина диски и проигрывает их на гляделку, совершая одновременно полагающиеся телодвижения, а потому может предоставить клиенту любую информацию в наилучшем виде. Ну и, конечно же, – живое соприкосновение. Дубленая кожа, накачанные в зале мышцы и эта самая кость в носу привлекали к Кевину много внимания, особенно со стороны женского пола, другой бы на его месте истаскался по бабам, а этот, вроде, воспринимает все

спокойно.

Основным в магазинчике товаром была одежда. Дорогая, которая, считается, защищает и от ультрафиолета, и ото всякой дряни в воде. На нижних полках стенного шкафа стояли две картонки, битком набитые этим барахлом; Райделлу, оставившему в Ноксвилле почти весь свой гардероб, позволялось копаться в коробках и брать оттуда все что угодно.

Выбор был не ахти – виндсерфинговые модельеры тяготели к люминесцентным тканям, черной нанопоре и зеркальной пленке. Некоторые костюмы, прикольные, имели чувствительную к ультрафиолету надпись: «РАЗДВИНЬ ПОШИРЕ НОГИ». Стоило озоновому слою скиснуть посильнее обычного, как невидимая при нормальных условиях надпись начинала полыхать ярким оранжевым светом – в чем Райделл убедился во время вчерашнего похода на овощной рынок.

Они с Кевином занимали одну из двух спален маленького, в шестидесятых еще годах построенного домика. Располагался этот домик на Мар Виста; говоря нормальным языком, это значит «Вид на море», только никакого вида здесь не было, и моря – тоже. Кто-то когда-то разгородил спальню пополам листами сухой штукатурки. С Райделловой стороны перегородка была сплошь залеплена такими же, как на ведре, самоклеящимися ромашками и сувенирными стикерами из местечек вроде Мэджик Маунтин, Ниссан Каунти, Диснейленд и Скайуокер-парк. В доме было еще двое постояльцев – трое, если считать и китайскую девицу, но она жила малость на отшибе, в гараже, и ванная у нее тоже была там, отдельная.

Большую часть первой своей интенсекьюровской зарплаты Райделл истратил на надувной диван. Купил он его на рынке, в ларьке; там диваны были дешевле, к тому же ларек назывался «Надуйте нас» – смешно. Надувальная продавщица рассказала Райделлу, что надо в метро сунуть дежурному по платформе двадцатку, и тогда он пустит тебя в вагон со свернутым диваном. Диван был запакован в зеленый пластиковый мешок, вроде тех, которые для трупов.

Позднее, когда на руке у Райделла была эта самая шина, он провел на диване уйму времени – просто лежал и смотрел на стикеры. И думал: а вот тот парень, который их сюда прилепил, он и вправду бывал во всех этих местах? Эрнандес как-то предлагал Райделлу работу в Ниссан Каунти, у «Интенсекьюра» была лицензия на эту зону. А Диснейленд – там провели свой медовый месяц родители. Скайуокер-парк – это в Сан-Франциско, раньше он назывался Голденгейт. Райделл видел когда-то по телевизору, как его приватизировали – мордобой был, но

небольшой.

– А ты пробовал какое-нибудь бюро по трудоустройству?

Райделл помотал головой.

– Этот звонок за мой счет, – сказал Кевин, подавая ему гляделку; белый шлем, какими пользуются дети для игр, и отдаленно не напоминал маленькие изящные очки Карен. – Надень, номер я сам наберу.

– Спасибо, – кивнул Райделл, – только зря ты беспокоишься, мне даже как-то неловко.

– Ну-у… – Кевин потрогал свою кость, – я же тоже заинтересован. А то чем ты за квартиру платить будешь?

И то верно. Райделл надел шлем.

– Итак, – вздернула носик Соня, – согласно нашим данным, вы закончили высшие курсы…

– Академию, – поправил Райделл. – Полицейскую.

– Правильно, Берри. Так вот, согласно тем же нашим данным, вы проработали затем всего восемнадцать дней и были отстранены от несения службы.

Соня выглядела как хорошенькая девушка из мультфильма. Ни единой поры на коже. Никакой текстуры, нигде. Зубы у нее были очень белые и казались монолитным объектом, чем-то, что можно вынуть целиком для серьезного изучения. Ни в коем случае не для прочистки – двумерные картинки не едят. И потрясающая грудь – именно такие сиськи и нарисовал бы ей Райделл, будь он гением мультипликации.

– Понимаете, – сказал Райделл, вспомнив невменяемые глаза Кеннета Терви, – я патрулировал и попал в неприятную историю.

– Понимаю, – бодро кивнула Соня.

И что же это она такое понимает? – подумал Райделл. А вернее – что может тут понять экспертная программа, использующая ее как балаганную куклу? А еще вернее – как она это понимает? Как выглядит такой вот, вроде Райделла, тип в глазах компьютерной системы бюро по трудоустройству? Хреново, наверное, выглядит.

– Затем вы переехали в Лос-Анджелес, и здесь, Берри, согласно нашим данным, вы проработали десять недель в корпорации «Интенсекьюр», отдел вооруженной охраны жилых кварталов. Водитель, имеющий опыт обращения с оружием.

Райделл вспомнил набитые ракетами обтекатели под брюхом полицейской вертушки. У них же, надо думать, и пушка была – эта, которая пятьсот снарядов в секунду.

– Да, – кивнул он.

– А затем вы уволились по собственному желанию.

– Ну, вроде.

Соня расплылась в радостной улыбке, словно Райделл стеснялся, стеснялся, а потом взял да и рассказал, что имеет докторскую степень и получил недавно приглашение работать в аппарате Конгресса.

– Ну что ж, Берри, – сказала она, – дайте-ка я секунду пораскину мозгами, – а затем подмигнула и закрыла огромные мультяшные глаза.

Ох, господи, подумал Райделл. Он попробовал посмотреть в сторону, но Кевинов шлем не давал периферийного зрения, так что ничего там, в стороне, не было. Только Соня, да голый прямоугольник ее стола, да всякая мелочь, долженствующая изображать интерьер кабинета, да стена, украшенная логотипом бюро по трудоустройству. С этим логотипом за спиной Соня напоминала ведущую телеканала, который передает только очень хорошие новости.

Соня открыла глаза. Теперь ее улыбка не просто лучилась, а ослепляла.

– Ведь вы родом с Юга.

– Ага, – кивнул Райделл.

– Плантации, Берри. Акации. Традиции. Но, кроме того – некоторая сумеречность. Готический оттенок. Фолкнер.

– Фолк?.. Как?

– Фольклорный Кошм Арт, Берри, вот что вам нужно. Бульвар Вентура. Шерман-Оукс.

Кевин внимательно смотрел, как Райделл снимает шлем, как он пишет адрес и телефон на обложке последнего номера «Пипл». Журнал принадлежал Монике, китаянке из гаража, она неизменно печатала все свои газеты и журналы таким образом, что в них не было никаких скандалов и бедствий, но зато тройная порция описаний красивой жизни. С особым упором на быт и нравы британской аристократии.

– Ну, как, Берри, – с надеждой спросил Кевин, – есть что-нибудь?

– Может, и есть, – пожал плечами Райделл. – Место одно такое, в Шерман-Оукс. Зайду, посмотрю.

Кевин задумчиво потрогал свой бивень.

– Если хочешь, я тебя подвезу.

В витрине «Фольклорного КошмАрта» было выставлено большое «Отрешение от скорбей земных». Такие картины Райделл видел чуть не каждый день, чуть не у каждого торгового центра, – христианские проповедники украшали ими свои фургоны. Уйма автомобильных катастроф и прочих несчастий, уйма крови, души

спасенных устремляются в небо, к Иисусу, чьи глаза, это уж правило, сверкают излишне ярко, смотришь на них и вроде как мурашки по коже. Но эта картина, фольклорно-кошмарная, была написана с большими подробностями, чем все, какие он видел прежде.

Каждая из спасенных душ имела свое, индивидуальное лицо, похоже, даже не просто из головы придуманное, а чье-то, реального какого-то человека – вон, тут же и знаменитости разные попадаются, кого по телевизору видишь. Жуткая картина и вроде как, ну, детская, что ли, неумелая. Вроде как рисовал все эти ужасы то ли пятнадцатилетний ребенок, то ли некая почтенная леди, возомнившая себя на старости лет художницей.

Райделл попросил Кевина остановиться на углу Сепульведы и прошел два квартала назад, высматривая магазин. Рабочие в широкополых касках заливали основания для пальм. Райделл не знал, были тут до вируса настоящие пальмы или нет. Имитации вошли в моду, их теперь тыкали везде, где надо и не надо, может, и на Вентуре тоже так.

Вентура – одна из этих лос-анджелесских магистралей, у которых нет ни начала, ни конца. Райделл наверняка проезжал на «Громиле» мимо «Фольклорного КошмАрта» бессчетное число раз, но когда по улице идешь пешком, она выглядит совсем иначе. Во-первых, ты находишься в полном, считай, одиночестве; кроме того, так вот, на малой скорости, начинаешь замечать, сколько здесь обшарпанных, потрескавшихся зданий, сколько на них грязи.

За пыльными стеклами – пустота, груды пожелтевшей рекламной макулатуры, лужи, очень подозрительные лужи, ведь дождю туда не попасть. Минуешь пару таких развалюх, и на тебе, пожалуйста – заведение, предлагающее солнечные очки по цене всего-то чуть большей, чем полугодовая квартплата за райделловские полкомнаты на Мар Виста. Судя по всему, очковая лавочка охранялась рентакопом.

«Фольклорный КошмАрт» располагался между почившим в бозе салоном по наращиванию волос и еле живой риэлтерской конторой, прирабатывавшей заодно и страховкой. Белая по черному вывеска: «ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОШМАРТ – ЮЖНАЯ ГОТИКА» – явно написана от руки, буквы бугристые и волосатые, как лапки комара в мультфильме. Однако перед магазином стоят две очень неслабые машины – серебристо-серый «ренджровер», нечто вроде «Громилы», приодевшегося для школьной вечеринки, и антикварный двухместный «порше», сильно смахивающий на жестяную игрушку, из которой вывалился заводной ключик. Райделл обогнул «порше» по широкой дуге – такие хреновины

чаще всего оборудованы сверхчувствительными охранными системами. Сверхчувствительными и сверхагрессивными.

Сквозь армированное стекло двери на него смотрел рентакоп – не интенсекьюровский, а какой-то другой фирмы. Райделл одолжил у Кевина плотные хлопчатобумажные брюки цвета хаки, тесноватые, но зато во сто раз более приличные, чем те оранжевые шорты. Еще на нем была черная интенсекьюровская рубашка с еле заметными следами от споротых нашивок, стетсон и штурмовые ботинки. Райделл не был уверен, что черный с хаки – такое уж гармоничное сочетание. Он нажал кнопку. Рентакоп открыл дверь.

– У меня назначена беседа с Джастин Купер, – сказал Райделл, снимая солнечные очки.

– У нее клиент.

Рентакоп, плотный мужик лет тридцати, выглядел как фермер из Канзаса или еще откуда. Райделл посмотрел через его плечо и увидел костлявую женщину с темными волосами. Женщина разговаривала с толстым мужчиной, не имевшим вообще никаких волос. Пыталась ему что-то продать. Наверное.

– Я подожду, – сказал Райделл.

Ноль реакции. На поясе неразговорчивого фермера болталась мощная электрошоковая дубинка в потертом пластиковом чехле, законы штата запрещали ему иметь более серьезное оружие. И все-таки есть у красавчика ствол, как пить дать есть. Ну, скажем, эта самая гуманитарная помощь России американским хулиганам – маленький такой пистолетик с диким калибром и еще более дикой убойной силой, предназначенный, по идее, для борьбы с танками. Русское оружие, не слишком безопасное в обращении, но зато простое, дешевое и эффективное, буквально затопило черный рынок.

Райделл огляделся по сторонам. Похоже, это самое «Отрешение» было главным коньком «Фольклорного КошмАрта». Такие вот христиане, говорил всегда Райделлов папаша, их же просто жалко. Ждали-ждали конца тысячелетия, а оно кончилось, и новое наступило, и никаких тебе особенных отрешений не произошло, а эти все долдонят свое, все лупят во все тот же старый, дырявый барабан. То ли дело соплеменники Саблетта – сидят себе в техасском трейлерном поселке и глазеют под водительством преподобного Фаллона в телевизор; над ними хоть посмеяться можно.

Он хотел посмотреть, что же это такое втюхивает дамочка своему жиряге, но встретился с ней глазами, смутился и начал слоняться по магазину, вроде как изучать товар. Да уж, товар… Целую секцию занимали тошнотворные веночки, сплетенные то

ли из паутины, то ли из седых волос; вся эта мерзость была прикрыта стеклышками и помещена в овальные золоченые, сильно потертые рамки. Рядом – широкий ассортимент проржавевших детских гробиков, из одного такого, наполовину наполненного землей, свешивались плети плюща. Кофейные столики, изготовленные из могильных плит – очень старых, с едва различимыми следами букв. Райделл задержался у кровати со столбиками из четырех железных негритят – в Ноксвилле такие, прости Господи, статуи стояли когда-то перед многими домами, но потом их запретили. На черных, словно ваксой надраенных, лицах намалеваны широкие красногубые улыбки, лоскутное покрывало сшито в виде конфедератского флага. Ценника Райделл не нашел, одну из негритянских задниц украшала желтоватая наклейка: «ПРОДАНО».

– Мистер Райделл? Ничего, если я буду называть вас Берри?

Узкий, как карандаш, подбородок, крошечный ротик, заставляющий серьезно задуматься: да сколько же у этой дамы зубов? Нормальный, в тридцать две штуки, комплект не забьешь туда никакой йогической силой. Коротко остриженные волосы похожи на коричневую, до блеска начищенную каску, черный просторный костюм, не слишком успешно скрывающий насекомое телосложение. На Юге таких не встретишь – да чего там, они вообще не водятся к югу от чего бы то ни было. А уж напряжена-то, напряжена-то, прямо как рояльная струна.

Жирный вышел из магазина и остановился. Ну да, дезактивирует защиту своего «ровера».

– Ради бога.

– Вы из Ноксвилля. – Джастин Купер дышала медленно и размеренно, словно опасаясь гипервентиляции легких.

– Да.

– У вас почти нет акцента.

– Хорошо бы все так думали. – Райделл улыбнулся, ожидая встречной улыбки. И не дождался.

– А ваши родители, они тоже из Ноксвилля, мистер Райделл?

(Кой хрен, так что же ты не называешь меня Берри?)

– Отец вроде да, а мать откуда-то из-под Бристоля.

Выглядела Джастин Купер лет на сорок с небольшим; ее темные, почти без белков, глаза глядели прямо на Райделла, но как-то странно, безо всякого выражения, было даже не понять, видит она его или не видит.

– Миссис Купер?

Миссис Купер дернулась, словно за задницу укушенная.

– Миссис Купер, а что это за штуки такие, в старых рамках, ну, которые вроде венков?

– Памятные венки. Юго-Западная Виргиния, конец девятнадцатого – начало двадцатого века.

Пусть, подумал Райделл, поговорит о своем товаре, может – в чувство придет. Он подошел к венкам и стал их рассматривать.

– Похоже на волосы.

– Конечно, волосы, – дернула костлявым плечиком Джастин. – А что же еще?

– Человеческие волосы?

– Конечно.

– Так это что же, волосы умерших?

Теперь он заметил, что волосы разделены на пряди, завязаны крошечными, на манер цветочков, узелками. Тусклые, неопределенного цвета волосы…

– Боюсь, мистер Райделл, что я напрасно трачу ваше время. – Джастин осторожно шагнула в его сторону. – Беседуя с вами по телефону, я находилась под впечатлением, что в вас… ну, как бы это получше сказать… больше южного.

– Что вы имеете в виду?

– Мы продаем людям не только товар, но и определенное видение. А также некий мрак, тьму. Готическую атмосферу.

Мать твою так и разэтак. Ну, точно, как та кукла резиновая из бюро, то же самое дерьмо собачье, чуть не слово в слово.

– Скорее всего, вы не читали Фолкнера. – Она резко взмахнула рукой, отмахиваясь от чего-то невидимого, пролетевшего, похоже, мимо самого ее носа.

(Ну вот, опять за рыбу деньги!)

– Нет.

– Как я и думала. Понимаете, мистер Райделл, я пытаюсь найти человека, способного передать ощущение этой атмосферы, этой тьмы. Самую суть Юга. Лихорадочный бред сенсуальности.

Райделл недоуменно сморгнул.

– К сожалению, вы не внушаете мне такого ощущения.

И снова – охота на невидимую паутинку. Или зеленого чертика?

Райделл взглянул на рентакопа, но тот ничего не видел и не слышал. Кой хрен, он там что, совсем уснул?

– Леди, – осторожно начал Райделл, – да из вас же торговый менеджер, как из моей жопы – соловей. У вас же совсем крыша съехала.

Брови Джастин Купер взлетели на середину лба.

– Вот!

– Ну что – вот?

– Краски, мистер Райделл. Жар. Сумеречная полифония, вербальное многоцветие немыслимых глубин распада.

Вот это, наверное, и называется «лихорадочный бред». Взгляд Райделла снова остановился на негрокойке.

– У вас же тут, думаю, и черные тоже бывают. Они как, не жалуются на такие вот штуки?

– Отнюдь! – сумеречная Джастин презрительно дернула плечиком. – Наши клиенты, в числе которых есть несколько весьма богатых афро-американцев, прекрасно понимают, что такое ирония. А куда им без этого деться.

Интересно, какая тут ближайшая станция метро – и сколько до нее тащиться, до этой «ближайшей»? А Кевину Тарковскому так все и объясним – не вышел я, значит, рылом. Хреновый я южанин, не южный какой-то.

Рентакоп открыл дверь.

– Простите, миссис Купер, но не могли бы вы сказать, откуда вы такая родом? – обернулся напоследок Райделл.

– Нью-Гэмпшир.

Дверь за его спиной закрылась.

– Долбаные янки, – сказал Райделл жестяному «порше». Любимое папашино выражение неожиданно заиграло свежими, яркими красками. Такое вот, дались оно конем, вербальное многоцветие.

Мимо прополз немецкий грузовик, длинный и суставчатый, словно гусеница. Только что не мохнатый. Райделл ненавидел эти машины, ходившие на растительном масле, – ну как это можно, чтобы выхлопные газы воняли жареной курицей?!

5. Бессонница

Сны курьера состоят из обжигающего металла, вопящих и мечущихся теней, тусклых, как бетонные надолбы, гор. Склон холма, похороны.

Сироты лежат в пластиковых светло-синих гробах. Цилиндр священника. Первая мина была полной неожиданностью, никто не заметил, как она прилетела с бетонных гор. Мина пробила все – холм, небо, синий гроб, женское лицо.

Звук слишком огромен, чтобы вообще считаться звуком, и все же он не мешает им слышать запоздалые, только теперь долетевшие хлопки минометов; они смотрят на серую гору, там вспухают белые, аккуратные шарики дыма.

Словно подброшенный пружиной, курьер садится посреди широкой, как поле, кровати, в его горле застрял немой, оглушительный крик, слова языка, на котором он давно запретил себе говорить.

Голова раскалывается от боли. Он берет с тумбочки стальной графин и пьет тепловатую, безвкусную воду. Комната качается, расплывается, снова становится резкой. Курьер заставляет себя встать, идет, не одеваясь, к высокому старомодному окну. Раздвигает тяжелые занавески. Сан-Франциско. Рассвет, похожий на старое, потемневшее серебро. Сегодня вторник. Это не Мехико.

В белой ванной он жмурится от неожиданной вспышки света, плещет на онемевшее лицо холодной водой, трет глаза. Сон отступает, но оставляет после себя какой-то мерзкий осадок. Курьер зябко подергивает плечами, кафельный пол неприятно холодит босые ноги. Пьянка, шлюха. Ну уж этот Харвуд! Декадент. Курьер осуждает декаданс. По роду работы он соприкасается с настоящим богатством, настоящей властью. Он встречается со значительными людьми. Харвуд – богатство, лишенное значительности.

Он выключает свет и бредет к кровати, все его внимание поглощено пульсирующей в голове болью.

Подтянув полосатое покрывало к подбородку, он вспоминает вчерашний вечер. В цепи событий обнаруживаются неприятные провалы. Вседозволенность. Курьер не любит вседозволенности. Вечеринка. Голос в телефонной трубке, инструкция, нужно идти к Харвуду. Он успел уже выпить несколько порций. Лицо девушки. Ярость, презрение. Короткие темные волосы скручены в острые, вздернутые кверху шипы.

Глаза стали огромными, не помещаются в глазницы. Курьер трет их и сразу же тонет в море ярких, тошнотворно зеленых

вспышек. В желудке перекатывается холодный ком воды.

Он вспоминает себя за широким, красного дерева столом со стаканом под рукой. Это еще до вечеринки. До звонка по телефону. На столе лежат два футляра. Открытые, почти одинаковые. В одном хранится она. Другой – для того, что ему доверили. Дорогой способ, но ведь хранящаяся в кассете информация просто бесценна, это курьер знает с абсолютной достоверностью. Он складывает графитовые наушники и защелкивает футляр. Затем он трогает пальцем футляр, хранящий все ее тайны, – и белый дом в горах, и блаженное, пусть и недолгое, спокойствие. Он рассовывает футляры по карманам куртки…

Курьер вздрогнул и напрягся, его желудок стянуло тугим узлом.

Он ходил в этой куртке к Харвуду. На вечеринку, почти не отложившуюся в памяти. Нет, отложившуюся, но с большими провалами.

Почти забыв о болезненных ударах в голове, он слезает с кровати, ищет куртку, находит ее на полу, скомканную.

Бешено стучит сердце.

Вот. Тот, который нужно доставить. Во внутреннем, застегнутом на молнию кармане. Остальные карманы, остальные карманы… Пусто.

Она исчезла. Курьер роется в одежде. Едва не теряя сознания от головной боли, он становится на четвереньки, заглядывает под кресло. Исчезла.

Ничего, утешает он себя, эта потеря восполнима. Он стоит на коленях, комкая в руках куртку. Нужно только найти дилера, специализирующегося на подобном софте. К тому же последнее время она стала терять резкость.

Думая о ней, он смотрит на свои руки, расстегивающие внутренний карман, вынимающие футляр. В этом футляре хранится их собственность. Они доверили эту собственность ему. Он должен ее доставить.

Он открывает футляр.

Черная поцарапанная пластиковая оправа, кассета со стертым до полной неразборчивости ярлыком, желтые полупрозрачные наушники.

Курьер слышит, как в глубине его гортани образуется высокий, почти свистящий звук. Такой же, как много-много лет назад, когда упала первая мина.

6. Мост

Ямадзаки аккуратно отсчитал тридцать процентов чаевых, расплатился, открыл заднюю дверцу машины и с облегчением покинул бугристое, продавленное сиденье. Таксер, прекрасно знавший, какие они богатые, эти японцы, мрачно пересчитал грязные, потрепанные купюры, а затем опустил три пятидолларовые монетки в треснутый термос, примотанный скотчем к облезлой приборной доске. Ямадзаки, никогда не бывший богачом, вскинул сумку на плечо, повернулся и зашагал к мосту. Лучи утреннего солнца косо прорезали прихотливое сплетение вторичных конструкций – картина, неизменно заставлявшая его сердце сжиматься.

Структура пролетов была строгой и гармоничной, как современная компьютерная программа, но на ней выросла иная реальность, ставившая перед собой иные задачи. Реальность эта образовалась по кусочку, без единого плана, с использованием всех, какие только можно себе представить, техник и материалов. В результате получилось нечто аморфное, расплывчатое, поразительно органичное. Ночью эти строения, освещенные цветными лампочками, факелами и старыми неоновыми трубками, обретшими в руках местных умельцев вторую жизнь, клубились какой-то странной средневековой энергией. Днем, издалека, они напоминали Англию, развалины Брайтонского пирса, перемешанные в некоем треснутом калейдоскопе местного стиля.

Стальной костяк моста, его туго напряженные сухожилия полностью терялись в коралловом нагромождении горячечных снов. Татуировочные салоны, игорные ряды, тускло освещенные лотки, торгующие пожелтевшими, рассыпающимися на листки журналами, лавки с рыболовной наживкой и лавки с пиротехникой, крошечные, безо всяких лицензий работающие ломбарды, лекари-травники, парикмахерские, бары. Сны о коммерции затопили уровни моста, по которым двигались когда-то транспортные потоки. Выше, поднимаясь до самых вершин вантовых устоев, повисло невообразимое в своем разнообразии хитросплетение баррио,[10] птичьи гнезда никем не исчисленных, да, пожалуй, и неисчислимых людей.

Первое знакомство Ямадзаки с мостом произошло ночью, три недели назад. Он стоял в тумане, среди торговцев, среди фруктов и овощей, разложенных на одеялах, стоял и с гулко бьющимся сердцем смотрел в широкий зев пещеры. Рваная, скособоченная арка неоновых ламп окрашивала пар, поднимающийся над

котлами торговцев супом, в адские, огненные тона. Туман размывал все очертания, люди и предметы плавно переходили друг в друга, сплавлялись воедино. Телеприсутствие лишь в очень малой степени передавало магию, необычность, невозможность этого места; полный благоговения, Ямадзаки медленно углубился в неоновый лабиринт, в безудержный карнавал неведомо где найденных – или украденных – поверхностей, слепленных в калейдоскопически пестрое одеяло. Волшебная страна. Высеребренная дождями фанера, обломки мрамора со стен давно позабытых банков, покореженный пластик, сверкающая бронза, раскрашенный холст, зеркала, хромированный металл, потускневший и облезший в соленом воздухе. Так много всего, роскошный пир для ненасытных глаз; путешествие сюда не было напрасным.

> *Во всем мире нет и не может быть более великолепного томассона.*

Сегодня утром он снова вступил в этот мир, в знакомую уже толчею тележек с мороженым и жареной рыбой, оглашаемую столь же знакомым дребезгом машины, пекущей мексиканские лепешки, и пробрался к кофейной лавке, напоминающей своим интерьером древний паром – темный исцарапанный лак по гладкому массивному дереву, словно кто-то и вправду отпилил эту лавку целиком от заброшенного корабля. Что совсем не исключено, подумал Ямадзаки, садясь за длинную стойку. Подальше, к Окленду, за этим опасным островом, в бесконечной туше «Боинга-747» дружно обосновались кухни девяти таиландских ресторанчиков.

На запястьях официантки (хозяйки?) ярко синели татуированные браслеты в виде стилизованных ящериц. Кофе здесь подавали в чашках из толстого, тяжелого фаянса. Все чашки были разные. Ямадзаки вынул из сумки записную книжку, включил ее и бегло набросал свою чашку; сетка трещин на белой глазури напоминала миниатюрную кафельную мозаику. Отхлебывая кофе, он просмотрел вчерашние заметки. Сознание человека по фамилии Скиннер удивительно напоминало мост. К некоему изначальному каркасу постепенно прилипали посторонние разношерстные и неожиданные элементы; в конце концов, критическая точка была пройдена, и появилась совершенно новая программа. Новая – но какая?

Ямадзаки попросил Скиннера объяснить, каким образом происходило обрастание моста, создавшее вторичную структуру. Чем мотивировался каждый конкретный, индивидуальный строитель? Записная книжка зафиксировала, транскрибировала и

перевела на японский язык путаные, невнятные объяснения.

> *Вот тут этот мужик, он раз рыбу ловил, ну и крючок вроде как зацепился. Тянул-тянул, вытащил мотоцикл. Весь ракушками обросший. Люди смеялись. А он взял этот мотоцикл и построил закусочную. Бульон из ракушек, холодные вареные мидии. Мексиканское пиво. Повесил мотоцикл над стойкой. Всего три табуретки и стойка, и он выставил свою халупу футов на восемь за край, закрепил суперклеем и скобами. Стенки внутри заклеил открытками, вроде как дранкой. Тут же и спал, за стойкой. Раз утром смотрим, а его нет. Только и осталось что лопнувшая скоба да на стене цирюльни – несколько щепок, приклеены. У него там хорошо было, можно было смотреть вниз и видеть воду. Вот только слишком уж далеко он высунулся.*

Ямадзаки смотрел на поднимающийся от кофе пар и пытался представить себе обросший ракушками мотоцикл – тоже, кстати сказать, весьма примечательный томассон. «А что это такое – томассон?» – заинтересовался Скиннер; пришлось объяснить американцу происхождение, современный смысл и область применения этого термина, что и было зафиксировано записной книжкой.

> *Исходный Томассон был игроком в бейсбол. Американец, очень сильный и красивый. В 1982 году он перешел в «Иомиури Джайантс», за огромные деньги. Вскоре выяснилось, что он не может попасть битой по мячу. Писатель и художник Гемпей Акасегава стал использовать его фамилию для обозначения определенного класса бесполезных и непонятных сооружений, бессмысленных элементов городского пейзажа, странным образом превращающихся в произведения искусства. Позднее термин приобрел и другие значения, заметно отличающиеся от первоначального. Если хотите, я могу войти в справочник «Гендаи Иого Кисогисики», то есть «Основы понимания современной терминологии», и перевести на английский полный набор определений.*

Однако Скиннер – седой, небритый, с красными пятнышками лопнувших сосудов на пожелтевших белках ярко-синих глаз – равнодушно пожал плечами. Ямадзаки успел уже проинтервьюировать троих местных, все они единодушно называли Скиннера старожилом, одним из первопоселенцев

моста. Само расположение его комнаты свидетельствовало об определенном статусе – факт, мягко говоря, странный: неужели найдется много охотников жить у самой верхушки одного из устоев? До установки электрического лифта подъем на такую высоту мог вымотать кого угодно. Теперь, с поврежденным бедром, старик превратился в беспомощного инвалида, полностью зависел от соседей и этой девушки. Они приносили ему еду, воду, следили, чтобы работал химический туалет. Девушка получала за свои хлопоты крышу над головой, но было в ее отношениях со Скиннером и нечто более сложное, глубокое.

Трудно понять Скиннера, очень трудно, это связано с его возрастом либо со складом личности, либо и с тем, и с другим одновременно, а вот девушка, живущая в его комнате, просто хмурая и неразговорчивая. Ямадзаки уже привык, что почти все молодые американцы хмурые и неразговорчивые, возможно, они просто не хотят раскрываться перед иностранцем, японцем, который к тому же задает слишком много вопросов.

Он посмотрел вдоль стойки, на профили других посетителей. Американцы. То, что он действительно сидит здесь, пьет кофе рядом с этими людьми, казалось чудом. Необыкновенное ощущение. Ямадзаки начал писать в записной книжке, кончик карандаша негромко постукивал по экрану.

> *Квартира в высоком викторианском доме, построенном из дерева и тщательно покрашенном; все улицы этого района названы в честь американских политиков девятнадцатого века. Клей, Скотт, Пирс, Джексон. Сегодня утром, во вторник, покидая квартиру, я заметил на верхнем столбике лестничных перил следы снятых петель. Я думаю, что к этим петлям была когда-то подвешена калитка, преграждавшая путь детям. Затем я шел по улице Скотта, ловил такси и увидел на тротуаре мокрую от дождя почтовую открытку. Узкое лицо великомученика Шейпли, ВИЧ-святого, покрылось неприятными пузырями. Очень печальное зрелище.*

– Зря они так говорят, не нужно бы так. Это я, в смысле, насчет Годзиллы.

Ямадзаки озадаченно уставится в негодующее лицо официантки (хозяйки?).

– Извините?

– Не нужно было им так говорить. Про Годзиллу. Не над чем тут смеяться. У нас тут тоже были землетрясения, но вы же над нами не смеялись.

7. Чтобы все было о'кей

– Пошли на кухню, а то я еще не завтракал, – сказал Райделл.

Увидев Эрнандеса в цивильной одежде, он испытал нечто вроде потрясения, хотя чего тут, собственно, так уж потрясаться. На службе – форма, а после звонка носи что хочешь. Например, тускло-голубой безрукавный комбинезон и немецкие пляжные сандалии с пупочками на стельках, которые, считается, все время массируют тебе ступни и ты от этого очень здоровый. На предплечьях Эрнандеса синели крупные римские цифры – грехи молодости, такого типа татуировки делают себе члены молодежных банд. Ступни у него были коричневые от загара и какие-то такие, ну, вроде как медвежистые.

Сейчас, во вторник утром, они были в доме одни. Кевин уехал в «Раздвинь пошире ноги», остальные тоже разошлись по своим делам, чем бы уж там они ни занимались. Про Монику неизвестно, может, сидит в своем гараже, а может, и нет, она с соседями не общается.

Райделл достал из буфета свой личный пакет кукурузных хлопьев, заглянул внутрь. На одну миску вроде бы хватит. Затем он открыл холодильник и взял с решетчатой полки литровую пластиковую флягу с жирной надписью красным маркером: «МОЛОЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ».

– Что это такое? – поинтересовался Эрнандес.

– Молоко.

– А зачем там написано «эксперимент»?

– Чтобы никто не выпил. Я придумал это еще в Академии, когда жил в общаге.

Он высыпал хлопья в миску, залил их молоком, нашел ложку и перенес все завтракательное хозяйство на кухонный стол. Миску стол выдерживал, но ставить на него локти было нельзя – одна из ножек все время норовила подломиться.

– Как рука?

– Прекрасно.

Райделл снова забыл про своенравность стола и оперся о него локтями – по ободранному белому пластику потекла река молочно-кукурузной жижи.

– На, вытри. – Эрнандес отмотал от рулона длинный кусок бежевого бумажного полотенца.

– Это этого хрена, – заметил Райделл. – Он дико не любит, когда мы ими пользуемся.

– Полотенечный эксперимент, – ухмыльнулся Эрнандес, бросая Райделлу бумажный ком.

Райделл промокнул молоко и собрал большую часть хлопьев. Он не мог себе представить, чего это Эрнандесу здесь потребовалось; с другой стороны, он ровно так же не мог себе прежде представить Эрнандеса раскатывающим на белом «дайхацу спикере» с динамической голограммой водопада на капоте.

– Хорошая у тебя машина, – сказал Райделл, выскребая из миски остатки хлопьев.

– Дочкина. Роза откомандировала меня в ремонтную мастерскую.

Райделл прожевал хлопья, сглотнул.

– Что, тормоза, или что?

– В рот долбаный водопад. Там должны быть еще всякие мелкие зверюшки, они раньше вроде как высовывались из кустов и смотрели на него, на водопад то есть. – Эрнандес прислонился к стене, взглянул на пальцы, высовывавшиеся из пупырчатых сандалий. – Такие вроде как коста-риканские животины. Экология. Роза, она у меня насквозь зеленая. Заставила нас перепахать все, что осталось от газона, и посадила эти сберегающие грунт штуки – ну знаешь, которые вроде серых пауков. А в мастерской они не могут вытащить этих чертовых зверюг из кустов, не могут – и все тут, ну хоть тресни. У нас ведь и гарантия не кончилась, и все эти дела, а толку – хрен.

Он сокрушенно помотал головой.

Райделл покончил с хлопьями.

– А вот ты, Райделл, ты был когда-нибудь в Коста-Рике?

– Не-а.

– Потрясуха у них. Ну, прямо тебе Швейцария.

– Я и там не был.

– Да нет, я в смысле, что они делают с информацией. Точно как швейцарцы.

– Надежное хранение?

– Верно сечешь. Хитрые они ребята. У них же ни армии, ни флота, ни авиации, ни хрена, сплошная нейтральность. И они хранят для всех ихнюю информацию.

– Вне зависимости, что это за информация?

– Возьми с полки пирожок. Хитрые, говорю, ребята. И все заработанные деньги они тратят на экологию.

Райделл отнес миску, ложку и влажный полотенечный ком к раковине. Он вымыл миску и ложку, вытер их, запихнул ком поглубже в подвешенный к раковине мусорный мешок, выпрямился и взглянул на Эрнандеса.

– Нужна от меня какая-нибудь помощь?

– Наоборот, – улыбнулся Эрнандес, – это я хочу тебе помочь.

Странная у него была улыбочка, не вселяющая особых надежд.

– Я же тут все о тебе думал. В какое ты попал положение. Хреново это, точно говорю – хреново. Настоящим копом ты уже не будешь. Теперь, когда ты от нас уволился, я не смогу взять тебя обратно ни на какую работу, ни даже ворота где-нибудь сторожить. Ну, может, ты сумеешь устроиться в какую еще контору, назначат тебя в винный магазин, будешь сидеть в конуре, как бобик. Устраивает это тебя?

– Нет.

– Вот и правильно, что не устраивает, ведь на такой работе угробить могут на хрен. Придет какой-нибудь придурок и разнесет эту твою конуру – В данный момент я веду переговоры насчет места в торговле.

– Не брешешь? Торговля? Чем торговать?

– Кровати, склепанные из чугунных садовых негритят. А еще – узоры, сплетенные из столетней давности человеческих волос.

Эрнандес сощурил глаза и направился к двери. Райделл решил, было, что бывший начальничек обиделся и уходит, однако тот просто начал разгуливать из угла в угол; дурацкая привычка, он и в «Интенсекьюре» всегда так. Развернувшись перед самой дверью, Эрнандес пошел прямо на Райделла.

– Вот такие мы, значит, крутые и все нам по хрену? Ты иногда таким себя мудаком ведешь, что я просто и не знаю. Кончил бы выкобениваться и подумал – а вдруг я и вправду хочу тебе помочь? – он снова зашагал к двери.

– А ты бы сказал в простоте, что ты там такое придумал.

Эрнандес остановился, повернулся к Райделлу, вздохнул.

– Ты ведь вроде никогда не бывал в Северной Калифорнии, верно? В Сан-Франциско бывал? Есть там кто-нибудь, кто тебя знает?

– Нет.

– «Интенсекьюр» имеет там лицензию, в Северной этой Калифорнии. Другой штат, другие законы, другое отношение к делу, прямо что тебе другая трижды долбаная страна, но у нас и там до хрена всего. Административные корпуса охраняем, гостиницы. Огражденные жилые кварталы – с этим там послабее, разве что в пригородах. «Конкорд», «Асьенда Бизнес-Центр», всякая такая мутотень. Это тоже на нас – не все, но большая часть.

– Так это ж та же самая шарага. Не берут меня здесь, так и в Сан-Франциско будет то же.

– Возьми второй пирожок, если там осталось. Никто и не говорит, чтобы тебя нанимать. Просто там есть один мужик, с

которым можно договориться. Он работает вроде как сам от себя, свободный такой художник. У фирмы возникают иногда проблемы, и тогда они привлекают кого-нибудь со стороны. И этот мужик, он не интенсекьюровский. Гуляет сам по себе. Тамошняя наша контора, у них вот сейчас и возникли проблемы.

– Подожди, подожди. О чем мы, собственно, говорим? О вооруженной охране?

– Этот мужик, он ищейка. Знаешь, что это такое?

– Ищет людей, сбежавших от долгов, от просроченной квартплаты и все такое.

– Или ребенка, сбежавшего от родителей, или кого угодно. Но на такие дела в наше время ищеек почти не нанимают, теперь же компьютерная сеть. Посылай почаще запрос с фотографией в «Дейтамерику» и найдешь голубчиков как миленьких, не сегодня, так завтра. А то, – Эрнандес пожал плечами, – можно и к копам обратиться.

– А потому главная задача ищейки… – начал Райделл, вспомнив одну из передач «Влипших копов».

– Избавлять клиентов от необходимости обращаться к копам.

– Или в лицензированное сыскное бюро.

– Совершенно верно, – кивнул Эрнандес.

Райделл направился к двери; сзади по тусклому кафелю кухонного пола зашлепали немецкие пляжные сандалии. Только сейчас он почувствовал запах табака. Вчера на кухне кто-то курил – нарушение условий аренды. Узнает хозяин – крику не оберешься. Хозяин, сербский эмигрант, ездил в дряхлом пятнадцатилетнем «БМВ», носил идиотские тирольские шляпы и откликался на имя Уолли. Зная, что Райделл работает на «Интенсекьюр», Уолли подвел его как-то к своему «БМВ» и вытащил из-под приборной доски хитрый электрический фонарик – здоровенную такую, больше фута длиной, штуку со специальной кнопкой, чтобы выдавать мощную струю перечного газа. Он спросил Райделла, как тот думает – «хватит» этого или «не хватит».

Райделл соврал. Он сказал Уолли, что люди, принимающие много «плясуна», они даже любят получить хорошую дозу хорошего перечного газа. Он им вроде как нос прочищает и мозги. Бодрости прибавляет. Они торчат на нем, на этом перце.

Войдя в комнату, Райделл взглянул под ноги и вдруг, после стольких-то недель, заметил, что ковер здесь точно такой же, как тот, по которому он ползал па карачках, тогда, еще в Ноксвилле, в квартире этой самой стервы, подружки сбрендившего Терви. Чуть почище, но все равно такой же. Странно, как он раньше-то не заметил.

– Послушай, Райделл, не хочешь, так и не надо, и слава богу. У меня выходной, отдыхать надо, а я тут с тобой рассусоливаю. Ну да, понимаю, тебя кинули какие-то там хакеры, ты купился и среагировал слишком уж активно. Понимаю и сочувствую. Но так уж случилось, никуда от того не денешься, а я хочу тебе помочь и предлагаю, что уж могу – ничего другого у меня нет. И еще. Если ты справишься, поможешь фирме, об этом узнают в Сингапуре и тогда, может быть, что-нибудь изменится.

– Эрнандес…

– У меня сегодня выходной…

– Слушай, да я же не умею искать людей…

– Ты умеешь водить машину. А ничего другого и не надо. Ты будешь при нем, при этом сыщике, водителем. Сам он не может водить, ногу недавно покалечил. А тут дело такое, вроде как деликатное. Мозгами нужно ворочать. Вот я и сказал им, что ты, значит, ты справишься. Так вот прямо и сказал – сказал им, что ты справишься.

На кушетке валялся очередной подарок Моники – «Пипл», раскрытый на статье о Гудрун Уивер, сорокалетней актрисе, пришедшей к Богу благодаря стараниям преподобного Уэйна Фаллона. Большая, на целую страницу фотография: Гудрун Уивер лежит на диване, напряженно вглядываясь в здоровенную батарею телевизионных экранов, на каждом из которых один и тот же древний фильм.

Райделл увидел самого себя со стороны: лежит мужик на надувном матрасе, тупо созерцая пластиковые цветочки и автомобильные стикеры.

– А там как, все чисто? Все по закону?

– По закону? – Эрнандес хлопнул себя по серо-голубому бедру; звук получился громкий, как пистолетный выстрел. – Мы же говорим с тобой о серьезных людях. Я же помочь хочу тебе, понимаешь? За кого ты меня держишь? Ну, на хрена стану я подбивать тебя на что-нибудь незаконное?

– Так что же я, собственно, должен делать? Просто явиться туда и сесть за баранку?

– Ну да. Машину водить, машину, сколько раз тебе говорить! Мистер Уорбэйби скажет куда, и ты его повезешь.

– Кто?

– Уорбэйби. Люциус Уорбэйби.

Райделл взял «Пипл», перелистнул страницу и наткнулся на фотографию Гудрун Уивер с преподобным Уэйном Фаллоном. Сорокалетняя актриса Гудрун Уивер выглядела как сорокалетняя актриса. Преподобный Фаллон выглядел как жирная крыса с чужими волосами и в смокинге за десять тысяч.

– Этот Уорбэйби, он же, Берри, чуть не лучший в своей профессии, а может, и лучший. В рот долбаная звезда. Иначе б они его и не наняли. Будешь с ним работать – многому научишься. Ты же парень совсем молодой, мозги еще не заржавели, тебе только учиться и учиться.

Райделл бросил журнал на прежнее место.

– А кого они там ищут?

– Гостиничная кража. Кто-то что-то спер. А охрана там была наша. В Сингапуре из-за этого все на ушах стоят. Вот и все, больше я ничего не знаю.

Райделл стоял под парковочным навесом и вглядывался в мерцающие глубины голографического водопада, в туман, сочащийся между ярко-зелеными ветвями тропических деревьев. Красиво. Однажды он видел «харлей-дэвидсон», буквально кишащий мерзкими, в натуральную величину, насекомыми. По всей раме, кроме тех мест, где хромировка, – скорпионы, фаланги, мокрицы, да все что угодно, и все ползают, шевелятся.

– Видишь? – сказал Эрнандес. – Вот тут, где вроде как размыто. Тут, по идее, должен быть этот долбаный ленивец. Или лемур, хрен его знает. Заводская трижды в рот долбаная гарантия.

– И когда я должен ехать?

– Вот, возьми номер. – Эрнандес сунул Райделлу клочок желтой бумаги. – Позвони, они тебе все скажут.

– Спасибо.

– Слышь, – сказал Эрнандес, – я же хочу, чтобы у тебя все было о'кей. Честно хочу. И ты только посмотри на это говно. – Он ткнул в капот «спикера». – В рот долбаная гарантия.

8. На другое утро

Шеветте спилось, что сильный боковой ветер сносит ее на встречную полосу; после поворота с Фолсом-стрит на Шестую стало легче – теперь мягкая невидимая рука подталкивала ее в спину. Она дважды проскочила на красный, у рынка едва-едва успела под зеленый и притормозила, чтобы не вылететь из седла, переваливая через рельсы.

Дальше самый трудный участок пути – крутой подъем по Тэйлора на Нобхилл; Шеветта пригнулась к рулю.

– Ну, давай! – скомандовала она себе. – Сегодня ты справишься.

За спиной – дружеская ладонь ветра, впереди, над вершиной холма, – голубое, безоблачное небо; отчаянно работая ногами, Шеветта перевела передачу, почувствовала, как цепь клацнула о зубья огромной, по специальному заказу сделанной звездочки, звездочки, слишком большой для ее велосипеда – для любого велосипеда. Крутить стало легче, и все равно она проигрывала, безнадежно проигрывала…

Шеветта закричала, встала на педалях и нажала из последних сил, ощущая, как остатки гликогена в крови превращаются в молочную кислоту. Вот она, вершина, совсем рядом…

Сквозь круглое окно, сквозь секторы разноцветного стекла в комнату Скиннера падают косые лучи солнца. Вторник. Утро.

На стене, сплошь заставленной пачками желтых, потрепанных «Нэйшнл Джиогрэфик», четко вырисовывается паутинный рисунок оконного переплета с двумя черными мохнатыми пятнами – два стекла вывалились, пришлось заткнуть дырки тряпками. Скиннер, одетый в старую клетчатую рубашку, сидит на кровати, чуть не до подбородка подтянув одеяло и спальник. Собственно говоря, это не кровать, а массивная дубовая дверь, установленная на четырех ржавых колесных ступицах от «Фольксвагена» и застеленная пенкой. Шеветта спит на полу на другом, поуже, куске пенки, который она по утрам сворачивает и прячет за длинный деревянный ящик, до краев заваленный аккуратно смазанными инструментами. Запах смазки не покидает ее даже во сне, но Шеветта уже привыкла и почти его не замечает.

Выпростанную наружу руку обожгло ноябрьским холодом. Шеветта дотянулась до свитера, лежащего на деревянной, грубо покрашенной табуретке, затащила свитер к себе в спальник, влезла в него, для чего потребовалось минуты две извиваться ужом, и встала. Свитер свисал почти до колен, Шеветте приходилось непрерывно его поддергивать, чтобы растянутая

пройма не соскользнула с плеч. Скиннер молчал – утром он всегда так.

Шеветта протерла глаза, вскарабкалась на пятую перекладину привинченной к стене лестницы, отодвинула, не глядя, засов и распахнула люк. Подняться на крышу, поздороваться с водой и с городом – непременный утренний ритуал, нарушавшийся только в редких случаях. Если шел дождь или над заливом стоял густой туман, Шеветте приходилось сперва накачать примус – музейную редкость с ярко-красным бачком и латунной, дочерна закопченной горелкой. Обычно Скиннер делал это сам, но в сырую погоду он почти не вылезал из кровати, жаловался, что ноют все кости, особенно бедро.

Шеветта высунулась из квадратного отверстия и присела на край, свесив босые ноги в комнату. Солнце пекла уже в полную силу, серебристая дымка тумана таяла буквально на глазах. Скоро будет совсем жарко, черный прямоугольник крыши накалится, смоляной запах размягченного асфальта проникнет даже в комнату.

Скиннер показывал ей «Нэйшнл Джиогрэфик» со снимками карьеров Ла-Бреа и бедных-несчастных зверюг, живших миллионы лет назад в тех местах, где теперь Лос-Анджелес, и утонувших в смоле. Вот так-то и добывают асфальт; асфальт – минерал, а не какая-то там гадость, изготовленная на химическом заводе. Скиннер любил точно знать, откуда что берется.

Куртка, которую он дал Шеветте, была сшита в ателье Д. Льюиса, на Грейт-Портленд-стрит. Это не здесь такая улица, а в Лондоне. Скиннер любил карты. К некоторым номерам «Нэйшнл Джиогрэфик» прилагались карты, и все изображенные на них страны были похожи друг на друга – большие, от края до края листа, пятна, выкрашенные одним цветом. Неимоверное множество стран, среди которых попадались и настоящие гиганты: Канада, СССР, Бразилия, – только этих, больших, теперь уже нет, они рассыпались по кусочку. То же самое, говорит Осиннер, происходит и с Америкой, хотя она и не хочет в этом признаваться. Вот, скажем, теперь две Калифорнии, а когда-то была одна, один большой штат.

Если посмотреть на комнату и на крышу, то комната вроде как больше, хотя она и забита всяким скиннеровским барахлом, а на крыше только-то и стоит, что ржавая металлическая тележка с парой рулонов толя, и размеры у них, у крыши и комнаты, конечно же, одинаковые – двенадцать футов на восемнадцать.

Слева, чуть подальше четвертой опоры, виднелся Остров Сокровищ, струйка дыма от горящего на берегу костра бесследно терялась в тумане. На самой опоре недавно установили здоровую

штуку вроде купола, почти шар; треугольные секции сверкали, как начищенная латунь, но Скиннер объяснил, что это просто майлар, натянутый на деревянный каркас. У них там релейная станция, штука такая, которая разговаривает со спутниками; надо сходить как-нибудь посмотреть.

Рядом, на уровне глаз, скользнула серая чайка.

Город выглядел точно так же, как и всегда: частокол административных башен – Шеветта знала их все по номерам, – а дальше холмы, похожие на спящих бегемотов. И гостиницу эту, ее тоже отсюда должно быть видно, раз оттуда был виден мост.

Вчерашний вечер грубо схватил Шеветту за загривок.

Она сама не верила, что умудрилась сморозить такую глупость. Футляр, вытащенный из кармана этого мудака, переместился в карман скиннеровской куртки, куртка же висит сейчас на железном крюке, сделанном в форме слоновой головы. И добро бы что интересное, а то очки – дорогие, судя по виду, и жутко темные, ничего сквозь них не видно. Гориллы, которые в вестибюле, просканировали на входе значки; с их точки зрения, она так до сих пор и торчит в той гостинице. Компьютер, конечно же, через какое-то время всполошился, начал ее искать. Если они запросят «Объединенную», можно сказать, что доставила пакет в восемьсот восьмой, а потом забыла про проверку на выходе и спустилась служебным лифтом. И ни про какую там пьянку слыхом не слыхала, да и кто ее, собственно, там видел? Да нет, засранец этот видел. И помнит, наверное, не такой уж он был пьяный. И мог сообразить, что это она прихватила его очки. Может, даже почувствовал что-нибудь в тот момент.

Скиннер крикнул, что кофе готов, а вот яиц нет, кончились. Шеветта спрыгнула вниз, ухватилась на лету за верхнюю перекладину лесенки и повисла.

– Оставь мне кофе.

Она натянула черные бумазейные лосины и сунула ноги в ботинки, даже не позаботившись их зашнуровать, а затем открыла люк, который в полу, и вылезла наружу, все еще полная тревожных мыслей про этого засранца, про его очки и свою работу. Теперь вниз, по десяти стальным ступенькам, приваренным к опоре старого подъемного крана. Корзина на месте, там, где она оставила ее вчера. Велосипед тоже на месте, да куда же он денется, прикованный цепью к опоре, с охранной системой да еще с двумя дополнительными сиренами на всякий пожарный случай. Шеветта перевалила через высокую, по пояс, боковину желтой пластмассовой корзины и стукнула по кнопке.

Заскулил мотор; здоровенный зубец, удерживающий корзину на месте, убрался, и она заскользила вниз. Скиннер называл

подъемник своим фуникулером. Только он не сам сделал подъемник, его сделал черный парень по фамилии Фонтейн, это когда Скиннеру стало трудно карабкаться наверх и вниз. Фонтейн жил на другом, оклендском, конце с двумя женщинами и целой оравой детей, на нем держалось чуть не все электрическое хозяйство моста. Время от времени он приходил к Скиннеру в своем длинном твидовом пальто с двумя чемоданчиками, по одному в каждой руке, – у него там лежали инструменты. Он смазывал подъемник, проверял и говорил: «Все в порядке». У Шеветты был записан номер, чтобы позвонить ему, если что сломается, но такого еще не было.

При остановке корзину сильно тряхнуло. Шеветта выбралась на деревянные мостки и пошла вдоль сплошной стены молочно-белого туго натянутого пластика, ярко подсвеченной изнутри галогенными лампами, испещренной тенями растений. Из-за стены доносилось неустанное бормотание воды в гидропонных грядках. Теперь за угол и вниз, к утреннему шуму и суете моста. Навстречу попался Найджел с одной из своих тележек, самой новой. Работает уже, доставляет.

– Привет, Вета, – широко ухмыльнулся Найджел. Это он ее всегда так называет.

– Яичную бабушку не видел?

– Поближе к городу. – «Городом» был исключительно Сан-Франциско, а Окленд – просто «Земля». – Сильная штука? – он указал на тележку, малость придурочное лицо расцвело гордой улыбкой творца.

Черненая алюминиевая рама, тайваньские ступицы и ободья, новенькие, сверкающие спицы. Найджел ремонтировал велосипеды, среди его заказчиков были и курьеры «Объединенной» – те, которые все еще катались на металле. Ему не понравилось, когда Шеветта перешла на бумажную раму.

– Хорошая, – кивнула Шеветта, проведя пальцем по безукоризненно гладкому чернению.

– А это японское говно, оно еще не расслоилось?

– Ни в коем разе.

– Не расслоилось, так расслоится. Стукнешь посильнее, и разлетится твоя новомодная хрень, как стекло.

– Вот тогда я и приду к тебе, пожалуюсь.

– Тогда будет поздно, – покачал головой Найджел; облезлый рыболовный поплавок, свисавший с его левого уха, дернулся и закрутился.

Расставшись с Найджелом – он покатил свою тележку в сторону Окленда, – Шеветта нашла старушку и купила у нее три яйца. Каждое яйцо было обернуто двумя большими сухими

листьями какой-то травы. Фокус, волшебство. Эту упаковку не хотелось снимать, нарушать ее совершенство, а если уж снимешь, то никогда не завернешь яйца снова, и непонятно, как она это делает. Яичная старушка опустила пятидолларовую монету в маленькую сумочку, висевшую на костлявой шее. Зубов у нее не было, ни одного, от влажной щели запавшего рта радиально расходилась сеть глубоких, словно ножом прорезанных морщин.

Скиннер уже сидел за столом, больше похожим на полку, чем на стол, и пил кофе из стальной, сильно помятой термосной кружки. Вот так вот зайдешь, посмотришь, и он – ну разве это старик? Крупный мужик, ширококостный и совсем не такой вроде и старый. Седые волосы гладко зачесаны назад, на лбу – богатая, за долгую жизнь накопленная коллекция шрамов, вмятины всякие, борозды и пара черных пятнышек вроде татуировки: это где в рану попала какая-то черная пыль, да так там и осталась.

Шеветта нарушила волшебство яичной старушки, развернула яйца и положила их в пластиковую миску. Скиннер тяжело встал со своего скрипучего стула, поморщился от боли в ноге. Взяв у Шеветты миску, он повернулся к примусу. Яичницу-болтушку Скиннер жарил без масла, на воде, говорил, что научился этому на каком-то корабле у кока. Яичница получалась хорошая, а что сковородку потом не отскребешь, так это уж не его забота. Оставив Скиннера заниматься яичницей, Шеветта подошла к висящей на слоновом крючке куртке и вынула футляр.

Совершенно непонятно, из чего он сделан; верный признак, что вещь дорогая. Что-то такое темно-серое, как карандашный грифель, и тонкое, как та же самая яичная скорлупа; и все-таки почему-то кажется, что по скорлупе этой хоть на грузовике катайся и ничего ей не будет. Вроде японской велосипедной рамы, которую Найджел хает. Как футляр открывать, это Шеветта сообразила еще вчера, – одним пальцем нажать сюда, другим сюда, и все в порядке. Никаких защелок, никаких пружин, ничего. И фирменной марки тоже нет, и номера патента. Внутри – что-то вроде черной замши, только это не замша, а какая-то другая хрень, потолще, и мягкая, как поролон.

И очки, большие и черные. Вроде как у этого Орбисона на постере, приклеенном к стене над Скиннеровой кроватью, черно-белом постере. Скиннер говорит: если хочешь приклеить постер, чтобы навсегда, нужно брать не клей, а сгущенное молоко. Молоко из консервной банки. Теперь консервную банку днем с огнем не сыщешь, но Шеветта еще помнила, что это такое, а странный мордастый парень в черных очках вот так вот и был намертво приклеен к белой фанерной стене.

Шеветта вынула очки из футляра; черная, вроде замши,

подстилка мгновенно спружинила, выпрямилась, превратилась в гладкую, без малейшей вмятины, плоскость.

Очки беспокоили Шеветту. И не только, что она их украла, а и вообще, странные они были какие-то. Слишком уж тяжелые, даже если учесть большие заушники. Оправа словно выточена из графита, а может, не «словно», а и вправду, вот ведь велосипедная рама: там бумажная серединка покрыта графитом, и это – самая современная технология, «Асахи Инжиниринг» иначе не работает.

Стук деревянного шпателя: Скиннер взбалтывает яйца.

Шеветта надела очки. Темнота, полная темнота.

– Кэтрин Хэпберн, – сказал Скиннер.

– А? – переспросила Шеветта.

– У нее тоже были такие вот очки. Большие.

Шеветта взяла зажигалку, лежавшую рядом с примусом, щелкнула и попыталась рассмотреть пламя сквозь одно из стекол. Фиг там.

– И для чего же они такие, для сварки?

Скиннер выложил ее долю яичницы па алюминиевую армейскую тарелку с отштампованным годом выпуска «1952», а затем поставил тарелку на стол, рядом с вилкой и уже налитой кружкой черного кофе.

– Ничего не видно, черные, и все.

Шеветта положила очки на стол, пододвинула табуретку, села и взялась за яичницу. Скиннер тоже сел и начал есть, время от времени поглядывая на Шеветту.

– Советский Союз, – сказал он, глотнув кофе.

– Чего?

– Вот так вот они делали солнечные очки в светлой памяти Советском Союзе. Два завода солнечных очков, и один из них такие вот все время и выпускал. И прямо на склад, ведь никто их не покупал, покупали нормальные, с другого завода. Забили склад под самую крышу.

– Завод выпускал непрозрачные очки?

– Советский Союз, что ж ты хочешь.

– Они там что, были совсем с приветом?

– Не так-то все это просто… А где ты их взяла?

Шеветта взглянула на свою кружку.

– Нашла.

Она взяла кружку со стола, старательно глотнула.

– Работаешь сегодня?

Скиннер встал, заправил рубаху в джинсы, потрогал проржавевшую пряжку ремня, перевязанную для верности проволокой.

– С обеда до пяти.

Шеветта взяла очки со стола, взвесила их в руке. Да, слишком уж тяжелые.

– Нужно позвать кого-нибудь, чтобы проверил топливные элементы.

– Фонтейна?

Скиннер не ответил. Шеветта уложила очки на черную замшу, закрыла футляр, встала, собрала со стола посуду и отнесла к раковине. Искоса взглянула на футляр.

Выкинуть надо, подумала она, и дело с концом.

9. Когда дипломатия бессильна

В тот же день, поближе к вечеру, Райделл сел в Бербанке на конвертиплан «Кал-Эр». Фредди, мужик из Сан-Франциско, сказал: приходи на аэродром, я забронирую билет и оплачу. Пассажиры здесь были попроще, и «Кал-Эр» считала излишним баловать их компьютерными развлечениями. Противно пищали дети. Райделлу досталось место у окна. Внизу плыла россыпь огней, чуть размытая и радужная, – кто-то из предыдущих пассажиров прислонился к стеклу набриолиненной головой. Калифорнийская долина. Бирюзовые бездны плавательных бассейнов, подсвеченных из-под воды. Большая это теперь редкость – плавательный бассейн. Тупая боль в руке.

Райделл прикрыл глаза и увидел отца, стоящего у кухонной раковины их флоридского автофургона. В этот момент смерть уже вызревала в нем, превращалась в факт, какая-то грань была пройдена. Отец стоял у раковины, мыл стакан и говорил о своем брате. Дядя Райделла был на три года младше отца и к тому времени пять лет уже как умер; однажды он прислал Райделлу из Африки футболку в пакете с мягкой, из пузырчатого пластика, подкладкой и с армейскими марками. На марках был один из древних бомбардировщиков, «B-52», и надпись: «КОГДА ДИПЛОМАТИЯ БЕССИЛЬНА».

– Как вы думаете, это что – Прибрежный хайвэй?

Райделл открыл глаза. Соседка чуть привстала и вглядывалась в затянутый бриолиновой пленкой иллюминатор. Старая, старше, чем был бы сейчас отец, и похожа на миссис Армбрастер из пятого класса.

– Не знаю, – сказал Райделл, – может быть. То есть, – добавил он, – мне они все кажутся улицами, я не здешний.

Любознательная соседка улыбнулась и снова втиснулась в узкое кресло. Ну, точно как миссис Армбрастер, такое же дикое сочетание твида и оксфордского хлопка, та же индейская накидка. Уж эти бодрые старушонки в крепких, на толстой подошве, ботинках!

– Никто из нас не здешний. – Морщинистая рука похлопала Райделла по коленке цвета хаки. («Да оставь ты себе эти брюки», – сказал Кевин.) – Такие уж времена.

– Угу, – промычал Райделл, отчаянно нащупывая кнопку, опускающую сиденье, маленький стальной кружок, который поможет опрокинуться в некое подобие сна. Он снова закрыл глаза.

– Хорошо, что до Сан-Франциско так близко. Я лечу туда,

чтобы перевести своего покойного мужа в одну из малых криогенных фирм, – не отставала «миссис Армбрастер». – В фирму, предоставляющую клиентам индивидуальные консервационные модули. Реклама называет их «салонами» – гротескно, не правда ли?

Райделл нашел кнопку и выяснил, что «калэровские» сиденья откидываются не больше чем на десять сантиметров.

– Он в крио – сколько же это? – уже девять лет, и все это время я с ужасом думаю, что его мозг болтается там, в этом гелии, вместе с сотнями других. Завернутый в фольгу. Ну, совсем как печеная картошка, верно?

Райделл открыл глаза. В данной ситуации не подходил ни один из возможных ответов.

– Или как кроссовки в сушилке, – сказала старуха. – Я понимаю, что все они насквозь промерзшие, и все равно вот как-то не чувствуется в этом настоящего, достойного упокоения.

Райделл разглядывал спинку переднего сиденья. Голый пластик. Серый. Безо всякого всего – телефона и того нет.

– Конечно же, эти маленькие конторы не могут обещать ничего нового в смысле грядущего пробуждения, но так будет пристойнее. Я уверена, что так будет пристойнее.

Молчать дальше было уже просто невежливо. Райделл повернул голову и, сам того не желая, встретился со старухой взглядом. Светло-карие глаза запутались в паутине тончайших морщинок.

– К тому времени, как он оттает – или что уж там они с ним в конечном итоге сделают, – меня к тому времени уже не будет, я не буду при этом присутствовать. Идея замораживания в корне противоречит моим принципам. Мы постоянно с ним спорили. Я не могла забыть о миллиардах мертвецов, о бесчисленных людях, умирающих в бедных странах. «Дэвид, – говорила я, – ну как ты можешь помыслить о таком, когда большая часть человечества не знает, что такое кондиционер?»

Райделл открыл рот. И снова закрыл.

– Лично я имею членский билет «Угасни в полночь».

Райделл не понимал выражения «членский билет», а вот что такое «Угасни в полночь», это он знал. Общество коллективной самоэвтаназии, запрещенное в штате Теннесси, только кто же сейчас смотрит на законы и запреты? Рассказывали, что они даже накрывают для врачей и санитаров скорой помощи стол – печенье обычно и молоко. Собираются группой в восемь-девять человек и – прямиком на тот свет. Никого не подводят, травятся хитрыми смесями лекарств, имеющихся в свободной продаже, ни стуку, ни грюку, сплошная благодать, вот они какие, эти УП. Упыри – так

называют их санитары.

– Простите, пожалуйста, мэм, – сказал Райделл, – но мне просто необходимо немного поспать.

– Спите, юноша, спите, у вас и вправду очень усталый вид.

Райделл откинул голову на спинку, закрыл глаза и открыл их снова только тогда, когда резко изменился рев двигателей; конвертиплан шел на посадку.

– Томми Ли Джонс, – произнес черный парень. Его прическа напоминала перевернутый цветочный горшок, обвитый аккуратно выдавленной спиральной дорожкой. Нечто вроде шрайнерской фески, только без кисточки.[11] Росту – пять футов, ядовито-желтая рубаха на три размера велика и разукрашена пистолетами всех существующих в природе систем, в натуральную величину, огромные темно-синие шорты болтаются ниже колен, круглые зеркальные очки со стеклами размером в пятидолларовую монету, длинные гольфы, кроссовки с крошечными красными светлячками по краю подошв.

– Обознался, – сказал Райделл.

– Не, мужик, ты выглядишь точно как он.

– Как кто?

– Томми Ли Джонс.

– Кто?

– Это, мужик, актер был такой.

Райделл на секунду решил, что этот парень тоже из последователей преподобного Фаллона. Вот даже очки – один к одному как Саблеттовы линзы.

– Ты Райделл. Мы прогнали тебя через «Двойника».

– Так ты – Фредди?

«Двойником» называлась полицейская программа, очень полезная при розыске пропавших. Сканируешь фотографию нужного тебе человека, получаешь на выходе фамилии полудюжины знаменитостей, а затем начинаешь опрашивать всех подряд, не попадался ли им в последнее время некто, хоть отдаленно напоминающий А, В, С… Странным образом, эта методика давала гораздо лучшие результаты, чем если попросту показывать людям снимок. В Ноксвиллской академии инструктор объяснял курсантам, что так в работу вовлекается отдел мозга, куда отложены сведения о знаменитостях. Райделл представлял себе этот отдел как специальный бугор, или там шишку, занимающуюся кинозвездами и ничем кроме. Интересно, неужели и вправду такие есть? Тогда понятно, почему Саблетт все фильмы наизусть знает, шишка у него большая. Только вот когда Райделла прогоняли через «Двойника» в Академии, получилось,

что он точь-в-точь похож на Хауи Клактона, бейсболиста из Атланты, и никаких тебе Томми Ли Джонсов. Да и с Хауи Клактоном дело очень сомнительное, во всяком случае, сам Райделл не усматривал никакого сходства между собой и этим типом.

– Багаж есть? – спросил Фредди, протягивая Райделлу очень большую и очень мягкую ладонь.

– Только это. – Райделл подхватил свой «самсонит».

– А вон там мистер Уорбэйби.

Фредди указал кивком на одетую в полувоенную форму охранницу, проверявшую у пассажиров корешки билетов. Нет, не на охранницу, а чуть левее, где за барьером маячила чудовищная фигура негра, такого же широкого, как и сам Фредди, но раза в два выше.

– Большой человек.

– Угу, – кивнул Фредди, – и нам бы лучше поскорее, чтобы он долго не ждал. У мистера Уорбэйби болит нога, я говорил ему: да сидите вы в машине, но он буквально настоял, что придет сюда и встретит тебя лично.

По пути к турникету и пока охранница проверяла посадочный талон, Райделл внимательно изучал своего нового работодателя. Шесть с лишним футов, широкий, как шкаф, но главное, что огромный этот человек лучился огромным спокойствием – спокойствие, а еще какая-то такая печаль на лице. Черный телевизионный проповедник, которого отец смотрел в последние месяцы, вот у него было такое же лицо. Смотришь на этого проповедника, на его лицо, и чувствуешь, что он успел повидать все печальное дерьмо, какое только бывает, чувствуешь и вроде как начинаешь ему верить. Во всяком случае, отец верил. Может быть. Отчасти верил.

На негре было длинное пальто из оливкового, ромбиками простеганного шелка.

– Люциус Уорбэйби, – сказал он, вытаскивая из глубоких карманов огромные, Райделл таких в жизни не видел, ладони. В неимоверно низком голосе почти ощущались инфразвуковые гармоники. На старомодном, тяжелом, как кастет, кольце сверкала надпись алмазной крошкой по золоту: «УОРБЭЙБИ».

– Рад познакомиться, мистер Уорбэйби.

Рука Райделла утонула в гигантской черной клешне, его пальцы ощутили колкую шершавость алмазов.

Черный с загнутыми вверх полями стетсон сидел на голове Люциуса Уорбэйби ровно, как по ватерпасу, очки – прозрачные, без диоптрий, стекла в тяжелой черной оправе – не исполняли никаких функций, кроме чисто декоративных. Сквозь никчемные

эти стеклышки печально глядели чуть раскосые глаза необычного, золотисто-коричневого оттенка. Китайские глаза, решил про себя Райделл. Или кошачьи.

Великий сыщик опирался на больничный, с регулируемой длиной костыль; его новехонькие черные джинсы были заправлены в зеркально начищенные ковбойские сапоги трех разных оттенков все того же черного цвета, под левой штаниной угадывались контуры углеродно-волоконной шины.

– Ты вроде бы прилично водишь машину. – В голосе Уорбэйби звучала черная, беспросветная тоска. – Хуанито говорит, ты не знаешь этих мест…

– Совершенно не знаю.

Райделл никогда еще не слышал, чтобы Эрнандеса называли Хуанито.

– Это хорошо, – продолжал Уорбэйби. – Значит, и тебя здесь не знают. Фредди, возьми у парня сумку.

Фредди с явной неохотой освободил Райделла от багажа. По его лицу можно было подумать, что «самсонитовская» сумка – нечто не совсем пристойное, с чем не стоит появляться на людях.

Украшенная кольцом рука опустилась на плечо Райделла. Создавалось впечатление, что кольцо это весит фунтов тридцать.

– Хуанито говорил тебе, чем мы тут занимаемся?

– Сказал, что гостиничная кража. Что «Интенсекьюр» привлек вас по контракту и…

– Да, вот именно, кража. – Судя по виду и голосу Уорбэйби, на нем лежала ответственность за все беды земные, и он твердо решил нести свое непосильное бремя до конца – каким бы ни был этот конец. – Нечто пропало. А теперь еще возникли… осложнения.

– Какие?

– Человек, заявивший о пропаже, умер, – тяжело вздохнул Уорбэйби.

В золотистых глазах – острый, настороженный блеск. Тяжелая, как гиря, рука убралась наконец с плеча Райделла.

– Умер? Каким образом?

– Убийство, – сказал Уорбэйби. Сказал тихо, печально, но очень отчетливо.

– Ты задаешься вопросом, откуда у меня такая фамилия, – сказал Уорбэйби, успевший уже втиснуть свое огромное тело на заднее сиденье черного фордовского «Патриота».

– Я задаюсь вопросом, в какую дырку засунуть ключ зажигания, – пробурчал Райделл, изучавший непривычную приборную панель. Американские производители упорно ставили на свои машины приборы, по одному на каждый показатель, в то

время как весь остальной мир давно перешел на дисплеи. Возможно, именно поэтому в мире так мало американских машин. И мотоциклов с ценной передачей, вроде «харлей-дэвидсона», тоже мало.

– Моя бабушка была вьетнамкой, – пророкотал Уорбэйби. Вот с таким, наверное, звуком скальная платформа, подпирающая Калифорнию, сдвинется однажды с места и ухнет куда-нибудь там в Китай. – А дедушка – из Детройта. Солдат. Привез ее из Сайгона, но потом они разбежались. Мой папа, его сын, сменил свою, то есть его, фамилию на Уорбэйби.[12] Жест такой. Дань чувствам.

– Угу, – промычал Райделл, запуская двигатель «форда» и проверяя трансмиссию. Для него Сайгон был местом, куда богатенькие ребята летают отдыхать.

Привод на все четыре колеса. Керамическая броня. Гудировские «стритсвиперы», хорошие шины, враз не прострелишь, разве что из очень серьезного оружия. Перед вентиляционной решеткой болтается картонный освежитель воздуха, сделанный в виде симпатичной такой елочки.

– А насчет «Люциус» – этого я тебе сказать не могу.

– Мистер Уорбэйби, – раздраженно обернулся Райделл, – куда мы едем?

Негромко загудел вмонтированный в приборную доску модем.

– Мать твою, – присвистнул Фредди. – Ну что, суки, делают!

Райделл взглянул на выползавший из прорези факс. Толстый, абсолютно голый мужик на пропитанной кровью простыне. Лужа, море крови, не верится даже, что в человеке ее так много.

– Что это у него под подбородком? – спросил Райделл.

– Кубинский галстук.

– Нет, правда, что это? – Райделл говорил высоким, дрожащим, непривычным для самого себя голосом.

– Его собственный язык.

Фредди сорвал факс и передал его на заднее сиденье.

Райделл услышал шорох бумаги.

– Страшные люди, – сказал Уорбэйби. – Ужасно.

10. Современные танцы

Ямадзаки сидел на низкой деревянной табуретке и смотрел, как Скиннер бреется. Для такого случая Скиннер опустил ноги с кровати на пол; он выскребал лицо одноразовой бритвой, окуная ее время от времени в серый помятый алюминиевый тазик, зажатый между коленями.

– Бритва старая, – сказал Ямадзаки. – Вы не собираетесь ее выбросить?

Скиннер взглянул на пластиковую бритву, затем на японца.

– Дело в том, Скутер, что посте некоторого момента эти штуки больше не тупятся.

Он намылил и выбрил верхнюю губу. Первые дни Ямадзаки был «Кавасаки». А теперь вот – «Скутер». Выцветшие, полуприкрытые красными набрякшими веками глаза старика смотрели спокойно, равнодушно, однако Ямадзаки казалось, что Скиннер внутренне смеется.

– Вам смешно на меня смотреть?

– Сегодня – нет. – Скиннер уронил бритву в тазик, хлопья пены и седые волоски шустро разбежались к краям. Поверхностное натяжение. – Во всяком случае, не так, как в тот день, когда ты гонялся за говешками.

Ямадзаки потратил недавно целое утро на составление схемы канализации группы жилищ, которую он называл про себя «квартал Скиннера». Прозрачные пятидюймовые шланги превращали это не очень аппетитное занятие в нечто вроде увлекательной детской игры. Ямадзаки выбирал какой-нибудь приметный ком отходов и следил, как тот движется от одного жилища к другому. Шланги свисали изящными, безо всякого порядка расположенными дугами, перепутывались, как нервные волокна, уходили в тысячегаллонный буферный бак, приваренный под мостом. Скиннер сказал, что, как только бак наполняется, ртутный выключатель, управляемый поплавком, приводит в действие струйный насос и все накопившиеся отбросы перекачиваются по трехфутовой трубе в городскую канализацию.

Интересный пример связи между автономной подпрограммой моста и программой города, есть о чем подумать, но сейчас гораздо важнее вытащить из Скиннера историю моста. Убежденный, что именно Скиннер обладает ключом к экзистенциальному смыслу моста, Ямадзаки полностью забросил прямые физические исследования здешних, крайне необычных структур, чтобы проводить в компании старика как можно больше времени. Ежевечерне он отсылал собранные за день материалы на

кафедру социологии Токийского университета.

Сегодня по пути к лифту он разминулся на лестнице с этой девушкой, она несла вниз велосипед. Девушка работает где-то в городе, курьером.

Важно ли, что Скиннер делит кров с особой, зарабатывающей хлеб свой насущный на этом архаичном перекрестке информации и топографии? Конторы, между которыми она мечется на велосипеде, объединены электронно, являются, по сути дела, одним огромным рабочим местом, все расстояния смазаны и упразднены монолитной системой, обеспечивающей мгновенную связь. Но ведь эту самую монолитность, благодаря которой материальная почта стала дорогостоящим капризом, можно рассматривать и как пористость, естественным образом создающую спрос на услуги, предоставляемые Скиннеровой жиличкой. Физически перенося клочки информации за пределами вездесущей, из той же самой информации состоящей Сети, она обеспечивает абсолютную, осязаемую надежность, нечто вроде твердой опоры в текучем, безбрежном океане. Вы знаете, что посланное вами письмо находится в сумке курьера и нигде кроме; если обратиться к услугам электроники, в момент передачи текст окажется нигде, а может – везде.

Ямадзаки находил Скиннерову девушку с белыми крепкими ногами и воинственно вздернутым хвостиком черных, чуть рыжеватых, волос привлекательной, хотя и странноватой. Иностранка…

– Засыпаешь, Скутер?

Скиннер отставил тазик и привалился плечами к горе серых, чуть ли не плесневелых подушек. Фанерная, выкрашенная в белый цвет стена негромко скрипнула.

– Нет, Скиннер-сан. Но вы обещали рассказать мне про первую ночь, когда люди решили захватить мост…

Ямадзаки включил свою книжку на запись. Негромко и почтительно он произносил слова, специально подобранные, чтобы вызвать в собеседнике раздражение, развязать ему язык.

– Я ничего не обещал. Я уже говорил тебе, что… – руки Скиннера слегка подрагивали.

– Но ведь как-то это случилось.

– Случиться может все что угодно. Случилась та ночь. Никаких планов, никаких сигналов и вождей. А вы думаете, что это была политика. Этот танец, мальчик, он давно закончился.

– Но вы говорили, что люди были готовы?

– Готовы, но не па все что угодно. Вот этого-то ты, похоже, и не понимаешь – верно? Мост – мост, он был здесь, но нам совсем не казалось, что он нас ждет. Ты понимаешь разницу?

– Я думаю…

– Ты думаешь жопой – и мысли у тебя соответственные.

Идиоматика Скиннера нередко приводила записную книжку в замешательство. К тому же он говорил не очень разборчиво, проглатывал куски слов. Экспертная система Осакского университета высказала предположение, что у данного субъекта повреждены ткани головного мозга, причиной чего может быть либо употребление низкокачественных наркотиков, либо микроинсульт. Сам же Ямадзаки думал, что Скиннер попросту слишком уж долго находился в сфере действия странного аттрактора, который и позволил мосту стать тем, чем он стал.

– Никто… – Скиннер говорил медленно, с расстановкой, словно подчеркивая значение своих слов. – Никто не использовал уже мост, ни для какой цели. И не собирался использовать, ты понимаешь?

Ямадзаки кивнул, глядя, как на экран ложится перевод Скиннеровых слов.

– Землетрясение раздолбало его на хрен. Туннель к острову завалило. Здесь же зона тектонической неустойчивости. Сперва они говорили, что подождите, все отстроим, от нуля, лучше, чем раньше, а потом оказалось, что нет денег. Тогда они огородили его с обоих концов бетонными надолбами, кольчужной сеткой, колючей проволокой. А потом появились немцы, года, наверное, через два, и продали им нанотехнологию, как построить новый туннель. Дешевый, для машин и поезда на магнитной подушке одновременно. Ты не поверишь, как быстро они все сварганили – как только сумели уломать в законодательном собрании «зеленых», протащить проект. Ясное дело, это зеленое биотехническое лобби, оно заставило их выращивать секции в Неваде, в пустыне. Вроде как тыквы. Затем они притащили секции сюда вертолетами и покидали в залив. И соединили. Крошечные механизмы ползали там, как тараканы, скрепили все намертво, алле-оп! – и вот вам туннель. А мост – мост так и остался.

Ямадзаки затаил дыхание, опасаясь, что Скиннер потеряет нить рассказа. Он делал это часто и, похоже, намеренно.

– Была эта женщина, она все повторяла, что нужно засадить его ползучими растениями, виргинским плющом… Другие, они говорили: снесите его к чертовой бабушке, а чего его сносить, еще одно землетрясение, и сам упадет. Одним словом – стоял он, мост. В городах – уйма народу и негде жить. Картонные поселки в парках – так это еще кому повезет. Из Портленда привезли спринклеры, установили вокруг зданий. Обрызгивают все вокруг и не очень вроде сильно, но уже на землю не ляжешь, не захочется. Хреновый он город, Портленд этот, такую пакость

изобрели… – Скиннер закашлялся. – А затем, однажды ночью, люди взяли и пошли. Теперь чего только не рассказывают, как это вышло. И дождь тогда хлестал – страшное дело. Не лучшая погода для бунта.

Перед глазами Ямадзаки стояли два пролета заброшенного моста, ливень, разбухающие, как на дрожжах, толпы. Он видел, как люди штурмовали заграждения, облепили кольчужную сетку. Как сетка не выдержала веса сотен тел и упала. Затем они полезли на устои, многие падали и разбивались, но остальные упорно карабкались вверх. Утром насчитали больше тридцати трупов, вертолеты информационных агентств кружили вокруг стальных, облепленных людьми башен, как большие встревоженные стрекозы.

Ямадзаки много раз видел эти сцены у себя в Осаке, на экране видеомагнитофона, а Скиннер – он был там.

– Тысяча людей, а может, и больше. Это с нашего конца. И еще тысяча там, в Окленде. Мы пошли, потом побежали. Копы и не пытались нас остановить, да и чего бы ради? Чего там было сторожить? Просто у них был приказ предотвращать беспорядки, не позволять людям собираться большими толпами. У них и вертолеты были, светили на нас прожекторами, сверху, через дождь. Это нам только помогало. У меня сапоги были, такие, с острыми носами. Подбежал к сетке, она была высотой футов в пятнадцать. Вбил с размаху в нее сапоги и полез. Лезть на такую сетку очень просто, всегда есть опора для ног. Лезешь себе и лезешь. Я буквально взлетел наверх. Там колючка спиралями, но люди, которые сзади, подавали доски, куртки, спальники, все что угодно, чтобы накрыть колючку. У меня было такое чувство, словно я… ну, совсем ничего не вешу.

А у Ямадзаки было чувство, что он подобрался к самому сердцу проблемы.

– Я прыгнул. Не знаю уж, кто прыгнул первым, я просто прыгнул. Ударился о бетон. Кричали, все кричали. На той стороне, в Окленде, тоже прорвали заграждения. Там сетка была пониже. Мы видели, как они бегут по мосту. Полицейские вертушки освещали их прожекторами, а еще у некоторых были сигнальные красные фонари. Они бежали к Острову Сокровищ. С того времени, как ушли военные моряки, там никого не было. Мы тоже бежали. Встретились посередине и заорали: «Ура!» – все вместе… – глаза Скиннера смотрели куда-то внутрь, в далекое прошлое. – А потом все пели – гимны, псалмы, да любую хрень. Толклись просто на месте и пели. Как сдуревшие. Я и многие другие, мы были под кайфом. И мы видели копов, как они прут с обеих сторон. Суки подлые.

Ямадзаки судорожно сглотнул.

– И что тогда?

– Мы полезли. На башни эти, на устои. На них же, понимаешь, ступеньки были приварены, чтобы малярам забираться. Ну, мы и полезли. К тому времени уже прилетели телевизионные вертолеты. Мы были сенсацией, нас показывали всему миру, а мы ничего не знали. Я так точно не знал. А и знали бы, так нам бы все равно это по хрену. Мы просто лезли. А эти, с вертолетов, снимали и передавали все прямым эфиром. На другой день, потом, у копов была веселенькая жизнь, они же тоже засветились. Ребята падали, срывались и падали. Парень прямо передо мной, у него ботинки были обмотаны изоляционкой, чтобы подошва не отваливалась. Лента размокла, сползла, ноги соскальзывают. Прямо у меня перед мордой соскальзывают и соскальзывают, не увернешься – так каблуком в глаз… Сорвались у самого верха, обе сразу, ну будто договорились.

Скиннер замолк, словно прислушиваясь к отдаленному звуку. К удару тела о мостовую? Ямадзаки затаил дыхание.

– Когда лезешь наверх, сюда, – снова заговорил Скиннер, – первое, что надо запомнить, это не смотри вниз. Второе – чтобы всегда три точки опоры, отрывай от моста только одну руку или ногу, а остальными держись. А этот чудик, он этого не знал. Да еще в таких ботинках. Вот и полетел, спиной вниз. Не крикнул, не пискнул. Вроде как… ну… мужественно.

Ямадзаки зябко поежился.

– А я как лез, так и лез. Дождь кончился, рассвело. Вот тут и остался.

– И что вы при этом чувствовали?

– Чувствовал? – недоуменно сморгнул Скиннер.

– Ну, тогда – что вы сделали, когда взобрались наверх?

– Я увидел город.

Желтая люлька напоминала одноразовую пластиковую чашку, выкинутую великаном. Ямадзаки опустился Скиннеровым лифтом туда, где начиналась лестница, сделал шаг и замер. Из темной приоткрытой двери доносились шлепанье карт, женский смех, возбужденные голоса, говорящие по-испански, а над всеми этими звуками, не заглушая их, но лишь оттеняя, – ровный, неумолчный шум вечерней жизни. За огромными, изогнутыми, как надутые паруса, листами пластика – винно-красный закат, вечерний бриз доносит запахи пригорелого масла и древесного дыма, сладковатый аромат гашиша. Мальчишки в драных кожаных куртках сидят на корточках, передвигают гладкие, ярко выкрашенные камешки – фишки в какой-то непонятной игре.

Ямадзаки стоял не двигаясь, его правая рука лежала на

деревянном поручне, испещренном дефисами аэрозольного серебра. Рассказ Скиннера гулом отдавался во всем окружающем, в тысяче мелких деталей, в неумытых улыбках и кухонном дыме, словно звон колокола, слишком низкий, чтобы его восприняло неопытное ухо чужака.

Закончилось не столетие, думал он, и даже не тысячелетие, закончилось нечто другое. Эра? Парадигма? Везде приметы конца.

Кончалась современность.

Здесь, на мосту, она давно уже кончилась.

А что родилось взамен? Теперь он пойдет к Окленду, прощупывать странное сердце этого нового, народившегося.

11. Крути педали

Сегодня, во вторник, она была как в отрубе. Драйва не было, наката. Банни Малатеста, диспетчер, он-то сразу просек и загундосил:

– Шев, не пойми меня не так, но у тебя что, месячные или что?

– Иди ты на хрен.

– Слышь, я же только и хотел сказать, что сегодня ты не такой, как всегда, живчик, только и хотел сказать.

– Давай адрес.

– Миссури, шестьсот пятьдесят пять, пятнадцатый, приемная.

Взяла пакет, двинула на Калифорнийскую, пятьсот пятьдесят пять, пятьдесят первый этаж. Сдала, получила подпись на корешке – и назад. День, такой многообещающий вначале, превращался в серую тягомотину.

– Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть, тридцать третий, приемная, поднимайся грузовым лифтом.

Вложив уже руку в опознавательную петлю велосипеда – замерла.

– А это еще почему?

– Они говорят, курьеры исцарапали надписями все пассажирские лифты. Так что – грузовой, иначе они вышвырнут тебя и отнимут допуск, а «Объединенная» разорвет контракт. Ты же не хочешь без работы остаться, нет?

Она вспомнила эмблему Рингера, вырезанную на стенке одного из пассажирских лифтов этого самого Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть. Долбаный Рингер испоганил больше лифтов, чем кто-либо другой в истории человечества. Инструменты с собой специально таскает, совсем спсихел.

В четыреста пятьдесят шестом ее нагрузили коробкой шире, чем по правилам, можно бы отказаться, но ничего, на багажник поместится, зачем передавать работу этим, с коляской? Отвезла, сдала, не успела выйти, как позвонил Банни, послал на Бил-стрит, пятьдесят, в кафе на втором этаже. Шеветта сразу догадалась, что там будет такое – дамская сумочка, завернутая в пластиковый мешок. И верно – коричневая кожаная сумка, кожа непонятная, то ли змеиная, то ли с ящерицы, а из угла какие-то зеленые стебельки торчат. Бабы всегда так – забудут свою сумку, потом вдруг вспомнят, звонят управляющему и просят: пришлите с рассыльным. Дают хорошие чаевые. Обычно. Рингер и некоторые другие, они обязательно пороются в сумке, нет ли там наркотиков, если есть – прикарманят. А вот я такого не сделаю,

подумала Шеветта. И сразу же вспомнила этого засранца с его сраными очками…

Сегодня ей много не наработать. В «Объединенной» не было системы, что отвез пакет – тут же получаешь новый адрес и крути педали; за каждым заказом приходилось возвращаться в диспетчерскую. Иногда, конечно, повезет – что-нибудь, как сейчас, срочное, и звонят: возьми там, отвези туда, а потом еще раз и еще, тогда за день набирается много до ставок, но это редкость. Курьеры «Объединенной» выкладываются до предела. Однажды Шеветта сумела сделать за день шестнадцать ездок, так это было все равно что сорок в другой фирме.

Она отвезла сумку на Фултон-стрит и получила две пятерки – после того как клиентка проверила, все ли на месте.

– По правилам, ресторан должен был сдать ее копам, – сказала Шеветта. – Мы не любим брать на себя ответственность.

Пустой, непонимающий взгляд сумковладелицы, какой-то секретарши или еще что. Шеветта спрятала пятерки.

– Алабама, двести девяносто восемь, – провозгласил Банни, словно преподнося ей бесценную жемчужину. – Хорошая разминка.

Ну да, пока туда доберешься – жопу до костей сотрешь. А потом – доставка, И сюда еще возвращаться, вот день и кончится. С такими маршрутами хрен что заработаешь.

И очки еще эти…

– Из тактических соображений, – сказала блондинка, – мы не одобряем использование насилия и черной магии в отношении частных лиц. Пока.

Шеветта только, что вернулась в контору, на сегодня – все. Блондинка говорила с плоского Си-эн-эновского экранчика, повешенного над дверью диспетчерской. Лицо ее было затянуто чем-то вроде черного чулка с тремя треугольными дырками для глаз и рта. По нижнему краю экрана светились голубоватые буквы: «ФИОНА ИКС, ПОЛНОМОЧНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ САУТ-АЙЛЕНДА[13]».

Залитый слепящим светом флуоресцентных ламп коридор насквозь пропах горячим стиролом, копировальным порошком и пропотевшей обувью. А еще – лежалыми объедками прихваченных из дома завтраков. Этот запах на мгновение воскресил в памяти Шеветты муниципальный детский садик в Орегоне, промозглую сырость неотапливаемого помещения, унылые лучи бесцветного зимнего солнца, косо падающие сквозь высокие, густо покрытые пылью окна. Безрадостные воспоминания длились недолго – хлопнула входная дверь, по металлическим ступенькам загрохотали шаги, через мгновение Шеветту догнал Сэмьюэл

Саладин Дюпре. Огромные умопомрачительно красные кроссовки густо заляпаны грязью, подсохшие брызги той же самой грязи облепили широкое, от уха до уха улыбающееся лицо.

– Чего лыбишься?

Сэмми Сэл Дюпре, самая мощная и красивая двухколесная машина в штате «Объединенной», вне всякой конкуренции. Под шестью футами двумя дюймами черного электричества угадывается невероятного совершенства каркас, прочный, как легированная сталь, подвижный, как ртуть. Шеветте иногда казалось, что кости у Сэмми и вправду металлические – вроде как у этого парня из старого кино, которого перекалечили, а он сделал себе протезы и пошел в политику. Тело Сэмми вызывало у большинства девиц острое желание шлепнуться на спину и раздвинуть ноги – у большинства, но не у Шеветты, прекрасно знавшей, что Сэмми голубой. Не говоря уж о том, что последнее время она как-то утратила интерес к этому занятию.

– Правду говоря, – сказал Сэмми Сэл, стирая тыльной стороной ладони грязь со щеки, – я решил убить Рингера. А правда, как тебе известно, дает свободу…[14]

– Ясненько, – кивнула Шеветта. – Тебя посылали сегодня в четыреста пятьдесят шестой.

– Да, лапа, да, именно так и было. На самую верхотуру, грязным служебным лифтом Грязным, еле ползущим служебным лифтом. А почему бы это, как ты думаешь?

– Потому что они обнаружили на своей драгоценной латуни и нежно любимом розовом дереве высокохудожественную резьбу некоего неизвестного им, но прекрасно известного нам мастера.

– Точнехонько, зайка. – Сэмми Сэл снял с шеи белую с синим бандану и вытер лицо начисто. – А потому этот придурок умрет в страшных мучениях.

–..и обязан незамедлительно перейти к саботажу, – сказала Фиона Икс. – Каждый уклонившийся будет объявлен врагом человечества.

Дверь диспетчерской, увешенная сменными графиками, картами городских районов, мунистскими воззваниями и жалобами, полученными от клиентов по факсу, настолько плотно, что Шеветта даже не знала, какая поверхность скрывается под этой многослойной бумажной массой, распахнулась. Банни, словно встревоженная черепаха, высунул в коридор покрытую шрамами, неровно выбритую голову, прищурился от яркого света и взглянул вверх, привлеченный агрессивным голосом Фионы Икс. При виде чулочной маски лицо Банни стало абсолютно безразличным, внутренний переключатель каналов в этой битой-лупленой башке сработал чуть ли не быстрее, чем глаза

сфокусировались на экране.

– Ты. – Теперь он уставился на Шеветту. – Зайди-ка сюда.

– Не уходи, Сэмми, – сказала Шеветта. – Я сейчас.

Банни Малатеста мотался по Сан-Франциско на велосипеде тридцать лет кряду, мотался бы и дальше, не забарахли у него суставы и позвоночник. Работать с ним было очень хорошо – и, одновременно, очень плохо. Хорошо потому, что велосипедная карта города, хранившаяся в его щербатой репе, далеко превосходила все, что может вывести на экран компьютер. Банни знал каждое здание, каждую дверь, повадки всех охранных служб, знал курьерское дело насквозь. Более того, он знал весь курьерский фольклор, всю неписаную историю; слушая его рассказы, ты ощущал себя частью чего-то большого, хотя иногда и бредового, чего-то такого, что стоит делать. Да он и сам был живой легендой. Банни, ослепивший за свою карьеру семь полицейских машин – рекорд, до сих пор никем не побитый. Плохо – по тем же самым причинам, такому профи лапшу на уши не повесишь. Любого другого диспетчера можно было задурить, только не Банни. Он все знал и не давал никаких послаблений.

Банни подождал, пока Шеветта войдет в диспетчерскую, и закрыл дверь. На его жилистой шее болтались старые, скрепленные прозрачным скотчем наглазники. Окон в тесной конуре не было, лампы не горели – Банни считал, что ему вполне достаточно света, исходящего от полудюжины цветных мониторов, расставленных полукругом перед его черным вращающимся креслом. Патентованная медицинская подушка, привязанная к спинке кресла, напоминала розовую, чудовищно раздувшуюся гусеницу.

Банни потер спину, чуть повыше крестца, и болезненно сморщился.

– Позвонок проклятый, – сказал он не то чтобы Шеветте, а так, никому.

– Попросил бы Сэмми Сэла вправить, – посоветовала Шеветта. – У него здорово получается – хрустнет и на месте.

– Спасибо, у меня уже один раз хрустнуло. А теперь расскажи, чем ты занималась вчера в «Морриси». Пустяковый вопрос, тебе ведь нечего скрывать.

– Доставляла пакет, сказала Шеветта, переходя в автоматический режим, как всегда, когда появлялась необходимость убедительно соврать. Она ожидала чего-то подобного, но не так же скоро.

Банни неторопливо снял наглазники с шеи, отключил их, положил на один из мониторов.

– А чего же это ты не отметилась на выходе? Охранники

звонят мне, говорят, что ты вошла – точно вошла, они просканировали значки – и пропала. Испарилась. Слушайте, ребята, говорю я им, сейчас ее в вашей гостинице нету, я это точно знаю, потому что видел эту красавицу здесь собственными глазами, только что послал ее на Алабама-стрит.

Он внимательно следил за реакцией Шеветты.

– Понимаешь, Банни, без запинки заговорила Шеветта, – это ж была последняя ездка, я торопилась, а велосипед остался на подземной стоянке. Увидела служебный лифт, идущий вниз, и вскочила, чтобы напрямую. На выходе, конечно же, нужно отмечаться, но я решила, что там, на выезде, тоже кто-нибудь стоит. Поднялась по пандусу, а там никого, а сзади машина едет, ну я и рванула на улицу. Мне что, нужно было вернуться и отметиться?

– Да, и ты сама это знаешь. Такие правила.

– Спешила я, поздно уже было.

Банни опустился, покряхтывая, в свое гусеничное кресло, чуть расставил колени, накрыл их большими, мосластыми грабками и уставился на Шеветту. Очень на него, на Банни не похоже. Что-то его сильно беспокоит. Что-то серьезное, а не просто вопли этих горилл, что нельзя выходить без регистрации.

– Как поздно?

– Чего?

– Они спрашивают, когда ты вышла.

– Минут через десять после того, как вошла. Максимум через пятнадцать. Ну, еще в подвале задержалась, пока стоянку искала, там такие ходы-выходы, черт ногу сломит.

– Ты вошла, сказал Банни, – в шесть тридцать две и восемнадцать секунд, время отмечено при сканировании. Они поговорили с адвокатом этим, с клиентом, и знают, что пакет ты доставила. С его лица не сходила все та же странная озабоченность.

– Да о чем, собственно, шум? Ну, скажи им, что я проскочила, нарушила, что ты выпорешь меня по заднице.

– Ты никуда больше не заходила? В гостинице этой?

– Заходила. – По телу Шеветты пробежала волна странной холодной дрожи. Сейчас будет пройдена черта, из-за которой нет возврата. Я же говорю, что отдала этому мужику пакет.

– Не думаю, чтобы их так уж волновал твой пакет, – раздраженно бросил Банни.

– Так в чем же дело?

– Слушай, Шев, – он говорил медленно, с расстановкой, словно втолковывая глупому ребенку азбучные истины, – звонок от охранника – это одно дело. «Извините, шеф, мы не допустим,

чтобы такое повторилось». Но этим делом занялся кто-то из руководителей охранной фирмы «Интенсекьюр» – так она называется, – и он позвонил прямо Уилсону. В результате мне нужно разбираться не только с мистером Охранником, но еще и с хозяином нашей фирмы. Мне придется просить Грассо, чтобы тот прикрыл меня на совете директоров, а у Грассо, конечно же, все выйдет сикось-накось.

– Банни, – сказала Шевётта, – мне очень жаль, что так вышло.

– Ну да. Тебе очень жаль. Мне тоже очень жаль, только вот сейчас, прямо сию минуту, какой-то там сраный самый главный рентакоп допрашивает с пристрастием долбаного Уилсона, чем же это таким занималась ты после того, как отдала адвокату пакет. И на каком ты здесь счету, и как долго ты работаешь на «Объединенную», и имела ли ты дела с полицией, и не замечена ли в употреблении наркотиков, и где ты живешь.

Шевётта отчетливо увидела засранцевы очки – Скиннерову комнату и черный футляр, спрятанный за пачку «Джиогрэфиков» с цифрами 1997 на тонких желтых корешках. Она попыталась извлечь их оттуда мысленным усилием. Сквозь люк, на пахнущую смолой крышу, направо и через край. Сбросить это дерьмо в залив, где ему самое и место. Но нет, очки лежали на прежнем месте. Утром нужно было, ручками.

– Ведь это ненормально, – сказал Банни. – Ты понимаешь, о чем я?

– Они спросили тебя, где я живу? Что ты им ответил?

– Где-то на мосту. – По лицу Банни скользнуло бледное подобие улыбки. – Не слишком-то точный адрес, верно?

Он крутнулся на кресле и начал выключать мониторы.

– Банни. – Голос Шеветты предательски подрагивал. – Что они теперь сделают?

– Найдут тебя, – пожал плечами Банни, все еще занятый своими мониторами. – Здесь. Больше им некуда идти. Ты ведь ничего такого не сделала, верно?

На его затылке пробивалась седая щетина.

– Нет, – все так же, на автопилоте. – Нет… Спасибо, Банни.

Банни хмыкнул нечто неопределенное, на чем беседа и закончилась. Теперь Шеветта думала об одном – как поскорее попасть домой. С бешено бьющимся сердцем она планировала кратчайший путь, мысленно проскакивала под красный свет, почти не замечала окружающего – ярко освещенный коридор, лестницу, дверь. Нужно выкинуть эти очки, избавиться от них, нужно…

Сэмми Сэл прижал Рингера к синему мусорному контейнеру. В рудиментарном сознании Рингера постепенно проступало нечто

вроде тревоги.

– Слышь, я ж тебе ничего не сделал.

– Сколько раз тебе говорили: не корябай лифты! А ты снова за свое.

– Но я ж ничего не сделал тебе!

– Причинно-следственный ряд, Загреба. Чрезмерно сложная для тебя концепция, но ты все равно попробуй врубиться: если ты кому-нибудь насрешь, неизбежно насрут и тебе. Ты поганишь лифты клиентов – мы устраиваем козью морду тебе. Круговорот говна в природе.

Сэмми Сэл накрыл ободранный шлем Рингера левой ладонью, дернул с поворотом вверх. У кого другого такой номер не вышел бы, но в длинных коричневых пальцах Сэмми шлем умещался совсем легко, как баскетбольный мяч.

– Ничего не сделал! – придушенно хрюкнул Рингер.

Шеветта проскочила мимо них, прямо к велосипедной стоянке. Глухую стену над стоянкой украшала роспись – огромный портрет Шейпли. Кто-то залепил великомученику в глаз солидную дозу серо-голубой краски, кривые голубоватые струйки исполосовали всю правую щеку.

– Шеви, – окликнул Сэмми Сэл, – иди сюда. Давай, подвергнем этого говноеда адским пыткам.

Сунув руку в опознавательную петлю, Шеветта попыталась вытащить свой велосипед из путаницы молибденовой стали, графита и армированного пластика. Прочие велосипеды дружно заорали; на фоне оглушительных взвизгов, сумасшедшего звона и страдальческих завываний шипящий, ненавидящий голос извергал поток самой грязной испанской похабели. Шеветта поставила ногу на педаль, вскочила в седло и рванула вперед, успев краем глаза заметить, как Сэмми Сэл выпустил, вернее сказать – выронил Рингера.

Выехав на улицу, она обернулась. Сэмми Сэл уже выхватил со стоянки свой велосипед – розовое в черную крапинку чудовище; при первом же повороте педалей ободья колес вспыхнули призрачным фиолетовым светом.

Сэмми решил составить ей компанию. Нашел моментик.

Шеветта рванула изо всех сил.

Крути педали. Крути педали, пока не дали.

Как в том, утреннем сне, только – гораздо страшнее.

12. Контролируемые движения глаз

А тут, похоже, не соскучишься, подумал Райделл, разглядывая Шитова и Орловского. Серьезные ребята эти сан-францисские копы, настоящие профи. Супертяжеловесы. В любом полицейском департаменте отдел расследования убийств – самый важный.

И вот, пробыв в Северной Калифорнии всего ничего, каких-то сорок восемь минут, он уже пьет кофе за компанию с ребятами из убойного отдела. Точно, без балды. Если не считать того, что ребята эти пьют не кофе, а чай. Из стаканов. С диким количеством сахара. Райделл сидел у самого конца стойки, рядом с Фредди. Фредди пил молоко. Дальше си цел Уорбэйби, так и не снявший свою шляпу, потом Шитов и, наконец, Орловский.

Шитов почти не уступал в росте Люциусу Уорбэйби, но при этом состоял из сплошных сухожилий и широких выпирающих мослов. У него была массивная голова с широким лбом, длинными льняными волосами, гладко зачесанными назад, и бледными бровями; полупрозрачное костлявое лицо, туго обтянутое розоватой блестящей кожей, выглядело так, словно он только что отошел от костра. На макушке тощего смуглого Орловского намечалась лысина, у него были цепкие, густо поросшие черным волосом пальцы и очки с перепиленными пополам стеклами.

Глаза обоих копов испускали какую-то невидимую, но почти реальную, осязаемую хрень, которая пришпиливала тебя к месту, не давала пошевелиться, проникала тебе в самое нутро и лежала там, тяжелая и тусклая, как свинец.

«Десенсибилизация оппонента посредством контролируемых движений глаз» входила в учебный план Полицейской академии, но Райделл так и не научился этим фокусам – то ли способностей не хватало, то ли мало старался. Профессор Багли, заведовавший до выхода на пенсию кафедрой психологии преступности Дьюковского университета, не столько читал лекции, сколько рассказывал курсантам байки о маньяках, проходивших через его руки в Дьюке, об автоэротичных самодушителях и прочей белиберде. Кроме того, этот курс стоял в расписании очень неудачно – между «Захватом вооруженного преступника» и «Имитатором огневого контакта». Занятия по «Захвату преступника» проводили попеременно разные инструкторы, и все они, словно сговорившись, отводили Райделлу роль захватываемого преступника. Райделл не понимал, почему так получается. В результате он приходил на следующую лекцию

перевозбужденный, не мог толком сосредоточиться на поучениях Багли, а уж последующая работа на ИОКе начисто выбивала из его головы даже то немногое, что успело там чудом застрять. ИОК – это нечто вроде компьютерной игры, только с использованием настоящего оружия.

Подсчитав результат, ИОК демонстрировал тебе раны – как раны противника, так и твои собственные – и просил решить, от чего загнулся проигравший – от потери крови, болевого шока или гидравлического удара. Поработав пару раз на ИОКе, некоторые курсанты начинали вздрагивать и заикаться, Райделлу же все было как с гуся вода. И не то чтобы он любил насилие или был безразличен к виду крови, просто работа на тренажере требовала скорости и внимания, не позволяла отвлекаться на посторонние мысли, а экранную кровь он воспринимал именно как экранную, ненастоящую кровь. За все про все, курсант Райделл так и не научился строить глазки противникам, или напускать на них сглаз, или как уж там эта плешь называется. Вот лейтенант Шитов – у того был явный талант, да и напарник его зыркал поверх своих перепиленных гляделок вполне убедительно. Впрочем, лейтенанту Орловскому было проще – он и так сильно смахивал на вурдалака.

Райделл с интересом изучал одежду сан-францисских копов. Под светло-бежевыми плащами – черные бронежилеты, под бронежилетами – белые рубашки и галстуки. Рубашки английские, на пуговках, а галстуки полосатые, вроде как намекающие на принадлежность к какому-нибудь там клубу. Брюки с обшлагами, ботинки из пузырчатой кожи, на толстой рифленой подошве. Такие рубашки, галстуки и ботинки не носит практически никто, разве что иммигранты, косящие под стопроцентных американцев. Однако в сочетании с броней и поношенными английскими дождевиками картина получается совсем иная. Округлая пластиковая рукоятка пистолета «хеклер-и-кох», выглядывающая у Шитова из-под расстегнутого жилета, смотрелась тоже весьма внушительно. Какая модель – враз и не сообразишь. Одна из этих новомодных штучек с магазином поверх ствола. Использует безгильзовые боеприпасы, смахивающие на восковые карандаши, – стрелы из твердого сплава, облепленные пластичным порохом.

– Если бы вы, Уорбэйби, рассказали нам все, что вы уже знаете, наша беседа стала бы значительно продуктивнее.

Шитов окинул взглядом крошечное кафе и вынул из кармана пачку «Мальборо».

– В этом штате курение запрещено, – со злорадным наслаждением процедила официантка, крупная баба с огромной

копной черных волос.

И кто же это ходит в такие забегаловки? – подумал Райделл. Ну, разве что, какой несчастный, отстоявший ночную смену у станка, вымотавшийся до такого состояния, что нету уже сил поискать что-нибудь получше. А тот, кто уж совсем невезучий, может получить в дополнение к завтраку еще и эту красавицу.

Шитов пригвоздил официантку к месту десятикиловольтным полицейским взглядом, вытащил из-под бронежилета бляху на тонком нейлоновом шнурке, продемонстрировал ее и небрежно уронил себе на грудь. Судя по стуку, под белой рубашкой скрывалась еще одна, дополнительная броня.

– Вот зайдут сюда двое мормонов из дорожного патруля, – прошипела официантка, – вот им и показывай. И я посмотрю, что они тебе на это скажут.

Шитов зажал сигарету губами.

В руке Уорбэйби появился кусок золота размером с противотанковую гранату.

Над устрашающим предметом возник бледно-голубой язычок пламени.

Уорбэйби поднес пламя к сигарете полицейского.

– Зачем это вам, Уорбэйби? – спросил Шитов, разглядывая зажигалку. – Вы что, тоже курите?

– Курю все что угодно, кроме этих китайских «Мальборо», – скорбно признался Уорбэйби. – В них же сплошная стекловата.

– С чего это? – удивился Шитов. – Американская марка, лицензионное производство.

– За последние шесть лет в нашей стране не было изготовлено ни одной легальной сигареты, – похоронным голосом сообщил Уорбэйби.

– «Маль-бо-ро». – Шитов вытащил сигарету изо рта, ткнул пальцем в буковки, напечатанные на фильтре. – Когда мы ходили в школу, «Мальборо» – это были деньги.

– Когда мы ходили в школу, даже деньги были деньгами.

Орловский расхохотался.

– Так вернемся к делу, – сказал Шитов. – Что вам известно?

– Мистер Бликс найден в гостинице мертвым. Убийство.

– Профессиональная работа, – кивнул Орловский. – Они хотят, чтобы мы приняли этническую версию.

– В точности мы этого не знаем. – Шитов внимательно смотрел на Уорбэйби.

– Да какая там нужна еще точность? – убежденно возразил Орловский. – Язык. Национальный колорит. Хотят увести нас в сторону. Чтобы мы занялись латинскими королями.

Шитов глубоко затянулся и выпустил дым в сторону

официантки.

– Что вы про него знаете?

– Ганс Рутгер Бликс, сорок три года, натурализованный костариканец. – Могло показаться, что Уорбэйби стоит у свежевырытой могилы и перечисляет необыкновенные достоинства безвременно почившего друга.

– Хрень собачья, – поморщился Шитов, не выпуская сигарету изо рта.

– Уорбэйби, – терпеливо заговорил Орловский, – нам известно, что ты ввязался в дело до того, как этому засранцу перерезали глотку.

– Засранец, – укоризненно покачал головой Уорбэйби. – Человек умер, вот и все. Неужели это делает его засранцем?

– Стопроцентный засранец. – Шитов глубоко затянулся и раздавил окурок о тарелку с так и не тронутой порцией тунцовой икры. – Ты уж мне поверь.

– Тебе виднее, – вздохнул Уорбэйби. – Скажи, Аркадий, на него было досье?

– Хочешь получить досье, – равнодушно бросил Шитов, – так расскажи сперва, что ты должен был для него сделать. Мы знаем, что он с тобой говорил.

– Я в жизни не слышал его голоса.

– О'кей, – устало кивнул Шитов. – С тобой говорили интенсекьюровцы. Ты свободная пташка, работаешь по контракту.

– Сугубо.

– Что сказал этот Бликс «Интенсекьюру»?

– Он потерял некий предмет.

– Что именно?

– Нечто сугубо личного свойства.

– Люциус, – вздохнул Шитов. – Ради бога.

– Очки.

Шитов с Орловским недоуменно переглянулись и снова уставились на Уорбэйби.

– «Интенсекьюр» привлекает к расследованию Люциуса Уорбэйби по той единственной причине, что кто-то там посеял свои очки?

– А вдруг, – негромко заметил Фредди, – это очень дорогие очки?

Он внимательно и, похоже, с удовлетворением изучал свое лицо в висевшем за стойкой зеркале.

Орловский начал – бывает же у людей такая мерзкая привычка – хрустеть суставами волосатых пальцев.

– Он считал, – сказал Уорбэйби, – что мог потерять их на вечеринке. Не исключено даже, что кто-то их взял.

– Что за вечеринка? – подался вперед Шитов. Райделл отчетливо услышал, как скрипнула многослойная броня.

– Вечеринка в гостинице. В «Морриси».

– Кто устраивал? – вурдалачьи глазки Орловского двустволкой смотрели поверх стеклянных полумесяцев.

– Некий мистер Коди Харвуд, – пожал плечами Уорбэйби.

– Харвуд, – повторил Орловский. – Харвуд…

– Фамилия Павлов ничего не напоминает? – спросил у своего отражения Фредди.

– Деньги, – буркнул Шитов.

– Не имеющие ни малейшего отношения к «Мальборо», – заметил Уорбэйби. – Мистер Бликс зашел к мистеру Харвуду, выпил несколько рюмок…

– Проспиртовался, как двухголовый младенец в Кунсткамере, – косо усмехнулся Орловский.

– Выпил несколько рюмок. Упомянутый предмет находился в кармане его куртки. Наутро он обнаружил пропажу и позвонил в охрану «Морриси». Те связались с «Интенсекьюром», «Интенсекьюр» связался со мной.

– Его телефон исчез, – сказал Шитов. – Уходя, прихватили с собой. Концы обрубали. Ни записной книжки, ни откуда приехал, ни куда собирался ехать дальше – ничего.

– Профи работали, – кивнул Орловский.

– Так значит – очки, – продолжал Шитов. – Какие очки?

– Солнечные. – Фредди все не мог на себя налюбоваться.

– Мы там нашли что-то вроде очков.

Шитов вытащил из кармана плаща стандартный полицейский мешочек для сбора вещественных доказательств. Райделл различил сквозь прозрачный полиэтилен иззубренные осколки черного пластика.

– Дешевый аппаратик ВС. Растоптан вдребезги.

– А вы не знаете, – поинтересовался Уорбэйби, – какие он ставил программы?

Теперь настала очередь Орловского. Победно ухмыльнувшись, он вытащил из-под бронежилета второй такой же мешочек.

– Никак было не найти их, эти программы. Потом мы просветили жмурика рентгеном. Кто-то засунул эту штуку ему в глотку.

Черный прямоугольник. Наклейка протерта чуть не до дыр и вся в буроватых пятнах.

– В перерезанную уже глотку.

– Так что же это? – спросил Уорбэйби.

– Макдонна, – выплюнул Шитов.

– Чего? – Фредди перегнулся через своего шефа, стараясь получше разглядеть кассету. – Мак-что?

– Дрочилка.

Что еще за точилка, удивился на мгновение Райделл, но тут же понял: Макдонна.

– А вот интересно, прочитали они ее всю, насквозь? – на этот раз Фредди сидел сзади. Он взгромоздил ноги на спинку переднего пассажирского сиденья, красные огоньки, бежавшие по краям подошв, складывались в текст какой-то песни.

– Что они должны были читать?

Райделл смотрел на русских и Уорбэйби, стоявших рядом с законспирированной, без мигалки и надписей, полицейской машиной. Неприметная такая машина – сланцево-серый кашалот, фары и радиатор защищены мощной графитовой решеткой. По ветровому стеклу «Патриота» медленно сползали капельки дождя.

– Порнуху, извлеченную из пищевода этого парня.

В каждом слове Уорбэйби звучала тяжелая, неизбывная тоска, а вот Фредди – тот говорил спокойно, вроде как расслабленно. Только вот если тоска Уорбэйби казалась самой настоящей, неподдельной тоской, то за расслабленностью Фредди угадывалось нечто, ну вроде как обратное.

– У программы такого рода колоссальный объем, там можно спрятать все что угодно.

Для описания текстуры кожи используют фрактальную технику, замешать туда текстовую информацию – пара пустяков.

– А ты что, Фредди, сечешь в компьютерах?

– Я у мистера Уорбэйби технический консультант.

– Как ты думаешь, о чем они там говорят?

Фредди тронул пальцем одну из кроссовок. Красные огоньки потухли.

– Вот сейчас-то у них и пошла настоящая беседа.

– Какая?

– Деловые переговоры. Нам нужно все, что у них есть по Бликсу, по жмурику этому.

– Да? А что можем предложить им мы?

– «Мы»? – присвистнул Фредди. – Ты крутишь для мистера Уорбэйби баранку, вот и все твое дело. – Он убрал ноги со спинки сиденья и выпрямился. – Впрочем, тут нет никаких особых секретов. «Интенсекьюр» и «Дэйтамерика», считай, одна и та же контора.

– Не слабо. – Уорбэйби почти не раскрывал рта, и Орловский – тоже, зато Шитов говорил не переставая. – И что все это значит?

– Это значит, что полиция может только завидовать базе

данных, с которой мы работаем. Придет время, этот старый трепач захочет заглянуть в нее, хоть краешком глаза, вот тогда-то он вспомнит сегодняшний день и возблагодарит Господа, что не отказал нам в пустяковой услуге. А вот сейчас – сейчас ему расставаться с информацией, все равно что ржавым серпом по его русским яйцам.

Райделл вспомнил, как ходил как-то к «Большому Джорджу» Кечакмадзе в гости на шашлык и тот пытался завербовать его в «Национальную стрелковую ассоциацию».

– У вас тут, гляжу, много русских в органах.

– Тут? До хрена и больше.

– Странно даже, чего это их так тянет на полицейскую работу?

– А ты покрути мозгами. У них же там было целое полицейское государство. Привыкли, поднабрались, в гены, небось, впиталось.

Шитов и Орловский полезли в брюхо своего серого кашалота. Уорбэйби повернулся и зашагал к «Патриоту», тяжело наваливаясь на блестящую металлическую тросточку. Полицейская машина приподнялась дюймов на шесть (гидравлическая подвеска, подумал Райделл), взвыла и задрожала; на длинном блестящем капоте плясали дождевые капли.

– Мама родная, – поразился Райделл. – Они что, вот так вот и работают, совсем не скрываясь?

– Они хотят, чтобы их видели, – не слишком вразумительно объяснил Фредди.

Уорбэйби открыл дверцу и начал протискиваться на сиденье. Операция эта оказалась длинной и сложной.

– Езжай, – сказал он, захлопывая дверцу. – Протокольные правила. Мы покидаем точку рандеву первыми.

– Только не сюда, – всполошился Фредди. – Это же ты прямо к Кэндлстикпарку. Направо, направо!

– Да, – кивнул Уорбэйби. – У нас еще дела в центре.

Ну откуда, откуда, спрашивается, у него эта мировая скорбь?

Да, Сан-Франциско – это кое-что. Бесчисленные холмы, окаймляющие город, улицы, карабкающиеся по крутым склонам, создавали у Райделла впечатление… ну, не совсем, в общем-то, понятное впечатление. Впечатление, что он находится где-то. Где-то во вполне определенном месте. А вот нравится ли ему это место – вопрос особый, тут еще надо разобраться. В Лос-Анджелесе ты словно бы затерялся в огромной, без конца и края, решетке, сотканной из света, ощущение совсем другое, прямо

противоположное, вот эта-то противоположность и дает, наверное, о себе знать. Здесь же ясно понимаешь, что приехал куда-то, приехал откуда-то. Старые, тесно поставленные здания, ничего более современного, чем этот здоровый шипастый небоскреб с решетчатой вышкой наверху – так ведь и он, говорят, построен очень давно. Сырой, прохладный воздух, пар, клубящийся из вделанных в мостовую решеток. Люди на улицах тоже другие, отдельные люди, у каждого своя одежда, своя работа. Вроде как в Ноксвилле, сказал себе Райделл, но свежеизготовленный ярлык никак не приклеивался. Нет, еще одно новое, совершенно незнакомое место.

– Да не сюда, налево, налево!

Фредди подкреплял каждое свое слово ударом по спинке водительского сиденья. Новый город, новая сеть улиц, которую нужно откладывать в память. По навигационной карте медленно полз зеленоватый курсор; Райделл начал искать подходящий поворот налево, к этой самой гостинице, к «Морриси».

– Не стучи по сиденью мистера Райделла, – сказал Уорбэйби, бегло проглядывавший огромную кипу распечатки. – Он за рулем.

Распечатку (Райделл догадывался, что это – досье Бликса, мужика, которому перерезали глотку) они прихватили по пути, в какой-то непонятной конторе.

– Фассбиндер, – отчетливо, чуть не по слогам проговорил Фредди. – Кто-нибудь из вас слышал о таком? Райнер Фассбиндер.

– Знаешь, Фредди, – проворчал Уорбэйби, – мне сейчас не до шуток.

– Какие там шутки? Я прогнал этого Бликса через «Двойника», отсканировал снимок трупа, полученный от русских, и прогнал – и что же вы думаете? По мнению машины, он выглядит точь-в-точь как Райнер Фассбиндер. Это мертвяк-то, с перерезанным горлом. Интересно бы взглянуть на герра Фассбиндера, вот уж красавец, наверное, так красавец.

– Уймись, Фредди, – вздохнул Уорбэйби.

– Наверное, этот тоже немец. Национальность, она все-таки проявляется.

– Мистер Бликс не был немцем. Если верить этой бумаге, мистер Бликс не был даже мистером Бликсом. А теперь не мешай мне. Да и мистеру Райделлу тоже, а то еще заедет не туда в незнакомом городе.

Фредди недовольно хмыкнул. Через пару секунд Райделл услышал дробный перестук клавиатуры – технический консультант мистера Уорбэйби взялся за компьютер, с которым он, похоже, не расставался даже во сне.

Поворот налево, и – сразу, безо всякого предупреждения – мирная улица сменилась зоной боевых действий. Развалины. Дымное пламя костров, темные пригнувшиеся фигуры, мучнисто-белые лица.

– Не тормози, – сказал Уорбэйби. – И не газуй, езжай, как едешь.

Нечто, вылетевшее из жутковатой группы сутулых, узкоплечих людей, шлепнулось о ветровое стекло, прилипло на секунду, упало, оставив после себя грязно-желтое пятно. Длинная, гибкая штука, серая и вроде бы окровавленная. Кишка, что ли?

На перекрестке – красный.

– Гони под красный, – приказал Уорбэйби.

Сзади – негодующее гудение десятков клаксонов.

– Тормози. Нет, заезжай прямо на тротуар.

Колеса «Патриота» перескочили через выщербленный поребрик.

– В бардачке.

Райделл открыл дверцу бардачка. Вспыхнувшая лампочка осветила банку аэрозольного «Виндэкса», рулон серых бумажных полотенец и одноразовые хирургические перчатки.

– Давай, – сказал Уорбэйби. – Никто нас не тронет.

Райделл натянул на правую руку перчатку, взял банку, серый рулон и выбрался на тротуар.

– Смотри, на себя не капни, – сказал он, вспомнив Саблетта, а затем щедро обрызгал желтое пятно «Виндэксом», оторвал три полотенца, скомкал их в правой, защищенной, руке и начисто вытер стекло. Теперь – как учили в Академии. Аккуратно снимем перчатку, наворачивая ее на влажный ком. Все. И куда же теперь, спрашивается, это дерьмо девать?

– Бросай на землю, – сказал Уорбэйби.

Райделл швырнул перчатку со всем ее содержимым в сторону, отошел от машины на пять шагов, согнулся пополам и окатил тротуар мутным широким потоком блевотины. Затем он оторвал еще одно полотенце, вытер рот, вернулся в машину, захлопнул дверцу, аккуратно ее запер, вернул рулон и банку на прежнее место и закрыл бардачок.

– А чего горло не ополоснул?

– Заткнись, Фредди, – рявкнул Уорбэйби. – Скорее всего – просто отбросы с бойни, – сказал он, наклонившись вперед. Рессоры «Патриота» негромко скрипнули. – Но все равно хорошо, что ты не забыл о предосторожностях. У нас тут была одна компания, называли себя «Орден кровавой свиньи», слышал о таких?

– Нет, – качнул головой Райделл. – Никогда не слышал.

– Воровали, где попало, огнетушители. Заправляли их кровью. Кровью с бойни. Но только они распускали слух, что эта кровь – она человеческая. Затем подстерегали какую-нибудь религиозную процессию. Прихватив с собой огнетушители.

– Господи, – выдохнул Райделл.

– Вот именно, – скорбно согласился Уорбэйби.

– Видишь эту дверь, вон там? – спросил Фредди.

– Какую дверь?

Холл «Морриси» ошеломлял; войдя сюда, Райделл непроизвольно перешел на шепот, как в церкви или в похоронном бюро. Толстый, фантастически мягкий ковер вызывал острое желание лечь, свернуться калачиком и уснуть.

– Черная.

Райделл уставился на черный прямоугольник, совершенно гладкий, без какого бы то ни было подобия ручки. Если подумать, прямоугольник этот абсолютно не гармонировал с остальной обстановкой холла – с полированным деревом, матовой бронзой, граненым стеклом. Если бы не Фредди, Райделл принял бы эту дверь за какое-нибудь произведение модернового искусства, картину там или еще что.

– Да? И чего в ней такого?

– Это ресторан, – уважительно сказал Фредди. – Такой дорогой, что туда даже и не войдешь.

– Ну-у, – разочарованно протянул Райделл, – таких заведений везде хоть пруд пруди.

– Нет, я не про то, – качнул головой Фредди. – Там просто дорого, а сюда тебя вообще не пустят, даже будь у тебя денег – хоть жопой ешь. Приватное вроде как заведение. Японские штучки.

Они стояли около конторки охранников, ждали, пока Уорбэйби переговорит с кем-то там по местному телефону. Ребята за конторкой, дежурные охранники, были все в интенсекьюровской форме, только хитрой, дорогой, с бронзовыми значками фирмы на смешных, остроконечных, на манер шлема, шапочках.

Райделл оставил «Патриота» в гараже, на одном из бесчисленных подземных уровней гостиницы. Там, внизу, жизнь била ключом: десятки людей в поварских халатах и колпаках раскладывали по сотням тарелок непонятного вида салат, по полу ползали, попискивая, маленькие японские пылесосы – здесь, в спокойном, просторном холле, вся эта суета казалась чем-то невероятным.

В Ноксвилле, в этих самых служебных номерах, где он жил несколько дней, тоже были такие вот корейские роботы, наводившие порядок, когда тебя дома нет. Был даже такой специальный железный паук, который объедал пыль со стенного экрана, но на Карен все это не производило ни малейшего впечатления. Экономят, сказала она, живые уборщики обходятся дороже.

Уорбэйби отдал телефон одному из ребят в остроконечных шапках, повернулся, махнул рукой, подзывая Фредди и Райделла.

– Нас проведут, – сказал он.

Охранник, взявший у Уорбэйби телефон, вышел из-за конторки. Он, конечно же, заметил на Райделле интенсекьюровскую рубашку со споротыми эмблемами, однако воздержался от комментариев. Райделл давно уже задумывался, когда же наконец можно будет улучить свободную минуту, забежать в магазин и одеться хоть малость поприличнее. И где это лучше сделать? Мелькнувшая было мысль посоветоваться с Фредди пропала при первом же взгляде на разукрашенную пистолетами да пулеметами рубашку.

– Сюда, сэр.

Уорбэйби двинулся вслед за охранниками, его трость глубоко погружалась в ковер, шарнирная титановая шина негромко пощелкивала. Фредди и Райделл скромно пристроились в кильватер.

13. Дрожь в коленках

Гони. Гони. Гони.

В такие вот моменты, когда Шеветта гнала из последних сил, выкладывалась по-черному, к ней приходило – изредка приходило – ощущение безграничной свободы, независимости от города, от собственного тела, даже от времени. Она понимала, что это – обычная для курьеров галлюцинация, что никакая это не свобода, а наоборот – полная включенность, вплавленность в мир. Зажатый между коленями велосипед казался частью ее самое, неким странным хвостом, возникшим за тысячелетия неспешной эволюции, – великолепный в своей простоте костяк рамы постепенно оброс сверхпрочными лексановыми покрышками и пневматическими амортизаторами, подшипниками, которые отменили понятие «трение». Слившись с велосипедом, Шеветта превращалась одновременно и в часть города, в своевольную, хотя и полностью зависящую от обстоятельств, крупицу вещества, она ежесекундно делала тысячи свободных выборов – и все эти выборы зависели от уличного движения, от блеска дождя на трамвайных рельсах, от роскошных, цвета красного дерева волос незнакомой женщины, бессильно спадавших на плечи темно-синего плаща.

И вот сейчас это состояние приближалось, приближалось, несмотря ни на что. Если гнать и гнать, ни о чем не думая, не воспринимая ничего, кроме движения собственных ног, кроме педальной звездочки, цепи и японской бумажно-углеродной рамы.

Но рядом возникла долговязая фигура на велосипеде, воздух наполнился гулкими, ритмичными ударами басов – у Сэмми, как и многих курьеров, вуфер стоял в седле. Чтобы не поскользнуться, тормозя на вентиляционной решетке, Шеветта свернула влево, через поребрик; покрышки, намертво зажатые энергетическими тормозами, оставили на тротуаре длинные черные полосы. Сэмми Сэл остановился рядом, ярко сверкавшие ободья колес потускнели, погасли совсем.

– Что-то ты, зайка, не в себе. – Его пальцы грубо, со злостью сдавили руку Шеветты. – А может, некий чудодейственный продукт сделал тебя хитрее и проворнее?

– Отпусти.

– Ни в коем разе. Я устроил тебя на хорошее место. Теперь ты идешь вразнос, словно хочешь вылететь с работы. Почему?

Не выпуская Шеветту, он хлопнул левой ладонью по обтянутому черным поролоном рулю; велосипед замолк.

– Сэмми, пожалуйста. Мне нужно поскорее добраться до Скиннера…

Сэмми разжал пальцы.

– С чего бы такая спешка?

Шеветта судорожно закашлялась, затем сделала три глубоких медленных вдоха.

– Слушай, Сэмми, а вот ты – ты когда-нибудь воровал? Не вообще, а во время работы?

Сэмми пристально всмотрелся в ее лицо.

– Нет, – сказал он, наконец. – Вот трахнуть клиента – это я за милую душу.

– Я такого и в мыслях не имею, – брезгливо поежилась Шеветта.

– Само собой, – кивнул Сэмми Сэл. – Но у нас с тобой разные клиенты. Не говоря уж о том, что ты девушка.

– Вчера я украла одну штуку. У мужика этого, прямо из кармана. Я встретила его в отеле «Морриси», там у них была пьянка.

Сэмми задумчиво обвел губы кончиком языка.

– А как это твоя рука попала в его карман? Ты что, с ним знакома?

– Да нет, – качнула головой Шеветта. – Засранец он, вот и все.

– А-а. Этот. Его я встречал, и не раз.

– Он достал меня. Эта штука торчала у него из кармана.

– Ты точно знаешь, что штука, которой он тебя достал, торчала именно из кармана?

– Сэмми, – взмолилась Шеветта, – кончай свой треп! Я же серьезно говорю. Я боюсь, очень боюсь.

Сэмми снова всмотрелся в ее лицо.

– Вот так вот, значит? Ты боишься. Сперла какое-то там говно и прибздела?

– Банни говорит, охранники позвонили в «Объединенную», прямо к Уилсону. Они меня ищут.

– Вот же мать твою, – вздохнул Сэмми, продолжая разглядывать Шеветту. – А я-то решил, ты уторчалась на «плясуне» или еще на какой дури. И что Банни заметил. Он многое терпит, но за такие штучки может с говном съесть. Так ты что – просто боишься?

– Да, – кивнула Шеветта. – Просто боюсь.

– Ну хорошо, – снова вздохнул Сэмми. – И чего же именно ты боишься?

– Боюсь, что они заявятся к Скиннеру и найдут эту штуку.

– Какую штуку?

– Очки.

– Ты бы не могла поконкретнее – какие очки? Очки, как на картах? Или как на игральных костях? – Сэмми побарабанил пальцами по рулю. – Или как у кобры на голове?

– Черные очки. Вроде как солнечные, только через них совсем ничего не видно.

– Очки, сквозь которые ничего не видно? Это в каком же смысле?

– Черные они. Непрозрачные.

– Солнечные очки?

– Да. Только они совсем черные.

– Ясненько. Вот если бы ты трахалась с приличными клиентами – с такими, как я, с приличными, – ты бы знала, что это такое. Извини меня, лапа, но сразу видно, что все твои кавалеры – голь перекатная. Встречайся ты с архитекторами, хирургами и прочей умственной публикой, они бы между делом тебя просветили.

Длинный черный палец насмешливо качнул цепочку, свисающую с застежки скиннеровской куртки.

– ВС-очки, вот это что. Виртуальный свет.

Шеветта слышала где-то такой термин, но не понимала его значения.

– Так они что, дорого стоят?

– Это уж как сказать. Не дешевле хорошей японской машины – но и не сильно дороже. Крошечные электромагнитные излучатели, установленные вокруг линз, действуют прямо на оптические нервы. Один мой приятель приносит иногда такую штуку домой, из конторы. Они там занимаются ландшафтной архитектурой. Так вот, наденешь эти очки и идешь гулять, и все видно нормально, только на каждом дереве, какое попадется по дороге, на каждом растении вроде как висит бирка с названием на нормальном языке, а внизу еще и по латыни…

– Так они же совсем черные!

– Это пока ты их не включила. А включишь, так они даже не темные, вроде как совсем без стекла. От солнца не защищают, зато придают тебе вид – ну такой, вроде как серьезный. Только тебе это ни к чему, – ухмыльнулся Сэмми, – ты у нас и так чересчур серьезная. Главная твоя беда.

Шеветта поежилась.

– Слушай, Сэмми, поехали со мной, к Скиннеру. О'кей?

– Не люблю я высоту, – качнул головой Сэмми. – А эта его коробочка, она точно сверзится как-нибудь с верхотуры, помяни мое слово.

– Ну, пожалуйста, Сэмми. У меня от этой истории коленки дрожат. Вместе с тобой я буду о'кей, а если ты останешься внизу,

я снова начну думать и совсем опупею от страха. Ну, правда, ну что мне делать? Вдруг я приеду, а копы уже там? И что скажет Скиннер, если к нему вот так, ни с того ни с сего, завалятся копы? А вдруг я выйду завтра на работу, а Банни меня уволит? Ну что мне делать, что делать?

Сэмми Сэл посмотрел на Шеветту тем же взглядом, как в тот вечер, когда она просила, чтобы он устроил ее в «Объединенную». А затем косо ухмыльнулся. Блеснули ровные, идеально белые зубы.

– Засовывай тогда эту штуку себе в промежность. И держись. Старайся держаться.

Он вскочил на велосипед и съехал с тротуара, при первом же повороте педалей колеса вспыхнули бледно-фиолетовым светом. До рванувшейся следом Шеветты донеслись гулкие удары басов.

14. Лавлесс

– Ну, как, приятель, хочешь еще пива?

Женщина за стойкой. Ее выбритую голову украшал сложный черный орнамент, доходивший, как понимал Ямадзаки, примерно до естественной границы волосяного покрова. Основными элементами татуировки были кельтские узлы и зигзагообразные, как в детских книжках, молнии. Сохраненные на макушке волосы напоминали шкурку некоего ночного животного, питающегося исключительно вазелином и перекисью водорода. Сквозь десяток, а то и больше отверстий, случайным образом проколотых в левом ухе буфетчицы, был протянут кусок тонкой стальной проволоки. В другое время Ямадзаки проявил бы к подобной картине живейший интерес, однако сейчас ему не хотелось отрываться от записной книжки, от составления путевых заметок.

– Нет, – сказал он. – Большое спасибо.

– Ты что, боишься с двух бутылок нажраться в жопу, или что?

Веселый, даже вежливый голос. Ямадзаки поднял голову. Женщина ждала.

– Да?

– Хочешь здесь сидеть, так закажи что-нибудь. Или мотай.

– Пиво, пожалуйста.

– Такое же?

– Да, пожалуйста.

Женщина смахнула с бутылки мексиканского пива налет инея, откупорила ее, поставила на стойку и переключилась на клиента, сидевшего от Ямадзаки слева. Ямадзаки вернулся к своей записной книжке.

Скиннер все время старался объяснить мне, что нет и не было никакого плана, никакой глубинной структуры. Только вот этот, очевидный костяк, мост, наивысшее из воплощений Томассона. Малое Великое пришло – и совсем не оказалось Годзиллой. В этом месте, в этой культуре даже нет эквивалентного мифа (нельзя исключать, что в Лос-Анджелесе дело обстоит совершенно иначе). Бомба, ожидавшая столь долго, исчезла. Ее место заняли эпидемии, медленнейшие из катаклизмов. Когда Годзилла явился, наконец, в Токио, мы пребывали в глубочайшем отчаянии. И катастрофу мы приветствовали. Приветствовали, хотя ни за что не решились бы в этом себе признаться. Не успев еще оплакать своих мертвых, мы начали осознавать всю неимоверность выпавшей на нашу долю удачи.

– Красивая штука, – сказал сосед слева, накрывая записную книжку левой ладонью. – Японская, не иначе, а то с чего бы она такая красивая.

Ямадзаки поднял голову и неуверенно улыбнулся. Глаза соседа поражали своей странной, необыкновенной пустотой. Живые, блестящие, настороженные – и абсолютно пустые.

– Да, это из Японии, – сказал Ямадзаки. Ладонь неспешно соскользнула с записной книжки.

– Лавлесс, – сказал мужчина.

– Простите?

– Лавлесс. Моя фамилия – Лавлесс.

– Ямадзаки.

Белесые, широко посаженные глаза. Глаза, словно глядящие на тебя из озера, сквозь зеркально-гладкую поверхность.

– Ага. Так я и думал, что будет что-нибудь в этом роде.

Непринужденная улыбка, акцентированная архаичным золотом.

– Простите? В этом роде?

– Что-нибудь этакое, японское. Какое-нибудь там «заки» или «зуки». Такая, в общем, срань.

Улыбка вроде бы не изменилась и в то же самое время стала угрожающей.

– Допивайте свою «Корону», мистер. – Пальцы незнакомца сомкнулись на запястье Ямадзаки. – И пошли. А то жарковато тут.

15. Тысяча пятнадцатый номер

Среди всего прочего Райделла познакомили в Академии и с аэрозолем «Килз», применявшимся для дезинфекции помещений, загрязненных большим количеством крови или любой другой из жидкостей человеческого тела. Антивирусный препарат с запахом, как у древнего цветочного одеколона, выжигавший почище водородной бомбы все – от первой до пятой включительно – разновидности ВИЧ, а также лихорадку Мокола, Тарзана-Денге, конго-крымскую лихорадку и канзасскую инфлюэнцу – любую, в общем, высокозаразную гадость.

Вот его-то прохладный запах и уловил Райделл, пока интенсекьюровский охранник открывал вороненым ключом дверь тысяча пятнадцатого номера.

– Уходя, мы все запрем как надо, – сказал Уорбэйби, притронувшись указательным пальцем к полям шляпы.

– Да, сэр. – Охранник чуть помедлил. – Что-нибудь еще?

– Нет.

Уорбэйби повернулся и вошел в комнату. Фредди не отставал от него ни на шаг, как разукрашенная пистолетами тень. Помявшись немного в нерешительности, Райделл последовал их примеру и притворил за собой дверь. Темно. Шторы задернуты. Сильный запах «Килза». Под потолком вспыхнул свет. Рука Фредди на выключателе. Уорбэйби смотрит вниз, на кирпичного цвета ковер. На светлый прямоугольник – место, где, скорее всего, стояла прежде кровать.

Райделл огляделся. Обстановка солидная, старомодная. Дорогая. Как в хорошем клубе. Стены обиты блестящей в белую и зеленую полоску тканью, может даже – шелком. Мебель деревянная, полированная. Кожаные болотно-зеленые кресла. Бронзовый торшер с темно-зеленым абажуром. Старинная гравюра в широкой золотой раме. Райделл подошел поближе и вгляделся в потускневшее изображение. Лошадь, запряженная в двухколесную повозку очень странного вида – крошечное сиденье и никакого кузова. Бородатый возница в шляпе, как у Эйба Линкольна. Внизу надпись: «Каррир и Айвз»;[15] Райделл задумался на секунду, где здесь имя бородатого мужчины, а где – лошади. Потом он заметил на стекле, прикрывающем гравюру, круглое коричневато-красное пятно. Потек крови успел уже растрескаться, вроде как грязь, остающаяся от подсыхающей лужи, только здесь трещинки были совсем крохотные. И никто его, похоже, не продезинфицировал, не брызгал «Килзом». Райделл боязливо отступил.

Фредди уже расположился в одном из зеленых кресел и раскрыл свой компьютер. Он размотал тонкий черный шнур и подсоединился к розетке, вроде телефонной, но поменьше. Глядя на Фредди, Райделл не переставал поражаться: ноябрь, сыро, холодно, а он в шортах ходит, это ж насмерть замерзнуть можно. Странные они, эти негритянские пижоны, – одеваются, ориентируясь исключительно на моду, а погоды для них, вроде как, и вообще не существует.

– Ну, так что? – спросил Уорбэйби, все так же смотревший на светлое пятно, оставшееся после кровати; лицо его выражало все ту же неизбывную скорбь.

– Сейчас. Сейчас все будет. – Фредди сосредоточенно крутил трэкболл компьютера.

Уорбэйби недовольно хмыкнул, стекла его очков на мгновение почернели – фокусы освещения, не иначе. Секунду спустя у Райделла появилось неуютное ощущение, что Уорбэйби смотрит сквозь него, что взгляд огромного негра внимательно следит за неким далеким, быстро передвигающимся предметом; Райделл даже обернулся, но не увидел ничего, кроме бледной, в бело-зеленую полоску стены.

Он снова взглянул на Уорбэйби. Металлическая трость поднялась, указала на место, где стояла прежде кровать, и снова воткнулась в ковер. Уорбэйби печально вздохнул.

– Хотите данные СФДП[16] по осмотру места преступления? – спросил Фредди.

Уорбэйби пробурчал нечто неразборчивое, его глаза метались из стороны в сторону. Райделлу вспомнились документальные ТВ-фильмы про вуду, глаза жрецов, вошедших в контакт с богами, или дьяволами, или с кем уж там они общаются.

Фредди продолжал крутить свой шарик.

– Отпечатки пальцев, волосы, чешуйки кожи… В гостиничном номере чего только не найдешь…

Райделл не выдержал, шагнул вперед и посмотрел Уорбэйби прямо в глаза.

– Не понимаю, вы тут что, колдуете или что?

Уорбэйби медленно, печально улыбнулся, снял очки, тщательно протер их большим темно-синим платком, извлеченным из кармана пальто, и протянул Райделлу.

– Надень.

Райделл посмотрел на очки. Их стекла были совершенно черными.

– Надень, – повторил Уорбэйби.

Очки оказались непривычно тяжелыми. Кромешная тьма. Затем появились расплывчатые вспышки, вроде как если надавить

на закрытые глаза; еще мгновение, и он увидел Уорбэйби. За спиной Уорбэйби повисло нечто вроде прозрачной стены, исписанной ярко-желтыми словами и цифрами. Райделл присмотрелся к надписям (лицо Уорбэйби немного расплылось) и понял, что это – данные следственной экспертизы.

– А если хочешь, – сказал Фредди, – можешь поприсутствоватъ…

На пропитанной кровью кровати лягушкой разбросался жирный, громоздкий человек. Мертвый человек. Труп. Голова далеко закинута, подбородок смотрит вверх, в потолок. А там, где полагается быть кадыку, темнеет нечто страшное, заставляющее отвести глаза. Вспухший, раздувшийся темно-лиловый нарост.

Желудок Райделла завязался в тугой болезненный узел, он с трудом сдерживал подступившую к горлу тошноту, но тут на месте этого ужаса появилась другая кровать, стоящая в другой комнате, и нагая женщина с волосами, как старое серебро, озаренная невероятным лунным светом.

Райделл сдернул очки. Фредди закинул голову, вздрагивая от беззвучного хохота, длинные черные пальцы придерживали поставленный на колени компьютер.

– Ты бы, – выдавил он, наконец, – только поглядел сейчас на свою рожу! Я вставил сюда кусок этой порнухи, о которой говорил Аркадий, из кассеты, приобщенной к протоколу.

– Фредди, – вздохнул Уорбэйби, – тебе что, так уж не терпится заняться поисками работы?

– Нет, сэр.

– Иногда я бываю очень жестким. И ты это знаешь.

– Да, сэр.

В голосе Фредди звучало искреннее беспокойство.

– В этой комнате умер человек. Некто нагнулся над этой кроватью, – Уорбэйби указал на отсутствующую кровать, – перерезал ему глотку и протащил через щель язык. Это не какое-нибудь там случайное убийство. По телевизору таким анатомическим шуткам не научишься.

Он взял у Райделла очки. Угольно-черные диски, которые и стеклами-то не назовешь, оправленные в темно-серый графит.

– Да, сэр. – Фредди опустил глаза и сглотнул. – Извините, мистер Уорбэйби.

– А как это получается? – спросил Райделл.

Уорбэйби неспешно протер очки, неспешно их надел. Стекла снова стали хрустально-прозрачными.

– В оправе и линзах установлены индукторы, действующие прямо на оптические нервы.

– Виртуальный свет, – пояснил Фредди; новая тема разговора

устраивала его гораздо больше, чем прежняя. – На этот дисплей можно вывести абсолютно все, представимое в цифровой форме.

– Телеприсутствие?

– Нет, – мотнул головой Фредди, – там работает свет. Вылетают фотоны, попадают тебе в глаз. Здесь все иначе. Мистер Уорбэйби ходит по комнате, рассматривает ее – и может одновременно видеть данные из протокола, да хоть какие. Надень эти очки на человека, потерявшего глаза, но сохранившего оптические нервы, и он увидит. Их так сначала и придумали, для слепых.

Райделл подошел к окну, раздвинул шторы и посмотрел вниз, на ночную улицу нового, незнакомого города. Редкие прохожие спешили по своим неизвестным делам.

– Фредди, – сказал Уорбэйби, – выведи-ка мне из интенсекьюровских файлов эту Вашингтон. Девушку, работающую в «Объединенной курьерской».

Фредди кивнул и что-то сделал с компьютером.

– Да, это возможно. – Уорбэйби внимательно изучал нечто, видимое ему одному. – Вполне возможно. Райделл, – он снял очки, – я бы хотел, чтобы и ты взглянул.

Райделл отпустил шторы, подошел к Уорбэйби, взял очки, тем же движением их надел. У него было отчетливое чувство, что сейчас не стоит медлить, мяться в нерешительности – хотя бы даже в результате пришлось снова смотреть на того мужика, на жмурика.

Чернота, цветные вспышки, а затем – лицо девушки, спереди и в профиль. Отпечатки пальцев. Сетчатка правого глаза, увеличенная до размеров ее головы. Цифровые данные. ВАШИНГТОН, ШЕВЕТТА-МАРИ. Большие серые глаза, длинный прямой нос, легкая улыбка, предназначенная, видимо, фотографу. Темные, коротко остриженные волосы собраны на макушке не то в метелку, не то в хвост.

– И что же ты думаешь? – спросил Уорбэйби.

Райделл напрочь не понимал, о чем его спрашивают, не знал, что тут можно ответить.

– Симпатичная.

Похоже, я сморозил глупость, подумал он, услышав приглушенное фырканье Фредди.

Однако Уорбэйби спокойно кивнул.

– Прекрасно. Значит, ты ее не забудешь.

16. «Санфлауэр»

В бетонном лабиринте противотанковых заграждений Сэмми Сэл оторвался и пропал из виду, при всех своих внушительных размерах он был непревзойденным мастером езды по узким, петляющим проулкам. Он умел делать абсолютно невозможные повороты, при необходимости Сэмми мог вздыбить велосипед и развернуться на триста шестьдесят градусов. Шеветта пару раз видела, как он делал такое на спор. А что оторвался, так она прекрасно знала, где его найти.

Проскакивая между первой парой надолбов, Шеветта взглянула вверх и почувствовала, что мост тоже на нее смотрит, смотрит сотнями освещенных окон, фонарей и неоновых вывесок. Она видела картинки, на что был похож мост раньше, в те времена, когда по нему днем и ночью мчались машины, видела, но как-то вроде и не верила этому. Мост для нее был то, что он есть, он не мог быть иным ни сейчас, ни прежде. Убежище, дикое, странное, но – убежище, где можно лечь и уснуть, единственный приют бесчисленных людей и их бесчисленных снов.

Она миновала тележку рыбника, проскочив юзом на мелких осколках льда и серых, тускло поблескивающих кишках. Кишки пролежат тут всю ночь, на рассвете их расхватают чайки. Рыбник крикнул что-то вслед, но Шеветта не разобрала ни слова.

Она ехала между лотками и тележками в вечерней сутолоке, ехала и высматривала Сэмми Сэла.

Сэмми оказался там, где и должен был оказаться, – рядом с кофейной тележкой. Он ничуть не запыхался и стоял теперь, лениво опершись о свой велосипед; смуглая девушка с раскосыми глазами и острыми азиатскими скулами заваривала кофе. Шеветта притормозила рядом и соскользнула на землю.

– Решил, – сказал он, – что успею выпить маленькую без сахара.

Ноги Шеветты отчаянно ныли, гнать за Сэмом – это тоже тебе не сахар.

– Успеешь, если поторопишься, – сказала она, взглянув на мост, и повернулась к девушке:

– Мне тоже.

Удар перевернутым ситечком по краю тележки, комок коричневой гущи полетел на землю и рассыпался, над ним поднялось легкое облачко пара. Девушка засыпала в ситечко кофе, чуть утрамбовала его пальцем, подняла ручку экспрессски, вставила ситечко, снова опустила ручку.

– Понимаешь… – сказал Сэмми Сэл и замолк, осторожно

пробуя горячий кофе. – Ты не должна иметь таких проблем, ни к чему тебе это. Существуют две и только две разновидности людей. Люди, останавливающиеся в гостиницах вроде «Морриси», и мы с тобой. Существовал, говорят, и средний класс, люди, которые посередине, но это было давно и не правда. Как мы и подобные нам связаны с теми, другими? Мы развозим их конверты. Мы получаем за это деньги. Мы стараемся не наследить на ковре. Если дело этим и ограничивается, то все о'кей. Но что произойдет при более близком контакте? Что случится при соприкосновении?

Неосторожный глоток обжег Шеветте рот и горло.

– Преступление, – сказал Сэмми. – Секс. Возможно – наркотики. – Он допил кофе и поставил чашку на фанерную стойку. – Это практически исчерпывает все возможные варианты.

– Но ты-то их дерешь, – заметила Шеветта. – Ты сам говорил.

– Деру, – пожал плечами Сэмми, – ибо мне это нравится. Я понимаю, что могу нарваться на неприятности, и знаю, на что иду. А ты просто взяла и сделала черт знает что, безо всякой нужды и причины. Нарушила мембрану, отделяющую нас от них. Ручки у нее, видите ли, очень шаловливые. Дурь собачья.

Шеветта подула на кофе.

– Понимаю.

– Ну и как же ты намерена выпутываться из этой истории?

– Пойду к Скиннеру, возьму очки, отнесу их на крышу и выкину в воду.

– А что потом?

– Потом буду делать все, как всегда, пока кто-нибудь не придет по мою душу.

– А придет – что ты ему скажешь?

– Сделаю большие глаза. Скажу, что ни хрена не понимаю, о чем это он. Не было такого – и все тут.

– Угу. – Сэмми медленно кивнул, в его голосе не чувствовалось особого энтузиазма. – Может, и проскочит. А может, и нет. Если каким-то там людям эти очки нужны позарез, они могут нажать на тебя так, что пискнешь и околеешь. Другой вариант: мы берем эти очки, отвозим их в «Объединенную» и ты рассказываешь все как на духу.

– Мы?

– Угу. Я буду играть роль почетного караула.

– Меня выкинут с работы.

– Найдешь себе другую.

Шеветта допила кофе, поставила чашку, вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Работа – это все, что у меня есть. И ты, Сэмми, ты сам это

знаешь. Ты сам ее мне нашел.

– А еще у тебя есть место, где спать, – там, на верхотуре. И этот придурочный старый раздолбай, который пустил тебя.

– Я его кормлю…

– И у тебя есть твоя собственная жопа, в целости и сохранности. А если некий хорошо обеспеченный джентльмен врежет тебе по известному месту мешалкой за то, что ты без спросу взяла его информационные очки, ситуация может сильно измениться.

Порывшись в карманах, Шеветта положила на стойку три никелевые пятерки за две чашки кофе и два доллара чаевых. Затем она храбро расправила обтянутые Скиннеровой курткой плечи. Негромко звякнули цепочки многочисленных молний.

– Нет. Отправлю это говно на дно залива, и никто ничего не докажет. Никогда.

– Невинное дитя, – вздохнул Сэмми.

Это звучало очень странно. Шеветта никогда не думала, что слово «невинность» можно использовать таким вот образом.

– Так ты идешь со мной?

– Зачем?

– Заговоришь Скиннеру зубы. Встанешь между ним и его журналами. Это там я их спрятала, за журналами. Тогда он не увидит, как я их вынимаю. Потом я поднимусь на крышу – и все, с концами.

– О'кей, – кивнул Сэмми. – Только я думаю, ты ищешь на вышеупомянутую жопу приключений. Доиграешься.

– Ничего, рискну.

Шеветта покатила велосипед к Скиннеровому подъемнику.

– Тебя не переспоришь, – еще раз вздохнул Сэмми и пошел следом.

В жизни Шеветты было всего три по-настоящему хороших, волшебных момента. Один – это когда Сэмми Сэл сказал, что попробует устроить ее в «Объединенную», и действительно устроил. Другой – когда она расплатилась наличными за свой велосипед и тут же, у дверей магазина, села на него и поехала. И еще вечер, когда она встретила в «Когнитивных диссидентах» Лоуэлла, хотя это еще как сказать, хорошо это было или плохо.

Не нужно только путать хорошие моменты с удачными; самые большие удачи неизменно приходили к Шеветте при обстоятельствах, которые никак не назовешь хорошими, когда вся жизнь вроде как намазана ровным толстым слоем говна, и нет этому говну ни конца, ни края, и неизвестно даже, доживешь ты до завтра или нет, а тут вдруг раз – и удача.

Шеветте крупно повезло в памятную ночь, когда она сбежала из Бивертонской колонии для малолетних, сумела, самой непонятно как, перелезть через колючую проволоку, но все равно та ночь была хреновая, до предела хреновая. О чем свидетельствуют шрамы, так и сохранившиеся на обеих ладонях.

А как она впервые забрела на мост? Ведь это ж была дикая удача. Двигаясь в Сан-Франциско по побережью, Шеветта подхватила лихорадку и едва переставляла подламывающиеся ноги. Все, буквально все причиняло ей боль – свет, звуки, ветер, обдувающий кожу; мозг ее точно лишился защитных покровов, превратился в огромный ком боли, в чудовищный серый гриб, неудержимо рвущийся наружу. Она помнила, как хлюпала оторвавшаяся подошва правой кроссовки, какую нестерпимую муку причиняло ей это хлюпанье, как ноги подкосились окончательно и она села на густо усыпанную мусором мостовую. Мир стал светлым и прозрачным, плыл и вращался, и тут этот кореец выскочил из своей лавки и стал кричать: вставай, вставай, здесь нельзя, иди в другое место. Предложение показалось Шеветте весьма привлекательным, и она направилась прямо в Другое Место – завалилась назад и потеряла сознание, не успев даже почувствовать, как ударилась затылком о бетон.

Здесь-то, надо думать, и нашел ее Скиннер, хотя он толком этого не запомнил, а может – Шеветта не была уверена, – просто не хотел об этом говорить. Вряд ли он мог сам затащить ее наверх, в свою конуру – ведь и нога больная, и вообще, – позвал, наверное, пару мужиков на помощь. А может, и не звал никого, сам справился, со Скиннером ведь не угадаешь. Старый, больной, а иногда – словно подключится к стокиловольтному питанию и делает вещи, непосильные даже молодым крепким парням, хоть стой, хоть падай. Вытащил он Шеветту – это точно, а уж как вытащил и сколько провалялась она потом в беспамятстве – дело темное.

Открыв глаза, она увидела круглое окно с мелким переплетом, заткнутое кое-где тряпками; солнце пробивалось сквозь сохранившиеся стекла цветными точками и пятнами, каких Шеветта никогда прежде не видела; эти точки и пятна плыли в ее воспаленных глазах, как водяные жуки в пруду. Затем прошло огромное, мучительное время, вирус выжимал, выкручивал Шеветту так же, как этот старик выкручивал серые полотенца, которыми обматывал ей голову. Когда горячка кончилась, отступила, откатилась куда-то на сотни миль вдаль, когда Шеветта вернулась, перевалила через край болезни, голова ее оказалась лысой, как яйцо, волосы лежали на мокрых полотенцах, словно набивка из старого, грязного матраса.

Когда волосы отросли, они поменяли цвет, стали темнее, почти черными. Может быть, поэтому Шеветта почувствовала себя вроде как тоже изменившейся, другой. Только почему, думала она, другой? Не другой, а именно что собой, какая я есть.

Шеветта прижилась на новом месте, взяла на себя все обязанности по добыванию еды и поддержанию порядка в комнате. Скиннер посылал ее на нижний уровень моста, где раскладывали свой товар торговцы старьем, посылал то с гаечным ключом, украшенным надписью «БМВ», то с мятой картонкой этих плоских черных штук, которые когда-то играли музыку, то с мешком пластмассовых динозавров. Шеветта не могла поверить, что весь этот хлам кому-то нужен, однако покупатели неизменно находились. Гаечный ключ позволил безбедно прожить целую неделю, за два черных диска из пачки заплатили еще больше. Скиннер знал старые вещи, знал, где они изготовлены и для чего предназначены, мог с уверенностью сказать, что на это вот желающие найдутся быстро, а на это – нет. Первое время Шеветта боялась продешевить – товар непонятный, поди разберись, сколько стоит, но Скиннера это, похоже, не беспокоило. Непроданный товар – те же, скажем, пластмассовые динозавры – возвращался «на склад», в кучи барахла, сложенные на полу вдоль всех четырех стен комнаты.

Отрастив новые волосы и немного окрепнув, Шеветта начала делать дальние вылазки – в пределах моста, город все еще оставался чем-то чужим, пугающим. Дважды она добиралась до самого Окленда, знакомилась с обстановкой. Жизнь там была вроде и похожая, но какая-то немного другая, а чем именно другая – не понять. Больше всего Шеветте нравилось у себя, на подвесном мосту, – одни люди слоняются без дела, другие шустрят; кто чем хочет, тот тем и занимается; и все это вместе вроде как растет, каждый день что-то новое – маленькие, едва заметные, но изменения. В Орегоне нет ничего подобного, да что там Орегон, такого, наверное, и нигде больше нету.

Сперва Шеветта даже не понимала, что ей здесь нравится, просто странное такое ощущение, психованное вроде, вроде как остатки горячечного бреда, но потом она подумала и решила, что это, наверное, и есть счастье и к счастью этому нужно привыкать.

Совершенно неожиданно выяснилось, что счастье – это совсем еще не все, что можно испытывать одновременно и счастье, и беспокойный, непоседливый зуд. Шеветта начала делать осторожные вылазки в город; чтобы не ходить с совсем уж пустыми карманами, она утаивала часть – совсем маленькую часть – денег, вырученных за Скиннерово барахло. Изучать Сан-Франциско – этого занятия могло хватить надолго. Шеветта

обнаружила Хайтстрит, прошла по ней до Скайуокера, поглазела издалека на Храм Судьбы, но заходить за стену не стала. Вела туда аллея, даже не аллея, а узкий такой парк с очень подходящим названием: «Пэнхэндл»[17] – общедоступный парк (это ж представить себе, что такие еще сохранились!). Народу там было не протолкнуться, в любое, считай, время дня, и все больше старики, во всяком случае, выглядели они стариками, и все они лежали бок о бок, почти впритирку, и каждый завернут от ультрафиолета в серебристый пластик, блестящий, как костюмы Элвиса, только сами эти люди совсем не были похожи на Элвиса из видеофильмов, которые показывали иногда в Бивертоне. Так уж говоря, они и вообще походили не на людей, а на червяков, завернутых в серебряную фольгу, каждый – в свой, отдельный клочок, и шевелились они тоже как червяки, у Шеветты прямо мурашки бежали по коже. Не любила она это место.

На Хайт-стрит она тоже чувствовала себя вроде как неуютно, хотя там и были такие участки, что идешь, смотришь и все как на мосту: люди делают, что хотят, ни от кого не прячась, вроде как копов и на свете не существует. Только на мосту Шеветта ничего не боялась, да и чего же бояться, если рядом всегда есть знакомые, если не свои, так хотя бы Скиннеровы, уж его-то, Скиннера, там каждая собака знает. И все равно она любила ходить по Хайт – где же еще найдешь столько мелких лавочек, такую дешевую еду. Вот, скажем, булочная, где всегда можно купить вчерашние бублики, дешево и хорошо; Скиннер говорит, что такие бублики и нужно есть, вчерашние, а свежие бублики все равно что яд, от них кишки склеиваются, или затыкаются, или еще что-то в этом роде. У него, у Скиннера, много таких заморочек. Пообвыкнув, Шеветта начала даже заходить в хайт-стритские лавочки, почти во все, только старалась вести себя там очень тихо, улыбаться и не вынимать руки из карманов.

Однажды она заметила вывеску «Цветные люди», подошла – и не смогла понять, чем же это таким торгует лавка. По занавешенной сзади витрине были расставлены и разбросаны странные вещи – кактусы в горшках, большие ржавые железяки и еще какие-то маленькие, зеркально отшлифованные стальные штучки. Кольца, короткие стержни с шариками на концах и всякое такое, и одни из них висят на кактусах, прямо на иголках, а другие лежат на тех ржавых железяках. И эта самая занавеска, из-за нее не видно, что там внутри. Дверь лавки не была заперта, люди входили туда безо всякого звонка или там стука; Шеветта набралась смелости и решила, что не будет ничего страшного, если она откроет дверь и хоть краем глаза посмотрит, что же там такое делается. Из лавки вышел, посвистывая, толстый мужик в

белом комбинезоне, затем вошли две высокие черноволосые женщины, с головы до ног в черном, как вороны. Интересно, чем они там таким занимаются.

Шеветта сунула голову в дверь. За прилавком стояла женщина с короткими огненно-рыжими волосами, все стены помещения были увешаны потрясными картинками, краски такие, что ослепнуть можно, и все сплошные змеи и драконы, и всякое такое. Дикое количество картинок, все сразу и не рассмотришь; Шеветта стояла раскрыв рот, а потом эта женщина за прилавком сказала: да ты заходи, чего дверь загораживаешь, – и Шеветта вошла, и только тут она увидела, что продавщица, или кто там она еще, одета во фланелевую рубашку без рукавов, распахнутую до пупа, и что ее руки и все, сколько видно, тело сплошь разрисованы такими же в точности картинками.

Тоже, казалось бы, новость – татуировка, татуировок Шеветта насмотрелась по это самое место и в подростковой колонии, и так, на улице, но ведь там была сплошная кустарщина, для которой достаточно иголок, цветной туши, нитки и шариковой ручки. Она подошла к прилавку и уставилась на безумное неистовство красок, сверкавшее между грудей женщины (не таких больших, как у Шеветты, хотя женщине этой было уже под тридцать, а может, и все тридцать), и там были осьминог, и роза, и голубые зигзаги молний, и все это переплетено, перемешано, ни хоть вот столько неразрисованной кожи.

– Вы хотите что-нибудь купить, – спросила женщина, – или просто так смотрите?

Шеветта испуганно сморгнула и потупилась.

– Нет, – услышала она свой голос, – я только вот никак не могу понять, что это за маленькие металлические штучки, которые в витрине.

На прилавке лежала большая книга, переплетенная в черную кожу с хромированными накладками. Женщина развернула ее к Шеветте, раскрыла на первой странице, где красовался странного вида член – здоровенный, с двумя маленькими стальными шариками по бокам клиновидной головки.

Шеветта хрюкнула от удивления.

– Амфаланг, – пояснила татуированная продавщица, – или амфитрахий, как называют его некоторые, имеет много разновидностей. Это – гантель, а это, – она перелистнула страницу, – шпора. Запонки. Кольцо. Грузила. А эта модель известна как «мутовка». Нержавеющая сталь, ниобий, белое золото пятьсот восемьдесят третьей пробы.

Она перекинула страницы назад, и перед Шеветтой снова возник тот, самый первый болт.

Фокусы, подумала Шеветта. Нарисовать любое можно.

– Так больно же будет, – сказала она вслух.

– Не так больно, как тебе кажется, – прогудел низкий бархатистый голос, – а потом, как привыкнешь, так чистый кайф.

На черном-черном, как черное дерево, лице парня сверкала широкая, в тридцать два ослепительно белых зуба, улыбка, под подбородком болталась нанопористая маска, – вот так и произошло первое знакомство Шеветты с Сэмьюэлом Саладином Дюпре.

Двумя днями позднее она увидела его на Юнион-сквер, в компании велосипедных курьеров. Она давно уже пялилась на этих ребят. Одежда и прически – как ни у кого кроме, а главное – велосипеды со светящимися колесами и рулями, загнутыми вверх и вперед, как скорпионьи хвосты. А еще шлемы со встроенными рациями. Они либо неслись куда-то во весь опор, либо вот так вот, как сейчас, мирно тусовались – чесали себе языками да пили кофе.

Сэм стоял вместе со всеми, скинув ноги с педалей на землю, и ел верхнюю половинку бутерброда. Розовая в черную крапинку рама гудела низкой, почти одни басы, музыкой, длинные черные пальцы левой руки безостановочно плясали по рулю, отбивая такт. Шеветта подошла поближе, чтобы присмотреться к велосипеду. Переключение скоростей, тормоза, все такое хитрое и, ну, красивое, что чистый отпад.

– В пуп и в гроб, – несколько гнусаво провозгласил Сэм, его рот был забит бутербродом. – В пуп и в гроб мой амфи… мой амфитрахий. Ам-фалл-ланг. Где ты раздобыла такие туфли?

Старые парусиновые кеды, позаимствованные у Скиннера. Настолько длинные, что Шеветте пришлось запихать в каждый чуть не по целой газете.

– Вот, бери. – Сэм сунул ей в руку вторую половинку своего бутерброда. – Я уже заправился.

– Велосипед у тебя… – восхищенно помотала головой Шеветта.

– Чего там с моим велосипедом?

– Он… Ну, он…

– Нравится?

– Ага.

– А то, – гордо ухмыльнулся Сэм. – «Сугаваровская» рама. «Сугаваровские» передачи и подшипники. Гидравлика от «Зуни». Полный абзац.

– И колеса, – добавила Шеветта. – Потрясные колеса.

– Ну, – ухмыльнулся Сэм, – это больше так, для балды. И чтобы мудак, который сшибет тебя на улице, хоть заметил, что

кого-то там сшибает.

Шеветта потрогала руль. Потрогала музыку, гудевшую в велосипеде.

– Да ты ешь, – сказал Сэмми. – За фигуру тебе бояться не приходится.

Шеветта послушно откусила бутерброд, и они разговорились, и это, собственно, и было их настоящее знакомство.

Затаскивая велосипед по хлипкой фанерной лестнице, Шеветта рассказала Сэму о японке, как та вывалилась из лифта. И как она сама, Шеветта, в жизнь не попала бы на ту пьянку и даже не знала бы, что где-то там идет пьянка, если бы не оказалась в том самом месте – перед лифтом, значит, – в тот самый момент. Сэмми отвечал неразборчивым хмыканьем; колеса его велосипеда погасли, стали тускло-серыми.

– А чья же это была пьянка и по какому случаю? Ты там ни у кого не спросила?

Мария. Мария же говорила.

– Коди. Мне сказали, что хозяин – какой-то Коди и…

Сэмми Сэл резко притормозил, брови его поползли вверх.

– Так-так. Коди Харвуд?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Шеветта. Бумажный, почти невесомый велосипед абсолютно не сковывал ее движений.

– А кто это такой – Коди Харвуд, ты хоть это-то знаешь?

– Нет.

Площадка. Теперь можно не тащить велосипед, а катить.

– Ба-альшие башли. Реклама. Харвуд Левин – это его папаша.

– Ну да. – Шеветте было по фигу, кто там чей папаша. – Я же говорила, что там и публика, и все-все там было богатое.

– Папашина фирма руководила избирательной кампанией президентши Миллбэнк и на этих выборах, и на прошлых.

Но Шеветта была занята более важным делом – активировала распознающую петлю. Сэмми поставил свой велосипед рядом, загоревшиеся было колеса потускнели и снова стали серыми.

– Я прицеплю его к своему, на той же петле. Да здесь их вообще никто не тронет.

– Вот так же думал и я, – сказал Сэмми, наблюдая, как Шеветта вытягивает петлю, как она осторожно, чтобы не оставить на розовой с черным эмали ни царапинки, обматывает раму его велосипеда, как запечатывает петлю большим пальцем. – В тот раз, когда у меня сперли первый велосипед. И следующий.

К величайшей ее радости, желтая корзина подъемника была внизу; гостей у Скиннера, похоже, нет.

– Ну, так что, поехали?

Шеветта запоздало вспомнила, что обещала утром купить у Джонни-таиландца суп, кисло-сладкий лимонный суп, любимое блюдо Скиннера.

Когда она сказала Сэму, что хочет курьерить, хочет иметь свой собственный велосипед, он принес ей мексиканский шлем с наушниками и наглазниками, обучающий, где в Сан-Франциско какая улица и как куда проехать. Через три дня Шеветта знала город вдоль и поперек, хотя и не так, как знают его курьеры. У курьера, сказал Сэмми, в голове такая карта, какой нигде больше и нет. Тут же нужно знать все основные здания, и как в них войти, и как там себя вести, и что нужно делать, чтобы какая-нибудь сволочь не стырила твой велосипед. Но когда он привел ее к Банни, все прошло без сучка, без задоринки, чудо да и только.

За три недели она заработала достаточно, чтобы купить себе вполне приличный велосипед, это тоже было вроде как чудо.

Примерно в это же время Шеветта начала встречаться после работы с парой других «Объединенных» велосипедисток, с Тэми Ту и Элис Мэйби, через них-то она и забрела тогда к когнитивным диссидентам. Забрела и познакомилась с Лоуэллом.

– Здесь у вас никто не запирается, – сказал Сэмми, глядя снизу, как Шеветта поднимает крышку люка.

Шеветта зажмурилась и увидела целую толпу копов, набившуюся в Скиннерову клетушку, попыталась рассмотреть, как они одеты, но не смогла. Затем она открыла глаза и просунула голову в люк.

Обычная, ежедневно наблюдаемая сцена. Скиннер лежит в постели, взгромоздив маленький телевизор прямо себе на грудь, из серых дырявых носков выглядывают желтые, ороговевшие ногти.

– Привет, – сказала Шеветта, поднимаясь наверх. – Я привела Сэмми. Мы с ним вместе работаем.

В люк просунулись голова и плечи Сэмми Сэла.

– Здрасьте, – кивнул Сэмми.

Скиннер молчал, по хмурому морщинистому лицу бегали цветные отсветы экрана.

– Как поживаете? – вежливо осведомился Сэмми; он поднялся в комнату и прикрыл за собой крышку люка.

– Ты поесть что-нибудь принесла? – Скиннер словно и не замечал гостя.

– Джонни говорит, что суп будет готов чуть попозже, – сказала Шеветта, двигаясь к стеллажу с журналами, и тут же осеклась: ну надо же – сморозить такую глупость! Суп этот готов

всегда, двадцать четыре часа в сутки – Джонни заварил его много лет назад и с тех пор только и делает, что добавляет продукты в постоянно кипящий котел.

– Как поживаете, мистер Скиннер? – терпеливо повторил Сэмми. И подмигнул Шеветте. Он стоял, чуть наклонившись, чуть рас ставив ноги, и держал шлем перед собой, в обеих руках, ни дать ни взять – подросток, пришедший засвидетельствовать почтение папаше своей подружки.

– А чего это ты там подмигиваешь?

Скиннер щелкнул выключателем, и экран погас. Шеветта купила этот телевизор в Мышеловке, с контейнеровоза. Скиннер говорил, что не в силах больше разобрать, какие из передач «программа», а какие «реклама», что бы эти слова ни значили.

– Да нет, мистер Скиннер, – сказал Сэмми Сэл, – что вы, просто в глаз что-то попало.

Он переступил с ноги на ногу и стал еще больше похож на нервозного, неуверенного в себе подростка. Шеветта бы, пожалуй, расхохоталась, если бы не другое, важное дело. Прикрытая широкой спиной Сэмми, она пошарила за журналами. На месте, слава богу. Вытащим и – в карман.

– Сэмми, а ты смотрел когда-нибудь на город с нашей верхотуры?

Шеветта чувствовала на своем лице широкую, придурочную улыбку, чувствовала недоумение Скиннера, пытавшегося понять, что же тут происходит, но ей сейчас все было по фигу. Она взлетела по стремянке к потолочному люку.

– Нет, лапа, никогда. Полный, наверное, отпад.

– Слышь, – сказал Скиннер, глядя, как Шеветта открывает люк, – что это с тобой, сдурела, что ли?

Но она уже поднялась в недвижность навалившегося на мост воздуха. Чаще всего здесь дул ветер, вызывавший острое желание лечь ничком и вцепиться во что-нибудь покрепче, но бывали и такие вот моменты мертвого, абсолютного затишья. Сзади послышались шаги Сэмми. Шеветта вынула футляр из кармана и шагнула к краю крыши.

– Подожди, – сказал Сэмми. – Дай посмотреть.

Шеветта занесла руку для броска. Цепкие черные пальцы выхватили у нее футляр.

– Ты что!

– Стихни. – Сэмми открыл футляр, извлек из него очки. – Отличная штука…

– Отдай!

Шеветта протянула руку, но получила только сланцево-серую скорлупку футляра.

– Видишь, как это делается? – Сэмми держал очки за дужки. – Слева «aus», справа – «em». Вот так вот, слегка сдвинуть – и все.

В тускловатом свете, пробивающемся из люка, – длинные черные пальцы.

– Вот, попробуй сама, – сказал Сэмми, надевая на Шеветту очки.

Деловые кварталы Сан-Франциско, Пирамида, стянутая после землетрясения стальными скрепами, дальние горы – все это исчезло.

– Еж твою в двадцать, – пораженно выдохнула Шеветта, глядя на ровный строй невероятных зданий. Огромные – шириной, пожалуй, в четыре городских квартала каждое, – они отвесно уходили к небу, чтобы там, на головокружительной высоте, распуститься широкими, похожими на дуршлаги полусферами. Затем небо заполнилось китайскими иероглифами.

– Сэмми…

Она покачнулась и тут же почувствовала на правом локте твердую руку Сэма.

Китайская надпись искривилась, поплыла, выстроилась в нормальные буквы.

«САНФЛАУЭР КОРПОРЕЙШН».

– Сэмми…

– А?

– Что это за хрень?

Стоило Шеветте присмотреться к чему-нибудь повнимательнее, как в небе вспыхивала новая надпись, тесные строчки непонятных технических терминов.

– Откуда мне знать, я же не вижу, чего ты там видишь. Дай посмотреть.

– Скутер, – донесся снизу голос Скиннера. – Чего это ты вдруг вернулся?

Шеветта беспрекословно отдала Сэмми Сэлу очки, опустилась на колени и заглянула в люк. Ну да, тот самый японский недотепа, который ходит все время к Скиннеру, студентик или социальный работник, или кто уж он там такой. Только чего этот японец так странно выглядит, он и всегда-то как пыльным мешком ударенный, а тут и вообще. Испуганный какой-то. И кто это с ним второй?

– Ну так что, Скутер, – сказал Скиннер, – как жизнь молодая?

– Это мистер Лавлесс, – пробормотал Ямадзаки. – Он хочет с вами познакомиться.

– Эй, на крыше! – незнакомец сверкнул золотыми коронками и вытащил из кармана длинного черного дождевика пистолет. Он держал оружие с привычной непринужденностью профессионала,

как плотник свой молоток или смазчик – масленку. На его руке была хирургическая перчатка. – Чего ты туда залезла, спускайся к нам.

17. Мышеловка

– А делается это так, – сказал Фредди, вручая Райделлу кредитную карточку. – Ты платишь пять сотен за вход и имеешь потом право набрать на эти пять сотен товару.

Райделл взглянул на карточку. Какой-то голландский банк. В счет, нужно понимать, зарплаты. Сейчас, пожалуй, самое время спросить, какая она будет, эта зарплата. А может – и не самое время, может, лучше подождать, а то больно уж у него, у Фредди, мрачное настроение.

По словам Фредди, этот Контейнерный город – лучшее место, чтобы быстро и без хлопот купить одежду. Нормальную, будем надеяться, одежду. Уорбэйби пьет сейчас травяной чай в этом странноватом кафе. Сказал, что ему нужно спокойно подумать. Отослал Райделла к машине, а Фредди задержал и пару минут с ним секретничал.

– А что, если мы ему понадобимся? Поехать захочет куда-нибудь или еще что.

– Позвонит и вызовет.

Следуя указаниям Фредди, Райделл засунул кредитную карточку в кассовый автомат и получил пятисотдолларовый магнитный чек Контейнерного города плюс разрешение на парковку «Патриота».

– Теперь сюда, – сказал Фредди, указывая на турникеты.

– А ты что, не будешь платить?

– На хрена? – ухмыльнулся Фредди. – Я покупаю одежду в других местах.

Он открыл бумажник и продемонстрировал Райделлу карточку с эмблемой «Интенсекьюра».

– А я-то считал, что вы на них работаете сугубо по договору.

– Сугубо, но очень часто, – пояснил Фредди, засовывая в прорезь интенсекьюровскую карточку. Райделл прошел через соседний турникет с помощью своего магнитного чека.

– Так это что же, без пяти сотен сюда и не войдешь?

– Да, потому и название такое – «Мышеловка». Они это придумали, чтобы не прогореть на эксплуатационных расходах, защитили себя от зевак, не собирающихся ничего покупать. Каждый вошедший оставит здесь не меньше этих пяти сотен.

Контейнерный город оказался исполинским крытым рынком, если можно назвать «рынком» место, где паркуются не грузовики, а корабли, большие корабли. Судя по всему, пятисотдолларовый минимум никого особенно не отпугивал, люди здесь толклись даже теснее, чем на улице.

– Гонконгские деньги, – сказал Фредди. – Эти ребята откупили целый кусок набережной.

– Слышь, – удивленно воскликнул Райделл, указывая на смутный силуэт, вырисовывавшийся за крановыми балками и прожекторными мачтами, – так это ж мост, тот самый, на котором люди живут.

– Да, – криво усмехнулся Фредди, – только лучше бы сказать не «люди», а «психи».

Он направил Райделла к эскалатору, неутомимо взбегавшему на безупречно белый борт огромного контейнеровоза.

– Охренеть можно, – восхитился Райделл, оглядывая сверху Контейнерный город. – Куда там Лос-Анджелесу, там такого не найдешь!

– Ну уж, не скажи, – качнул головой Фредди, – и я родился в Лос-Анджелесе, так что знаю, о чем говорю. А это – рынок себе и рынок, плешь собачья.

Райделл купил бордовую нейлоновую куртку, две пары черных джинсов, три черные футболки и белье, за все про все – пять сотен с небольшим, так что пришлось доплатить по кредитной карточке.

– Совсем и не дорого, – сказал он, укладывая покупки в желтый полиэтиленовый мешок с эмблемой Контейнерного города. – Спасибо, Фредди, что показал такое место.

– Не за что, – пожал плечами Фредди. – А что там на джинсах написано, где они произведены?

Райделл изучил ярлык.

– Африканский союз.

– Ну вот, – кивнул Фредди, – принудительный труд. Не нужно было тебе брать это говно.

– Я как-то не подумал… А как тут с едой, поесть тут можно где-нибудь?

– Сколько душе угодно…

– А ты-то пробовал когда такую вот корейскую хрень маринованную? Ну, прямо огонь во рту…

– У меня язва. – Фредди методично закладывал себе в рот ложку за ложкой простого, безо всяких там примочек йогурта.

– Стресс, Фредди, это все от стресса.

– Очень смешно. – Фредди оторвался от розовой пластиковой миски и окинул Райделла недружелюбным взглядом. – Ты что, всегда такой юморист?

– Какой там юмор, – печально улыбнулся Райделл, – просто так уж вышло, что я про язву много знаю – у моего отца тоже думали, что язва.

– Так была она у него или нет, язва, у твоего папаши?

– Нет, потом вдруг оказалось, что не язва, рак желудка.

Фредди болезненно сморщился, отставил свой йогурт, покрутил в пальцах бумажный стаканчик с ледяной минеральной, отхлебнул из него и тоже отставил.

– Эрнандес говорит, – сказал он, – что ты учился на копа в какой-то там глухой дыре.

– Ноксвилль, – кивнул Райделл. – И не просто учился, я был копом. Только недолго.

– Ну да, конечно, понимаю. – Фредди не то успокаивал Райделла, не то извинялся за свою «глухую дыру». – Так ты что, прошел полную тренировку по всем этим полицейским штучкам?

– Н-ну, – протянул Райделл, – в нас старались впихнуть всего понемногу. Осмотр места происшествия. Вот, скажем, в этом номере, сегодня. Я точно знаю, что они не работали с суперклеем.

– Не работали?

– Нет. В суперклее есть такая химическая зараза, которая липнет к содержащейся в отпечатках воде, а ведь они, отпечатки, из той воды, считай, и состоят, на девяносто восемь процентов. Ну, так вот, есть такой маленький нагреватель, специально для клея, вставляется прямо в обычную розетку. Включаешь его, затыкаешь окна и двери мусорными мешками, да хоть чем угодно, лишь бы заткнуть, и оставляешь так на двадцать четыре часа, потом возвращаешься и очищаешь там воздух.

– Как это – очищаешь?

– Ну, проветриваешь. Открываешь окна и двери. Потом все как обычно – ищешь отпечатки, обрабатываешь порошком. А там, в отеле, ничего этого не сделали. После такой обработки на всем остается тоненькая такая пленка. И еще запах, как ни проветривай…

– Ни хрена себе, – уважительно протянул Фредди, – да ты, получается, настоящий спец.

– Тут же все на уровне здравого смысла, – отмахнулся Райделл. – Ну, вроде как не пользоваться туалетом.

– Туалетом? Не пользоваться?

– На месте преступления. Не ходить в туалет. Не спускать воду. Ведь если бросить что-нибудь в унитаз… Ты обращал внимание, как там все устроено, вода прет вниз, а потом вверх и снова вниз.

– Ага, – кивнул Фредди.

– Так вот, вполне возможно, что преступник, или кто там еще, бросил туда что-нибудь и спустил. А эта хрень не спустилась совсем и так и болтается там, в трубе. А ты придешь, спустишь воду – и все, с концами.

– Вот же мать твою, – восхитился Фредди. – Ну, никогда

такого не знал.

– Здравый смысл, – повторил Райделл, вытирая губы бумажной салфеткой.

– А ведь прав мистер Уорбэйби, точно прав.

– Это про что?

– Он говорит, что мы зря усадили тебя за баранку, что ты можешь заниматься куда более серьезными делами. Сам-то я, если по-честному, совсем не был в этом уверен.

Фредди замолчал, словно ожидая, что Райделл обидится.

– Ну и?

– Ты заметил, что у мистера Уорбэйби на ноге шина?

– Да.

– Ты знаешь этот мост, на который ты еще показывал?

– Да.

– И ты помнишь снимок этой рассыльной соплячки, малолетка такая, крутая, как яйцо?

– Да.

– Ну, так вот, – вздохнул Фредди, – мистер Уорбэйби уверен, что она-то и обворовала этого мужика. И она живет на мосту. А мост этот самый – местечко страшное, жуткое. Там сплошные анархисты, жуть сплошная…

– А я слышал, там самые обыкновенные люди, бездомные. – Райделл смутно припомнил какой-то старый документальный фильм о мосте. – Устроились там и живут.

– Хрен там, бездомные. – Для убедительности Фредди сжал правую руку в кулак и стукнул по ее сгибу ребром левой ладони. – Бездомные, они живут на улице. А эти, на мосту, они же все там сатанисты и хрен знает что. Вот ты, наверное, думаешь, что можешь пойти туда и так себе спокойно разгуливать? Хрен ты там погуляешь. Они ж туда только своих пускают. Это у них вроде как культ, инициации и все такое, белье-мое.

– Инициации?

– Черные инициации, – наставительно поднял палец Фредди.

Нужно думать, ухмыльнулся про себя Райделл, красавчик не имеет в виду расовый аспект этих ритуалов.

– О'кей, – сказал он вслух, – только как это все связано с ногой мистера Уорбэйби?

– Вот там-то, на мосту, ему и повредили колено, – торжественно поведал Фредди. – Он пробрался туда, отчетливо понимая, что рискует своей жизнью, но он был готов на все, лишь бы спасти это дитя. Маленькую девочку. – Фредди прямо упивался своим повествованием. – Эти суки с моста, они же часто это делают.

– Что – «это»? – в глазах Райделла стояли постные,

невыразительные физиономии «Медведей-Шатунов».

– Воруют детей, – объяснил Фредди. – И теперь ни мистер Уорбэйби, ни я, ни один из нас не может и близко туда подойти, ведь эти суки, они на нас охотятся, понимаешь?

– А потому вы хотите, чтобы туда пошел я?

Райделл запихнул скомканную салфетку в картонную коробку из-под кимчи.[18]

– Пусть уж мистер Уорбэйби сам все это объясняет, – вздохнул Фредди. – У него лучше получится.

Они нашли Уорбэйби там же, где и оставили, – в темноватом, с высоким потолком кафе; район, сказал Фредди, зовется Норт-Бич. На Уорбэйби снова были эти хитрые очки, но что уж там изучал знаменитый сыщик, оставалось полной загадкой.

Райделл прихватил из машины свой синий «самсонит» и мешок с покупками, ему не терпелось переодеться. Туалет в кафе имелся всего один, на одну персону вне зависимости от пола, в туалете этом была даже ванна, так что он вполне заслуживал гордое название «ванная комната». Судя по всему, ванной этой никто никогда не пользовался – на внутренней ее поверхности была намалевана русалка в натуральную величину. Неизвестный злоумышленник прилепил к животу морской девы коричневый окурок, чуть повыше того места, где кончается кожа и начинается чешуя.

Райделл обнаружил, что Кевиновы брюки лопнули сзади по шву, и с тоской задумался, сколько же это времени разгуливал он в таком вот пикантном виде, с голой задницей. Ладно, будем считать, что авария произошла только что, в машине, иначе кто-нибудь да сказал бы, да хоть тот же самый Фредди. Он снял интенсекьюровскую рубашку, затолкал ее в урну для мусора, надел одну из черных футболок, расшнуровал ботинки и задумался. Предстояла сложная задача – переодеть трусы, брюки и носки, ни разу не встав босыми ногами на подозрительно мокрый пол. Залезть в ванну? Да нет, там тоже грязно. В конечном итоге ему удалось выполнить все необходимые операции, сперва – стоя на снятых ботинках, а затем – полусидя на стульчаке; вся старая одежда отправилась в ту же самую урну. Размышляя, сколько же там осталось на этой голландской кредитной карточке, Райделл переложил бумажник в правый задний карман новых джинсов, а затем надел бордовую куртку. Умылся под жиденькой струйкой чуть тепловатой воды. Причесался. Уложил остальную одежду в «самсонит», не забыв и магазинный мешок – пригодится для грязного белья.

Хорошо бы, конечно, принять душ, но с этим придется

повременить, переодеться удалось – и то слава богу.

На этот раз очки Уорбэйби оказались прозрачными.

– Фредди рассказал тебе немного насчет моста?

– Ну да, – кивнул Райделл. – Они там все сатанисты, пьют кровь христианских младенцев.

Уорбэйби сверкнул глазами на скромно потупившегося Фредди.

– Описание излишне колоритное, однако, очень близкое к истине. Место не из самых приятных. К тому же оно фактически выпадает из сферы действия правоохранительных органов. К примеру, там ты не встретишь наших друзей Шитова и Орловского, во всяком случае – в их официальном качестве.

Еще один ледяной взгляд, и улыбка, появившаяся было на лице Фредди, увяла.

– Фредди мне все уже объяснил. Вы хотите, чтобы я отправился на мост и нашел эту девушку.

– Да, – мрачно кивнул Уорбэйби, – совершенно верно. Очень хотелось бы сказать тебе, что ничего опасного там нет, однако это не так. К крайнему моему сожалению.

– Да-а… И насколько же это опасно?

– Очень, – вздохнул Уорбэйби.

– А эта девушка, она что, тоже опасна?

– В высшей степени, – отчеканил Уорбэйби. – Тем более что внешность ее не внушает ни малейших опасений. Да что там говорить, ты же сам видел, что они сделали с горлом этого человека.

– Господи, – поражение выдохнул Райделл, – неужели вы думаете, что эта девочка способна на такое?

– Ужас, – печально кивнул Уорбэйби. – Люди делают ужасные вещи.

Только теперь, вернувшись к машине, Райделл заметил, что припарковал ее прямо под огромной стенной росписью. Джей-Ди Шейпли, в черной кожаной куртке на голое тело, возносится в рай на руках полудюжины белокудрых, предельно педерастичных ангелов. Голубыми сверкающими спиралями ДНК, исходящими из его живота, Шейпли поражал вирус СПИДа – ржавый, отвратительного вида шар со множеством зловещих механических лап, очень похожий на боевую космическую станцию из какого-нибудь фантастического фильма.

До чего же это было дико – быть этим вот парнем, Шейпли. А быть кем-нибудь другим, разве это не дико? Тоже дико. Но вот что особенно дико, так это быть Шейпли и умереть, как он, а потом глядеть на эту вот картинку.

«ТЕПЕРЬ ОН ЖИВЕЕ НАС, – гласила надпись большими, в добрый фут высотой, буквами, – И ТОЛЬКО ИМ МЫ ЖИВЕМ».

Истина, с которой мог бы поспорить разве что Саблетт, так и не сделавший себе ни одной прививки.

18. Конденсатор

У Шеветтиной матери был одно время дружок по фамилии Оукли, который пил по-черному, а в свободное от пьянки время возил бревна на лесопилку, если, конечно, не врал. Долговязый мужик с голубыми, широко посаженными глазами и лицом, изборожденным глубокими вертикальными морщинами. Мамаша восхищалась этими морщинами, говорила, что с ними Оукли похож на самого взаправдашнего ковбоя. И никакой у него не ковбойский вид, а такой, ну вроде как опасный, думала про себя Шеветта, но с матерью не спорила. К слову сказать, ничего опасного в Оукли не было, ну разве что примет на грудь слишком уж много – бутылку там виски или две – и перестанет понимать, что к чему. Иногда он начинал приставать к Шеветте, путал ее с мамашей, но Шеветте каждый раз удавалось вывернуться; проспавшись, Оукли не знал, куда глаза деть, и он шел в лавку и покупал ей всякие побрякушки, ну чтобы вину свою хоть как-то загладить. А сейчас, глядя сверху, через люк, на этого незнакомого мужика, Шеветта вспомнила тот случай, когда Оукли, трезвый как стеклышко, отвел ее в лес и дал пострелять из револьвера.

У этого, в комнате, было лицо вроде как у Оукли, и глаза такие же, и морщины на щеках. Такие морщины, как вроде человек много улыбается, да он и сейчас улыбался, тип этот, только вот улыбка у него была такая, что никого не развеселит, не успокоит, и еще эти золотые зубы.

– Спускайся, – сказал он не очень громко, но все равно это звучало как приказ, за невыполнение которого того и гляди поставят к стенке.

– Ты что, парень, с буя сорвался? – в голосе Скиннера не чувствовалось страха – недоумение, любопытство, но никак не страх.

Сухой, совсем негромкий щелчок, и яркая голубая вспышка. Японец осел на пол, сразу как-то осел, неожиданно. Шеветта даже сперва подумала, что этот тип его застрелил.

– Заткнись, – бросил бандюга Скиннеру и снова повернулся к Шеветте. – Спускайся. Сколько раз тебе говорить?

Пальцы Сэмми Сэла тронули ее за затылок, чуть подтолкнули к люку, снова исчезли где-то там сзади.

Этот тип, он же, пожалуй, и не подозревает даже, что здесь, на крыше, есть еще какой-то Сэмми Сэл. А очки у Сэмми Сэла. И никакой этот мужик не коп, скорее уж наоборот.

– Извините, пожалуйста, – сказал японец. – Мне очень

неудобно перед вами, но…

– Сейчас я всажу тебе пулю в правый глаз.

И все лыбится, лыбится, и голосок – ну прямо словно предлагает: «Хочешь, я куплю тебе сэндвич?»

– Сейчас, – сказала Шеветта, – иду. – И этот не стал больше стрелять ни в нее, ни в никого.

Она вроде как слышала, как Сэмми Сэл шагнул по крыше, отступил от нее и от люка, но не стала, конечно, оборачиваться. И она не знала, стоит закрывать за собой люк или нет, и решила, что не стоит, ведь мужик сказал ей спуститься и ничего больше. Чтобы закрыть, ей нужно будет повернуться и протянуть руку назад, к крышке, а хрен там хрена этого знает, подумает еще, что она достает оттуда пистолет или еще что. Ну прямо тебе как в кино. Чистый цирк.

Спрыгивая с нижней ступеньки на пол, Шеветта старалась держать руки на виду, чтобы хрену этому было видно.

– Что ты там делала?

И улыбочка, все та же долбаная улыбочка. Пистолет и близко не похож на старый громадный и неуклюжий револьвер, привезенный Диком Оукли из Бразилии. Маленькая такая, тупорылая, почти квадратная хреновина из тускло-серого, точь-в-точь как инструмент в Скиннеровом ящике, металла. А на кончике дула, вокруг дырки, кольцо другого металла, блестящего, вроде как глаз с черным зрачком.

– На город смотрела.

Шеветта не ощущала особого страха. Да она сейчас и вообще ничего не ощущала, кроме дрожи в ногах.

Тип поднял голову, скользнул взглядом по черному зеву люка; рука, сжимавшая пистолет, не шевелилась, как каменная. Шеветта боялась, а вдруг он спросит, одна она была на крыше или с кем; ответишь неуверенно, или там со слишком горячей уверенностью, так он ведь сразу поймет, что врешь.

– Ты знаешь, за чем я пришел.

Скиннер сидел в кровати, привалившись спиной к стенке; от недавней его сонливости не осталось и следа. Японец – не только живой, но, похоже, даже не раненый – сидел на полу, широко раскинув длинные костлявые ноги.

– Ясненько, – сказал Скиннер, – наркотики или деньги. Только ты сильно ошибся адресом. Если хочешь, могу дать тебе пятьдесят шесть долларов и лежалый хабарик с дурью.

– Заткнись. – Золотоносная улыбка исчезла, теперь у мужика словно вообще не было губ – тонкая, как карандашом проведенная линия и все. – Я не с тобой разговариваю.

Скиннер хотел вроде бы что-то сказать или, может,

засмеяться, но не сделал ни того, ни другого.

– Очки.

Тип снова сверкнул этой своей улыбкой, которая и на улыбку-то не похожа, и поднял пистолет, так что Шеветта глядела теперь прямо в злобный черный зрачок. Ну, пристрелит он меня, – мелькнула у нее мысль, – ну и что? А где он их потом искать будет?

– Хэпберн, – сказал Скиннер с этой своей легкой, чуть ненормальной улыбочкой, и только теперь Шеветта заметила, что во лбу Роя Орбисона, который на стене, на постере, появилась круглая, аккуратная такая дырочка.

– Там. – Она указала на люк. На нижний люк, люк в полу.

– Где?

– В багажнике велосипеда.

(Только бы Сэмми не наткнулся в темноте на эту ржавую тележку, не загремел.)

Тип взглянул на потолочный люк – ну прямо мысли слушает.

– Лицом к стене, раскинь руки. – Он подошел ближе. – Ноги пошире. – Холодное прикосновение к затылку, пистолет, наверное. Бесстрастная, словно механическая, рука скользнула под куртку, ищет оружие…

– Так и стой.

Скиннеров нож – тот, керамический, с фрактальным лезвием – бандит прозевал. Шеветта чуть повернула голову и увидела, как он одной рукой обкручивает запястье японца чем-то красным и вроде как резиновым – яркая такая штука, ну вроде как эти мягкие жевательные конфеты, на червяков похожие, которыми торгуют из больших стеклянных банок. Потом он проволок косоглазого дурика через всю комнату, пропустил красную хреновину через стальной кронштейн столика, того самого, за которым Шеветта завтракала, и обмотал свободным ее концом второе, покорно подставленное запястье. Этим дело не кончилось. Затянутая в резиновую перчатку рука извлекла из левого кармана черного дождевика еще одну такую же штуку и встряхнула ее, как игрушечную змею.

– Сиди, старик, на своей кровати и не рыпайся.

Бандюга ткнул Скиннера пистолетом в висок, наклонился и опутал его руки. Скиннер молчал и не шевелился.

Затем настала очередь Шеветты.

– Тебе мы сделаем спереди, а то по лестнице не сможешь спуститься.

Веревка эта, или как ее, оказалась холодной, скользкой, и типу этому не пришлось ее завязывать там или защелкивать, она сама склеилась на запястьях в кольцо, даже не склеилась, а

срослась, безо всяких там швов. Веселенькие такие пластиковые браслеты, ярко-красные, ну прямо тебе детская игрушка. Теперь с молекулами каких только фокусов не делают.

– Я буду за тобой следить, – сказал он и снова стрельнул глазами на потолочный люк. – Так что спускайся медленно, безо всяких штучек. Если ты спрыгнешь или побежишь, когда будешь внизу, – я тебя убью.

Шеветта ни секунды не сомневалась, что так он и сделает, если сможет, а вот сможет ли? Оукли, помнится, говорил в тот раз, в лесу, что это очень трудно – попасть в цель, когда стреляешь прямо вниз, а прямо вверх еще труднее. Так что стоило, пожалуй, рвануть, как только под ногами будет ровное место, всего-то и надо что отбежать от лестницы на шесть футов, а там уже угол, и поминай, как звали… Шеветта еще раз взглянула в черный с серебряной радужкой зрачок пистолета и решила, что эта, насчет рвануть, идея не такая уж, в общем-то, и удачная.

Она подошла к люку и встала на колени. Спускаться по чуть ли не вертикальному трапу со связанными руками – номер трудный, почти акробатический; мужик помог Шеветте, ухватив ее за шкирку Скиннеровой кожанки. В конце концов, она поставила ноги на третью от верха ступеньку и вцепилась пальцами в край люка, дальше уже было попроще. Она переставляла ноги на одну ступеньку вниз, отпускала ступеньку, за которую держалась руками, и хваталась за следующую – тут-то, собственно говоря, и был весь фокус: не успеешь перехватить достаточно быстро, потеряешь равновесие и сверзишься вниз, сделаешь чересчур резкое движение – тот же самый плачевный результат. А потом – все по новой.

Шеветта опускалась почти механически, думая совсем о другом, и как-то так вышло, что лестничная эта эквилибристика помогла ей просмотреть все возможные варианты и выбрать из них самый вроде бы осуществимый. Она думала спокойно и методично, немного даже удивляясь собственному спокойствию, знакомому спокойствию. Точно так же чувствовала себя Шеветта в Бивертоне, в ту ночь, когда она перебралась через колючую проволоку, взяла и перебралась, ничего не планируя заранее. А еще в тот раз, когда эти шоферюги-дальнобойщики решили затащить ее в свою спальную конуру; она тогда сделала вид, что не имеет, собственно, ничего против, а затем выплеснула одному из них в морду целый термос горячего кофе, врезала другому ногой по балде и выскочила наружу. Шоферюги искали ее битый час, светили повсюду и фарами, и фонариками, а она все лежала и лежала в болоте, в кустах, и боялась пошевелиться, а комары

жрали ее заживо. Так и стоят перед глазами ослепительно-яркие лучи, пляшущие на чахлых болотных кустиках.

Все, площадка. Шеветта отступила от лестницы, стараясь держать связанные руки на виду, а то еще что подумает. Мужик спустился быстро, бесшумно и даже красиво – ни одного лишнего движения. Только сейчас Шеветта обратила внимание, из какой странной ткани сшит его дождевик – ни малейшего глянца, и даже не матовая она, а словно вообще не отражает света, нисколько. А на ногах – ковбойские сапоги, тоже черные. Бегать в таких не хуже, чем в кроссовках, хотя мало кто об этом догадывается.

– Где они?

Короткая улыбка, мгновенная вспышка золота. Темно-русые волосы гладко зачесаны назад. Демонстративное движение стволом – чтобы Шеветта не забывалась, не думала ни о каких глупостях. Рука, держащая пистолет, начинала потеть, под белой резиновой перчаткой угадывались темные капли влаги.

– Дальше можно спуститься на… – Шеветта осеклась. Желтая корзина подъемника была наверху, точно на том месте, где ее оставили они с Сэмми Сэлом. А как же этот-то поднялся, и японец тоже?

Новый проблеск золота.

– Мы воспользовались лестницей.

Ну да, служебная лестница, для маляров, стальные, чуть не насквозь проржавевшие скобы. Мало удивительного, что у японца поджилки потом дрожали.

– Так что, – спросила Шеветта, – ты идешь?

По пути к подъемнику она старательно смотрела себе под ноги, чтобы не забыться, не взглянуть назад и вверх – что там делает Сэмми. Спуститься он не мог – если медленно, осторожно, то не хватило бы времени, а скатываться по трапу быстро, так это какой бы грохот стоял.

Шеветта перекинула ногу через высокий пластиковый борт и беспомощно оглянулась. Золотозубый подсадил ее, затем тоже влез в корзину и выжидательно замер.

– Этот вниз, – сказала она, указывая на один из рычагов.

– Давай.

Шеветта сдвинула рычаг на деление, на другое; снизу донесся вой мотора, корзина поползла под уклон. Внизу, под лампочкой, заключенной в мятую алюминиевую сетку, виднелся пятачок света. Интересно, подумала Шеветта, а что бы было, если бы Фонтейн, или там кто еще, появился бы сейчас, пришел бы, скажем, электрическое хозяйство проверить? Пристрелил бы его этот хмырь, точно пристрелил бы, а если двое или трое – всех бы

пристрелил. Перещелкал бы одного за другим, а потом скинул в воду, это ж у него прямо на морде написано, большими буквами.

Он вылез из корзины боком, не спуская с Шеветты глаз, затем помог и ей. Помост под ногами ощутимо вибрировал – снова поднялся ветер, и мост гудел, как гигантская эолова арфа. Издалека доносились обрывки смеха.

– Где? – спросил бандюга.

– Вон тот, розовый с черным. – Шеветта указала связанными руками на два велосипеда.

Бандюга даже не сказал «иди вперед», или там «достань», а только молча махнул пистолетом.

– Держись подальше, – сказал Шеветтин велосипед, когда до него оставалось футов пять.

– В чем дело?

Толчок стволом в спину, не то чтобы болезненный, но неприятный.

– Второй велосипед выступает, у этой рухляди охранная система.

Шеветта нагнулась, нажимом большого пальца освободила велосипед Сэмми Сэла, однако не стала просовывать руку в распознающую петлю.

– Ты что, засранец, английского языка не понимаешь? – угрожающе процедил велосипед. – Может, тебе по-другому объяснить?

– Выключи его, – скомандовал бандюга.

– О'кей.

Шеветта знала, что нужно сделать это одним быстрым движением – взяться двумя пальцами за резиновую изолирующую покрышку и качнуть велосипед в сторону.

А вот что бандюга наклонился так низко, что рама влепила прямо в его пистолет, – это уж было чистым везением. Конденсаторы энергетических тормозов выбросили весь свой заряд в охранную систему, замаскированную липовой ржавчиной и артистически замусоленной проводящей лентой; рванувшись наружу, заряд превратился в короткую ослепительную молнию. Бандюга громко ударился коленями о помост, глаза его помутнели, на губах раздулся и тут же лопнул серебристый пузырек слюны. Шеветте показалось даже, что над тупорылым пистолетом поднимается струйка пара.

– Беги, – скомандовала она себе и пригнулась, но тут послышался звук, похожий на суматошное хлопанье крыльев, а еще через мгновение какой-то длинный черный предмет ударил полуобморочного бандита по спине, бросил его ничком на помост. Рулон толя; Шеветта подняла голову. Сэмми Сэл стоит на

одной из углепластовых стяжек, обхватив рукой вертикальную опору. Стоит и улыбается, хотя нет, не может она этого видеть, слишком уж далеко, да и темно тоже.

– Ты забыла, – сказал Сэмми и бросил вниз что-то маленькое и темное. Ни на что не надеясь, Шеветта подняла связанные руки и выхватила из воздуха гладкий продолговатый футляр – очки словно сами стремились к ней вернуться. Она так и не поняла, зачем Сэмми это сделал.

И никогда уже не поймет – тупорылый пистолет разразился долгим кашляющим звуком, засверкали, сливаясь воедино, голубые вспышки; Сэмми Сэл качнулся назад и исчез, словно его и не было никогда на этом месте.

Шеветта бросилась бежать.

19. Супербол

Красная пластиковая змейка, пропущенная сквозь стальной кронштейн скиннеровского стола, цепко держала Ямадзаки за руки, не позволяя подняться с колен. Где-то вдалеке дробно застучал и тут же смолк автомат – или какой-нибудь пневматический инструмент.

Голова Ямадзаки кружилась от сильного, едкого запаха; чуть подумав, он решил, что это – запах его собственного страха.

На столике прямо перед глазами стояла щербатая тарелка с пятном засохшей зеленоватой грязи на краю.

– Все, что у меня есть, я ему так и сообщил, – сказал Скиннер, поднимаясь на ноги; его руки были связаны за спиной. – А ему не надо. Никогда не угадаешь, что им надо, верно?

Миниатюрный телевизор соскользнул с края кровати и грохнулся об пол, плоский экран вылетел и повис на радужной ленте кабеля.

– Мать твою.

Скиннер нагнулся и сморщился от боли; Ямадзаки был уверен, что старик сейчас упадет, однако тот наклонился вперед, чтобы удержать равновесие, и шагнул раз, другой.

Ямадзаки напряг руки – и вскрикнул, почувствовав, как затягиваются пластиковые узы. Словно живые.

– Тянешь их, выкручиваешь, а они все туже и туже, – послышался сзади голос Скиннера. – Стандартное снаряжение копов – не теперь, когда-то. Потом это говно запретили.

Комната содрогнулась от тяжелого удара, лампочка под потолком испуганно замигала. Ямадзаки оглянулся и увидел, что Скиннер сидит на полу, выставив вверх костлявые колени и чуть наклонившись вперед.

– Тут у меня двадцатидюймовые бокорезы. – Старик указал левой ногой на ржавый, помятый ящик с инструментами. – Только бы их достать.

Пальцы левой ноги Скиннера расширяли дыру в сером драном носке, выбирались наружу.

– А и достану, так хрен я с ними управлюсь… – он замер и взглянул на Ямадзаки. – Есть идея получше, не знаю точно, как тебе понравится.

– Да, Скиннер-сан?

– Посмотри на этот кронштейн.

Сломать кронштейн? Нет, не получится. Грубая, небрежная сварка, незачищенные капли застывшего металла, и все же сооружение выглядит весьма солидно. Девять головок

разнокалиберных болтов. Подкос изготовлен из пачки стальных пластин, стянутых внизу и вверху ржавой железной проволокой.

– Я сам это сделал, – сказал Скиннер. – В подкосе три толстых ножовочных полотна. Зубья не сточены, как-то все недосуг было. Пощупай, они там кверху, чтобы портки не цеплялись.

Ямадзаки провел пальцем по мелким острым зазубринам.

– Давай, Скутер, работай. Отличный металл, перережет все что угодно. Почему я их и взял.

– Я перепилю эту веревку?

Ямадзаки поставил кисти на равном расстоянии от кронштейна и чуть натянул пластиковую змею.

– Постой. Этой долбаной штуке не понравится, что ты ее пилишь. Нужно сделать все очень быстро, иначе она врежется в руки до самых костей. Да подожди ты, кому говорят!

Ямадзаки застыл.

– Не нужно посередине. Перепилишь в этом месте – на каждом запястье останется по браслету, и это говно будет затягиваться ничуть не хуже, чем раньше. Нужно работать прямо на стыке, перепилить один браслет и сразу же заняться вторым, пока он тобой не занялся. А я попробую открыть эту хрень… – Скиннер стукнул ногой по ящику, там что-то забренчало.

Ямадзаки приблизил лицо к пластиковой змейке и повел носом; пахло чем-то медицинским. Он глубоко вздохнул, стиснул зубы и начал яростно пилить. Красные, словно игрушечные, браслеты стянулись, превратились в стальные тиски, запястья обожгло невыносимой болью. Ему вспомнилась хватка Лавлесса.

– Терпи, – сказал Скиннер, – ты сможешь.

Пластик распался с неожиданно громким щелчком, это было похоже на звуковой эффект какого-нибудь детского мультфильма. На мгновение он почувствовал свободу – левый браслет расслабился, вбирая в себя массу правого и перемычки.

– Скутер!

Расслабился – чтобы тут же стянуться с удвоенной силой. Не помня себя от боли, Ямадзаки бросился к инструментальному ящику, успел смутно удивиться, что крышка уже откинута, и в тот же момент Скиннер ударил по ржавому, облупленному боку пяткой; ящик перевернулся, на пол посыпались сотни замысловатых металлических предметов.

– Синие ручки!

В куче хлама мелькнули длинные, неуклюжие рукоятки, обмотанные синей изолентой. Времени было в обрез – красная удавка ушла уже в тело почти наполовину и продолжала сжиматься. Правой, свободной, рукой Ямадзаки схватил кусачки, безжалостно вонзил толстые короткие лезвия в тыльную сторону

левого запястья и навалился на верхнюю рукоятку. Взрыв боли. Звонкий щелчок. Все.

Скиннер шумно, с облегчением выдохнул.

– Как ты там? В порядке?

Ямадзаки осмотрел свои руки. На левой – глубокая синеватая борозда. Кровоточит, но не сильно, можно было ожидать и худшего. Он окинул взглядом пол; остатки наручников куда-то запропастились.

– Теперь меня, – сказал Скиннер. – Только подцепи снизу, ладно? Постарайся не прихватить тело. А потом вторую руку – как можно быстрее.

Ямадзаки пощелкал кусачками, встал на колени, подсунул одно из лезвий под яркое, совершенно безобидное пластиковое кольцо, свободно висевшее на правом запястье старика. Полупрозрачная, вся в коричневых пятнах кожа, вздутые, перекрученные вены. Наручник лопнул на удивление легко – и тут же захлопнул левое запястье Скиннера; он извивался, как самая настоящая змея, только что не шипел. Не дожидаясь, пока злобная тварь сольет два своих кольца в одно и начнет сжиматься, Ямадзаки подцепил ее кусачками и перерезал. Новый, четвертый уже по счету щелчок, и наручники исчезли, только что были – и нет их; Ямадзаки недоуменно моргнул.

– Старуха, дверь закрой! – зычно заорал Скиннер.

– Что?

– Запри этот долбаный люк!

Ямадзаки бросился в угол, захлопнул крышку люка, запер ее на засов. Вполне возможно, что эта массивная бронзовая пластина была когда-то частью корабля.

– А девушка? – оглянулся он на Скиннера.

– Постучит, если надо. Ты что, хочешь, чтобы сюда вернулся этот хрен со своим пистолетиком?

Ямадзаки не хотел. Его взгляд скользнул по потолочному люку. По открытому потолочному люку.

– Сбегай наверх, посмотри, как там Дон Педрила.

– Простите, Скиннер-сан?

– Ну тот – черный голубой, длинный.

Ямадзаки не понимал, о ком (или о чем) говорит Скиннер, однако послушно полез по лестнице и высунул голову наружу. Сильный, порывистый ветер бросил ему в лицо пригоршню дождя, мост превратился на мгновение в древний корабль, в проржавевшую железную шхуну, бесцельно дрейфующую в безбрежности ночного океана: пластиковые паруса разорваны ветром, матросы – кто умер, кто сбрендил, кто попросту напился, а Скиннер, выживший из ума капитан этой посудины, все еще

пытается что-то сделать, все еще выкрикивает снизу никому не нужные, никому не понятные команды.

– Тут нет никого, Скиннер-сан.

Дождь хлынул как из ведра, городские огни исчезли.

Ямадзаки нырнул в люк, захлопнул крышку, запер на хлипкую – никакого сравнения с тем бронзовым засовом – щеколду.

Спустился вниз.

Скиннер сумел каким-то образом встать и шел теперь, покачиваясь, к своей кровати.

– Вот же мать твою, – пробормотал он, падая на матрас, – кто-то сломал телевизор.

– Скиннер?

Ямадзаки наклонился над кроватью. Глаза Скиннера закрылись, дышал он часто, неглубоко и неровно. Скрюченные пальцы левой руки судорожно скребли спутанную поросль седых волос, вылезавшую из расстегнутого воротника до дыр заношенной фланелевой рубахи. Сквозь едкую вонь пороха, выбросившего пулю из короткого, тупого ствола лавлессовского пистолета, пробивался кислый запашок мочи. Ямадзаки печально вздохнул – по засаленным, серым от грязи джинсам Скиннера расползалось темное пятно.

Ну и что же теперь? Несколько минут Ямадзаки не двигался, затем присел на заляпанную краской табуретку, стоявшую у того самого, на кронштейне, столика. Он благодарно провел рукой по зубьям ножовочных полотен, посмотрел вниз, увидел на полу, рядом со своей левой ногой, нечто вроде мячика и нагнулся.

Нет, не мячик. Блестящий шар из алого пластика, прохладный и чуть податливый. Наручники, либо Скиннеровы, либо его собственные.

Ямадзаки сидел, смотрел на Скиннера и слушал, как стонет на ветру мост. Только безымянный, почти суеверный страх не позволил ему прижаться ухом к тянущемуся вдоль комнаты ванту – источнику этих тревожных звуков.

В какой-то момент Скиннер очнулся, почти очнулся, и попытался сесть. Он кого-то звал. Девушку?

– Она ушла, – сказал Ямадзаки, придерживая Скиннера за плечо. – Разве вы не помните?

– Давно, – пробормотал Скиннер, – давно ушла. Двадцать лет. Тридцать лет. Блядство. Время.

– Скиннер-сан?

– Время. Вот оно-то и есть самое блядское блядство.

– Посмотрите. – Ямадзаки показал старику красный шар. – Видите, во что они превратились?

– Супербол, – с неожиданной отчетливостью сказал Скиннер.

– Простите?

– Иди, Скутер, и выброси его на хрен. – Глаза Скиннера снова закрылись. – Зашвырни это говно далеко-далеко…

20. Полная пустота

– Ты не поверишь, – сказал Найджел. – Вот только что, секунду назад, эта хрень пошевелилась. Сама.

Шеветта сидела, плотно зажмурившись. Найджел пробормотал что-то еще, затем тупая сторона керамического ножа плотно прижалась к ее запястью, раздался резкий звук – вот так же примерно лопается латаная-перелатаная велосипедная камера, – и правая рука ощутила свободу.

– В рот компот! Господи…

Сильные пальцы бесцеремонно рванули левую руку Шеветты, она услышала второй щелчок и решилась наконец открыть глаза. По монбланам металлолома плясало ярко-красное пятнышко. Голова Найджела – он следил за этими дикими прыжками – качалась вверх-вниз, точно так же как голова гипсовой собачки из Скиннеровых запасов, которую Шеветта продала с неделю назад.

Узкое помещение было загромождено металлом – куски старых велосипедных рам, пыльные банки, набитые ржавыми спицами, все что угодно. Мастерская, где Найджел мастерил свои тележки и ремонтировал как уж мог велосипеды немногих своих клиентов. Поплавок, свисавший с левой его мочки, раскачивался в противофазе движениям головы и закрутился на месте, когда резко выброшенная рука выхватила из воздуха непонятный предмет. Красный пластиковый шар.

– Да-а, – уважительно протянул Найджел. – И кто же это нацепил на тебя такое?

Шеветта дрожала с головы до ног, дрожь пробегала по ней, как нечто отдельное от тела, живое. Живое, как эти красные наручники.

Вот так же чувствовала она себя, когда вернулась к трейлеру и обнаружила, что мать ушла, ушла насовсем, собрала вещи и ушла. Ни записки, ничего, только кастрюлька на плите да банка равиолей. И открывалка для консервов. Шеветта даже не прикоснулась к банке; с того самого дня она ни разу не ела равиоли и точно знала, что никогда не будет их есть.

В тот день и пришло ощущение, проглотившее все прочие, проглотившее весь мир, ощущение настолько огромное, что убедиться в его присутствии можно было только от противного – подсчитав потери или вспомнив о лучших временах, а так его, ощущения этого, вроде и не было вовсе. Шеветта бродила внутри него бессмысленными кругами, тыкалась то туда, то сюда, пока не попала за колючую проволоку, в Бивертон, в место настолько скверное, что оно было как бритвенно-острый осколок стекла, чьи

уколы проникали даже сквозь эту мутную, непомерно огромную пустоту. Но даже теперь это ощущение, проглотившее мир, было едва заметно, оно всегда таилось где-то сбоку, ускользало от прямого взгляда. Не ощущение даже, а нечто вроде газа, пара, от него першило в горле, его мертвенный холод заполнял каждую комнату, встречал Шеветту за каждым углом.

– Ты как, в порядке?

Найджел. Сальные нечесаные волосы, в правой руке – красный блестящий шар, в уголке рта – янтарно-желтая зубочистка.

Долгое время Шеветта боялась, а вдруг оно вернется, ведь может же быть, что лихорадка не выжгла начисто какую-то там цепь в мозгу, а только слегка повредила. Однако по мере того как она привыкала к мосту, и к Скиннеру, и к работе, пустота все больше заполнялась новыми, обыденными вещами, на месте старого мира вырастал новый, за одним днем приходил другой, такой же безбедный, что бы она ни делала ночью – танцевала в «Диссидентах», трепалась с друзьями и подружками или спала, свернувшись калачиком, в своем спальном мешке, в Скиннеровой комнатушке, под завывание ветра и низкое пение тросов, уходившее по опорам моста вниз, в скальную породу, в материковую платформу, которая (это все Скиннер рассказывал) тоже плывет, как корабль в море, только это море – самое медленное на свете.

А теперь все это сломалось.

– Вета?

Та парашютистка, девушка, которую выудили полупрозрачным пластиковым багром и втащили на борт катера, она была вся обвисшая, как макаронина, и такая же белая, ну, не белая, а вроде как бесцветная, а изо рта ее текла вода, и из носа тоже. Шлепнешься соответствующим образом, так ни одной косточки не останется целой, это тоже Скиннер сказал. Она из бара прыгала – влетела в чем мать родила, вскочила на ближний к перилам столик и сиганула головой вперед, а потом ее затащило, не ее, конечно, а тело ее затащило в эту светящуюся сеть, которую вроде как забрасывают с японских рыболовных плотов, только это все декорация, для туристов. Вот и Сэмми Сэл, он тоже сейчас так, если не попался в сети, не зацепился ни за что, выплыл уже из мертвой зоны, где вода отравлена шелупайками бессчетных слоев свинцовой краски, так что рыбы и нос сунуть боятся, выплыл и попал в течение, которое подхватывает всех мертвецов моста, проносит их мимо Мишшн-Рок, чтобы выкинуть в конечном итоге к ногам затянутых в микропору богачей, бегающих, драгоценного своего здоровья

ради, трусцой по бетонным набережным Чайна-Бэйзин.[19]

Не в силах сдержать тошноту, Шеветта согнулась над пустой железной банкой.

– Тебе что, плохо? Да? Плохо? – неуверенно бормотал Найджел.

Он порывался дотронуться до Шеветты, успокоить ее – и тут же смущенно отдергивал руку. Ужас какой-то. А что, если она возьмет вот сейчас и шлепнется в обморок? Или промахнется мимо так удачно подвернувшейся банки из-под грунтовки (этой густой серой замазкой Найджел выравнивал самые грубые огрехи своих ремонтных работ)? Ведь тогда предстоит нечто неслыханное, невообразимое – генеральная уборка.

– Вот, выпей воды, тебе нужно, выпей.

Вообще-то эта жестянка предназначалась для закаливания мелких стальных предметов; взглянув на воду с радужными пятнами машинного масла, Шеветта почувствовала новый приступ тошноты, но через секунду ей полегчало.

Сэмми Сэл умер. А может быть – и Скиннер. И Скиннер, и этот студент-аспирант, или кто он там, остались наверху, связанные этими кошмарными пластиковыми червяками.

– Шев?

На этот раз Найджел совал ей в руку предусмотрительно открытую банку пива. Шеветта отрицательно помотала головой и зашлась долгим, мучительным кашлем.

Найджел неуверенно переступил с ноги на ногу, затем повернулся к единственному в мастерской окну – треугольной дырке, забранной осколком люцита.

– Льет, – удовлетворенно сообщил он. Вечерний мир продолжал жить нормальной, пусть даже не очень уютной жизнью. – Льет как из ведра.

Убегая от убийцы, от его пистолета и его глаз, от жуткой, с золотым высверком, ухмылки, сжимая связанными руками плоский темно-серый футляр, Шеветта заметила, что бегут и все остальные, только они бегут от начинающейся грозы, от первых, почти еще теплых капель дождя. Вот Скиннер, он, конечно же, знал о ненастье заранее, у него же есть этот здоровый, в футляре, как колесо допотопного парохода, барометр, он всегда следит за погодой. Скиннер, жив ли он там, в своем гнезде, на самой верхотуре моста? Другие тоже, наверное, знали, но это тут стиль такой – дождаться дождя, а затем от него улепетывать, задерживаться ради каких-нибудь последних дел, последней затяжки, последнего покупателя. В это время – лучшая торговля, люди покупают, почти не задумываясь, некогда им задумываться. Потом, правда, кое-кто гибнет – если гроза окажется слишком уж

сильной, и не всегда это новички, никому не знакомые люди, остающиеся снаружи и цепляющиеся, вместе со своим жалким скарбом, за стены, за лотки убежавших домой торговцев, за что придется. Иногда, если ветер сильный и под каким-нибудь таким подходящим углом, в воду рушатся целые секции с обитателями и со всем; Шеветта не видела еще такого ни разу, только слышала. Странное дело, редко кто из новичков спускается на нижний уровень, где нет дождя и ветер слабее, а ничто ведь им не мешает, и никто.

Шеветта провела тыльной стороной ладони по губам, взяла у Найджела банку, сделала один глоток и тут же ее вернула – теплое пиво не лезло в горло. Найджел вытащил изо рта зубочистку с явным намерением глотнуть пива, но передумал и поставил банку на стеллаж, рядом с паяльной лампой.

– Что-то у тебя не так, – сказал он. – Сильно не так, я же чувствую.

Шеветта помассировала запястья. На тех местах, где находились недавно пластиковые наручники, быстро вспухали красные влажноватые рубцы.

– Да… – она заметила свой керамический нож, взяла его, машинально закрыла и спрятала. – Да, сильно не так…

– А что не так, что случилось?

Найджел мотнул головой, стряхивая упавшие на глаза волосы, – движение лохматого встревоженного пса. Потрогал кончиками пальцев один непонятный инструмент, другой. Его руки казались чем-то самостоятельным, отдельным – бледные, грязноватые зверьки, ловкие и безгласные, способные быстро, безо всякой помощи со стороны разрешить проблемы, непосильные для самого Найджела.

– Ясно, – решил он, – это японское дерьмо расслоилось, как ему и полагается, и ты…

– Нет.

Шеветта почти его не слышала.

– Сталь. Курьеру, при его-то работе, нужен стальной велосипед. Тяжелый. С большой корзинкой впереди. А не туалетная бумага, обмотанная каким-то там дурацким арамидом. Он же ничего, считай, и не весит, велосипед этот твой. А что, если ты столкнешься с автобусом? В-в-врежешься в-в з-заднюю стенку? У т-тебя же м-м-масса больше, ч-чем у в-велосипеда, п-перелетишь ч-через руль, расшибешь г-г-г… расшибешь с-себе…

Руки плясали в воздухе, изгибались и сплетались, демонстрируя кинематику придуманной Найджелом аварии. Шеветта подняла глаза и увидела, что он дрожит.

– Найджел. – Она встала. – Эту штуку надели на меня просто

так, ради шутки. Есть тут один такой юморист. Вот так оно все и было, ты понимаешь?

– Она двигалась, – неуверенно возразил Найджел, – я точно видел.

– Не очень удачная шутка, не очень смешная. Но я знала заранее, к кому нужно обратиться. К тебе. И ты все сделал, быстро и хорошо.

Найджел смущенно мотнул головой, длинные лохмы снова упали ему на глаза.

– Хорошо, что у тебя был этот ножик, здорово режет. – Он замолчал и нахмурился. – Только все равно ножик должен быть стальной…

– Да, – кивнула Шеветта. – Мне нужно идти.

Она наклонилась и взяла банку из-под грунтовки.

– Выкину куда-нибудь. Извини.

– Гроза ведь, – забеспокоился Найджел. – Ты подождала бы, пока кончится.

– Нужно. Ничего со мной не сделается.

А если бы этот, золотозубый, нашел, куда она спряталась, – что бы тогда? Он бы и Найджела убил. Или изуродовал. Или перепугал.

– Я их разрезал – и вот. – В руке Найджела поблескивал красный шар.

– Выброси эту штуку.

– Почему?

– Посмотри. – Шеветта показала свои воспаленные запястья.

Найджел выронил шар, словно тот жег ему руку, и тщательно вытер пальцы о собственную грязную футболку.

– Ты не мог бы одолжить мне отвертку? Простую, не крест.

– Они у меня все изношенные… – бледные зверюшки радостно заплясали по нескончаемым полкам с инструментами, Найджел мрачно за ними наблюдал. – Все эти винты со шлицем, я их сразу выкидываю и заменяю. Шестиугольная головка под ключ, вот это – самое то…

– Мне и нужна изношенная.

Правая рука замерла, словно делая стойку, и ловко выхватила из залежей хлама желанную добычу – чуть погнутую, с черной рукоятью отвертку.

– То, что надо, – кивнула Шеветта, расстегивая один из карманов Скиннеровой куртки.

Отвертка лежала на почти молитвенно протянутых ладонях, глаза Найджела робко прятались в зарослях волос.

– Я… Ты… Ты мне очень нравишься.

– Да. – В одной руке Шеветты была гнутая отвертка, в другой

– банка, полная блевотины. – Да, я знаю.

Стесненная вкривь и вкось наляпанным пластиком крыш, дождевая вода пробиралась вдоль канализационных труб и силовых кабелей, обрушиваясь на верхнюю палубу в самых неожиданных местах, под самыми неожиданными углами – миниатюрные ниагары, струящиеся по рифленому железу, слоистому пластику и фанере. Прямо на глазах Шеветты, стоявшей в дверях Найджеловой мастерской, лопнул брезентовый навес – огромный, туго натянутый пузырь громко затрещал и раздался, обрушив на мостовую десятки галлонов серебристой воды; налетевший ветер взметнул мокрые, тяжелые лохмотья. Здесь, на мосту, ничто никогда не планировалось – в общепринятом смысле этого слова, – так что и проблемы дренажа разрешались не впрок, а по мере их возникновения. Или не разрешались.

Света на мосту было мало, скорее всего, потому, что люди повыключали электричество, выдернули все рубильники, какие только можно. Шагнув из дверей, Шеветта уловила краем глаза призрачную розоватую вспышку, секунду спустя со стороны Острова Сокровищ донесся глухой раскатистый взрыв. Трансформатор. Теперь пятнышки света можно было пересчитать по пальцам, темнота стала почти непроницаемой. И никого вокруг, ни души, только ветер мотает провод с жалкой стосвечовой лампочкой, вкрученной в оранжевый пластмассовый патрон.

Шеветта вышла на середину моста, там было поменьше опасности запутаться в сорванных проводах. Вспомнив о банке, она откинула ее в сторону, банка звонко ударилась о бетон, покатилась, стихла.

Где-то там мокнет под дождем беззащитный, с разряженными конденсаторами, велосипед. Уведут его, это точно, да и Сэмми Сэл лишится своего розового в крапинку чудовища… лишится? Жизни он лишился… Велосипед был самой важной, самой ценной вещью в жизни Шеветты, каждый доллар, выложенный на прилавок того магазина, достался ей тяжелым, в поте лица, трудом. Она думала о своем велосипеде, как о чем-то одушевленном, примерно так же, как другие люди – о принадлежащих им лошадях. Наверное, так же, ведь у нее никогда не было знакомых лошадников. Некоторые рассыльные давали своим велосипедам имена, но Шеветте такое даже в голову не приходило – именно потому, что она воспринимала его как живое существо.

Двигай, сказала она себе, здесь они живо до тебя доберутся.

Беги на остров, в Сан-Франциско опасно.

Они – кто они? Тот, с пистолетом. Он пришел за очками. Пришел за очками и убил Сэмми Сэла. Кто его послал – те самые люди, звонившие Уилсону и Банни? Они, кто же еще. Рентакопы. Охранники.

Футляр в кармане. Гладкий, округлый. И этот фантастический, как из мультика, город, гигантские башни с грибообразными верхушками. «Санфлауэр».

– Господи, – простонала Шеветта. – Куда, куда мне деться?

На Остров Сокровищ, в лес, к маньякам и озверевшим убийцам, изгнанным с моста?

Бывшая военно-морская база, говорил Скиннер, но моровая язва покончила с этим раз и навсегда, зараза такая, от которой выпадают все зубы, а глаза превращаются в кисель. Лихорадка Острова Сокровищ выползла, наверное, из какой-нибудь пробирки, разбившейся во время землетрясения, – у военных же, у них чего только не было запасено. Поэтому теперь туда никто не ходит – никто нормальный. Ночью там видны огоньки, днем – струйки дыма, и если идешь на оклендский, консольный конец моста, то стараешься пройти мимо острова побыстрее, а люди, живущие там, на консоли, совсем не такие, как здесь, на подвеске.

Или вернуться, попытать счастья с велосипедом, если его, конечно же, никто еще не спер? Час езды – и конденсаторы зарядятся. Рвануть на восток, куда глаза глядят, через пустыни, которые показывают по телевизору, мимо зеленых полей, где бродят стадами непонятные сельскохозяйственные машины, занятые какой-то своей, непонятной работой. Но затем Шеветта вспомнила дорогу из Орегона, грузовики, ревущие в ночи, как бешеные бесприютные животные, и попыталась представить себе, как это будет – ехать по такой дороге? Нет, там ведь негде приткнуться, там нет ничего нормального, в человеческую меру, ни одного огонька в бесконечных ночных просторах. Там можно идти и идти, идти до бесконечности и не найти даже места, где бы присесть. И велосипед – он тоже не сильно поможет.

А можно вернуться в Скиннерову конуру. Подняться и глянуть, что там делается… Нет. Забудем.

Шеветта ощутила вокруг себя полную пустоту, словно удушливый газ, и задержала дыхание.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Потеряв что-нибудь, только и начинаешь замечать, что оно же у тебя, оказывается, было. Только с уходом матери замечаешь по-настоящему, что она была, была рядом, прежде это

воспринималось как нечто само собой разумеющееся, вроде погоды. Вот так же и со Скиннером, и с его примусом, и с масленкой, из которой нужно капать в крохотную дырочку, чтобы кожаный колпачок на поршне не пересыхал и примус накачивался. Проснувшись поутру, ты и не думаешь здороваться с каждой мелочью окружающего мира, но ведь эти мелочи – из них же и состоит мир, весь мир. И людей, которых видишь, их тоже вот так воспринимаешь, что есть они, и это – нормально, и говорить тут особенно не о чем, и никуда они не денутся. Вот, например, Лоуэлл. Когда у Шеветты был Лоуэлл – если, конечно, можно сказать, что он у нее был, сомнительно это очень, – словом, когда он был поблизости, это тоже казалось…

– Шев? Это ты, что ли?

Вот он, легок на помине. Сидит по-турецки на ржавом леднике с надписью: «КРЕВЕТКИ», курит и смотрит на капли, скатывающиеся с навеса. Шеветта не видела Лоуэлла уже добрые три недели, ей хотелось что-нибудь сказать, но в голове крутилась одна-единственная мысль: «Ну и видок же у меня, наверное». Тут же сидел и этот Коудс, нахлобучил на бритую голову капюшон, втянул руки в длинные рукава и сидит. Коудс никогда не любил Шеветту – и пользовался полной взаимностью.

Тусклый огонек сигареты осветил ухмылку Лоуэлла.

– Ну, так что, – поинтересовался он, – ты намерена сказать «здрасьте», или как?

– Здрасьте, – сказала Шеветта.

21. Когнитивные диссиденты

Так что же все-таки там творится, на что он похож, этот мост? И в Контейнерном городе, и потом, на обратном пути, словоохотливый Фредди рассказал уйму весьма красочных историй, однако все эти страшилки не вызвали у Райделла никакого доверия. В Ноксвилле он видел документальный фильм, и там не было ни слова ни о каких людоедах или, скажем, сатанинских культах. Врет Фредди, запугивает, интересно только – зачем? Хочет, чтобы Райделл был осторожен, когда пойдет на мост искать эту самую девицу, Шеветту Вашингтон?

Теперь же, когда люди носились как очумелые, торопясь укрыть свое добро от непогоды, мост и вовсе ничем не напоминал мрачные картины, нарисованные ассистентом великого сыщика. Скорее уж нечто вроде передвижного цирка. Или провинциальная ярмарка – с той, конечно, разницей, что здесь, на верхнем уровне, над головой висит целая деревня, дикая мешанина самых разнообразных домиков, хижин, халуп – называйте, как хотите. Все что угодно, вплоть до целых, с колесами и со всем, жилых трейлеров; вздернутые наверх лебедками, прикрепленные к вантам огромными сгустками клея, они напоминали кузнечиков, запутавшихся в паутине. Для сообщения между уровнями моста в верхнем настиле было прорублено множество отверстий; среди стальных, деревянных и пластиковых лестниц Райделл заметил даже старый, на спущенных шинах, трап из какого-нибудь аэропорта.

Наверху торговали по преимуществу едой, нижний же уровень изобиловал барами – маленькими, крошечными и совсем микроскопическими, где едва помещались четыре табуретки, а дверью служила гофрированная железная штора.

Во всем этом не замечалось никакого плана, никакого замысла. В обычном молле каждый хозяин покупает один из свободных участков, ставит там свой магазинчик и внимательно следит, как пойдет торговля, если плохо – нужно менять ассортимент. Здесь же, судя по всему, происходило нечто вроде органического роста, одно заведение пристраивалось к другому, бесформенная масса расползалась вкривь и вкось, пока не заполнила все доступное пространство; более того, если клетки древесины или, скажем, гриба более-менее одинаковы, то среди клетушек, образовавших этот псевдорастительный организм, не было и двух, похожих друг на друга. Разнообразнейшие материалы – и почти все они использованы не по прямому своему назначению. Фасады, облицованные бирюзовым слоистым

пластиком, плитами с имитацией под кирпич, даже зелеными с медью прямоугольниками печатных плат. Одну из стен украшали цветы, спирали и волосатые солнечные диски, выложенные из обломков разноцветного кафеля.

Райделл непроизвольно улыбался всему этому буйству форм, а заодно и прохожим, ни один из которых не проявлял к нему интереса, ни гастрономического, ни сатанинского, ни еще какого. Мирная публика, такая же разношерстная, как и здешние строительные материалы. Смешение всех на свете рас, всех возрастов, всех оттенков кожи, и все эти люди бегут, подгоняемые резкими порывами ветра, спешат укрыться от неизбежной уже грозы. Райделл едва успевал уворачиваться от торговцев с тележками, от старух, волочивших непомерно тяжелые корзины. Споткнувшись о неожиданное препятствие, он опустил глаза и увидел мальчика лет шести с лицом, сплошь покрытым разноцветной, на редкость затейливой татуировкой. Мальчик пробормотал что-то на непонятном языке, перехватил ненадежнее большой, чуть не в свой рост, красный огнетушитель и смешался с толпой.

Райделл остановился и вынул из кармана полученную от Уорбэйби карту, точнее – схему, показывающую, где живет Шеветта Вашингтон и как туда попасть. На самом верху, в крохотной халупе, приклеившейся к одной из опор, поддерживающих ванты этого чертова моста Схема аккуратная, без единой помарки, подписи – буковка к буковке, покажи кому, ведь и не поверят, что этот шедевр каллиграфии создан прямо в машине, на коленке, на ходу. Лестница, затем подвесная дорожка, в конце которой должно быть нечто вроде подъемника.

Вот только как ее найти, эту самую лестницу? Лестниц здесь чертова уйма, хорошо, если они ведут к какой-то там общей площадке, тогда можно идти по любой, а если вдруг нет?

Господи, да когда же, наконец, я смогу поспать? И где? – неотвязно крутилось в одуревшей от усталости голове Райделла. И вообще – что все это значит? Вот уж втравил Эрнандес, так втравил…

Ветер резко усилился, по настилу моста застучали крупные капли; последние, самые нерасторопные из аборигенов бросились сломя голову под укрытия. Райделл проводил счастливчиков завистливым взглядом, обреченно вздохнул и забился между двух допотопных – японских, конечно же, – торговых автоматов. Щелястое, беспорядочное нагромождение халуп и лавчонок, лестниц, площадок и переходов почти не защищало от дождя, однако обладало огромной парусностью. Под напором резкого, шквалистого ветра вся эта, с позволения сказать, конструкция

жалобно стонала и поскрипывала. Огни гасли один за другим.

Громкий треск, голубоватая, ослепительно яркая вспышка, еще мгновение – и откуда-то сверху упал длинный змеящийся провод; ветер смял и унес чей-то отчаянный крик. Райделл посмотрел вниз и увидел, что стоит в глубокой луже. Вода под ногами, мокрые ботинки, переменный ток – такое сочетание не сулило ничего хорошего.

За правым торговым автоматом начиналась сплошная стена, к левому примыкал лоток, вкривь и вкось сколоченный из горбылей и каких-то неописуемых обрезков. Нелепое это сооружение сильно смахивало на детскую игрушечную крепость, однако имело и помост, дюймов на шесть приподнятый над бетонным настилом моста, и на удивление водонепроницаемый навес. Чтобы залезть под навес, Райделлу пришлось скрючиться в три погибели, от грязных досок воняло то ли гнилыми мандаринами, то ли еще какой гадостью, однако здесь было сухо, да и ветер почти не чувствовался.

Райделл застегнул куртку до самого верха, сунул руки в карманы и предался грустным размышлениям. Он мечтал о невозможном – горячей ванне и сухой постели. Он вспомнил Мар Виста, вспомнил свой надувной диван и ощутил укол самой что ни на есть взаправдашней ностальгии. Господи, сонно подумал он, этак ты начнешь еще тосковать по этим пластиковым ромашкам…

Раздался громкий треск, деревянные стойки одного из соседних лотков переломились, как спички, брезентовый навес обрушился, выплеснув на мостовую несколько ведер во ды. Райделл оглянулся, поднял голову и увидел ее, эту девушку, Шеветту Вашингтон. Шеветта стояла совсем рядом, футах в двадцати от его горбыльного укрытия.

Во Флориде, когда отец переехал туда и заболел, у Райделла была такая вроде как подружка. Клаудиа Марсалис, так ее звали, приехала из Бостона, трейлер ее матери стоял на том же участке, что и трейлер Райделлового отца, прямо у залива Тампа. Райделл учился уже в Полицейской академии, но бывали ведь и выходные, и отпроситься на пару дней всегда можно, а что лететь дорого, так отец умел договориться насчет билетов со скидкой.

Вот Райделл и летал во Флориду, повидаться с отцом, а уж заодно катался иногда с Клаудией Марсалис на ее, а точнее – мамашиной машине, «линкольне» урожая девяносто четвертого года. По словам Клаудии, совсем еще недавно «линкольн» был как огурчик, это когда они во Флориду переехали, но потом соль его порядком разъела. Судя по всему, там, у себя в Бостоне, они

ездили только летом, берегли машину ото всей этой химической дряни, которой снег растаивают. Еще бы не беречь, коллекционный ведь был экземпляр, и номера даже не такие, как у всех, а древние, штампованные из металла и, конечно же, безо всякой подсветки изнутри, и надпись на номерах, аккуратная такая, синяя по белому: «МАСС. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ».[20]

Обстановочка в этой части Тампы была неспокойная, так себе обстановочка; дорожные, скажем, знаки все как решето, даже и не разберешь, что это за знак – местная публика использовала их как мишени, чтобы потренироваться, не терять снайперского мастерства, а то и просто захочет кто-нибудь продемонстрировать приятелю: видал, как кучно бьет моя двустволка? А уж двустволок тех, да и прочей артиллерии, хватало там за глаза и за уши – в каждом, считай, пикапе или джипе по несколько штук, на самом виду, и собаки тоже чуть не у всех – здоровенные собаки, и не по одной собаке в машине, а по две, а то и по три. Клаудиа все приставала к Райделлу насчет этих флоридских ребят в нахлобученных чуть не до подбородка шляпах: как это они так разъезжают всюду спокойно со своими стволами и волкодавами, не понимала она этого. Райделл терпеливо объяснял ей, что пусть с ними местная полиция разбирается, его тут дело телячье, он ведь из Ноксвилля, и там, в Ноксвилле, люди не разъезжают с ружьями напоказ. И в дорожные знаки не стреляют, а если кто выстрелит сдуру, так ему быстренько устроят веселую жизнь. Но Клаудиа была из этих, которые думают, что к югу от округа Колумбия нет никакой разницы, что тот штат, что другой, – везде одни и те же порядки, а может, она так и не думала, а просто поддразнивала Райделла.

Ружья там или пулеметы, собаки или бегемоты, но вечерний бриз приносил в открытые окна «линкольна» запахи соли, цветущих магнолий и болота, а из приемника лилась музыка. Когда опускалась густая тропическая ночь, можно было смотреть на огоньки кораблей и грузовых вертолетов, эти громадины проплывали над головой медленно, с низким, утробным ревом – паралитичные НЛО, да и только. А еще – скучноватая, безо всякого энтузиазма акробатика на заднем сиденье; Клаудиа говорила, что Флорида плохо приспособлена для подобных развлечений – жарко, душно, кожа вся от пота липкая; Райделл с ней, в общем-то, соглашался. Одиночество и неприкаянность – вот, пожалуй, и все, что толкало их друг к другу.

Однажды вечером какая-то там местная алабамская станция неожиданно выдала «Мы с Христом надерем тебе жопу» – такой себе пятидесятничный хэви-металл, где все насчет абортов, аятолл и так далее, по всему алфавиту, до язычников. Клаудиа не

слышала прежде этой песни и чуть не обписалась от хохота. Она просто не верила, что такая песня может существовать, что кто-то может петь такие вещи всерьез. А кто-то слушать всерьез. Придя немного в себя, она вытерла слезы и спросила Райделла, как это вышло, что он захотел стать полицейским? Райделл неловко замялся. Это что же, она, значит, считает желание поступить в Академию до колик смешным – таким же смешным, как эта идиотская песенка? Да и что, собственно, можно ответить на вопрос, о котором ты прежде никогда и не задумывался, особенно если тебя спрашивают вот так, с бухты-барахты?

Главной не главной, но одной из причин была передача «Копы влипли»; они с отцом смотрели ее чаще любой другой, и там в каждом выпуске старались внушить уважение к защитникам правопорядка. Показывали во всех красках, с какими проблемами сталкивается полиция. Уторчавшиеся в хлам, вооруженные до зубов бандиты – это само собой, но ведь есть еще и адвокаты этих бандитов, и трижды долбаные суды, и чего только нет. Но если так вот взять и брякнуть, что я, значит, пошел в полицейские из-за телесериала, Клаудиа снова расхохочется, как только что. Подумав немного, Райделл выдал обычную жвачку насчет возможности помогать людям, выручать их из беды. На лице Клаудии появилось откровенное недоумение.

– Берри, – сказала она, – ты что, и вправду так думаешь?

– Ну да, – кивнул Райделл. – Конечно.

– Но ты пойми, вот ты станешь копом, и люди будут тебе врать. Они будут смотреть на тебя, как на врага, – до тех, конечно же, пор, пока сами не попадут в неприятности, тут уж они разговорятся.

– А ты-то откуда все это знаешь? – поинтересовался Райделл.

– Сужу по своему папаше, – пожала плечами Клаудиа, на чем разговор и закончился. Больше они эту тему не поднимали.

Работа на «Интенсекьюр» очень походила на полицейскую – с той единственной разницей, что ты не был полицейским. Люди, которым ты помогал, даже не давали себе труда соврать, насрать им было на какого-то рентакопа, они же платили за его услуги.

А теперь – этот мост, и нужно вылезать из вонючего фруктового лотка под дождь, выслеживать девушку, которая – если верить Уорбэйби и Фредди, а верить им нельзя ни на вот столько – зарезала в гостинице этого немца, или кто уж он такой был, если не немец. И украла очки, такие же, как у великого Уорбэйби, и очки эти нужно у нее отнять. Только если девица украла их где-то там раньше, кой хрен она потом вернулась и прикончила этого мужика? А главный вопрос – какой во всем этом смысл и как все это связано с телепередачей «Копы влипли»,

любимой программой покойного отца? Ответ, надо полагать, состоял в том, что надо же как-то зарабатывать деньги, а то ведь с голоду сдохнешь.

Дождь не прекращался, кое-где с висячих трущоб срывались настоящие водопады. Впереди, поближе к Окленду, полыхнула розовая вспышка, через мгновение оттуда донесся сухой треск. Шеветта сделала движение рукой, словно отбрасывая что-то в сторону. Что бы это значило? Хорошо бы остановиться и поискать, но нет времени – можно потерять объект из вида.

«Объект» постоял еще немного и двинулся в направлении Окленда, уворачиваясь от хлеставших сверху потоков воды.

Техника наружного наблюдения преподавалась в Академии с пятого на десятое, почти без практических занятий – ну разве что ты покажешь себя жуть каким многообещающим сыщиком; подобных уникумов переводили в специальную группу повышенного уровня. Однако Райделл не пожалел денег и купил себе учебник, не только купил, но и прочитал. Многоопытные авторы книги даже не рассматривали вариант, когда наблюдение проводится в одиночку; более того, они считали само собой разумеющимся, что оперативник все время находится на связи и что он всегда имеет возможность слиться с толпой мирных сограждан. Где она, та толпа? Сейчас Райделлу оставалось одно – тишком-молчком волочиться следом за Шеветтой и молить Бога, чтобы та не обернулась.

Он узнал Шеветту по этой дикой прическе, по короткому, вздернутому вверх хвостику на затылке, вроде как у борцов сумо – так они, что ли, называются? Одним словом – у неимоверно жирных японцев, которых показывают по телевизору. Только девушка совсем не была толстой, просторная мотоциклетная куртка болталась на ней, как на вешалке. (И сколько же, интересно, лет этой куртке? На какой помойке она ее подобрала?) Крепкие мускулистые ноги туго обтянуты чем-то черным, блестящим – такой же, наверное, микропорой, из которой сшиты все эти Кевиновы серфинговые костюмы. Обувь прочная, серьезная, не то короткие сапоги, не то высокие ботинки на шнуровке.

Разглядывая Шеветту и стараясь не попасться ей на глаза, Райделл не особенно выбирал дорогу, а потому угодил прямо под один из водопадов; по спине потекли противные холодные струйки.

– Шев? Это ты, что ли?

Вот и подтверждение первоначальной идентификации. Райделл опустил глаза, увидел, что стоит в глубокой луже, но выхода не было. Проклиная все на свете, он плюхнулся на колени

и укрылся за невысоким штабелем грязных, явно побывавших уже на свалке, досок.

Там, впереди, о чем-то беседовали, однако монотонный плеск оставшегося сзади водопада заглушал все слова; Райделл вздохнул и начал разглядывать новых персонажей. Молодой парень в черной кожаной куртке и еще какая-то личность в чем-то черном, натянутый на голову капюшон не позволяет определить ни пол, ни возраст. Сидят на каком-то прилавке или леднике, кожаный парень курит в кулак, его волосы собраны на макушке в нечто вроде конуса – очень подходящая прическа для такого дождя. Сигарета описала в воздухе огненную дугу и потухла, кожаный спрыгнул со своего насеста, его губы шевелились. Уговаривает он ее, что ли? На что уговаривает? Парень в черном капюшоне тоже спрыгнул. Да, это точно парень, а одет он в длинную, не по росту, рубашку. Рукава дюймов на шесть длиннее рук, это потому, что ли, кажется, что движения у него какие-то паучьи? А еще он похож на тень из того старого фильма, где тени отделялись от людей, потом их ловили и водворяли на место, пришивали что ли. Саблетт, вот кто мог бы и название фильма вспомнить, и сюжет от начала до конца, со всеми подробностями.

Райделл стоял на коленях в луже и старался не двигаться, а затем двинулись они, девушка посередине, а эти, в черном, по краям, и тот, который тень, оглянулся, нет ли кого сзади. Мелькнула часть мучнисто-белого лица и жесткие, осторожные глаза.

Раз… два… три. Он встал и пошел следом.

Через сколько-то там ярдов – или миль? – Райделл вконец потерял ощущение пространства и времени – троица исчезла, словно сквозь землю провалилась. Как же это так? Райделл протер мокрые от дождя глаза и с трудом сообразил, что девушка и ее провожатые попросту спустились по лестнице на нижний уровень; прежде он не замечал, что здесь есть такие люки. Над люком висело призрачное голубоватое сияние. Подойдя поближе, Райделл услышал обрывки музыки и увидел источник света – надпись: «КОГНИТИВНЫЕ ДИССИДЕНТЫ», выполненную паутинно-тонкими неоновыми трубками.

Мокрый от дождя трансформатор вывески негромко шипел.

Райделл постоял у люка несколько секунд и начал спускаться.

Фанерные ступеньки были оклеены какой-то шероховатой, вроде наждачной бумаги, хренью, это чтобы не поскользнуться, и все равно он чуть не поскользнулся. Уже к середине спуска его ноздри различили хорошо знакомую смесь запахов: пиво, табак и более экзотические разновидности курева. Все понятно.

В баре было жарко, как в парилке. Народу – не протолкнуться. Кто-то швырнул Райделлу тугой, насквозь мокрый ком, оказавшийся при ближайшем рассмотрении полотенцем. Райделл вытер полотенцем лицо и руки, снова его скомкал и швырнул назад. Из дальнего угла донесся громкий женский смех. Райделл протолкался к стойке, нашел свободное место, выудил из мокрого кармана пару пятидолларовых монет, звонко уронил их на мраморный, с желтоватыми разводами пластик.

– Пиво.

Чья-то рука поставила перед ним бутылку, сгребла монеты, снова исчезла. Пиво оказалось японское, американского изготовления, в Тампе такое не пьют. Райделл плотно зажмурился, одним глотком ополовинил бутылку, поставил ее на стойку и только тогда открыл глаза.

– Подкат, – произнес рядом чей-то голос.

– Чего? – обернулся Райделл.

У этого хмыря были маленькие розоватые очки, маленький розоватый ротик и реденькие набриолиненные мышиного цвета волосенки, зачесанные со лба назад. Подбородка у него не было вовсе. Ну, не вовсе, а почти не было.

– Я сказал «подкат», – сказал хмырь.

– Вот так мне и послышалось, – кивнул Райделл.

– Ну и? Тебе нужен сервис?

– Слушай, – вздохнул Райделл, – давай договоримся. На данный момент мне нужно это вот пиво – и ничего кроме. Ясно?

– Телефон, – терпеливо объяснил хмырь. – Телефон или факс. Подкат с месячной гарантией. Тридцать дней, а иначе – следующие тридцать бесплатно. Местные звонки без ограничения. Нужны международные – можно поговорить о международных. Но сперва – базовый подкат. Три сотни.

Тусклый, неразборчивый голос, не голос, а жужжание сонной мухи. Вот с такими же примерно интонациями разговаривают детские игрушки, снабженные грошовыми, бог весть в каком подвале сляпанными голосовыми чипами.

– Подожди-ка секунду, – сказал Райделл.

Прикрытые розовыми очками глаза несколько раз моргнули.

– Ты это про карманный телефон, да? Насчет подключить его каким-то там хитрым образом и говорить на халяву, так что ли?

Хмырь молчал, смотрел на Райделла во все глаза, как на чудо какое, и молчал.

– Большое спасибо, только у меня нет при себе телефона. – Райделлу не терпелось закончить поскорее этот никчемный разговор. – А то бы я с радостью принял твое соблазнительное предложение.

Хмырь продолжал пялиться.

– Где-то я тебя вроде бы видел… – он неуверенно смолк.

– Ни в коем разе, – твердо отрезал Райделл. – Я из Ноксвилля. И тут, у вас, впервые – забежал спрятаться от дождя.

Длинное, во всю стенку, зеркало, висевшее за стойкой, густо запотело, первоначальная надежда осмотреть с его помощью зал не оправдалась. Ничего не поделаешь, придется так, в простоте. Райделл повернулся и увидел японку – ту самую, что и тогда, в горах, здорово тогда Саблетт испугался. Японка стояла на небольшом, низеньком подиуме. Голая. Длинные, почти до талии, волосы – и все, никакой больше одежды.

– Слышь? – не отставал хмырь. – Нет, ты послушай…

Райделл встряхнулся, как мокрая, из реки вылезшая собака, но привидение никуда не исчезло.

– Так ты слышь, можно и в кредит. – Снова тот же монотонный, утомительный бубнеж. – Проблемы есть? Может, ты хочешь узнать, что они имеют на тебя? Или на любого другого, если у тебя есть номер…

– Подожди, – сказал Райделл. – Вот эта вот женщина, видишь? – розовые очки развернулись. – Кто это?

– Голограмма это, – сообщил хмырь нормальным человеческим голосом и удалился.

– Ну, ты даешь, – уважительно протянул бармен. – Отшил Билли Говнилу в рекордно короткое время, прямо хоть в книгу Гиннеса. Честно заработал себе пиво. – Бармен, черный парень с медными бусинами в волосах, весело ухмылялся. – Билли Говнила – это потому, что он и сам говно, и все его предложения – тоже. Подключит к твоему телефону какую-нибудь коробочку, без ничего внутри, без батарейки даже, понажимает для вида кнопки, навесит лапши, возьмет деньги – и поминай как звали. Говнила – он и есть Говнила.

Длинные черные пальцы ловко откупорили бутылку, поставили ее рядом с той, недопитой.

Райделл еще раз оглянулся. Японка так и не сдвинулась с места.

– Зашел вот от дождя спрятаться, – пробормотал он, пытаясь поддерживать нечто вроде светской беседы.

– Да уж, погодка, – кивнул бармен.

– Слушай, – решился, наконец, Райделл, – а вот эта, вон там, на сцене, женщина…

– Это – танцовщица, Джози ею танцует, – еще шире ухмыльнулся бармен. – Подожди чуток, вот будет подходящая песня – она сразу ее запустит.

– Джози?

Бармен молча ткнул пальцем в глубь зала; Райделл чуть не присвистнул от удивления.

Странно, мелькнуло в его голове, и как это обыкновенное инвалидное кресло выдерживает вес такой туши? Толстая баба была одета аккуратно, даже с некоторой претензией на элегантность: ослепительно-белый свитер и синий, с иголочки, комбинезон без рукавов, сшитый на манер детских ползунков; седые жесткие волосы сильно смахивали на стальную проволоку. На жирных коленях Джози лежал какой-то продолговатый предмет из серого пластика, ее руки были спрятаны в этом предмете, как в муфте. Глаза прикрыты, на сером, словно из теста вылепленном лице – ноль эмоций. Даже и не поймешь, спит она или нет.

– Голограмма, да?

Японка все еще не шевелилась. Райделл отчетливо помнил ту ночь, женщину на шоссе. Серебряная корона с рожками. Волосы на лобке, подбритые в форме восклицательного знака. Ничего этого сейчас нет, но нет и сомнений. Это она. Она.

– Любит Джози проецировать, хлебом ее не корми.

Бармен словно извинялся за капризного, непослушного ребенка.

– Из этой штуки, у нее на коленях?

– Вроде того, – кивнул бармен. – Это интерфейс, а сам проектор – вон там. – Он ткнул большим пальцем через плечо. – Над знаком НЭК.

Чуть повыше старинной, подсвеченной изнутри рекламной эмблемы чернело нечто вроде оптической кинокамеры, какими пользовались в прошлом веке. А что это такое – НЭК, пиво или что? Вся стена была увешана и оклеена такими значками; названия некоторых фирм вызывали у Райделла смутные воспоминания. Похоже, все это были рекламы древней электроники.

Райделл перевел взгляд с черного угловатого прибора на толстуху в инвалидном кресле. Его охватила непонятная тоска. И нечто вроде злобы. Вроде как если потеряешь что-нибудь личное, дорогое для себя.

– Даже и не знаю, чего я, собственно, ожидал, – сказал он не то чтобы бармену, а так, самому себе.

– Тут кто хочешь ошибется, – понимающе кивнул бармен.

Значит, кто-то сидел там, на склоне, чуть повыше дороги. Машины подстерегал. Вроде как они, школьниками еще, прятались за кустами на Джефферсон-стрит. А потом кидали под колеса проезжающих машин пустые консервные банки. Звук – ну точно как если ступичный колпак отвалится. Машины тормозили,

водители вылезали на дорогу, смотрели, как и что, трясли головами. И там, в долине, было что-то вроде, какие-то ребята играли с дорогой игрушкой.

– Хрен с ним, – сказал Райделл и начал высматривать Шеветту Вашингтон; запахи пива и дыма исчезли за густой вонью пота и мокрой одежды.

А вот и они, девушка и двое ее приятелей, в самом углу, за маленьким круглым столиком. Тот, похожий на тень, скинул свой капюшон, явив изумленному миру голову, поросшую короткой белесой щетиной, с летучей мышью, а может – какой птицей, отсюда не разберешь, вытатуированной чуть повыше левого виска. Потому, наверное, и лысый – отпусти он волосы, так вся красота пропадет. Ручная работа, не компьютерная. Лысый – его маленькое жесткое личико было повернуто к Райделлу в профиль – молчал. Шеветта что-то объясняла второму, выглядела она безрадостно, еще секунда – и расплачется.

И тут музыка изменилась, вступили барабаны, казалось, что их, барабанов этих, тысячи и миллионы, что за тонкими стенками бара выстроилась несметная армия барабанщиков, и на этот неумолчный грохот накатывались волны шипения и свиста, вроде помех в радиоприемнике, накатывались, и откатывались, и накатывались снова, а затем вступили женские голоса, только голоса эти звучали не по-человечески, а вроде каких-то птичьих криков, и все это искусственное, синтезированное, голоса улюлюкали, как сирены полицейской машины на пустынном шоссе, а барабаны, если прислушаться, также не были барабанами, а состояли из крошечных звуковых обрезков, или там осколков, и все это гремело, било по ушам и по нервам.

Японка – голограмма, напомнил себе Райделл – вскинула руки, качнула бедрами, заскользила по сцене петлями и восьмерками медленного шаффла.[21] Не обращая внимания на барабаны, она подчиняла свои движения океаническому ритму шумовых волн, мерно накатывающихся на крохотный зал. Райделл оглянулся – глаза студнеобразной Джози были широко открыты, запястья рук, засунутых в пластиковую муфту, шевелились.

Никто из посетителей бара не уделял танцу ни малейшего внимания, только они двое, Райделл и женщина в инвалидном кресле. Впрочем, Райделл и сам смотрел на голографическую японку вполглаза, его занимала сейчас совсем иная проблема: что делать дальше?

Оперативное задание выглядело следующим образом: лучше всего, если ты доставишь очки и девицу, очки без девицы – чуть похуже, но тоже вполне удовлетворительно. Если очков нет –

тащи хотя бы девицу.

С шорохом отхлынула последняя волна электронного прибоя, японка замерла. Кое-кто из посетителей захлопал, прозвучало несколько пьяных, ободряющих выкриков. Джози изобразила нечто вроде поклона.

Самое ужасное, думал Райделл, что вот эта втиснутая в инвалидное кресло женщина попросту не умеет толком танцевать свою голограмму. Вроде этого ноксвиллского слепого, который сидит с утра до вечера в парке и бренчит на старой, антикварной, считай, гитаре. Он, слепой этот самый, добыл где-то эту гитару, но играть на ней не умел, абсолютно. И сколько он там ни сидит, сколько ни мучает инструмент, ни одного аккорда так и не выучил. Неверно это как-то, вроде даже нечестно, только вот не понять: по отношению к кому нечестно? К старику-слепому, к ни в чем не повинным прохожим или к гитаре?

Заметив, что за ближайшим к Шеветте столиком встают, Райделл прихватил честно заработанную бутылку, перебазировался на одно из освободившихся мест и напряг уши. Хрен там что услышишь, при таком-то шуме. Хорошо бы, конечно, встрять в их разговор, только как это сделаешь? Райделл не чувствовал себя в этой пивной белой вороной, чужеродным элементом; судя по всему, здесь сидела сейчас разношерстная публика, не постоянные клиенты, а случайные люди, забежавшие спрятаться от дождя. Но он не понимал этого заведения, его духа, его идеи. Вот, скажем, название, «Когнитивные диссиденты» – ну с чем это, спрашивается, едят? Узнать у кого-нибудь? А что толку, сильно это тебе поможет? Тем временем разговор между Шеветтой Вашингтон и ее парнем заметно накалялся.

Ее парень, это точно. Во всем поведении Шеветты, в каждом ее жесте чувствовалась Отшитая Подружка, а парень, так тот прямо из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать, насколько безразлична ему какая-то там быв…

Мудрые эти рассуждения мгновенно утратили всякий смысл. Шум в зале смолк, Райделл поднял глаза и увидел на нижней ступени лестницы знакомую фигуру Орловского. Голову вурдалака из отдела убийств СФДП прикрывала нежно-оранжевая пластиковая шляпа с примятой посередке тульей и закрученными вверх полями; странные, не как у людей, половинковые очки зловеще поблескивали. Орловский расстегивал пуговицы потемневшего от влаги плаща, вокруг его ботинок быстро набегала лужа. Под плащом обнаружился знакомый уже Райделлу бронежилет; расстегнув последнюю пуговицу, рука Орловского легла на гладкую, цельнолитую из оливкового пластика рукоятку «хеклер-и-кох». На этот раз Райделл разобрал, что пистолет у

этого красавца очень и очень приличный, плавающий затвор и все такие дела. Зато бляхи полицейской, висевшей в тот раз на нейлоновом шнуре, он не обнаружил, сколько ни старался.

Весь бар молча вытаращился на Орловского. «Явление Христа христопродавцам», неизвестный художник, XIX век.

Орловский неторопливо осмотрел зал. Полуприкрытые полуочками глаза отпускали каждому из присутствующих щедрую дозу Парализующего Взгляда. С его приходом даже музыка, монотонный техно-долбеж, похожий на взрывы бомб в резонансных камерах, зазвучала иначе, обрела новый смысл.

На лице Джози, разглядывавшей русского из своего инвалидного кресла, появилось какое-то напряженное, непонятное Райделлу выражение.

Заметив Шеветту Вашингтон, Орловский зашагал к ее столику. Он двигался с подчеркнутой, выматывающей нервы медлительностью, волосатые пальцы сжимали рукоятку пистолета.

Райделл все больше и больше опасался, что русский возьмет вот сейчас и застрелит девушку. Все вроде бы к тому и шло – но разве может коп сделать такое?

Орловский остановился перед столиком на точно выверенной дистанции – не слишком близко, чтобы выхватить оружие и перестрелять парней, если те дуром на него кинутся.

«Кавалер» совсем обосрался, Райделл отметил это с непонятным для себя самого удовлетворением. Лысый замер, застыл, не живой человек, а восковая фигура. Его руки лежали на столе, в левой ладони чернел карманный телефон.

Свет флуоресцентных ламп придавал лицу Орловского пепельно-серый оттенок, четко прорисовывал каждую морщинку. И хоть бы малейшая тень улыбки. Он пронзил девушку стокиловольтным глазным излучением, тронул левой рукой поля пластиковой шляпы и сказал:

– Вставайте.

Девушку била мелкая дрожь. Ни у кого не возникло сомнений, что Орловский имеет в виду ее, а не парней. Обосравшийся кавалер побледнел, того и гляди, в обморок шлепнется, лысый продолжал изображать из себя восковую фигуру.

Шеветта поднялась на дрожащих, подламывающихся ногах. Ее стул упал, негромкий стук показался Райделлу грохотом.

– Выходи.

Движением подбородка Орловский указал на лестницу. Волосатая лапа все так же лежала на рукоятке.

Райделл судорожно напрягся. Его руки сжимали края

столика. Снизу столик был густо облеплен засохшими комочками жевательной резинки.

Свет в зале потух.

«Джози швырнула на него свою голограмму, и это выглядело точь-в-точь как в конце „Затерянного ковчега“, когда все ангелы, или кто уж там они были, вылетели клубком из сундука и бросились на фашистов» – в таких словах описал Райделл последовавшую сцену Саблетту, но разговор их состоялся позднее, через много дней.

А тогда было не до сравнений, события развивались слишком быстро. Потух не только верхний свет, потухли все лампы, до последней, даже эти рекламные знаки на стене, и Райделл вскочил, ни о чем даже не думая, а так, автоматически, отшвырнул столик вместе с так и не допитой бутылкой дармового пива и бросился туда, где стояла Шеветта. В то же мгновение на стене – чуть повыше рекламы этой загадочной НЭК, только сейчас рекламы не было видно – вспыхнула ослепительная точка, и точка эта рванулась вниз, превращаясь по дороге в трехфутовый, а то и больше, шар света. Желтоватый такой шар, или, лучше сказать, цвета слоновой кости, одним словом, точно такой же, как кожа той японки, и весь в темных пятнах, фрагментах глаз и волос, и он вертелся волчком, как снятая со спутника Земля на экране телевизора в заставке прогноза погоды. И все это – вокруг головы Орловского и его плеч, и когда шар вращался, на нем мелькала то прядь ее волос, то глаз, то рот, разинутый в беззвучном крике, и все это – увеличенное. Каждый глаз становился на долю секунды огромным, во весь шар, и зубы тоже огромные, с руку длиной.

Орловский вскинул руки, отмахиваясь от неожиданной напасти, как от роя мух, и это его задержало, чуть-чуть, но задержало, и он не успел выхватить пистолет.

Убедившись (спасибо шару за освещение), что схватил в темноте именно Шеветту, а не Кавалера или Лысого, Райделл сгреб ее в охапку и бросился к лестнице; в Академии учили специальным приемам и захватам, чтобы задержанный шел с тобой и не рыпался, однако сейчас, в нужный момент, академическая премудрость вылетела у него из головы.

Орловский орал вслед нечто совершенно непонятное – по-русски, наверное.

Райделлов дядя – тот, который служил в Африке, – говорил, что любит смотреть на женские задницы, как они перекатываются на ходу, ну прямо тебе две росомахи в холщовом мешке. Сейчас, когда Райделл тащил Шеветту Вашингтон по лестнице, странное это сравнение наполнилось для него новым глубоким смыслом –

и безо всякого там сексуального подтекста.

Еле ребра уцелели.

22. Неприличная фамилия

Шеветта не успела заметить, кто это ее схватил, да и какая, собственно, разница, что один бандит, что другой. Она брыкалась как бешеная, но без особого успеха – разве ж тут ударишь хорошенько, когда этот гад тащит тебя на вытянутых руках.

А потом он споткнулся и чуть не упал, и они оказались снаружи, на верхнем уровне, и в руке высокого, здоровенного мужика был здоровенный пластиковый пистолет, или там автомат, очень похожий на детскую игрушку, их тоже делают такого вот грязно-зеленого цвета, который называется «защитный», и на мужике этом был такой же плащ, как на том, другом, который остался внизу, а шляпы не было, ни пластиковой, никакой – только мокрые волосы, гладко зачесанные назад, а еще кожа у него на роже была натянута неестественно туго, прямо как на барабане, чуть-чуть – и порвется.

– Отпусти ее, мудила.

Странный был акцент у этого мужика, вот так же точно говорил какой-то монстр в одном старом фильме ужасов. Тот, другой, который вытащил Шеветту наружу, поставил ее на землю, она не успела напрячь ноги и едва не грохнулась.

– Только пошевелись, – сказал монстр с пистолетом, – и я тебя, мудилу…

– Уор… – тот, зацапавший ее, согнулся пополам и начал хрипло, натужно кашлять. – …бэйби, – добавил он, выпрямляясь, а затем ощупал свои ребра, болезненно сморщился и пробормотал:

– Ну, мать твою, и лупишь ты ногами.

Вот этот – точно американец, только не с Тихоокеанского побережья. Рукав дешевой нейлоновой куртки почти оторван, из дырки лезет какой-то белый пух.

– Только пошевелись…

Пластиковый ствол глядел этому, драному, прямо в лицо.

– Уор-бэйби, уор-бэйби, – сказал драный, во всяком случае, звучало это именно так. – Уор-бэйби поручил мне найти ее и привести. Его машина припаркована у въезда, сразу за этими надолбами, он сидит там и ждет меня. С ней.

– Аркадий…

Ну вот, еще один явился. Старый знакомый. Теперь из-под его дурацкой шляпы торчал короткий тупой рог – объектив прибора ночного видения. В правой руке – какая-то круглая штука – аэрозольный, что ли, баллончик? Он махнул баллончиком в

направлении лестницы и сказал что-то на непонятном языке. По-русски?

– Нельзя поливать перцем в закрытом помещении, – заметил тот, американец. – Люди ж до смерти с носоглоткой будут мучиться.

– Ты водила, да? – спросил Барабанная Рожа.

И тут же махнул своему напарничку левой, свободной, рукой, чтобы тот спрятал баллончик, или что уж там у него было.

– Мы пили кофе, а вы – чай. Шитов, так, что ли?

Не хочет, чтобы я знала его фамилию, подумала Шеветта, поймав на себе опасливый взгляд Барабанной Рожи. Да не боись ты, бандюга, ничего я не расслышала, мне и вообще показалось, что этот парень сказал: «Шит-офф», а ведь такой фамилии просто не может быть.

– Зачем ты ее утащил? – спросил Барабанная Рожа, Шит-офф.

– А если б она смылась в темноте? Я что, знал, что у этого, твоего напарничка, есть ночные очки? Кроме того, Уорбэйби меня за ней и послал. А вот вас тут вроде и не должно было быть, во всяком случае, я так понял.

– Отпусти! – заорала Шеветта.

Тот, в шляпе, грубо заломил ей руку. И когда это только успел он зайти сзади?

– Не бойся, – сказал американец. – Эти ребята из полиции. СФДП, отдел расследования убийств.

Успокоил, называется.

– Ну ты и мудила, – присвистнул Шит-офф.

– Копы? – переспросила Шеветта.

– Ну да.

Шит-офф громко, со злостью сплюнул.

– Пошли, Аркадий. Пока эти говнюки из подвала…

Шляпник снял прибор ночного видения и теперь нервно переминался с ноги на ногу, почти приплясывал – точь-в-точь как перед запертой кабинкой туалета.

– Подождите, – сказала Шеветта. – Сэмми убили. Вы же копы, вы должны что-то сделать. Он убил Сэмми Сэла.

– Какой еще Сэмми? – заинтересовался тот, с оторванным рукавом.

– Мы с ним работаем! В «Объединенной»! Сэмми Дюпре. Сэмми. Он его застрелил!

– Кто застрелил?

– Рай-делл. Заткни хле-ба-ло.

– Она говорит нам, что обладает-информацией-связанной-с-возможным-убийством, и ты говоришь мне: «Заткни хлебало»?

– Да. Я говорю тебе: заткни на хрен свое долбаное хлебало.

Уорбэйби. Он все объяснит.

Они пошли в сторону Сан-Франциско, и Шеветта пошла тоже – а как тут не пойдешь, если руку тебе заломили.

23. Была не была

Шитов чуть не силком заставил Райделла пристегнуться к Шеветте Вашингтон наручниками и наручники дал свои, «береттовские», точно такие же, как у ноксвиллской полиции. Сказал, это чтобы у них с Орловским руки были свободные, на случай если местные заметят, что девушку арестовали, и захотят ее отбить.

Арестовали? А где же тогда «миранда»?[22] Да девице и не сказали даже, что вот, значит, ты теперь под арестом. Райделл твердо решил, что так прямо на суде и выложит, что не слышал никакой «миранды», хотя все время находился рядом, и дались они конем. Не было еще заботы – лжесвидетельствовать ради каких-то там раздолбаев. В Академии каждый, считай, день капали курсантам на мозги, что на полицейских ложится колоссальная ответственность и как они должны себя вести, так вот эти, прости Господи, крутые ковбои – хрестоматийный пример, как не нужно себя вести.

А с другой стороны, именно ведь такими и представляют себе люди копов, именно такого поведения и ожидают от них, сознательно или бессознательно, и все это связано с мифологией – так объяснял один шибко умный лектор. Мифология, она страшная сила, взять, например, синдром преподобного Малкахи. Это когда кто-нибудь держит заложников в запертом помещении и копы решают, что же им такое делать. И все они видели этот фильм про патера Малкахи и начинают действовать соответственно. Ясно, говорят, понятно, нужно привести сюда священника. Нужно привести родителей этого парня. А я пойду туда без оружия и постараюсь его уговорить. Слово за слово, а потом какой-нибудь герой и вправду кладет ствол на землю и идет этого психа уговаривать, со всеми вытекающими последствиями. И все по одной-единственной причине – он забыл, что жизнь не похожа на кино, совсем не похожа. Но это – редкий случай, чаще бывает наоборот, живой коп начинает подражать крутым телевизионным копам, проходит какое-то время, и ему не нужно даже подражать, он и вправду становится таким вот ковбоем. Несмотря на все, чему его учили, несмотря на все предупреждения. А иностранцы, вроде тех же Шитова и Орловского, на них эта телевизионная хрень действует еще сильнее. Да хоть на одежду взглянуть – сразу видно, с кого они узоры пишут.

Добраться бы до душа. До горячего душа, чтобы почти как кипяток. И терпеть, пока хватит сил – или пока вода в кране не

кончится. Вытереться, надеть новые, совершенно сухие шмотки и сесть по-человечески, в своей комнате, в свое кресло. Уорбэйби наверняка заказал уже новому сотруднику номер в какой-нибудь гостинице, или сам заказал, или Фредди своему поручил. Позвонить, чтобы прислали пару клубных сэндвичей и пяток этих длинных бутылок мексиканского пива, в Лос-Анджелесе оно везде есть, так и здесь, наверное, тоже. В ведерке со льдом. Посмотреть телевизор. Включить, скажем, а там как раз «Влипших копов» показывают. Позвонить Саблетту, почесать языком, рассказать ему, какой тут бардак в этой ихней Северной Калифорнии. Саблетт не переносит яркого света и старается работать ночью, так что одно из двух – либо он сейчас в патруле, либо смотрит свои старые фильмы…

– Смотри, куда идешь!

Рывок за наручники чуть не опрокинул его на мостовую.

– А? – пришел в себя Райделл. Они с Шеветтой огибали вертикальный стояк с разных сторон. – Прости.

Шеветта хмуро промолчала. И все-таки – ну никак не смотрелась она на девицу, способную полоснуть мужика по горлу и вытащить его язык наружу сквозь не предусмотренное анатомией отверстие. Правда, вот нож… А что, собственно, нож? Ведь нельзя же каждого, у кого в кармане нож, так вот сразу считать за убийцу. Кроме ножа Шитов вытряс из нее карманный телефон и эти долбаные очки, из-за которых весь переполох. Точно такие же, как у великого сыщика, и футляр такой же. Теперь очки у него, во внутреннем кармане брони; увидев их, русские прямо кипятком в потолок от радости.

И даже боялась она не так – душные волны страха, исходящие от пойманного преступника, не перепутаешь ни с чем, для этого и опыта никакого не надо. А тут скорее ужас затравленной жертвы – и это при том, что она с ходу призналась Шитову, что да, украла я эти очки. Прошлым вечером в гостинице этой самой, в «Морриси», во время пьянки. И никто ведь из русских ковбоев и слова не сказал про убийство, и вообще про мужика этого зарезанного, Бликс он там или как. Подумать если, так они и ни в чем ее не обвиняли, ни в убийстве, ни в воровстве даже, – вообще ни в чем. А она говорила, что кто-то там убил какого-то Сэмми. Может, Сэмми – это и есть тот немец, зарезанный? А русские, словно не слышали, и сами ничего не ответили, и Райделлу рот заткнули, и она теперь тоже молчит, ну разве что огрызнется иногда, прикрикнет, когда он начинает засыпать на ходу.

Дождь закончился, ветер стих, но большого оживления на мосту не наблюдалось – да и то сказать, странно бы было, если бы сейчас, в невесть какой час ночи, все повыскакивали наружу и

начали устранять причиненный непогодой ущерб. Однако кое-где зажегся свет, какие-то люди сгребали с мостовой воду и мусор. И пьяные – уж без них-то, конечно, никак. Круто уторчавшийся на «плясуне» мужик – во всяком случае, он непрерывно разговаривал сам с собой, молотил языком со скоростью тыща слов в минуту – пристроился в хвост процессии и так и плелся следом, пока Шитов не развернулся и не прошипел, что, мол, уторчался, мудила, так и уматывай на хрен в Окленд, а то искрошу тебя к такой-то матери в капусту, и все это со стволом в руках. Мужик вылупил глаза и послушно, без спору, повернул назад, да и кто бы на его месте спорил, а Шитов оглушительно заржал.

Участок моста, где час назад (или два? сколько же времени прошло?) стояла в нерешительности Шеветта Вашингтон, был освещен несколькими фонарями. Райделл споткнулся о какую-то доску, взглянул вниз и только теперь заметил на ногах девушки черные десантные ботинки, один к одному, как его собственные. И тоже, небось, с кевларовыми стельками.

– Классная обувка, – уважительно прокомментировал он и тут же смутился. Шеветта взглянула на него, как на психа. На ее щеках блестели слезы.

– Заткнись, мудила! – рявкнул шагавший рядом Шитов; ствол пистолета болезненно ткнул Райделла в ямку между челюстной костью и правым ухом. – И чтобы больше ни слова!

Райделл скосился на русского придурка, подождал, пока рука с пистолетом уберется, и только тогда кивнул:

– О'кей.

Весь дальнейший путь прошел в полном молчании. Райделл украдкой поглядывал на Шитова и решал в уме сложную задачу: когда начистить морду этому сучьему потроху – сразу, как расстегнут наручники, или чуть погодя?

В тот момент, когда Шитов вытаскивал свою долбаную пушку из Райделлова уха, Райделл заметил через его плечо какого-то парня, заметил безо всякого интереса – ну парень себе и парень. Высокий, крепкий, длинноволосый, вылез из узкой, не шире фута, двери, и даже не дверь это, а щель какая-то, вылез и стоит, моргает, то ли от яркого света, то ли от удивления.

Райделл не относился как-нибудь там по-особому ни к иммигрантам, ни к черным, ни к голубым – пусть себе хоть зеленый в крапинку, был бы человек хороший. Это, к слову сказать, сильно выручило его при поступлении в Полицейскую академию – прогнали его через все ихние тесты, увидели, что не расист парень, ни вот на столько не расист, и взяли – несмотря на очень грустные отметки в школьном аттестате. Райделл и вправду не был расистом, только не из каких-нибудь там идейных

соображений, а так, по житейскому смыслу. Ну, на кой, спрашивается, быть расистом, если от этого никакой радости, одни заморочки? Ясно же, что люди никогда не вернутся назад, не будут жить, как жили когда-то; а даже и случись такая невероятная вещь – что бы в том хорошего? Тогда бы, небось, не по одной станции долбили пятидесятничный хэви-металл, а по всем, двадцать пять часов в сутки. И кто бы, спрашивается, жарил монгольский шашлык? Да и вообще, что толку думать о такой бредятине, когда в Белом доме сидит черная баба?

Однако сейчас, когда они с Шеветтой Вашингтон пробирались между бетонных надолбов, взмахивая руками в идиотском общем ритме, ни дать ни взять детский сад на прогулке, черт бы побрал эти наручники, Райделл не мог не признать, что некоторые конкретные иммигранты и негры его достали. Сильно достали. И Уорбэйби с его вселенской скорбью и постной, как у телевизионного проповедника, харей. И Фредди этот самый, технический, в рот его и в ухо, консультант. Отец, царствие ему небесное, на дух не переносил таких вот типов, скользких и хитрожопых; «ублюдки сраные» – так он их называл, любимое папашино выражение. А уж Шитов и Орловский – посмотришь на них и сразу поймешь, что имел в виду дядя, который в Африке воевал, когда рассказывал про дубин, у которых голова хрящом проросла.

И вот он, пожалуйста, Фредди тот драгоценный, – привалился задницей к радиатору «Патриота» и дергает башкой в такт какой-то там из наушников мелодии, а по краям его кроссовок бегут красные буковки, слова песни или там что. Этот-то под дождь не вылезал, в машине отсиделся, вон ведь, все у него сухонькое, и рубашка эта пистолетная, и необъятные портки.

И начальничек его, Уорбэйби, в стеганом этом пальто и в шляпе, нахлобученной почти на глаза. Почти на эти сраные ВС-очки. Широкий, как шкаф, только нормальный шкаф сам по себе стоит, а этот на тросточку опирается.

Нос к носу с «Патриотом» стояла неприметная такая серенькая машинка размером с океанский лайнер; армированные покрышки и графитовая решетка на радиаторе прямо-таки кричали каждому любопытному: «КОПОВОЗКА». И любопытные были – несмотря на поздний (или уже ранний?) час, они стояли среди бетонных надолб, сидели на ящиках и продуктовых тележках. Дети, пара мексиканок – поварихи, наверное, судя по волосам, затянутым сетками. Крепкие, угрюмого вида мужики в грязных робах опирались на лопаты и швабры. Никто не подходил особенно близко, просто смотрели – и все, на лицах подчеркнутое

безразличие, обычное поведение людей, наблюдающих за работой копов.

На переднем пассажирском сиденье полицейского броненосца клевал носом еще один блюститель закона.

Русские сомкнули строй, зажали Райделла и Шеветту в плотные клещи; Райделл чувствовал, что собравшаяся толпа их нервирует. А вот не хрен было выставлять свою машину на всеобщее обозрение.

Теперь, когда Шитов шагал совсем рядом, стало слышно, как поскрипывает под его рубашкой броня. Он благоразумно припрятал пистолет и, как и подобает настоящему ков бою, не выпускал изо рта китайскую «Мальборо».

И куда же теперь? В полицейскую машину? Да нет, вроде бы к «Патриоту». Лучезарная улыбочка Фредди прямо напрашивалась на хороший удар каблуком, зато Уорбэйби глядел на приближающуюся процессию с чуть ли не большей, чем обычно, скорбью.

– Снимите с меня эту хрень.

Райделл сунул Уорбэйби под нос охваченное тонким стальным ободком запястье; рука Шеветты Вашингтон дернулась вверх. Стоило зрителям заметить наручники, как их безразличие словно ветром сдуло; послышался негромкий угрожающий рокот.

Уорбэйби повернулся к Шитову.

– Добыл?

– Да. – Шитов похлопал себя по груди. – Здесь они, как миленькие.

– Вот и прекрасно, – кивнул Уорбэйби.

Он взглянул на Шеветту, на Райделла и наконец повернулся к Орловскому.

– Сними с него наручники.

Орловский взял Райделла за запястье и сунул в прорезь наручника магнитный ключ.

– Садись в машину, – скомандовал Уорбэйби.

– Они не читали ей «миранду», – запротестовал Райделл.

– Садись в машину. Ты же у нас водитель, или забыл?

– Скажите, мистер Уорбэйби, она что, арестована?

Фредди мерзко хихикнул.

Шеветта протянула Орловскому свое, все еще закованное, запястье, но тот уже засовывал магнитный ключ в карман.

– Райделл, – печально вздохнул Уорбэйби, – садись в машину. Мы тут больше не нужны.

Правая дверца серой машины распахнулась; полицейский (полицейский?), дремавший прежде на пассажирском сиденье, вышел наружу и потянулся. Черные ковбойские сапоги, длинный,

угольно-черный плащ. Светлые волосы, не короткие и не длинные. От уголков рта – глубокие, словно стамеской вырубленные морщины. Бесцветные, водянистые глаза. Тонкие губы широко разошлись в улыбке, сверкнули искорки золота.

– Это он. – Голос Шеветты Вашингтон срывался. – Он убил Сэмми.

И тут высокий длинноволосый парень – тот самый, которого Райделл видел на мосту, только теперь он был на велосипеде – с разгона врезался в спину Шитова. Старый ржавый велосипед с крепким стальным багажником перед рулем тянул на добрую сотню фунтов, столько же, а то и больше, весил металлолом, набитый в глубокую корзину переднего багажника, еще две сотни – сам лихой велосипедист. Шитов негромко хрюкнул и рухнул на капот «Патриота»; Фредди подпрыгнул, как ошпаренная кошка.

Длинноволосый парень, похожий сейчас на взбесившегося медведя, перелетел через руль, упал на Шитова сверху и начал молотить его мордой о капот. Рука Орловского метнулась к пистолету, но в тот же момент Шеветта выхватила из ботинка отвертку и саданула его в спину. Бронежилет, конечно, не прошибла, но от удара коп качнулся.

Безгильзовые боеприпасы и плавающий затвор обеспечивают невероятную скорострельность. Надсадный, душераздирающий вой, издаваемый современным оружием при автоматической стрельбе, ничуть не похож на ритмичный перестук древних пулеметов и автоматов.

Первая очередь ушла в темное ночное небо; Шеветта Вашингтон повисла на правой руке Орловского. Орловский попытался повернуть ствол в ее сторону, но не сумел – вторая очередь полоснула в сторону моста. Из толпы раздались испуганные крики, люди хватали и прятали детей.

У великого сыщика отвалилась челюсть, он явно не верил своим глазам.

Орловский снова попытался вырвать руку из Шеветтиной хватки. Райделл стоял прямо за его спиной, и это было снова как тогда, с Кеннетом Терви. Или – когда «Громила» выносил ворота шонбрунновской усадьбы.

Он ударил Орловского ребром ботинка по голени, тот рухнул и третья очередь ушла вертикально вверх.

Фредди попытался схватить Шеветту – и едва успел прикрыться драгоценным своим компьютером. Отвертка пробила тоненький чемоданчик насквозь; Фредди уронил его на землю, истошно завопил и отпрыгнул.

Райделл поймал на лету расстегнутый наручник – тот самый, который висел недавно на его собственном запястье, – и дернул.

Открыв правую дверцу «Патриота», он пролез на водительское место и втащил следом за собой Шеветту. Длинноволосый все еще продолжал выяснять, что прочнее – русская голова или американский металл.

Ключ. Зажигание.

Райделл заметил на капоте радиотелефон и ВС-очки, вывалившиеся из кармана Шитова. Опустить стекло, схватить телефон и тускло-серый футляр, поднять стекло. Короткая очередь прошила длинноволосого, смела его на землю. Врубая задний ход, Райделл снова заметил того, золотозубого из коповозки. Золотозубый стоял, широко расставив ноги, и водил из стороны в сторону стволом. Правая рука сжимает оружие, левая сжимает запястье правой – все, как учили в Академии. Корма «Патриота» врезалась в какое-то препятствие, Шитов слетел с капота за компанию с ржавыми цепями и обрезками труб. Шеветта все еще рвалась наружу (и что же это она там забыла?), так что Райделлу приходилось придерживать ее за наручник и крутить баранку одной левой. Затем он выпустил наручник, чтобы перевести передачу с заднего хода на передний, и тут же вцепился в него снова.

Следующим номером программы Райделл бросил «Патриота» на золотозубого; тот настолько увлекся стрелковыми упражнениями, что едва успел выскочить из-под колес. Шеветта оценила, наконец, ситуацию и захлопнула дверцу.

«Патриот» проскочил в каком-то дюйме от края моста и едва не врезался в хвост огромного оранжевого мусоровоза.

Последняя картина, которую Райделл увидел и боковом зеркальце, выглядела почти нереально, как обрывок горячечного бреда, а потому намертво врезалась в его память. Громада моста, похожая на затонувший, опутанный водорослями корабль, на заднем плане – предрассветное, чуть сереющее небо, на переднем – громоздкая фигура великого сыщика. Уорбэйби шагнул раз, другой и ткнул тростью в направлении удаляющегося «Патриота». Сейчас он сильно напоминал фокусника или волшебника, манипулирующего своим волшебным жезлом.

Затем нечто, вылетевшее из трости, вышибло заднее стекло «Патриота»; Райделл заложил такой крутой правый вираж, что чуть не перевернул машину.

– Господи… – Шеветта говорила медленно, недоуменно, словно только что проснулась и не совсем еще воспринимает окружающее. – Что это ты делаешь?

Райделл не знал, что он делает, он просто делал.

24. Песня стальной рептилии

Свет вырубился, Скиннерову комнатушку залила густая, чернильная темнота. Ямадзаки встал со стула, нашел Шеветтин спальный мешок, нащупал фонарик.

Яркое белое пятно скользнуло по стенам, задержалось на кровати. Скиннер спал, укрывшись двумя одеялами и рваным спальником, из угла открытого рта сочилась тонкая струйка слюны.

Ямадзаки осмотрел надкроватную полку. Маленькие стеклянные баночки со специями, банки побольше с винтами, гайками и шурупами, черный бакелитовый телефон с диском – живое напоминание о том, откуда взялось выражение «набрать номер». Разноцветные колесики клейкой ленты, мотки толстой медной проволоки, рыболовные снасти – или что-то на них похожее, Ямадзаки не очень в этом разбирался – и, наконец, свечные огарки, штук десять, стянутые черной резинкой, пересохшей и растрескавшейся. Зажигалка нашлась быстрее – она лежала на самом естественном месте, рядом с примусом. Ямадзаки оплавил самый длинный из огарков в пламени зажигалки, прилепил его к блюдцу и зажег. Узкий оранжевый язычок испуганно заметался и потух.

С фонариком в левой руке Ямадзаки подошел к окну, закрыл его поплотнее, подоткнул две грязные тряпки – не очень эквивалентную замену утраченных сегментов витража.

На этот раз свечка не потухла, хотя пламя и колебалось – по комнате все еще гуляли сквозняки. Ямадзаки вернулся к окну. Все огни на мосту погасли, и он исчез, растворился в темноте. Дождь лупил по стеклам в упор, почти горизонтально; крошечные капельки прорывались сквозь трещины и щели, холодили лицо.

А ведь эту комнату, подумал Ямадзаки, можно превратить в первоклассную камеру обскуру. Вынуть из витража миниатюрное центральное стеклышко, чем-нибудь закрыть остальные сегменты, и на противоположную стену спроецируется перевернутое изображение.

Ямадзаки слышал, что центральная опора, удерживающая на себе середину моста, считалась когда-то одной из лучших в мире камер-обскур. Свет, проникавший в ее темную утробу через крошечное отверстие, рисовал на дальней стене исполинскую картину изнанки моста, ближайшего устоя и водных просторов. А теперь в этих мрачных казематах поселились самые нелюдимые обитатели моста; Скиннер настоятельно советовал воздержаться от какого бы то ни было с ними общения.

– Это тебе не Остров Сокровищ, никаких таких Мэнсонов[23] там нет, но ты, Скутер, все равно к ним не лезь. Ребята как ребята, только не любят они гостей, не любят – и все тут.

Ямадзаки подошел к стальному канату, разделявшему комнату пополам. Скиннерова халупа сидела на канате, небольшая его часть, выступавшая над уровнем пола, напоминала малую поправку, едва проглядывающую при компьютерном представлении поверхности, описываемой сложной математической формулой. Ямадзаки нагнулся и потрогал стальной горб, отполированный сотнями чьих-то рук.

Каждый из тридцати семи тросов, составлявших канат, был сплетен из четырехсот семидесяти двух жил, каждый из тросов выдерживал – всегда, в том числе и сейчас, в этот самый момент – нагрузку в несколько миллионов фунтов. Позвоночник… нет, даже не позвоночник, а спинная струна, хорда исполинской реликтовой рептилии, чудом дожившей до нашего времени. И по ней, по этой хорде, струится информация, смутная и темная, как даль геологических эпох. Доисторическая тварь не совсем еще утратила подвижности – мост вибрировал под напором ветра, натягивался и сжимался при смене жары и холода, стальные когти его огромных лап цепко держались за материковую платформу, укрытую донным илом, за скалу, почти не пошевелившуюся даже при Малом великом землетрясении.

Годзилла. Ямадзаки зябко поежился, вспомнив давние телевизионные репортажи. Он тогда был в Париже, с родителями. Теперь на развалинах Токио вырастили новый город.

Да, кстати. Он подобрал с пола Скиннеров телевизор, поставил его на стол и начал рассматривать. Экран вроде бы в порядке, просто вывалился из корпуса и повис на короткой пестрой ленте кабеля. Ямадзаки приложил тускло-серый, с округлыми углами прямоугольник к пустой рамке, нажал большими пальцами, что-то щелкнуло, и экран сел на место. Только будет ли эта штука работать? Он нагнулся, высматривая нужную кнопку. Вот эта. ВКЛ.

По экрану побежали красно-зеленые полосы, через секунду они исчезли, в левом нижнем углу вспыхнула эмблема NHK.

–..Наследник Харвуда Левина, создателя и единоличного владельца одной из крупнейших рекламных империй, покинул сегодня Сан-Франциско, где провел, согласно нашим конфиденциальным источникам, несколько дней.

Непропорционально длинное и все же симпатичное лицо. Тяжелый, лошадиный подбородок прячется в поднятый воротник плаща. Широкая белозубая улыбка.

– Его сопровождает… – прямо на камеру идет стройная

темноволосая женщина, закутанная в нечто черное и – тут уж никаких сомнений – умопомрачительно дорогое, на коротких черных сапогах поблескивают серебряные шпоры. —..Мария Пас, дочь падуанского кинорежиссера Карло Паса. Лицо Марии Пас известно каждому, кто хоть немного следит за светской хроникой. Все вопросы, касающиеся цели этого неожиданного визита, остались без ответа.

Известное каждому – и очень несчастное, чуть ли не заплаканное – лицо исчезло, теперь по экрану ползли бронетранспортеры, снятые в инфракрасном свете. Японские миротворческие силы продвигаются к местному аэропорту какого-то богом и людьми забытого новозеландского городка.

–..Потери, вина за которые возлагается на запрещенный Фронт освобождения Саут-Айленда. Тем временем в Веллингтоне…

Ямадзаки попробовал переключить канал. Несколько секунд красно-зеленого мелькания, и на экране проступил портрет Шейпли, заключенный в аккуратную рамочку. Документальная постановка Би-би-си. Лицо спокойное, серьезное, даже чуть гипнотичное. После двух безуспешных попыток поймать что-нибудь другое Ямадзаки прибавил громкость, голоса британских актеров отодвинули в сторону все прочие звуки – и завывание ветра, и гудение тросов, и скрип фанерных стен. Он сосредоточился на хорошо известной истории, с хорошо известным – хотя и не очень хорошим – концом.

Джеймс Делмор Шейпли привлек к себе внимание антиспидовой промышленности в самые первые месяцы нового тысячелетия. Тридцатилетняя проститутка мужеского пола, он был инфицирован уже двенадцать лет. В тот момент, когда доктор Ким Кутник, работавшая в Атланте, штат Джорджия, сделала свое открытие, Джеймс Шейпли отсиживал в тюрьме двухсотпятидесятидневный срок за непристойное поведение в общественном месте (его статус ВИЧ-инфицированного должен был повлечь за собой значительно более серьезные обвинения, однако судьи этого «не заметили»). Ким Кутник, работавшая на компанию «Шарман», филиал «Сибата Фармасьютикалс», просматривала медицинские карты заключенных. Ей были нужны личности вполне определенного – и экзотического – плана: ВИЧ-инфицированные не менее десяти лет, не проявившие за это время никаких болезненных симптомов и имеющие в крови нормальное (либо, как в случае Шейпли, повышенное) количество т-лимфоцитов.

Шармановские лаборатории атаковали СПИД по многим направлениям; одно из них было связано с надеждой обнаружить

и выделить мутантные штаммы вируса. Многие биологи считали, что высокая, практически стопроцентная летальность единственной известной на тот момент генетической разновидности ВИЧ противоречит законам естественного отбора. Вирус рубит сук, на котором сидит: распространяясь без помех, он не сегодня, так завтра уничтожит человечество, единственную свою питательную среду. Уничтожит самого себя. (Другие ученые столь же убежденно утверждали, что необычно долгий инкубационный период СПИДа не даст человечеству погибнуть.) Собственно говоря, идея выделить непатогенные штаммы вируса и применить их для подавления штаммов легальных была выдвинута лет на десять раньше, однако так и осталась идеей: «этические» соображения не позволяли проводить прямые эксперименты на людях. Шармановские исследователи опирались на идеологию этих старых работ: если вирус хочет жить, он не должен убивать своею «хозяина». Исследовательская группа, куда входила и доктор Кутник, намеревалась вакцинировать пациентов на стадии СПИДа сывороткой из крови ВИЧ-положительных индивидуумов – в надежде на вытеснение летального штамма безвредным.

Поиски таких индивидуумов были поручены семерым вирусологам, в том числе и Ким Кутник. Она решила начать прямо с ближайшей тюрьмы. Первоначальный отбор выявил шестьдесят шесть заключенных, которые: а) были инфицированы вирусом иммунодефицита человека десять и более лет назад; и б) не имели никаких жалоб на здоровье. Одним из этих шестидесяти шести был Дж. Д. Шейпли.

Действие переместилось в Рио-де-Жанейро, в патио загородного особняка.[24] Доктор Кутник (чью роль исполняла молоденькая английская актриса) вспоминала свою первую встречу с Шейпли.

– Трудно сказать, что поразило меня больше – количество т-лимфоцитов в крови Шейпли, значительно превышавшее норму, или его ответы на вопросник, из которых следовало, что Шейпли не больно-то следовал нормам «безопасного секса». Шейпли произвел на меня впечатление очень искреннего, отзывчивого и, как это ни странно, очень невинного человека. Мой вопрос об оральном сексе заставил его смутиться и покраснеть. Затем он рассмеялся и сказал… он сказал… – «Кутник» потупилась, ее щеки вспыхнули пунцовой краской. – Сказал, что «сосет – с хлюпом и досуха». Конечно же, – продолжила актриса, – в те дни все наши представления о путях распространения инфекции базировались на догадках и предположениях. Странно подумать: не было проведено ни одного прямого эксперимента по

выявлению механизма передачи.

Ямадзаки выключил телевизор. Федеральный закон о добровольных участниках экспериментов по борьбе со СПИДом и ходатайство доктора Кутник позволят Шейпли выйти из тюрьмы. «Безбожные и безнравственные» эксперименты шармановской группы, связанные с переливанием людям, умирающим от СПИДа, «нечистой крови», встретят яростное сопротивление со стороны христианских фундаменталистов. Эксперименты застопорятся – в тот самый момент, когда Ким Кутник получит первые обнадеживающие результаты. Состояние пациентов, имевших половые сношения с Шейпли, заметно улучшится, они явно пойдут на поправку. Взбешенная Кутник уволится с работы, увезет ничего не понимающего Шейпли в стоящую на пороге гражданской войны Бразилию, найдет щедрых спонсоров и продолжит свои исследования – там к таким вещам относятся просто и по-деловому.

Все бы хорошо, не будь у этой истории такого печального конца.

Лучше уж сидеть при свечке и слушать песню стальной рептилии.

25. Хоть вброд, хоть вплавь

Он все говорил, что он из Теннесси, и что он в гробу видал все это говно. А она оставила уже всякие надежды дожить до завтра, так он гнал машину, а и доживешь, так что толку – все равно поймают копы или этот, который застрелил Сэмми. Она все еще не могла понять, как и что случилось, и ведь этот мужик, который вырубил краснорожего, – это же точно был Найджел.

И его все тянуло куда-то направо от Брайанта, и тогда она сказала ему свернуть по Фолсом налево, ведь если эти суки и вправду висят на хвосте, так нужно выезжать на Хайт, лучшего места, чтобы затеряться среди людей, и не придумаешь, сама-то она точно намеревалась двинуть туда при первой же возможности. А «форд» был точь-в-точь такой же, как у мистера Маттьюза, директора Бивертонской колонии. И она пыталась заколоть этого типа отверткой, это подумать только, никогда бы от себя такого не ожидала. А потом сломала этому черному парню, который с такой мощной прической, его компьютер. И этот чертов браслет на левом запястье, а другая его половинка, открытая, болтается на короткой, в три звена, цепочке.

Он оторвал правую руку от руля и схватился за пустой наручник. Что-то такое с ним сделал – вслепую, не отрывая глаз от улицы. Отпустил. И зачем это, интересно, он его защелкнул?

– Зачем ты его защелкнул?

– Для твоей же пользы. А то зацепишься за дверную ручку или еще за что…

– А теперь сними.

– Дай ключ – сниму.

– Что же мне, так теперь и ходить?

Она побренчала наручниками перед самым его носом.

– Засунь в рукав. Это же «береттовские» наручники. Серьезная штука.

Ему вроде как нравилось, что наконец-то нашлась тема для разговора, даже машину повел вроде как поспокойнее. Карие глаза. Не старый, лет двадцать с небольшим. Дешевая, насквозь мокрая одежда. Волосы не темные и не светлые, серединка на половинку, подстрижены слишком уж коротко, но не так коротко, чтобы было ясно, что это нарочно, из пижонства. А мышца на нижней челюсти все ходит и ходит, словно он жует резинку, только он ничего не жует.

– Куда мы едем?

– А я-то откуда знаю? – он прибавил газа. – Это же ты сказала «налево».

– Кто ты такой?

– Райделл. – Его глаза на мгновение оторвались от дороги, скользнули по Шеветте. – Берри Райделл.

– Барри?

– Берри.[25] Вроде малины. Или волчьей ягоды. Кой хрен, это же большая улица, фонари и все такое…

– Направо.

– И куда же я должен…

– Направо!

– О'кей. – Он крутанул руль. – И куда ж это мы?

– На Хайт-стрит. Ночью там много народа, а копы и носа не суют.

– И бросим там машину?

– Отвернись на две секунды, и от нее останутся одни воспоминания.

– Банкоматы в этих краях водятся?

– А то.

– Ну да, вот он и есть.

На поребрике «Патриот» сильно тряхнуло, из рамы заднего окна посыпались осколки пуленепробиваемого стекла. Кто же это его выбил? – удивилась Шеветта. И когда? Я же все время здесь была…

Он выудил из насквозь мокрого бумажника кредитную карточку, затем – вторую, третью.

– Без денег нам никак, придется попробовать. А если ты хочешь выскочить из машины и сделать ноги, так за ради бога. – Он пожал плечами. – Никто тебя не держит.

А потом он вытащил из кармана куртки очки, те самые. И телефон. Как только в «Диссидентах» потух свет, она внаглую выхватила этот телефон прямо из пальцев Коудса. Ведь Лоуэлл, он всегда говорил, что в неприятности лучше не попадать, а если уж попал, нужно иметь под рукой телефон, без чего другого можно и обойтись, только не без телефона. А этот, бритоголовый, перетопчется как-нибудь. Ну а этот, бзикнутый, который машину гнал, кинул ей на колени и засранцевы очки, и телефон и буркнул:

– Забирай свою хурду-мурду.

А потом он хлопнул дверцей машины, подошел к банкомату и начал совать в него карточки. Банкомат чуть подумал и вылез из бронированной будки, осторожно и вроде как стеснительно, они всегда так делают, и камеры тоже высунулись – следить, чтобы клиент ничего такого не выкинул. А он стоял, прищелкивая пальцами правой руки, и рот такой, будто свистит он, но свиста никакого не было. Шеветта взглянула на футляр с очками и

телефон и еще раз удивилась, чего она сидит здесь, он же, считай, хороший дал совет – делай, говорит, отсюда ноги.

В конце концов, он вернулся, пересчитывая на ходу толстую пачку денег, сунул деньги в передний карман джинсов, плюхнулся на водительское место, захлопнул дверцу и швырнул – окно с его стороны было открыто – одну из карточек под ноги банкомату, который задом, словно рак, втягивался в свою скорлупу.

– Ума не приложу, как это они сумели с такой скоростью аннулировать эту штуку, и добро бы у Фредди был компьютер, так ты же ему его раздолбала.

Чуть помедлив, он отправил следом за первой карточкой и вторую. И третью. Лексановый щит банкомата с грохотом опустился, карточки остались снаружи, лежат на мостовой в свете галогенных прожекторов и на каждой поблескивает крошечная голограмма.

– Так их же кто-нибудь подберет, – удивилась Шеветта.

– На что я и надеюсь, – ухмыльнулся этот. – Подберет и уедет с ними куда подальше. Лучше всего – на Марс.

А потом он врубил передачу, «форд» подпрыгнул и выскочил на улицу задом, чуть не столкнувшись с какой-то другой машиной, и тут сразу визг тормозов и длинный отчаянный вой сигнала, и машина обогнула их в каком-то дюйме, и водитель ее тоже, наверное, кричал, потому что рот его превратился в большое черное «О», только крика не было слышно, и та часть Шеветты, которая все еще оставалась курьером, была в полном восторге – ведь сколько раз эти гады подрезали ее, просто не сосчитать.

– Вот же мать, – сказал этот и начал дергать рычаг передач, и дергал, пока не нашел ту, что нужно, и тогда они поехали нормально.

Наручник болезненно натирал воспаленное место, где висела когда-то эта красная гадюка.

– Ты коп? – спросила Шеветта.

– Нет.

– Охранник? Вроде как эти, гостиничные?

– Ага.

– Ну и что ты намерен делать?

Парень этот, охранник там или кто он, молчал. По его лицу мелькал свет уличных фонарей и вывесок.

– Вляпался в говно, так надо выбираться. Хоть вброд, хоть вплавь.

26. «Цветные люди»

Райделл свернул в переулок, заглушил мотор и вылез из машины. И прибалдел. Однорукий, одноногий человек катился на роликовой доске. Инвалид лежал на ней животом и отталкивался от мостовой странными, вихляющими взмахами двух сохранившихся конечностей. Как недорезанная в лаборатории лягушка. Правая рука и левая нога (ступни на ноге не было) позволяли ему сохранять хоть какую-то симметрию движений. Серое, землистое лицо словно впитало цвет грязного бетона. Райделл и под страхом смерти не сумел бы ответить, к какой из человеческих рас принадлежит этот кошмарный персонаж. Все его тело было затянуто в черный резиновый чехол, сшитый, по всей видимости, из автомобильных камер, шевелюра (или лысина?) пряталась под черной вязаной шапочкой. Человек катился прямо по не успевшим еще высохнуть лужам; проезжая мимо Райделла, он взглянул вверх и сказал:

– Хочешь со мной поговорить? Хочешь со мной поговорить, так заткни на хрен хлебало…

Сзади и чуть справа что-то негромко звякнуло. То ли наручники, то ли цепочки многочисленных молний, украшавших кожаную куртку.

– Пошли, – сказала Шеветта Вашингтон. – Не стоит здесь задерживаться.

– Ты видела? – с надеждой спросил Райделл.

– Постоишь здесь, так не то еще увидишь.

Райделл оглянулся на «Патриота». Не желая облегчать будущим ворам работу (а то подумают еще что), он спрятал ключ зажигания под коврик и запер дверцы. И начисто забыл про заднее окно. Странное это ощущение, когда ты прямо мечтаешь, чтобы твою машину угнали и поскорее.

– Ты точно знаешь, что ее приберут к рукам?

– А заодно и нас с тобой. Линять нужно отсюда, в темпе вальса.

Шагая следом за Шеветтой, Райделл скользил глазами по глухим, без единого окна стенам. От самого низа и до уровня, куда можно еще дотянуться рукой, кирпичная кладка была сплошь покрыта рисунками и буквами, только буквы эти не складывались ни в какие нормальные слова. Вот так же примерно выглядят вопли, хрипы и ругательства, которыми изъясняются герои комиксов.

Едва они свернули налево и сделали пару шагов по тротуару Хайт-стрит, как сзади донеслось негромкое; сытое урчание – кто-

то запустил двигатель «Патриота». Спина и затылок Райделла покрылись гусиной кожей, он словно забрел ненароком в фильм про привидения. Ведь там, в переулке, не было ни души, только этот, в черном презервативе, но и он давно выкатил на своей доске на улицу, скрылся из вида.

– Смотри вниз, в землю, – шепнула Шеветта. – Не поднимай глаза, а то они нас убьют.

Райделл послушно уставился на заляпанные грязью носки своих десантных говнодавов.

– Так ты что, знаешь все повадки и обычаи автомобильных воров? Близко знакома с этой публикой?

– Иди, как идешь. Не разговаривай. Никуда не смотри.

Райделл слышал, буквально видел затылком, как машина выворачивает из переулка… приближается… едет рядом. Ну почему так медленно? Насквозь промокшие ботинки противно чавкали. Неужели так и придется умереть, думая о каком-то там мелком, жалком неудобстве, о том, что в ботинках полно воды, что надо бы вылить ее и переодеть носки, только вряд ли это удастся…

Но тут водитель совладал, наконец, с непривычной американской схемой переключения скоростей; «Патриот» взревел и рванулся вперед. Райделл начал поднимать голову.

– Не надо, – прошептала Шеветта.

– Так это что, приятели твои что ли?

– Да не знакома я с ними ни с кем. Лоуэлл, он называет их «сухопутные пираты».

– Какой еще Лоуэлл?

– Ты видел его в «Диссидентах».

– В баре?

– Это не бар. Тусовка.

– Бар не бар, а спиртное подают.

– Тусовка. Сидят там, треплются. Тусуются.

– Кто тусуется? Этот Лоуэлл, он часто туда ходит?

– Да.

– А ты?

– Нет! – с неожиданной злостью отрезала Шеветта.

– Ты хорошо знаешь Лоуэлла? Он ведь твой дружок, верно?

– Вот и видно, что ты коп, по всему разговору видно.

– Нет, – качнул головой Райделл, – не коп. А не веришь – спроси у них сама.

– Не дружок, а знакомый, – снизошла Шеветта. – У меня их много.

– С чем тебя и поздравляю.

– А у тебя есть в этой сумке пистолет или что еще в этом роде?

– Сухие носки. И белье.

– Не понимаю я тебя, – вздохнула Шеветта.

– А ты и не обязана.

Пару минут они шли молча.

– Так мы что, с тобой воздухом дышим или ты знаешь, куда идти? – не выдержал, наконец, Райделл. – На улице хорошо, но хотелось бы куда-нибудь в помещение.

– Мы хотим посмотреть на картинки, – сказала Шеветта.

Сквозь каждый сосок толстого мужика было продето по паре таких штук, вроде как висячие замки, только поменьше и блестящие, хромированные. Тяжелые, судя по тому, как они оттягивали кожу; Райделл посмотрел на них разок, зябко поежился и отвел глаза. Кроме жутковатых этих подвесок на мужике имелись мешковатые белые брюки с мотней, болтавшейся где-то в районе коленей, и синий бархатный жилет, обильно расшитый золотом. И татуировки. На большом, жирном, мягком, как подушка, теле не было ни вот такого лоскутка неразрисованной кожи.

У Райделлова дяди, у того, который служил в Африке да так оттуда и не вернулся, у него тоже были татуировки. Та, что на спине, так прямо роскошная – громадный извивающийся дракон с крыльями, когтями, рогами и добродушной, чуть придурковатой улыбкой. Это дяде в Корее сделали, на компьютере, в восемь аж цветов. Он рассказывал Райделлу, что компьютер построил сперва точную схему его спины и нарисовал, как все это будет в готовом виде. А потом оставалось только лечь на татуировочный стол, и робот сам, безо всяких там людей, наносил татуировку. Райделл представлял себе этого робота вроде пылесоса, только с гибкими хромированными лапами, и в каждой лапе по игле, а дядя объяснил, что все было совсем не так и робот тот просто серая такая коробка, а ощущение, когда под ним лежишь, такое, словно тебя пропускают через матричный принтер. И за один день такая сложная штука не делается, пришлось прийти в салон и на следующий день, и еще на следующий, и так восемь раз, на каждый цвет по разу, но уж дракон получился просто загляденье – здоровенный, весь закрученный и гораздо ярче, чем орлы, какие на американском гербе, и фирменная марка «Харлей-Дэвидсон», вытатуированные на дядиных предплечьях. Когда дядя выходил на задний двор, снимал рубаху и качал Райделловы гантели, Райделл обязательно выходил тоже – смотреть, как дракон вроде как извивается. Красиво, ничего не скажешь.

А у этого жиряги с грузилами на сиськах татуировки были везде – кроме ладоней и лысины, ну и лица тоже. Прямо словно не голое тело, а в таком костюме, и все картинки разные, все хитрые, безо всяких там орлов и мотоциклов, и все они переходят одна в другую, сплетаются воедино. Райделл смотрел-смотрел на жирного, а потом почувствовал, что голова кружится, и начал смотреть на стены, где тоже были сплошь татуировки, то есть рисунки для татуировок, образцы, из которых можно выбирать.

– Ты ведь была здесь раньше, – сказал мужик.

– Да, – кивнула Шеветта, – с Лоуэллом. Вы ведь помните Лоуэлла?

Мужик равнодушно пожал плечами.

– Мы с другом, – сказала Шеветта, – мы хотим что-нибудь выбрать…

– А вот друга твоего я что-то не припоминаю.

Жирный говорил спокойно, дружелюбно, но Райделл уловил в его голосе какое-то недоверие, вопрос. И еще он косился на Райделлову сумку.

– Все о'кей, – уверенно заявила Шеветта. – Он знает Лоуэлла. Он оттуда, с оклендского конца.

– Вот вы тут, мостовые, – начал жирный; было видно, что люди, живущие на мосту, вызывают у него искреннее уважение, – так как вы перенесли эту жуткую бурю? Надеюсь, она не слишком много у вас переломала? В прошлом месяце один клиент подкинул нам снимок, сделанный широкоугольником, хотел перенести к себе на спину. Весь ваш подвесной пролет и все, что там есть. Прекрасный снимок, только он не поместился на спину, а от предложения уменьшить клиент отказался. Вот у твоего друга, – он взглянул на Райделла, – спина пошире, ему бы в самый раз.

– И как, получилось?

Райделл уловил в голосе Шеветты инстинктивное желание растянуть разговор, поддержать интерес собеседника.

– Наш салон обеспечивает полный сервис, – значительно сообщил жирный. – Ллойд прогнал снимок через графический компьютер, повернул изображение на тридцать градусов, усилил перспективу, получилось нечто необыкновенное… Возвращаясь к началу, какими образцами ты интересуешься – для себя или для своего друга?

– Ну, вообще-то, – скромно потупилась Шеветта, – мы хотим подобрать что-нибудь для нас обоих. Ну, значит, вроде как бы парное, гармонирующее…

– Весьма романтично, – улыбнулся жирный.

Райделл с сомнением покосился на свою непредсказуемую

спутницу.

– Сюда, пожалуйста. – При каждом шаге жирного в низко болтающейся мотне что-то негромко, но отчетливо позвякивало; Райделл болезненно сморщился. – Позвольте угостить вас чаем.

– А кофе? – оживился Райделл.

– Прошу меня извинить, – покачал головой жирный, – но Батч кончает в двенадцать, а я не умею пользоваться этой машиной. Но я могу угостить вас очень хорошим чаем.

– Да. – Шеветта предостерегающе ткнула Райделла острым, как карандаш, локтем. – Чай, пожалуйста.

Вся обстановка маленькой комнаты, куда проводил их жирный, состояла из двух стенных экранов и кожаного диванчика.

– Я сейчас, только заварю вам чай, – сказал он и удалился, притворив за собой дверь. Побрякивание стихло.

– Чего это ты там намолола про парные татуировки?

Райделл бегло осмотрел комнату. Чисто. Голые стены. Мягкое освещение.

– Теперь он отвяжется от нас, даст время повыбирать. Ну а парные – чтобы не удивлялся, чего мы так долго копаемся.

Райделл поставил сумку в угол и сел на диван.

– Так мы что, можем здесь посидеть?

– Да, нужно только вызывать образцы.

– А это как?

Шеветта взяла дистанционный пультик, включила правый экран и пошла гулять по меню. Увеличенные, с высоким разрешением снимки татуированной кожи. Минут через десять жирный принес подносик с двумя большими керамическими кружками.

– Тебе зеленый, а тебе… – он повернулся к Райделлу. – Мормонский, раз уж ты просил кофе.

– Спасибо, – неуверенно сказал Райделл, беря тяжелую, как булыжник, кружку.

– Располагайтесь поудобнее и никуда не спешите, – любезно улыбнулся жирный. – А если что потребуется – не стесняйтесь, зовите меня.

Он широко улыбнулся и ушел, помахивая пустым подносом.

– Мормонский?

Райделл с сомнением принюхался к поднимавшемуся над кружкой пару. Ничем вроде не пахнет.

– Им кофе не полагается. А в этом чае эфедрин.

– Это что, наркотик?

– Его делают из одного растения, в котором есть что-то такое, мешающее уснуть. Все точно, как в кофе.

Не до конца убежденный, Райделл решил, что чай все равно слишком горячий, и поставил кружку на пол, рядом с ножкой дивана. Девушка на экране демонстрировала дракона вроде дядиного, только этот был поменьше и не на спине, а на левом бедре. Сквозь верхнюю часть ее пупка было продето маленькое серебряное колечко. Шеветта нажала кнопку. С потного байкерского предплечья глядело лицо президентши Миллбэнк, выполненное в черно-белых тонах.

Райделл вылез из мокрой куртки, только теперь заметив разодранное плечо и белые клочья синтетической ваты.

– А у тебя есть татуировки? – он отбросил куртку в угол.

– Нет.

– Так откуда ты все про это знаешь?

– Лоуэлл. – Шеветта перебрала еще с полдюжины картинок. – Вот у него есть. Гигер.

– Какой еще гигер?

Райделл открыл сумку, достал носки и начал распутывать мокрые ботиночные шнурки.

– Художник такой. Девятнадцатого, что ли, века. Классика, самая взаправдашняя. Биомеханика. Лоуэлл сделал себе на спину картину этого Гигера «N. Y. C. XXIV».[26] – Шеветта назвала римские цифры, как буквы: «экс-экс-ай-ви». – Там вроде этого города, Сан-Франциско. Без никаких цветов, все черно-серо-белое. А он хочет еще и рукава, чтобы в масть, вот мы и зашли сюда как-то, посмотрели других Гигеров.[27]

– Слушай, – сказал Райделл Шеветте, нервно разгуливавшей вдоль экранов, – ты бы села, что ли, а то шея устала головой вертеть.

Он снял мокрые носки, закинул их в мешок с эмблемой «Контейнерного города» и натянул сухие. Обуваться не хотелось, но что если придется мотать отсюда в темпе? Райделл вздохнул, надел ботинки, начал их шнуровать, и тут, наконец, Шеветта угомонилась, села.

Она расстегнула куртку, скинула ее с плеч и потянулась; негромко звякнул болтающийся на цепочке наручник. Черная футболка с по плечо обрезанными рукавами, бледные, без малейшего признака загара руки. Шеветта перегнулась через диванчик и вроде как прислонила куртку к стенке; сшитая из жесткой, негнущейся кожи, она так и осталась стоять с бессильно обвисшими рукавами, словно уснула. Райделл остро ей позавидовал.

– Слышь, – вспомнил он вдруг, – а этот мужик в плаще – ну тот, который застрелил…

Райделл не успел сказать про волосатика на велосипеде –

Шеветта больно вцепилась ему в запястье. Снова звякнул наручник.

– Сэмми. Он застрелил Сэмми, там, наверху, у Скиннера. Он… он охотился за очками, а очки были у Сэмми, и он…

– Подожди. Подожди секунду. Очки. Всем нужны эти долбаные очки. Их ищет этот мужик, их ищет Уорбэйби…

– Какой еще Уорбэйби?

– Здоровый негр, который высадил заднее окно машины – ну, когда я от них смывался. Вот он и есть Уорбэйби.

– И ты думаешь, я знаю, что они такое?

– И ты не знаешь, почему все на свете за ними охотятся?

Шеветта взглянула на него, как на лошадь, вежливо спросившую, не кажется ли ей, что сегодня самый подходящий день потратить все, какие есть, деньги на этот вот лотерейный билетик.

– Давай-ка начнем с самого начала, – предложил Райделл. – Расскажи мне, где ты их взяла.

– С какой такой стати?

Райделл обдумал вопрос.

– А с такой, что ты давно была бы на том свете – не выкинь я там, на мосту, этого идиотского номера.

Теперь задумалась Шеветта.

– О'кей, – кивнула она секунд через двадцать.

Может, в этом мормонском чае и вправду было что-то намешано, а может, смертельно усталый Райделл просто перевалил критическую черту, отделяющую обычную, вязкую усталость от парадоксальной, при которой мир становится светлым и прозрачным и ты чувствуешь себя даже бодрее, чем обычно, и сна – ни в одном глазу. Так или иначе, но он отхлебывал из кружки и слушал Шеветту, а когда она слишком уж увлекалась рассказом и забывала перелистывать образцы татуировки, то брался за дистанционный пультик сам и жал какие попало кнопки.

Если расставить все по порядку, провинциальная, без роду, без племени девчонка бросила свой захудалый орегонский городишко и двинула на юг, в Сан-Франциско. Дальше – мост. Больную и беспомощную, ее подобрал этот хромой, малость тронутый старик. Старик нуждается в уходе, она – в крыше над головой, так что все вышло ко всеобщему удовольствию. Затем она нашла себе работу – мотаться по Сан-Франциско на велосипеде, развозить пакеты. В Ноксвилле тоже были курьеры, так что за недолгую свою работу пешим патрульным Райделл достаточно насмотрелся на эту публику. То по тротуарам

разъезжают, то под красный лезут, то еще какие нарушения, а задержишь такого, чтобы оштрафовать, так непременно скандал закатит. Вкалывают по-черному, но и зарабатывают вполне прилично. Сэмми, негр, которого застрелил (по ее словам, застрелил) золотозубый, тоже работал курьером, он-то и нашел ей это место в «Объединенной».

Рассказ о том, как Шеветту случайно занесло на чужую пьянку, и как она вытащила эти самые очки из кармана незнакомого мужика, звучал вполне правдоподобно. Если хотят соврать, то придумывают обычно что-нибудь другое. А тут – не «нашла», не сами в руку прыгнули, а просто взяла и сперла, по мгновенному побуждению. Достал ее этот гнусный тип – вот и вся причина. Ерунда, мелкое воровство – не окажись эти очки такими для кого-то ценными.

С другой стороны, из Шеветтиных описаний однозначно следовало, что именно этот ее «засранец» окончил жизнь с кубинским галстуком на шее, да и место событий совпадало – гостиница «Морриси». Коста-риканский гражданин германского происхождения – что, скорее всего, не соответствовало истине ни по первому, ни по второму пункту. А по состоянию на настоящий момент – труп, чей похабный портретик передали великому Уорбэйби по факсу, прямо в эту, украденную теперь сухопутными пиратами машину. Человек, чье убийство расследуют Шитов и Орловский, если они его действительно расследуют.

– Вот же мать твою, – пробормотал Райделл.

Шеветта – она все еще продолжала свой рассказ – оборвала фразу на полуслове:

– Что?

– Ничего, это я так. Да ты говори, говори.

Русские работают налево, это уж точно. Служат в убойном отделе – и косят налево. Можно поставить пачку долларов против рулона туалетной бумаги, что эти типы и вообще не задействованы в расследовании. Они организовали великому Люциусу доступ на место преступления, они залезли в полицейский компьютер, а все остальное – спектакль, рассчитанный на одного-единственного зрителя. На Райделла. Чтобы-взятый со стороны водитель не подумал чего плохого. И еще. Если верить болтовне Фредди, «Интенсекьюр» и «Дэйтамерика» – фактически одна и та же фирма. Очень, очень интересно.

А Шеветту Вашингтон словно прорвало. С людьми, у которых много накопилось, такое часто бывает – сперва мнутся, заикаются, а как разговорятся, так и не остановишь. Теперь она рассказывала про Лоуэлла, что это который с волосами, а не тот,

бритоголовый, и что он и правда был ее ну вроде как дружком, но это раньше, давно, и что он может сделать для тебя, считай, что угодно – это в смысле с компьютером сделать, и не бесплатно, а за хорошие деньги, – и это ее, Шеветту, всегда пугало потому что он постоянно болтал про копов, что он совсем их не боится, ничего они ему не сделают, никогда.

Райделл машинально перелистывал образцы татуировок – вот, скажем, дамочка с розовыми гвоздиками на животе и груди, в аккурат по краям бикини, – так же машинально кивал, но слушал не Шеветту, а свои собственные мысли. Эрнандес – «Интенсекьюр», Уорбэйби – «Интенсекьюр», да и в «Морриси» тоже интенсекьюровские. А Фредди говорит, что «Интенсекьюр» и «Дейтамерика» – одна и та же лавочка, так что…

–..желаний…

Райделл сморгнул и уставился на экран. Костлявый парень со скорбным Джей-Ди Шейпли во всю грудь. Будешь тут скорбным, когда у тебя волосы из глаз растут.

– Как?

– Держава. Держава Желаний.

– А что это?

– Вот потому-то Лоуэлл и говорит, что копы ни в жизнь его не тронут, а я ему сказала – хрень это все собачья.

– Хакеры, – вспомнил Райделл.

– Я говорю, говорю, а ты ни слова не слышал.

– Нет, – помотал головой Райделл. – Очень даже слышал. Держава Желаний. Проиграй-ка этот кусок по новой, о'кей?

Шеветта отобрала у него пульт, вывела на экран бритую голову с солнцем на самой макушке и планетными орбитами вокруг, затем чью-то ладонь с орущим, широко разинутым ртом, ноги, покрытые голубовато-зеленой чешуей, рыбьей или чьей там еще.

– Так вот, – сказала она, – я тут сказала, что Лоуэлл всю дорогу хвастает, как он связан с этой самой Державой Желаний, и как они могут сделать с компьютером все что угодно, и что поэтому если кто покатит на него бочку, то схлопочет, по-крупному схлопочет.

– Не слабо, – восхитился Райделл. – А ты сама, ты их видела когда-нибудь, этих ребят?

– А их нельзя увидеть – Шеветта нажала одну из кнопок пульта, но Райделл уже не видел экрана. – Живьем нельзя, по-настоящему. С ними только говорят, по телефону. Ну, или через гляделки, и вот это – самое дикое.

– Почему?

– Потому что они получаются вроде как раки и вся такая

срань. Или – как телевизионные звезды. Как все что угодно. Не знаю только, почему это я так растрепалась.

– Потому что иначе я усну и как же мы тогда решим, что нам больше подходит – чешуя на ногах или гвоздики в промежности.

– Теперь твоя очередь, – сказала Шеветта и замолчала. И молчала, пока Райделл не начал рассказывать.

Он рассказал ей про Ноксвилль и про Академию, и как он всегда смотрел «Копы влипли», а потом, когда сам стал копом и тоже влип, получалось, похоже, что и его покажут в этой передаче. Как они привезли его в Лос-Анджелес, потому что не хотели связываться с Дожившими Сатанистами, а появился этот Медведь-Шатун, это убийцы эти, и телевизионщики вроде как утратили к нему интерес, и тогда он устроился в «Интенсекьюр», сел за баранку «Громилы». Он рассказал ей про Саблетта и про Кевина Тарковского, и про домик на Мар Висте, но вроде как опустил Державу Желаний, вроде как она и не имела отношения к той ночи, когда он загнал «Громилу» прямо в гостиную Шонбруннов. Рассказал, как вдруг, ни с того, ни с сего, заявился Эрнандес (это ж подумать только, двух еще дней не прошло, а кажется – год) и как он, Эрнандес, значит, предложил ему место водителя при Уорбэйби – лететь, значит, сюда, в Сан-Франциско, и шоферить. Тут Шеветта заинтересовалась, спросила, чем занимаются эти ищейки, и он объяснил ей, чем они, считается, занимаются и чем они занимаются в действительности, как ему теперь кажется, и она сказала: хреново, от таких типов лучше держаться подальше.

А потом Райделл истощился и замолчал, и Шеветта тоже несколько секунд молчала, только смотрела на него ошалелыми глазами. А потом сказала:

– Это что, вот так все и есть? Вот так ты и попал сюда – и вот этим ты и занимаешься?

– Да, – чуть смутился Райделл. – Вроде того.

– Мамочки, – вздохнула Шеветта.

Они полюбовались на мужика, с головы до ног разрисованного древними печатными платами, даже не похоже, что голый, а вроде в таком электронном костюме.

– Если поссать на сугроб, – сказала Шеветта и широко зевнула, – получаются дырки. Вот глаза у тебя точно такие. Честно.

В дверь постучали. Затем она приоткрылась на полдюйма, и кто-то – не тот мужик, который звенел на ходу, – сказал:

– Ну, как, нашли что-нибудь? Генри ушел домой…

– Очень трудно выбрать, – пожаловалась Шеветта. – Их так много, а нам хочется, что нам лучше подходит…

– Ну, тогда смотрите дальше, – безразлично предложил голос. – Выберете – скажете.

Дверь закрылась.

– Покажи-ка мне эти очки, – сказал Райделл.

Шеветта перегнулась через диван, достала из кармана куртки футляр с очками и телефон. Материал футляра выглядел необычно – не металл, не пластик, а что-то такое темно-серое, тонкое, как яичная скорлупка, и жесткое, как сталь. Как же он открывается?.. А… понятно. Очки – точно такие же, как у Люциуса Уорбэйби. Черная оправа, стекла – сейчас – тоже черные. И чего они такие тяжелые, словно свинцом налитые?

Шеветта раскрыла клавиатуру телефона.

– Да ты что, – вскинулся Райделл, – они же знают твой номер, не могут не знать. Позвонишь по этой штуке – или даже не ты, а тебе позвонят, так через пять минут здесь будут сто машин с мигалками.

– Ничего они не знают, – качнула головой Шеветта. – Это ж не мой телефон, а Коудса, я прихватила его со столика, сразу как свет потух.

– А говорила, что никогда не воруешь, что с очками это случайно вышло.

– У Коудса не считается, его телефоны все ворованные. Коудс выменивает их у городских, а другие знакомые Лоуэлла мастырят подкат.

Шеветта потыкала пальцами в клавиатуру, поднесла телефон к уху и недоуменно вскинула брови.

– Молчит чего-то.

– Дай-ка сюда. – Райделл положил очки себе на колени и взял у Шеветты телефон. – Может, промок или батарейки не контачат. Кстати, а на что это Коудс их выменивает?

Он поскреб ногтем по задней стенке футляра, отыскивая съемную крышку.

– Да так, на всякое.

Крышка щелкнула и открылась. Неисправность обнаружилась очень быстро: узкий пластиковый мешочек, втиснутый рядом с батарейками, нарушил питание. Райделл вытащил мешочек, осмотрел.

– Всякое?

– Ага.

– Всякое – в таком вот роде?

– Ага.

Райделл чуть помрачнел.

– Тетратиобускалин, тут и анализа не надо. Запрещенный наркотик.

Шеветта взглянула на мешочек с темно-серым порошком, затем на Райделла.

– Какая разница, ты же теперь не коп.

– А как ты сама, балуешься?

– Нет. Ну, один там раз пли два. Вот Лоуэлл – он почаще.

– Дело, как говорится, хозяйское, но на ближайшее время тебе бы лучше воздержаться; я видел, как действует эта зараза. Одна щепотка – и спокойный, вежливый парень превращается в буйнопомешанного. А здесь, – он постучал пальцем по мешочку, – вполне хватит на десяток людей. Ты не представляешь себе, какой это ужас.

Райделл отдал пакетик Шеветте и взялся исправлять погнутый контакт.

– Представляю, – тускло улыбнулась она. – На живом примере Лоуэлла.

– Ну вот, – удовлетворенно возвестил Райделл. – Гудит. Кому будешь звонить?

Шеветта чуть задумалась, затем взяла телефон и закрыла наборную панель.

– Некому, вроде.

– У старика твоего есть телефон?

– Нет. – Казалось, еще секунда – и она расплачется. – Боюсь, они и его убили. Из-за меня, все ведь из-за меня.

Райделлу хотелось сказать что-нибудь ободряющее, но слова не шли на ум. Прежняя усталость навалилась с новой силой. Забыв про пульт, про свою обязанность листать каталог татуировок, он тупо смотрел на экран. Чей-то бицепс, украшенный конфедератским флагом. Ну прямо как дома. Он взглянул на Шеветту. Вон ведь какая бодренькая, даже странно. Будем надеяться, что это возраст, а не «плясун» или еще какая дрянь. А может, она все еще в шоке. Сэмми этого застрелили, и еще там двое, то ли живы, то ли нет, в такой ситуации кто угодно дергаться начнет. А парня этого, который впилился в Шитова на велосипеде, его она тоже, конечно же, знает, только не знает, что и его застрелили. Странно, как много эпизодов можно не заметить, когда смотришь на драку. Ну не знает – и хорошо, что не знает, а то завелась бы еще больше.

– Фонтейну, что ли, попробовать?

Шеветта снова раскрыла телефон.

– Кому?

– Мужик из наших. Чинит Скиннеру электричество и все такое.

Она набрала номер и приложила телефон к уху.

Глаза Райделла закрылись, он ударился затылком о валик

дивана с такой силой, что едва не проснулся.

27. После грозы

– Мочой воняет, – пожаловался Скиннер. Ямадзаки с трудом разлепил глаза. Только что они с Джей-Ди Шейпли стояли посреди бескрайней равнины – даже не равнины, а гладкой, почти геометрически абстрактной плоскости, – перед черной, как обсидиан, стеной, исписанной именами мертвых.

Он поднял голову и огляделся. Темно. Сквозь витраж пробивается тусклый предутренний свет.

– Откуда ты взялся, Скутер? Что ты здесь делаешь?

Крестец и поясница японца тупо, противно ныли.

– Гроза, – пробормотал он, все еще не совсем проснувшись.

– Какая еще гроза? А где девица?

– Ушла, – сказал Ямадзаки. – Вы что, не помните? Лавлесс.

– Чушь ты какую-то мелешь.

Скиннер приподнялся на локте и елозил ногами, пытаясь скинуть на пол одеяла, на покрытом седой щетиной лице застыла гримаса отвращения:

– Мне нужно помыться. И сухую одежду.

– Лавлесс. Он нашел меня в баре. Заставил вернуться сюда, сам он дороги не знал. Думаю, он давно за мной следил…

– Конечно, конечно. А пока – заткнись, ладно?

Ямадзаки смолк.

– Нам нужна кастрюля воды. Горячей. Сперва кофе, а в том, что останется, я вымоюсь. Ты умеешь обращаться с примусом?

– С чем?

– Вон та красная штука. Его нужно накачать, я объясню тебе, как это делается.

Ямадзаки встал, сморщился от боли в пояснице и неуверенно шагнул к загадочному устройству, на которое указывал Скиннер.

– Да знаю я, чем она занята. Пилится. Снова учесала к дружку своему этому, мудиле сраному. Ну, точно, Скутер, сколько волка ни корми…

Опасливо подойдя к краю плоской черной крыши, Ямадзаки взглянул на огромный го род, залитый странным железным светом. Игривый ветерок, шевеливший его волосы, трепавший обшлага брюк, вчистую отрицал любое, пусть самое отдаленное родство со вчерашним ураганом. В голове вяло кружились осколки недавнего сна. «Я простил их», – сказал Шейпли, имея в виду своих убийц.

Ямадзаки смотрел на желтый клык «Трансамерики», перетянутый – в память о Малом великом – стальными скрепами, и не вспоминал, а слышал бархатистый, как у молодого Элвиса

Пресли, голос. Они же – ты пойми это, Скутер, – они же хотели как лучше.

Ветер рвал в клочки доносившиеся из распахнутого люка ругательства – там, внизу, Скиннер ополаскивался согретой на примусе водой.

Ямадзаки думал об Осаке, о своем научном руководителе.

– Наплевать мне на них, – сказал он по-английски. Сказал, словно призывая Сан-Франциско в свидетели.

Весь этот город – огромный томассон. А возможно – и вся Америка.

Ну, как понять такое им, живущим в Осаке, в Токио?

– Эй, на крыше! – окликнул его чей-то голос.

Ямадзаки обернулся. Рядом с желтой корзиной Скиннерова фуникулера стоял худощавый чернокожий мужчина в плотном твидовом пальто и вязаной шапочке.

– Как там у вас наверху, все тип-топ? Как Скиннер?

Ямадзаки вспомнил золотозубого Лавлесса и замялся. А что, если и этот человек принадлежит к врагам Скиннера и девушки? Как отличить друга от врага?

– Моя фамилия Фонтейн, – сказал чернокожий. – Звонила Шеветта, она попросила меня зайти сюда проверить, все ли в порядке со Скиннером, как он грозу перенес. Я обслуживаю здесь электропроводку, и подъемник этот, и все такое.

– Скиннер сейчас моется, – неуверенно объяснил Ямадзаки. – Во время грозы он… он немного утратил контроль над собой. И он совсем ничего не помнит.

– Напряжение будет через полчаса, – сказал чернокожий. – На нашем конце все гораздо хуже. Полетели четыре трансформатора. Пятеро погибших, двадцать серьезно раненных, это то, что я знаю. Кофе там у вас есть?

– Да, – подтвердил Ямадзаки.

– Не отказался бы от чашки-другой.

– Да, – сказал Ямадзаки и вежливо поклонился. Чернокожий человек сверкнул широкой белозубой улыбкой. Ямадзаки вернулся к люку и осторожно спустился по стремянке.

– Скиннер-сан! Человек по фамилии Фонтейн – он ваш друг?

Скиннер пытался влезть в грязно-серые, застиранные кальсоны с электроподогревом.

– Ублюдок он безрукий, а не друг, провода починить и то не может…

Ямадзаки отодвинул тяжелый бронзовый засов и открыл нижний люк. Через несколько секунд внизу появился Фонтейн. Он оставил одну из своих парусиновых сумок на площадке, повесил другую через плечо и начал карабкаться по ржавым

стальным скобам.

Ямадзаки взял самую чистую из грязных кружек и аккуратно, чтобы не прихватить гущу, слил в нее остатки кофе.

Фонтейн положил сумку на край люка и только затем просунул в комнату голову.

– Топливные элементы звезданулись, – недовольно сообщил Скиннер. Он заправлял в шерстяные армейские брюки полы трех, а то и больше, фланелевых, ветхих от старости рубашек.

– Работаем, шеф, стараемся, – сказал Фонтейн, одергивая смявшееся пальто. – Уже скоро. Мощная была гроза.

– Вот и этот, Скутер, он тоже про грозу какую-то говорит, – пробурчал Скиннер.

– Ну и верно говорит, без балды, – улыбнулся Фонтейн. – Благодарствую, – добавил он, принимая из рук Ямадзаки дымящуюся кружку. – Шеветта сказала, что задержится, чтобы вы постарались без нее обойтись. В чем там дело?

Ямадзаки взглянул на Скиннера.

– Дрянь паршивая. – Скиннер затянул ремень и проверил ширинку. – Снова смылась к этому мудиле.

– Шеветта ничего такого не говорила, – заметил Фонтейн. – Да и весь разговор был не больше минуты. Так или не так, но если ее нет, вам нужен кто-нибудь другой, чтобы о вас заботиться.

– Справлюсь и сам, – проворчал Скиннер.

– Ничуть не сомневаюсь, шеф, – заверил его Фонтейн, – только в этом вашем фуникулере поджарились два сервопривода. Быстрее двух дней я их не сменю – тут же, после этой грозы, работы невпроворот, люди вообще без света сидят. Так что нужен кто-нибудь, способный лазать по скобам, чтобы носил вам еду и вообще.

– Вот Скутер и будет лазать, – сказал Скиннер.

Ямадзаки недоуменно сморгнул.

– Это точно? – повернулся к нему Фонтейн. – Вы останетесь здесь и примете на себя заботы о мистере Скиннере?

Ямадзаки вспомнил квартиру в высоком викторианском доме, облицованную черным мрамором ванную. Роскошь, после которой даже не хочется возвращаться в Японию, в Осаку, в холостяцкую конуру, которая вся поместилась бы в одной этой ванной. Он перевел глаза с Фонтейна на Скиннера, затем обратно.

– Если Скиннер-сан не будет возражать, я буду крайне польщен возможностью пожить в его обществе.

– Делай, как хочешь, – снизошел Скиннер. – Да что она там, приклеилась что ли? – он никак не мог стащить со своего матраса

мокрую простыню.

– Шеветта так и думала, что вы здесь – такой, говорит, парень университетского типа. – Фонтейн отставил пустую кружку, нагнулся и придвинул сумку поближе. – Говорила, что вы с мистером Скиннером опасаетесь незваных гостей, – добавил он, отщелкивая никелированные застежки.

Тускло поблескивающие инструменты, темно-красные мотки изолированной проволоки. Фонтейн вытащил со дна сумки нечто, завернутое в промасленную тряпку, оглянулся на перестилающего постель Скиннера и засунул тряпку вместе с ее содержимым на дальнюю полку, за покрытые пылью банки.

– Никто незнакомый сюда не пройдет, мы уж позаботимся. – Он понизил голос почти до шепота. – А на всякий пожарный там лежит полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. Шесть тяжелых пуль со сминающейся оболочкой. Если вы их используете – окажите мне услугу, утопите ствол, хорошо? Он… ну, как бы это сказать… сомнительного происхождения.

Фонтейн заговорщически подмигнул.

Ямадзаки вспомнил Лавлесса и сглотнул застрявший в горле ком.

– Ну, как вы думаете, – спросил Фонтейн, – все тут у вас будет в порядке?

– Да, – сказал Ямадзаки. – Благодарю вас.

28. Ар-Ви

В половине одиннадцатого прибежала Лори, та самая продавщица, с которой Шеветта познакомилась при самом еще первом своем посещении «Цветных людей». Прибежала и заохала, что с минуты на минуту должен приехать заведующий, Бенни Сингх, и что им никак нельзя больше здесь оставаться, особенно когда этот вот, твой дружок, вырубился вчистую, так что даже не поймешь, живой он или нет, и чего это он, интересно, наглотался.

– Хорошо, – сказала Шеветта, – я все понимаю. Спасибо.

– Увидишь Сэмми Сэла, – сказала Лори, – передавай приветик.

Шеветта уныло кивнула и попыталась растолкать Райделла. Тот пробормотал нечто невразумительное и перевернулся на другой бок.

– Вставай. Нам нужно идти.

В первый момент, когда Райделл только-только уснул, Шеветта крыла себя последними словами за неожиданный для нее самой приступ болтливости. Но если так подумать, она ведь должна была кому-то исповедаться, не этому парию, так другому, пятому, десятому. Иначе и в психушку попасть недолго. Ну и что теперь? Яснее ничего не стало, а только еще больше запуталось. Новость, что кто-то там не поленился и замочил этого засранца, казалась дикой, абсурдной. Шеветта понимала, что так оно, скорее всего, и есть и что теперь она в говне не по колено, а по уши, понимала – и все же чувствовала себя гораздо лучше, чем несколько часов назад.

– Вставай!

– Господи Иисусе…

Райделл сел, ошалело помотал головой и начал тереть глаза.

– Нужно сматывать. Скоро придет ихний босс. Моя подружка и так не трогала нас до последнего, дала тебе поспать.

– И куда же мы теперь?

Этот вопрос Шеветта уже обдумала.

– Коул, это сразу за Пэнхэндлом. Тамошние заведения сдают комнаты на любой срок – хоть на сутки, хоть на час.

– Гостиница?

– Не совсем, – косо усмехнулась Шеветта. – Это больше для людей, которым постель нужна совсем ненадолго.

По неписаному закону природы части города, яркие и оживленные ночью, оказываются наутро тусклыми и малопривлекательными. Каким-то чудом даже здешние попрошайки выглядели сейчас на порядок страшнее, чем в

нормальные свои рабочие часы. Например, этот мужик с язвами на лице, пытавшийся продать початую банку томатного соуса. Шеветта обошла его по самой бровке тротуара. Через пару кварталов пойдут более оживленные улицы – ранние туристы спешат поглядеть на Скайуокер-парк. Больше возможностей спрятаться в толпе – и больше шансов нарваться на полицию. Шеветта попыталась вспомнить, от какой полиции работают скайуокерские рентакопы. Не от этого ли самого «Интенсекьюра», о котором говорил Райделл?

А еще Фонтейн – сходил он к Скиннеру или нет? Она не доверяла телефонам и сказала сперва просто, что исчезает на некоторое время, и не мог бы Фонтейн забежать к Скиннеру, проверить, как он там – он, а может, и японский этот студент-аспирант, который шляется к нему чуть не каждый день. Но Фонтейн сразу усек, что голос у нее встревоженный, и начал допрашивать, что да как, и ей пришлось сказать, что она беспокоится за Скиннера, что появились какие-то темные личности, которые могут подняться туда и что-нибудь с ним сделать.

– Ну, это уж не наши, не мостовые, – уверенно сказал Фонтейн, и она согласилась, что да, что, конечно, не мостовые, но тем и ограничилась, не стала говорить ни про полицию, ни про стрельбу.

Несколько секунд в трубке слышались только треск и далекое, словно с другого конца света, пение – кто-то из Фонтейновых детей тянул заунывную, с какими-то странными горловыми прищелкиваниями (и чем они это только делают, гландами что ли?) африканскую песню.

– О'кей, – сказала Шеветта и торопливо выключила телефон.

Фонтейн оказывал Скиннеру много самых разнообразных услуг. У Шеветты создалось впечатление – ни на чем, собственно, не основанное, – что эти двое знакомы не первый десяток лет и уж во всяком случае – с той легендарной ночи, когда толпы бездомных снесли проволочные заграждения. Старожилов на мосту много, ни один из них не откажется посторожить опору и подъемник от чужаков, тем более, если попросит Фонтейн, главный электрик, перед которым все в неоплатном долгу.

Впереди показалась эта хитрая бубличная с такой пристройкой, вроде как клеткой, сваренной изо всякого железного хлама, где можно сидеть за столиками, пить кофе и есть бублики. Шеветта вдохнула запах свежего хлеба и чуть не упала в голодный обморок. Она уже почти решила купить на вынос десятка полтора бубликов и пару баночек плавленого сыра, когда почувствовала на плече руку Райделла.

Она повернула голову и увидела впереди громадный, безупречно белый Ар-Ви,[28] только что вывернувший на Хайт-стрит из переулка, и словно чудом перенеслась домой, в Орегон, где старые пердуны – богатенькие старые пердуны – предпочитают этот вид транспорта всем прочим. Целые караваны сухопутных кораблей, на каждой корме непременно висит вельбот – мотоцикл, а то и миниатюрный джип. А еще прицепы с прогулочными катерами и изящными, почти игрушечными лодками. Они ночуют на специальных стоянках, где и колючка вокруг, и собаки, и охранные системы, и таблички «ВХОД ВОСПРЕЩЕН» повешены не так, для балды, а вполне всерьез.

Райделл вроде и не верил своим глазам, и морда у него была совсем ошалелая, а шикарный этот Ар-Ви притормозил рядом, и пожилая такая, очень приличная леди опустила окошко с водительской стороны, высунулась наружу и радостно завопила:

– Молодой человек! Простите мою старушечью назойливость, но мы же с вами уже встречались – вчера, в самолете рейсом из Бербанка. Меня звать Даника Эллиот.

Даника Эллиот оказалась пенсионеркой из Алтадины, это городок такой в Южной Калифорнии, рядом с Лос-Анджелесом, и она прилетела в Сан-Франциско тем же самолетом, что и Райделл, чтобы переложить своего супруга в другой холодильник – не супруга, конечно же, а только его мозг, вынутый из черепа через несколько минут после смерти и замороженный до какого-то там жуткого градуса.

Шеветта никогда не понимала людей вроде покойного мистера Эллиота, зачем они пишут такие завещания, ну как же это можно издеваться над собственным трупом, и Даника Эллиот их тоже не понимала. А теперь, вздохнула она, опять приходится бросать деньги на ветер. Страшно было и подумать, что мозг Дэвида болтается в этой цистерне вместе с десятками неизвестно каких соседей, вот я и решила переселить его в заведение получше, хотя цены там просто грабительские. Слова сыпались из миссис Эллиот, как горох из рваного мешка; вскоре сидевший за рулем Райделл перестал что бы то ни было воспринимать, а только кивал, когда разговорчивая старушка делала паузу. Шеветта тоже слушала вполуха – она взяла на себя обязанности штурмана, а кроме того, зорко приглядывала, не вывернет ли откуда полицейская машина.

Переложив мужнины мозги в новый холодильник, миссис Эллиот «пришла, как бы это получше выразиться, в сентиментальное настроение, даже плохо спала ночью». Наутро она «забежала в прокатную контору и взяла у них вот эту чудесную машину, чтобы не связываться с аэропортами и

самолетами, я их просто ненавижу, а вернуться домой спокойно, безо всякой спешки, чтобы поездка была приятной». К величайшему своему сожалению, она не знала Сан-Франциско, не сумела выехать с Шестой стрит, где располагалась прокатная контора, на шоссе, а затем и вовсе заблудилась, «и проплутала бы до вечера, если бы не ваша, мистер Райделл, великодушная помощь, избавившая меня ото всех забот и мучений». Хайт-стрит показалась ей «несколько, я бы сказала, опасной, но очень интересная улица, очень».

Проклятый наручник то и дело норовил вывалиться из рукава Скиннеровой кожанки, однако все внимание миссис Эллиот было поглощено ее собственным бесконечным монологом. Райделл вел машину, Шеветта сидела посередине, а миссис Эллиот – справа, у дверцы. Японская (а какая же еще?) машина имела впереди три роскошных глубоких кресла со встроенными динамиками, с регулировкой подголовника, подлокотников и угла наклона – со всеми, в общем, делами.

Там, на Хайт-стрит, миссис Эллиот с ходу сообщила Райделлу, что «совсем заблудилась в этом невозможном городе».

– Не могли бы вы, – с надеждой добавила она, – сесть за руль и отвести машину в какое-нибудь такое место, откуда легко выехать на Прибрежное шоссе? Мне нужно в Лос-Анджелес.

Райделл пялился на нее с добрую минуту, а затем вышел из ступора и сказал, что да, с удовольствием, правда, я тоже не очень здесь ориентируюсь, зато моя знакомая, ее звать Шеветта, знает город как свои пять пальцев, а меня звать Берри Райделл.

– Шеветта, – повторила миссис Эллиот. – Какое прелестное имя!

Райделл сел за руль, справился по компьютерной карте и повел машину на выезд из города. Шеветта сильно подозревала, что он хочет набиться к старушке в компаньоны – не один, конечно же, а вместе с ней, с Шеветтой. Это ж надо такое везение – всего минуту назад они только и мечтали забиться поскорее в любую дыру, лишь бы подальше от людей, каждый из которых мог оказаться шпиком, а теперь сидят себе, как миллионеры какие, в этих роскошных креслах, за непрозрачным снаружи (Райделл сразу же включил фильтры) стеклом и катят себе в Лос-Анджелес, подальше от мужика, который убил Сэмми Сэла, и от этого Уорбэйби, и от русских копов – нет, ну ведь точно, бывает же такая пруха. Вот только бубликов купить не успели. В животе ужас какой-то, кишка кишке кишкой по башке, скоро они с голодухи друг друга жрать начнут. Ладно, потерпим, не в первый раз и не в последний.

За окном промелькнула вывеска бургерной, Шеветта

вспомнила, как Франклин, ее орегонский знакомый, взял как-то ночью духовой пистолет и разбил в точно такой же вывеске пару букв. Смешная получилась надпись, не то чтобы похабная, а… как это называется?., двусмысленная.[29] Она поделилась этой историей с Лоуэллом, а тот скривился пренебрежительно и спросил, а в каком месте нужно смеяться? Лоуэлл… Если Лоуэлл узнает, что она понарассказывала про него Райделлу, так ведь зашибет на месте, тем более что Райделл если и не коп, то почти все равно, что коп. А сам-то, гад, хорош – крутой, как яйцо, и связи у него везде, и все такое, а вот пришла она к нему, пожаловалась, что влипла по-крупному, что Сэмми Сэла эти уже застрелили, а скоро и до нее доберутся, а они с этим Коудсом сидят себе и переглядываются, видно, что эта история нравится им все меньше и меньше, а потом, когда вломился этот дуболом в дождевике, они прямо обосрались, вот и вся ихняя крутизна.

А и поделом ей, раньше думать было надо. Ведь Лоуэлл – он никому, буквально никому из знакомых не нравится, а Скиннер – так тот прямо возненавидел его с первого же взгляда. Сказал, что у Лоуэлла в голове одно дерьмо и что понятно, почему он сигарету из зубов не выпускает, это чтобы люди не перепутали, где у него рожа, а где – жопа. Да разве ж поверишь всем этим разговорам, если парень у тебя считай что первый в жизни, да и к тому же Лоуэлл – он же не сразу был такой, сперва он был хороший. А как вмажет «плясуна», так такое становится говно, что и не узнаешь, а может, он и есть в действительности говно, только обычно сдерживается, а под «плясуном» все наружу лезет. И еще сучонок этот, Коудс, он же сразу ее чего-то невзлюбил и всю дорогу подзуживал Лоуэлла, что ну чего ты, спрашивается, связался с этой дурой деревенской. Да ну их всех на хрен.

– Знаете, – не выдержала, наконец, Шеветта, – я ведь сейчас помру от голода.

Тут миссис Эллиот стала суетиться, сказала, чтобы Райделл поворачивал к ближайшей закусочной и «купил что-нибудь поесть, а то у несчастной девочки совсем измученный вид», и как же это она не спросила сразу, успели они сегодня позавтракать или нет.

– Это все верно, – протянул Райделл, хмуро вглядываясь в боковое зеркальце, нет ли сзади чего подозрительного, – только мне не хотелось бы терять времени, сейчас ведь ленч, движение на улицах слабое, а чуть попозже тут будет не проехать, сплошные пробки.

– Ну, если так… – развела руками миссис Эллиот.

И тут же просияла:

– Шеветта, вы бы сходили назад, порылись в холодильнике. Я

уверена, что прокатчики поставили туда корзину с едой, они всегда так делают.

Идея здравая и весьма привлекательная. Шеветта расстегнула страховочные ремни, протиснулась между креслами и открыла невысокую узенькую дверцу; вспыхнувшие лампы осветили неожиданно просторное помещение.

– Так здесь же самый настоящий дом!

– Милости просим, – улыбнулась миссис Эллиот.

Шеветта прикрыла за собой дверь. Она никогда еще не видела такую машину изнутри и была поражена, как же много здесь места – ничуть не меньше, чем в комнате Скиннера, только все в тысячу раз удобнее. Светло-серый ковер, светло-серые стены, мебель обтянута светло-серой – не кожей, наверное, но очень похоже на кожу. Узкий, вроде стойки бара, столик со встроенным холодильником, в холодильнике – корзинка, упакованная в пластик и перевязанная веселой розовой ленточкой. Шеветта развязала ленточку, сняла пластик и торопливо изучила содержимое корзинки. Вино, маленькие брусочки сыра, яблоко, персик, крекеры и несколько шоколадных батончиков. Дверца холодильника забита кока-колой и бутылками артезианской воды. Шеветта отобрала себе бутылку воды, пачку крекеров, один из сырков и шоколадный батончик, изготовленный аж во Франции, перенесла все хозяйство на кровать и включила телевизор (спутниковая антенна, двадцать три канала).

Покончив с едой, она засунула пустую бутылку и прочие отходы в мусорную корзину, выключила телевизор, сняла тяжелые ботинки и растянулась на кровати.

Странное это было ощущение – лежать в самой вроде бы настоящей комнате, которая летит по шоссе, и неизвестно даже, что там сейчас снаружи, что видят сквозь лобовое стекло Райделл и миссис Эллиот, а еще неизвестно, где эта комната будет завтра.

Засыпая, Шеветта вспомнила, что тот, из телефона вынутый, пакетик «плясуна» так и лежит в кармане джинсов. Выкинуть его надо, вот что, это ж десяток, а то и больше, доз, верный билет за решетку.

И еще она вспомнила, как чувствуешь себя под кайфом, и подумала, что как же все-таки странно, что есть люди, готовые отдать за это ощущение все, до последнего доллара.

Вот Лоуэлл, он ведь тоже такой. А жаль…

Райделл лег на самый край кровати, он двигался тихо, осторожно, но Шеветта все равно проснулась. Темно. Стоим, что ли? Да нет, едем.

– А кто за рулем?

– Миссис Армбрастер, – откликнулся голос Райделла.

– Кто?

– Миссис Эллиот. Миссис Армбрастер – это у нас была такая училка, она точь-в-точь на нее похожа.

– И куда мы едем?

– В Лос-Анджелес. Я обещал сменить ее, как только устанет. Сказал, чтобы не будила нас, когда будем проезжать границу штата. Ну, с чего бы, спрашивается, копам шмонать такую культурную старушку? Поверят ей на слово, что в машине нет никаких сельскохозяйственных продуктов, и отпустят.

– А если нет?

Она почувствовала, как Райделл пожал плечами.

– Райделл?

– А?

– Откуда все эти русские копы?

– Это в каком смысле?

– Ну, вот по телевизору, если какой полицейский боевик, там половина главных копов обязательно русские. И эти, которые на мосту. Почему именно русские?

– По телевизору… – Райделл широко, до хруста в челюсти, зевнул. – По телевизору они малость… ну, в общем, преувеличивают. Это все из-за «Треста», зрителям нравится такое видеть, вот им и показывают. А так ты же знаешь, что русские бандиты прибрали к рукам чуть не всю организованную преступность, в такой ситуации без русских копов не обойтись. – Он снова зевнул.

– И они что, все такие, как эти двое?

– Нет, – мотнул головой Райделл. – Продажные копы были и будут, но это никак не зависит…

– А вот приедем мы в Лос-Анджелес, и что же дальше?

Райделл не ответил. Через несколько секунд Шеветта услышала тихое, мирное похрапывание.

29. Мертвый молл

Райделл открыл глаза.

Машина не двигалась.

Он выпростал из-под живота левую руку, включил подсветку циферблата. Три пятнадцать ночи. Шеветта Вашингтон спит без задних ног, куртку свою она так и не сняла. Словно и не девушка лежит рядом с тобой, а старый драный чемодан.

Райделл перевернулся на другой бок, нащупал и приподнял оконную шторку. И тут темно, и там темно.

Ему снился урок миссис Армбрастер. Начальная школа имени Оливера Норта, пятый класс. Их распускают по домам – Лёрнинг-нет настоятельно рекомендует закрыть все школы Теннесси и обеих Вирджиний на недельный карантин по канзасскому гриппу. Перед началом занятий медсестры разложили по партам гигиенические респираторы, теперь лица всех ребят укрыты за белыми бумажными масками, не сразу и поймешь, кто здесь кто. Миссис Армбрастер объясняет значение слова «пандемия». Поппи Маркова (буфера у нее – чистый отпад) поднимает руку и говорит миссис Армбрастер: «А вот папа сказал, что канзасский грипп убивает почти мгновенно, вышел из дома вроде здоровый, а по дороге к автобусу упал и умер». Миссис Армбрастер – у нее маска своя, покупная, из микропоры – начинает объяснять слово «паника», связывая его с «пандемией» по общему корню «пан», но тут Райделл проснулся.

Он скинул ноги на пол, осторожно потрогал голову. Болит. И насморк вроде начинается. Канзасский грипп. А то и лихорадка Мокола.

– Только без паники, – приказал себе Райделл.

А как тут без паники?

Он встал, подошел к двери, из-под которой пробивалась узенькая полоска света. Нащупал ручку, нажал и чуть приоткрыл дверь.

– Ну, как, выспался?

Золотой высверк улыбки. И черный зрачок маленького, тупорылого пистолета. Убийца развернул пассажирское сиденье влево и откинул спинку. Взгромоздил сапоги на среднее сиденье. Лампочка под потолком едва горит.

– Где миссис Эллиот?

– Миссис Эллиот ушла.

– На кого она работает? – Райделл распахнул дверь до упора. – На вас?

– Нет. – Улыбка стала еще шире. – На «Интенсекьюр».

– Так они что, специально отправили ее тем же рейсом? Чтобы за мной приглядывала?

Равнодушное пожатие плечами. Райделл обратил внимание, что пистолет при этом даже не шелохнулся. А еще – что рука, сжимающая пистолет, обтянута тонкой хирургической перчаткой. И что плащ на мужике тот же самый, в котором он вылез из полицейской машины, – длинный такой, вроде австралийского пыльника, только из черной микропоры.

– Как она сумела перехватить нас на улице?

– Уорбэйби совсем не такой придурок, как можно бы подумать. Тебя вели от самого моста.

– Как же это я не заметил?

– А тебе и не полагалось.

– Слушай, ты скажи мне одну вещь… Это ведь ты замочил в гостинице этого, как его, Бликса, да?

Тусклые глаза над черным зрачком пистолета. Такой маленький калибр не обеспечивает хорошей убойной силы. Обычно не обеспечивает – а тут, скорее всего, какие-нибудь хитрые боеприпасы.

– А тебе-то какое дело? – удивился убийца.

– Я видел снимки, как все это было, – объяснил Райделл. – А смотрю на тебя – нормальный вроде мужик.

– Работа у меня такая.

Ясненько, подумал Райделл. Одни баранку крутят, другие картошку жарят, а третьи – вот так. Каждому свое. Справа от двери располагаются столик с холодильником и раковина, так что в ту сторону не нырнешь. А если налево, этот тип прошьет очередью переборку, чего доброго и девушку зацепит.

– И думать не моги.

– О чем?

– Об этой срани. О героических поступках. – Золотозубый скинул ноги с кресла. – Делай, как я скажу. Медленно. Очень медленно. Иди к водительскому месту… Садись… Берись за баранку. Руки на девять часов и на два.[30] Вот так и держи. Если ты их сдвинешь, я всажу тебе пулю чуть позади правого уха. Выстрела ты не услышишь.

Монотонный, почти гипнотизирующий голос. Как ветеринар с кобылой.

Райделл сделал все по сказанному и застыл. Снаружи – полная, непроглядная тьма.

– А где мы? – поинтересовался он.

– Ты любишь моллы? Как там у вас в Ноксвилле? Тоже есть моллы?

Райделл покосился на него, но смолчал.

– Я очень прошу тебя смотреть прямо вперед.

– Да, у нас есть моллы.

– А вот этому моллу не повезло. Хилая была коммерция.

Райделл стиснул мягкую, обтянутую губчатой резиной баранку.

– Расслабься.

Громкий стук, наверное, сапогом по переборке.

– Мисс Вашингтон! Восстаньте ото сна! Почтите нас своим присутствием!

Райделл услышал два глухих удара – проснувшись, Шеветта попыталась вскочить на ноги, ударилась головой о потолок и упала с кровати. А затем в ветровом стекле появилось бледное отражение ее лица.

Тут бы другая хлопнулась в обморок. Другая.

– Ты убил Сэмми Сэла, – сказала Шеветта.

– А ты меня чуть током не поджарила, – сказал золотозубый и беззлобно улыбнулся. – Сейчас ты пойдешь вперед, повернешься, сядешь на центральную панель лицом сюда. Никаких резких движений. Так, правильно. Теперь наклонись и положи руки на кресло.

Шеветта села рядом с Райделлом, свесив ноги по бокам компьютерной стойки. Ну, прямо, как на карусели.

Если что, он прострелит одну голову, сдвинет пистолет на два дюйма и прострелит вторую.

– Я хочу, чтобы ты сняла куртку. – Снова эти монотонные интонации. – Для этого тебе потребуется оторвать руки от сиденья. Постарайся отрывать их по очереди, чтобы в каждый момент одна из твоих рук лежала на сиденье. Операция сложная, но ты не торопись, времени у нас уйма.

В конце концов, Шеветта вытащила руки из рукавов и скинула куртку с плеч, прямо к ногам золотозубого.

– Что там в карманах? Шприц? Ножи, бритвенные лезвия, прочие опасные предметы?

– Ничего такого, – мотнула головой Шеветта.

– А как насчет электрических зарядов? Давняя твоя слабость.

– Только очки этого засранца и телефон.

– Вы только послушайте ее, Райделл, – простонал убийца. – Засранец! Вот таким и останется он в памяти людской. Ни имени, ни фамилии – просто какой-то там безымянный засранец…

Левая его рука ловко обшарила карманы куртки, выложила на приборную панель сперва телефон, а затем и серый плоский футляр.

Райделл плюнул на все запреты и повернул голову. Обтянутые резиной пальцы открыли на ощупь футляр, достали

очки. Бесцветные, как оловянные пуговицы, глаза скользнули по добыче, проверили, все ли в порядке, и снова уставились на пленников.

– Они это, они, – сказал Райделл. – Радуйся.

Рука положила очки на черную замшу и закрыла футляр.

– Радуюсь.

– И что теперь?

Улыбка исчезла, а вместе с ней исчезли и губы, осталась только тонкая, словно карандашом проведенная линия.

– А ты не могла бы принести мне кока-колу? – улыбка не только вернулась, но даже стала шире, уголки рта задрались еще выше. – Все окна там задраены, дверь – тоже.

– Кока-колу? – поразилась Шеветта. – Да ты же пристрелишь меня. Как только я встану.

– Нет, – покачал головой золотозубый, – совсем не обязательно. Ведь я действительно хочу пить. В горле пересохло.

Шеветта повернулась к Райделлу, в ее глазах застыл ужас.

– Да принеси ты ему эту колу, – сказал Райделл.

Она слезла с панели, протиснулась между креслами, вошла в дверь и остановилась перед холодильником.

– Я же сказал, чтобы ты не крутил башкой, – напомнил золотозубый.

Глядя в ветровое стекло, Райделл увидел, как открылась дверца холодильника, как вспыхнула в нем лампочка, как Шеветта присела на корточки.

– Д-диет-тическая или обычная?

– Диетическую. Если это не составит тебе большого труда.

– Классическую или «декаф»?

– Классическую.

Негромкий звук, отдаленно – весьма отдаленно – похожий на смех.

– С-т-таканов нет.

– Тогда банку, пожалуйста.

Снова этот тявкающий звук.

– Я т-тут пролила н-немного, – сказала Шеветта. – Р-р-руки т-трясутся.

Чуть скосившись, Райделл увидел, как рука в резиновой перчатке берет красную банку, обрызганную коричневыми каплями кока-колы.

– Благодарю вас. Теперь вы можете снять штаны.

– Чего?!

– Штаны. Вот эти самые, черные. Стягивайте их медленно, без рывков. А носки мне нравятся. Их мы, пожалуй, оставим.

Лицо, отраженное в черной бездонности ветрового стекла,

исказилось, а затем застыло, стало каким-то равнодушным, отсутствующим. Шеветта расстегнула пояс, наклонилась и начала стягивать с себя узкие, непослушные лосины.

– Теперь вернитесь, пожалуйста, на прежнее место. В ту же позицию. Вот так. Я хочу рассмотреть вас получше. А ты, Райделл, ты тоже хочешь?

Райделл повернулся. В свете потолочной лампочки крепкие, мускулистые ноги девушки казались мертвенно-бледными. Убийца жадно приложился к банке, затем поставил ее на приборную панель, рядом с очками, и отер рот тыльной стороной затянутой в полупрозрачный пластик руки.

– Ну, как, Райделл, недурно? – он кивнул в сторону Шеветты. – Тут намечаются определенные перспективы.

Райделл смолчал.

– Или ты возражаешь?

Райделл продолжал молчать.

Короткий, тявкающий смешок. Еще один глоток из красной банки.

– Ты ведь думаешь, что мне нравилось свежевать этого говнюка, верно ведь, Райделл?

– Я не знаю.

– Не знаешь, но думаешь, что мне нравилось. Ты считаешь, что я получал удовольствие, я знаю, что ты так считаешь. И правильно считаешь. Я действительно получал удовольствие. Ловил кайф. Только тут есть один отличительный момент, знаешь какой?

– Момент?

– У меня не стоял. Я работал над этим говнюком, а у меня не стоял. Вот такой вот отличительный момент.

– Ты его знал?

– Что?

– Я подумал, может, ты его вот так из каких-то там личных чувств.

– А-а. В некотором смысле я знал его. Знал. Знал так, как никто не должен знать никого. Я знал все, что он делает, все, Райделл, все. Я засыпал под его храп. Дело дошло до того, что по храпу, да просто по дыханию я мог точно определить, сколько он принял.

– Принял?

– Он пил. Он, серб этот. Ты ведь был полицейским, верно?

– Да.

– А приходилось тебе вести за кем-нибудь наблюдение?

– До этого не дорос.

– Забавная это штука – следить за людьми. Ездить за ними

повсюду – куда объект, туда и ты. Они тебя не знают. Но они знают, что ты где-то здесь. Ну, не знают, конечно, но догадываются. Исходят из того, что ты здесь, рядом. Но они тебя не знают. Иногда они смотрят на кого-нибудь в баре или, там, в холле гостиницы, и ты понимаешь, что они думают, что это ты – тот, который за ними следит. И всегда ошибаются. А когда понаблюдаешь за таким месяц, два месяца, три месяца, начинаешь его любить. Любить, Райделл, любить.

По белому, судорожно напряженному бедру Шеветты прокатилась волна дрожи.

– Ну а потом, еще через несколько месяцев, через два десятка перелетов с места на место, через две дюжины гостиниц все меняется. Становится совсем наоборот.

– И ты больше их не любишь?

– Нет. Не люблю. Проходит какое-то время, и ты уже ждешь, чтобы он оступился. Чтобы он предал, не оправдал доверия. Ведь курьеру оказывается колоссальное доверие. Жуткая это вещь – доверие.

– Курьеру?

– Вот ты посмотри на нее, Райделл, посмотри. Уж она-то знает. Она всего лишь развозит по Сан-Франциско какие-то там бумажки, и все равно – она курьер. Ей оказывают доверие. Информация обретает материальную форму. И она переносит эту информацию с места на место, так ведь, красавица?

Шеветта молчала и не шевелилась. Сфинкс – вот кого она напоминала сейчас, в этой позе. Белые пальцы глубоко зарылись в светло-серую обивку центрального сиденья.

– Вот этим я, Райделл, и занимаюсь. Слежу за доставкой. Слежу за курьерами. Охраняю их сон и покой. – Он допил кока-колу и уронил банку на пол. – Людей, пытающихся изъять у них информацию, я убиваю. Это – самая приятная часть моей работы. Ты бывал в Сан-Хосе?

– Коста-Рика?[31]

– Да.

– Нет, не приходилось.

– Вот где люди понимают, как нужно жить.

– Ты работаешь на эти хранилища информации, – догадался Райделл.

– Я этого не говорил. Это кто-то другой проболтался.

– И он тоже, – добавил Райделл. – Он должен был доставить кому-то очки из Коста-Рики, а она их украла.

– Узнав о пропаже, я обрадовался. Несказанно обрадовался. Мой номер был рядом, смежный. Я открыл дверь и вошел. Я представился. Он увидел Лавлесса. В первый и в последний раз.

Левая рука убийцы поднялась и начала ожесточенно скрести голову, можно было подумать, что его заели вши. Однако пистолет не дрогнул, не шелохнулся, словно зажатый в тисках пристрелочного станка.

– Лавлесс?

– Мой nom de хрень.[32]

Последовала длинная трескучая фраза, вроде бы по-испански, из которой Райделл уловил только слова nombre de что-то там.[33]

– А вот ты, Райделл, ты как думаешь, у нее там туго? Я люблю, когда туго.

– Ты американец?

Голова убийцы слегка качнулась, глаза поплыли куда-то в сторону, но тут же снова воткнулись в Райделла, такие же светлые и незамутненные, как хромированный ободок на дульном срезе его пистолета.

– А ты хоть знаешь, кто завел эти хранилища?

– Да, – кивнул Райделл. – Картели.[34] Колумбийцы.

– Верно. В восьмидесятых они завезли в Центральную Америку первые экспертные системы, координировать транспортировку. Для установки и отладки этих систем потребовались специалисты. Война наркотиков, Райделл, война. В ней участвовало много американцев, кто – на одной стороне, кто – на другой.

– Седая старина, – пожал плечами Райделл. – Теперь мы сами производим все нужные нам наркотики.

– А у них за это время появились хранилища. Теперь им даже не нужно мараться с наркотиками. У них есть то, что было когда-то у Швейцарии. Место, единственное место в мире, где люди могут хранить любые свои секреты.

– Ты вроде как слишком молод, чтобы участвовать в организации всего этого.

– Мой отец. Ты знаешь своего отца?

– Конечно.

(В некотором, конечно же, смысле.)

– А я своего никогда не видел. Травма. Мне потребовалась долгая психотерапия.

Вот так-то тебя и вылечили, съязвил про себя Райделл.

– Уорбэйби. Он тоже работает на коста-риканские хранилища?

Правая рука убийцы метнулась вверх, смахнула со лба капли пота и вернулась на место, словно притянутая магнитом. И все это время пистолет смотрел прямо на Райделла.

– Включи фары. Я разрешаю тебе снять левую руку с руля.

– Зачем?

– Затем, что иначе ты труп.

– Ну а все-таки зачем?

– Не спрашивай, а делай, что сказано. О'кей?

Пот заливал ему глаза, струями бежал вдоль морщин, капал на грудь и колени.

Райделл медленно снял левую руку с баранки, щелкнул тумблером. Щелкнул еще раз, чтобы включить фары на максимальную мощность. Резкий, безжалостный свет словно проявил скрытое прежде изображение. Заброшенные магазины, покосившиеся вывески, грязный, покрытый коростой пыли пластик. На самой крупной из вывесок отчетливо выделялось одно-единственное слово: «ПРОВАЛ».

– Господи, – поразился Райделл, – да кому же это взбрело на ум дать магазину такое название?[35]

– Очень ты хитрожопый, да? Мозги мне засрать хочешь?

– Нет, – качнул головой Райделл. – Только больно уж дикое название. Теперь-то, конечно, все эти лавчонки – сплошной провал, но тогда…

– Уорбэйби просто мальчик на побегушках. Наемный работник. Его привлекают, «Интенсекьюр» его привлекает, когда дела идут наперекосяк. А они всегда наперекосяк. Всегда у них что-нибудь наперекосяк.

Райделл оценил обстановку. Судя по всему, Ар-Ви стоит в широком центральном проходе молла. Все, сколько видно, витрины либо заколочены, либо густо закрашены белым. Проход крытый. Или даже подземный.

– Так что же, очки пропали в гостинице, гостиницу охраняет «Интенсекьюр», «Интенсекьюр» не справился с делом сам и кликнул на помощь Люциуса Уорбэйби?

Он взглянул на Шеветту. Сфинкс. Или что-то вроде хромированной хреновины, какими украшали капоты древних автомобилей. Только ни на камне, ни на металле не бывает таких вот пупырышков, как на ее бедре. Гусиная кожа. А ведь точно мы под землей – вон какая холодина.

– А знаешь что, умник?

– Что?

– Ты не знаешь ни хрена про ни хрена. Сколько бы я тебе ни рассказывал, ты не сумеешь понять ситуацию. Ситуация слишком масштабна для понимания таких, как ты. Ты просто не умеешь мыслить такими понятиями. «Интенсекьюр» принадлежит той же самой компании, что и информация в этих очках.

– Сингапур, – кивнул Райделл. – И «Дэйтамерика» тоже принадлежит Сингапуру.

– Но ты никогда этого не докажешь. Конгресс и тот не смог.

– Крысы! Ты только посмотри.

– Опять мозги мне засираешь…

Последняя из трех крыс исчезла в магазине с диким названием «Провал». Дырка там какая-то или что? Провал.

– Не-а. Я их видел.

– А ты знаешь, что тебя и не было бы здесь, на этом месте, не вздумай Люциус дважды в рот долбаный Уорбэйби покататься на роликовых коньках?

– Как это?

– Колено он расшиб себе, коленную чашечку. Уорбэйби расшибает себе колено, не может сидеть за рулем, а в результате ты оказываешься здесь. Задумайся над этим, вникни. История, весьма характерная для позднего, загнивающего капитализма, или тебе так не кажется?

– Характерная для чего?

– Они вас что, в Академии этой долбаной вообще ничему не учили?

– Учили, – вздохнул Райделл. – Много чему учили.

А в частности – как вести себя со свихнутыми придурками, буде ты попадешь к ним в заложники, только вот трудно вспомнить все эти мудрые советы. Не спорь с ними, не возражай, дай им выговориться, как только замолкнут – скажи что-нибудь и снова слушай. Да, что-то в этом роде.

– А чего это все так переполошились из-за этих очков?

– Они хотят перестроить Сан-Франциско. Полностью, снизу доверху, как Токио. Для начала врежут в существующую инфраструктуру решетку из семнадцати комплексов. Восьмидесятиэтажные административно-жилые корпуса, и еще подземный цоколь, тоже жилой. Полная автономность, самообеспечение. Управляемые параболические зеркала, парогенераторы. Ультрамодерновые здания. Они будут жрать свое говно.

– Кто будет жрать говно?

– Здания. Их вырастят, Райделл, вырастят, понимаешь? Как в Токио. Или как этот туннель.

– Санфлауэр, – сказала Шеветта и тут же осеклась.

– Я вижу, что кто-то совал свой нос… – (Желтые искры.)

– Слышь, а вообще-то… – (Как там учили разговаривать с вооруженными психами?)

– Да?

– А чего тогда весь этот шухер? В чем проблема? Хотят строить – ну и пусть себе строят.

– Проблема, – Лавлесс начал расстегивать рубашку, – состоит в том, что у города, подобного Сан-Франциско, примерно столько

же понимания, куда он хочет двигаться и куда он должен двигаться, сколько у тебя. То есть – до прискорбия мало. Есть люди – миллионы людей, – которые возмутятся самим уже фактом, что такой план существует. А еще – торговля недвижимостью.

– Торговля недвижимостью?

– Ты знаешь три главных соображения, учитываемых при покупке недвижимости?

Безволосая, покрытая искусственным загаром грудь Лавлесса лоснилась от пота.

– Три?

– Место, место, – Лавлесс поучительно поднял палец, – и еще раз место.

– Чего-то я не врубаюсь.

– И не врубишься. Никогда. А вот люди с деньгами, люди, знающие, что нужно покупать, люди, видевшие планы начальной застройки, – они врубятся. Врубятся так, что даже щепки не полетят. Они приберут к рукам все.

(Очень, очень интересно!)

– Так ты что, смотрел? – невинно поинтересовался Райделл.

– В Мехико-Сити, – кивнул Лавлесс. – Он оставил их в номере. Не имел права, ни в коем случае.

– Но ведь ты тоже не имел права смотреть? – сорвалось у Райделла.

Несмотря на промозглый холод, Лавлесс обливался потом, вся его лимфатическая система – или что уж там этим заведует – пошла вразнос. Он часто смаргивал и стряхивал пот со лба.

– Я сделал свою работу. Делал свою работу. Работы, задания. И я, и мой отец. Ты не видел, как они там живут. В компаундах. Здесь, здешние, они и понятия не имеют, что можно получить за деньги. Они не знают, что такое настоящие деньги. Они живут как боги, они, в этих компаундах. И старики – некоторым из них за сто…

В уголках безумного оскала прятались крошечные белые крупинки, Райделл словно вернулся в квартиру той стервы, снова заглянул в глаза Кеннета Терви – и ТУТ словно что-то щелкнуло, головоломка собралась, все встало на свои места.

Она вбухала в эту кока-колу весь пакетик «плясуна». Часть порошка просыпалась на банку, и тогда она вроде как расплескала колу, смыла предательский порошок внутрь.

Лицо Лавлесса налилось кровью, он расстегнул уже рубашку до самого низа, грубая ткань потемнела от пота, липла к мокрой коже.

– Лавлесс… – начал Райделл.

Начал, не зная, что сказать, – и тут же осекся, оглушенный высоким, нечеловеческим воплем; вот так же примерно верещит кролик, запутавшийся в проволочном силке. Лавлесс молотил рукояткой пистолета по собственному паху, молотил, словно стараясь прикончить некое жуткое существо, забравшееся ему в джинсы. Каждый удар сопровождался выстрелом, каждая пуля пробивала в полу машины отверстие размером с пятидолларовую монету.

Словно подброшенная пружиной, Шеветта взметнулась над консолью, перемахнула через спинку среднего кресла и скрылась за дверью, в спальне.

Лавлесс замер, словно каждый атом его тела вдруг остановился, переходя на новую орбиту. Замер, улыбнулся, довольный победой над загадочной тварью, – и начал стрелять сквозь ветровое стекло. Кто-то из преподавателей Академии говорил, что по сравнению со сверхдозой «плясуна» даже сверхдоза фенциклидина все равно, что аспирин, разболтанный в кока-коле. В кока-коле.

А Шеветта Вашингтон тоже спсиховала не хуже Лавлесса – судя по грохоту, доносившемуся из спальни. Да успокойся ты, дура, стихни, голыми руками стенку не прошибешь.

– По сто лет, по сто лет этим мудакам… – начал Лавлесс, а затем громко всхлипнул и поменял пустую обойму на свежую. – Столетний хрен, а у него все еще стоит…

– Там! – Райделл ткнул пальцем в изрешеченное ветровое стекло. – Там, у «Провала»…

– Кто?

– Шитов! – ляпнул наугад Райделл.

Пули летели сплошным потоком, как резиновые кубики из чанкера; после третьего выстрела Райделл ткнул пальцем в кнопку, дезактивирующую замок боковой дверцы, и вывалился наружу. Он приземлился посреди россыпи консервных банок и прочего хлама. Перекатился. И продолжал катиться, пока не ударился о какое-то препятствие.

Маленькие пули пробивали в слепых, как бельма, витринах заброшенных лавок огромные дыры. Звонким дождем сыпались на бетон осколки зеркального стекла.

Шеветта Вашингтон все еще колотилась о заднюю дверь фургона – и не было никакой возможности ее утихомирить.

– Эй! Лавлесс!

Стрельба затихла.

– Шитов ранен! Ты его срезал!

Грохот отчаянных бесполезных ударов. Господи!

– Ему нужна медицинская помощь!

Стоя на четвереньках рядом с чашей давно пересохшего фонтана, откуда несло хлоркой и затхлостью, Райделл увидел, как Лавлесс вылезает из распахнутой дверцы машины, с водительской стороны; багровое лицо и обнаженная грудь блестели от пота. Великолепный профессионал, чьи навыки прорывались даже сквозь густую пелену наркотического безумия, он двигался точно так, как учат на НОКе, – чуть пригнувшись, на полусогнутых ногах, зажатый двумя руками пистолет плавно обходит потенциальные секторы огня.

А Шеветта Вашингтон все еще пыталась проломить ячеистый пластик или из чего уж там сделана задняя стенка фургона. Затем Лавлесс обернулся, выпустил две пули, и грохот смолк.

30. Погребальный карнавал

В четыре часа Ямадзаки отодвинул тяжелый бронзовый засов, распахнул люк и начал спускаться по ржавым скобам. Тем же, по которым гнал его вчера Лавлесс.

Фонтейн обещал, что электричество будет через двадцать минут, и ушел, прихватив с собой, несмотря на все протесты Скиннера, огромный тюк грязного белья. Свет вспыхнул минут через пятнадцать. Скиннер провел весь день, раскладывая и перекладывая содержимое зеленого инструментального ящика, перевернутого прошлым вечером в поисках бокорезов.

Руки старика, прикасавшиеся то к одному инструменту, то к другому, словно вновь обретали силу и ловкость, а может, в них просто пробуждались воспоминания о давних замыслах и работах, исполненных или заброшенных на полпути.

– Инструменты продать проще простого, – размышлял вслух Скиннер. – Уж на них-то покупатель найдется. Но затем непременно придет день, когда позарез понадобится та самая железяка, которую ты загнал.

По большей части металлические предметы, хранящиеся в зеленом ящике, были для Ямадзаки полной загадкой; хуже того, он не знал, как называются по-английски даже немногие известные ему инструменты, кроме, разве что, самых простых.

– Конусная развертка. – Из кулака Скиннера зловеще выглядывал стальной, чуть тронутый ржавчиной шип. – На редкость удобная штука, а ведь люди в большинстве своем даже не знают, что это такое.

– Для чего она, Скиннер-сан?

– Расширяет отверстия. И не портит их, оставляет круглыми, надо только правильно все делать. Для листового металла, но может работать и по пластику. По любому тонкому, достаточно жесткому материалу. Кроме стекла.

– У вас очень много инструментов, Скиннер-сан.

– А пользоваться ими я почти не умею. Так толком и не научился.

– Но ведь вы сами построили эту комнату?

– Ты видел когда-нибудь, как работает настоящий плотник?

– Да, однажды.

Ямадзаки вспомнил запах кедровых стружек, желтую, масляно-гладкую поверхность брусьев, черные плоские рубанки, так и летавшие в руках рабочих… Демонстрационное возведение чайного домика, который будет снесен через неделю по окончании фестиваля.

– У нас в Токио дерево в большой цене. Никто никогда не выбросит даже самую маленькую дощечку.

– Здесь его тоже не враз достанешь, – сказал Скиннер, пробуя на палец острие стамески. «Здесь» – это где? В Америке? В Сан-Франциско? Или на мосту? – Когда-то, прежде чем сюда провели электричество, мы жгли тут мусор – грелись, готовили. А городу не нравилось. Воздух мы, Скутер, им загрязняли. Теперь-то этого почти нет.

– В результате консенсуса?

– Самый обычный здравый смысл.

Скиннер вложил стамеску в брезентовый, насквозь промасленный чехольчик и аккуратно спрятал в зеленый ящик.

Увидев шествие, направляющееся в сторону Сан-Франциско, Ямадзаки сразу же пожалел об оставленной наверху записной книжке. Первое за все эти недели свидетельство того, что на мосту существуют общественные ритуалы.

В узком, стиснутом лавками проходе не развернешься, люди шли не рядами, а по одному, по двое, и все же это было шествие, судя по всему – похоронное. А заодно и мемориальное. Возглавляли его семеро (вроде бы семеро, Ямадзаки не был уверен в своем подсчете) детей; одетые в неописуемую рвань, густо посыпанные пеплом, они двигались гуськом, один за другим. И маски – гипсовые, аляповато раскрашенные маски святого Шейпли. Однако в поведении детей не было ничего похоронного; в восторге от всеобщего внимания они подпрыгивали и размахивали руками.

Ямадзаки мгновенно забыл о горячем супе, основной цели своего похода, и остановился между тележкой с книгами и лотком птицелова. Незнакомый с местными обычаями, скованный громоздким, непривычным термосом, он чувствовал себя здесь лишним, даже неуместным. А что если свидетели похоронного шествия обязаны провожать усопшего каким-либо определенным жестом, вести себя каким-либо определенным образом? Он покосился на торговку книгами. Высокая, одетая в засаленную овчинную жилетку женщина поправляла левой рукой две розовые пластиковые палочки, скрепляющие на затылке тяжелый узел седых волос. Нет, это не ритуальный жест.

На тележке теснились ряды ветхих, замызганных книг, каждая – в отдельном пластиковом мешочке. Несколько секунд назад женщина рекламировала свой товар, выкликала странные названия.

– Долина кукол, кровавый меридиан, соло для бензопилы…

В этих словосочетаниях звучала какая-то дикая, варварская

поэзия; Ямадзаки был уже готов попросить «Соло для бензопилы», но тут женщина замолкла, он удивленно обернулся и увидел детей.

И все же в ее поведении не чувствовалось какого-либо особого благоговейного отношения к шествию – ну увидела, замолчала, а могла бы кричать и дальше. Ямадзаки заметил, как шевелятся губы женщины, как руки ее двигаются над затянутыми в пластик книгами – глядя на проходящих мимо детей, она машинально пересчитывала непроданный товар.

Торговец птицами, бледный человек с черными как смоль, любовно ухоженными усами, зевнул, сунул руку под рубашку и меланхолично поскреб живот.

Следом за детьми появились танцующие скелеты. Ямадзаки обратил внимание, что костюмы этих персонажей «La Noche de Muerte»[36] не отличаются ни особой полнотой, ни тщательностью изготовления – некоторые из масок прикрывали только нижнюю часть лица, да и не маски это были, а микропорные респираторы, пародирующие мертвую ухмылку.

Танцоры, совсем еще молодые парни, бились в конвульсиях под какую-то внутреннюю, неслышную зрителям музыку хаоса и запустения. Тазовые кости на узких ягодицах, бедренные кости, белеющие на черных бедрах, – нет, в этом не было ничего зловещего, только эротика и, пожалуй, агрессия. Один из танцоров окинул Ямадзаки острым, цепким взглядом – голубые, чуть прищуренные глаза над черной, заляпанной белым полумаской.

Дальше – две долговязые фигуры в светло-зеленых лабораторных халатах и красных, по локоть длиной, резиновых перчатках, черные лица густо размалеваны желтоватым гримом. Кто это – врачи, провожавшие в могилу одного пациента за другим, пока не явился миру великий Шейпли? Или сотрудники бразильских биомедицинских компаний успешно и с немалой для себя выгодой превратившие Шейпли из неграмотного проститута (а вот такого слова вроде бы нет) в бесценный источник надежды, источник спасения?

А вот и главные герои сегодняшнего карнавала. Немые и безучастные, завернутые в плотный молочно-белый пластик, они лежат на двухколесных тележках, изготовленных здесь же, на мосту, и применяемых обычно для перевоза громоздких предметов. Каждую из тележек катят четверо людей, мужчины и женщины, черные и белые, старые и молодые. Ни в одежде катальщиков, ни в их поведении нет ничего примечательного – если только не считать примечательной подчеркнутую будничность, резко отличающую их от остальных участников

шествия… Нет, все-таки есть, подумал Ямадзаки. Они молчат и смотрят только вперед, словно не замечая зрителей. Немые и безучастные, как и те, завернутые в пластик…

– Бедняга Найджел, – вздохнула торговка книгами. – Делал тележку на продажу, а получилось, что для себя.

– Эти люди погибли в грозу? – осторожно поинтересовался Ямадзаки.

– Ну уж только не Найджел. – Женщина окинула чужака цепким, подозрительным взглядом. – Весь как решето, какая уж там гроза…

Семь тележек, семь покойников, на этот раз никаких сомнений в подсчете не возникало. Следом за ними появились мужчина и женщина с большой ламинированной литографией. Ввалившиеся щеки, огромные, горящие состраданием глаза; глядя на эти приторно-сладкие портреты, Ямадзаки неизменно испытывал почти физическую тошноту.

В самом конце процессии приплясывала и кривлялась маленькая ярко-красная фигурка. Бесхвостый, безрогий чертенок с древним, непомерно огромным АК-47. Затвора у автомата нет, вместо магазина торчит кривой деревянный брусок, грозное когда-то оружие выкрашено в красный цвет, превратилось в бутафорию, ритуальную принадлежность.

Все предельно ясно. Красный чертенок символизирует ненужную, от начала до конца бессмысленную смерть Шейпли. Жуткую пер возданную глупость, гнездящуюся в самой сердцевине мироздания.

– Скиннер-сан? – записная книжка раскрыта, включена, готова к работе. – Сегодня я видел процессию. Покойников уносили с моста на берег. Людей, погибших во время грозы.

– Здесь их класть некуда. В воду тоже нельзя. Раньше сбрасывали, а теперь город уперся рогом и ни в какую. Мы передаем их в крематорий. Некоторые люди против огня, так мы хороним их на Острове Сокровищ. Тоже не лучший выход, если учесть, что за публика там живет.

– Многие элементы процессии были связаны с Шейпли, с его биографией.

Скиннер кивнул. За все время разговора глаза его ни разу не оторвались от маленького, с почтовую открытку, экрана телевизора.

– Дети в масках Шейпли, чернокожие мужчины, одетые и загримированные под белых врачей, портрет…

Скиннер безразлично хмыкнул.

– Я уж почти и забыл, как это бывает, – пробормотал он через пару секунд. – Все сижу здесь в четырех стенах, как проклятый.

– А в конце – маленький человечек, весь в красном, с автоматом. Он плясал и кривлялся.

– Угу, – кивнул Скиннер.

Ямадзаки нажал кнопку «Транскрипция и перевод».

Во мне-то этого вируса нет. Защитного, прививочного. Этого кусочка Шейпли, который теперь во всех. В моем возрасте вроде и ни к чему, да я и вообще не люблю медицину. Никогда не любил. И того, другого, я тоже как-то не подцепил, хотя возможностей было сколько угодно. Впрочем, ты слишком молод и не понимаешь, как это было, что мы тогда ощущали. Ну да, я знаю, вам теперь кажется, что все времена рядом, рукой подать, ведь все для вас записано, включай – и словно живешь в прошлом. Цифровая форма. А хрен ли в той форме, в том проигрывании? Вы же все равно не помните, что это было за ощущение – наблюдать, как горы трупов громоздятся все выше и выше. Не столько, правда, у нас, как в других местах – Таиланд, Африка, Бразилия, но мы дрожали заранее, знали, что скоро и наша очередь. К нам эта штука только подбиралась. Медленно-медленно, ретровирусы – они всегда так. Помню, мы как-то говорили с одним мужиком, у него был уже вирус, этот, который старый, и он потом от него загнулся; так вот, мы с ним вспоминали, как жилось в это клевое, но совсем, к сожалению, короткое время, когда многие люди стали трахаться направо и налево, считая, что в этом нет ничего страшного, никто от этого не пострадает, многие люди, и мужики, и даже женщины. Им-то, женщинам, всегда приходилось беспокоиться, они всегда рисковали подзалететь, а дальше – новый риск, можно умереть при родах, или при аборте, а если все и благополучно, все равно жизнь уже станет другая, не такая, как раньше. А вот в это, про какое я говорю, время и пилюли появились, и прочее, и уколы ото всяких там болезней, и от тех даже, от которых люди гнили и мерли как мухи – раньше мерли. Да, Скутер, времечко было что надо. А потом появляется эта штука, и все опять, как раньше, еще во сто раз хуже. Мы въезжаем в третье тысячелетие, весь мир на хрен меняется, не узнать, в Европе уже начались гражданские войны, а этот самый СПИД все борзеет и борзеет. Ты же знаешь, на кого только вину не сваливали, одни говорили, что это все гомики, другие – что ЦРУ, и еще про американскую армию, про какой-то там форт в Мэриленде. И что какие-то там придурки трахали в жопу зеленых макак и заразились, и от них все и пошло, вот ей-же-ей, так прямо и говорили – и сами тому верили. А ты знаешь, что это было в действительности? Люди. Слишком уж много их стало, Скутер, слишком уж много. Летали хрен знает

куда, а потом возвращались, носились по свету как очумелые. Ну, уж тут-то обязательно кто-нибудь подхватит микроба-другого и привезет домой в подарок. Маленькой стала она, эта долбаная планетка, от любого места до любого – пара часов пути. Вот так мудила этот грешный, Шейпли, тоже прихватил где-то вируса, только у него оказался другой штамм, мутантный, которого можно носить в себе сколько хочешь, и он тебя не убьет. И вообще ни хрена тебе не сделает, только сожрет того, старого. А насчет, что он – Иисус, так хрень это собачья, не верю я и никогда не верил. Я и в самого-то Иисуса не верю.

– А кофе там остался?

– Сейчас, только накачаю примус.

– Видишь, Скутер, эту дырочку в насосе, маленькая такая? Капни туда чуть-чуть масла. У поршня кожаный колпачок, нужно, чтобы он был чуть влажный.

31. С водительской стороны

Пуля прошила стенку, зацепила, наверно, какой-то провод, и зажегся свет. Вторую пулю Шеветта увидела – не пулю, конечно, а то, как в пупырчатой обивке кресла появилось отверстие. Шеветта застыла. Некто, сидящий у нее в голове, медленно и неохотно впитывал два жизненно важных урока. Первое: стреляют. Второе: так вот что такое пуля – это когда сперва дырки не было, а через секунду она есть. И ничего между. Ты видишь, что это случилось, но не успел заметить, как это случилось.

Потом она опустилась на четвереньки и поползла, ведь нельзя же просто так стоять и ждать, пока тебя продырявят. За фут до двери она ухватилась правой рукой за край холодильника и встала. И заглянула в освещенную наружным светом кабину. На полу рядом со скомканными черными брюками поблескивает связка ключей. Серый продолговатый брелок сделан из того же пупырчатого материала, что и пробитое пулей кресло. Коврик между правым и средним сиденьями сплошь изрешечен. Остро пахнет порохом. И гарью, наверное, – вон ведь какие края у дырок, черные и вроде как оплавленные.

И все это время убийца орал. Хриплые бешеные вопли отскакивали от стен и скрытого во тьме потолка, возвращались гулким, многократным эхом. Шеветта прислушалась. Что-то насчет, что они (кто – они?) – лучшая рекламная компания в мире и как они втюхали публике Ханнис Миллбэнк, а теперь втюхают и этот «Санфлауэр». Если только она правильно все разобрала.

– Я здесь, у двери, с водительской стороны.

Райделл. Сидит на корточках, в двух шагах от распахнутой настежь дверцы.

– Он забыл здесь ключи, – сообщила Шеветта.

– Ничего придурок не соображает – вон же куда учесал, к этому павильону, где был «Мир мечты».

– А если вернется?

– Непременно вернется, если мы будем здесь долго валандаться. Слушай, подползи сюда и кинь мне их, ладно?

Шеветта снова опустилась на четвереньки, проползла в дверь, протиснулась между сиденьями. Краем глаза увидела голову Райделла. Подобрала с полу ключи, швырнула их куда-то в направлении дверцы, а затем схватила свои брюки и попятилась назад, в спальню. Торопливо одеваясь, она поймала себя на идиотском желании спрятаться в холодильник. Подтянуть колени к груди, пригнуть, сколько можно, голову и попробовать, а вдруг получится, не такой уж он и маленький…

– А почему бы тебе не лечь на пол? – прервал ее размышления Райделл.

– Лечь на пол?

– Минимальная площадь поражения.

– Чего?

– Он ведь снова начнет стрелять. Вот сейчас, когда я…

Звук запускаемого двигателя. Новые дырки в стекле и дождь мелких бритвенно-острых осколков оказались лучшими доводами, чем любые слова, – Шеветта послушно шлепнулась на пол. Ар-Ви дернулся назад, круто повернул налево и снова замер. Райделл сдавленно ругался, пытаясь найти какую-то нужную ручку или кнопку, а тем временем невидимый великан раз за разом обрушивал на машину мерные сокрушительные удары стотонной кувалды.

Райделл разобрался, наконец, в незнакомом управлении, машина рванула вперед.

Шеветта и сама не заметила, в какой момент она закричала. Ни слов, ничего – просто дикий, истошный вопль.

Машина чуть не опрокинулась на повороте, и Шеветта подумала, что этот огромный Ар-Ви вряд ли предназначен для такой езды. Они мчались все быстрее и быстрее, похоже – куда-то вверх.

– Абзац.

Шеветта успела еще подумать, что голос Райделла звучит совсем обыкновенно, даже скучно, и тут через мгновение они протаранили ворота или что-то еще в этом роде, и это было, как однажды в Лафайет-парке, когда она слишком уж резко тормознула, прижимаясь к обочине, и собралась целая куча народу, и они все объясняли и объясняли ей, как это вышло, что она врезалась головой в бетонку, и она все вроде как понимала, но тут же забывала снова, вчистую.

Она снова была в Скиннеровой комнате, читала в «Нэйшнл Джиогрэфик» статью про Канаду, как распалась та Канада на пять отдельных государств. Запивала соленые крекеры молоком, прямо из картонки. А Скиннер лежал в кровати, смотрел по телевизору один из своих любимых исторических фильмов. Смотрит и комментирует, что вот он смотрит эти фильмы всю свою жизнь и они с каждым годом все лучше и лучше. Как сперва они были еще черно-белые и такие вроде как дерганые, солдаты носились по экрану, как наскипидаренные, и еще это жуткое зерно, и небо все в царапинах. Как постепенно люди стали в них двигаться нормально, без рывков этих и помедленнее, и цвет появился, сперва плохой, а потом – получше, и зерно становилось

все мельче и мельче, и даже царапины куда-то исчезли. И все это, сказал он, дерьмо собачье, потому что каждое такое улучшение – это не то, как все по-настоящему было, а чье-то там личное представление, как оно должно было выглядеть, нажал бы он пару других кнопок, и все было бы так же вот гладко, но совсем иначе. И все равно, добавил он, какая это была потрясуха, особенно сперва, все равно что Билли Холидей, когда слушаешь запись, очищенную от треска и дребезжания.

Билли Холидей – это был такой парень, вроде Элвиса, тоже в костюме с блестками, но только вроде бы помладше и не толстый – так, во всяком случае, представлялось Шеветте.

Скиннер снова сел на своего любимого конька, насчет истории. Как она превращается в пластик – и делается пластичной, податливой. Шеветта слышала все это сто уже, наверное, раз, но она старалась показывать Скиннеру, что внимательно слушает его рассуждения, а то ведь он такой – надуется и замолчит на несколько дней. Потому она оторвалась от фотографии, где ликующие, распаленные девицы размахивали бело-голубыми флагами Квебека, и взглянула на Скиннера, и вдруг увидела, что рядом с ним сидит мама, ослепительно прекрасная, грустная и вроде как усталая – точно такая, какой она бывала, когда вернется с работы, но не успеет еще смыть косметику.

– Он прав, – кивнула мама.

– Мама?

– Прав насчет истории. Насчет, как они ее изменяют.

– Мама, ты…

– Это делали, делают и будут делать, ничего нового в этом нет. Просто фильмы изменились на памяти одного поколения, вот и заметно.

Шеветта заплакала.

– Шеветта-Мария, – сказал напевный, почти позабытый голос. – Ты расшибла голову и потеряла сознание.

32. Фаллонтаун

– Так ты хорошо знаешь этого парня? – спросила Шеветта.

Каждый раз, когда Райделл вдавливал тормозную педаль, раздавался противный скрип стекла. Подмести бы здесь, так для этого нужно останавливаться, а времени нет. И швабры нет. На первый случай он ограничился тем, что подобрал на обочине ржавую гнутую монтировку и начисто вышиб остатки ветрового стекла, а то ведь с этими пробоинами дальше первого дорожного патруля не уедешь.

– Я работал с ним в Лос-Анджелесе.

Он скинул скорость и осторожно обогнул в клочья изодранную покрышку тяжелого грузовика. Черная и чешуйчатая, она валялась на грязном гудроне, как шкура, сброшенная при линьке каким-то чудовищем.

– А то я боюсь, не оказался бы он вроде этой самой миссис Эллиот. Тоже ведь твоя знакомая.

– Да какая там знакомая, – вздохнул Райделл. – Попутчица, перекинулись в самолете парой слов – вот и все знакомство. Ну а если уж Саблетт – подставка, так тогда весь мир – сплошной тайный заговор. Тогда уж мне впору беспокоиться, кто такая, скажем, ты.

Вместо того чтобы беспокоиться, а не прицепил ли Лавлесс – или та же самая миссис Эллиот – к этой таратайке маленький такой, незаметненький маячок? И не приглядывает ли сейчас за ними недреманное око «Звезды Смерти»? А то ведь говорят, что она, «Звезда» эта самая, может прочитать заголовки в газете, а по хорошему, отчетливому следу определит и размер обуви, и фирменную марку.

В свете фар возник деревянный крест футов двадцати высотой с надписью: «НАСТРОЙСЯ» – на перекладине – и: «НА ЕГО ПРИСНОСУЩИЙ КАНАЛ» – на столбе. Там, где полагалось бы быть голове Иисуса, висел древний портативный телевизор. Неизвестные герои успели издырявить экран пулями. Мелкашка или пистолет двадцать второго калибра.

– Похоже, подъезжаем.

Шеветта недоверчиво хмыкнула, взяла с соседнего сиденья бутылку воды, прихваченную на «шелловской» заправке, сделала пару глотков, обтерла ладонью горлышко и протянула бутылку Райделлу.

Райделл прошибал ворота молла в святой надежде сразу же вывернуть на один из главных хайвэев. Снаружи молл выглядел

как невысокий штабель грязно-желтого кирпича, все его окна были заколочены листами жуткого, под цвет вчерашней блевотины, пластика, получаемого термопрессовкой мелко искрошенных отходов. Покрутившись на огромной, отгороженной высоким забором автостоянке, где сейчас не было ничего, кроме нескольких старых, в хлам разбитых машин да каких-то рваных матрасов, он обнаружил покосившиеся, настежь распахнутые ворота, но никакого хайвэя за ними не оказалось.

Никакого, только узкое заброшенное четырехполосное шоссе. В довершение всех радостей одна из лавлессовских пуль прошила навигационный компьютер, карта застыла на центральных кварталах Санта-Аны и полностью игнорировала все попытки вывести на экран что-нибудь более злободневное. Судя по мерзостному запустению, Лавлесс выбрал для своих игр окраину одного из городков, выраставших, как грибы-поганки, на границе обжитых районов с пустыней и заброшенных, обезлюдевших, когда обрушилась евровалюта.

Шеветта Вашингтон свернулась калачиком на полу рядом с холодильником и не реагировала ни на голос, ни на что. Райделл очень боялся, не зацепило ли ее пулей, но не мог этого проверить – останавливаться, не отъехав подальше от молла, было рискованно. Да нет, успокаивал он себя, вырубилась от напряжения, вот и все. И крови нигде не видно.

Миль через десять показалась «шелловская» заправка. «Шелловская» – судя по столбам, на которых крепилась когда-то вывеска. Дверь мужского туалета сорвана с петель, на двери женского висит большой ржавый замок. Кто-то расстрелял попкорновый автомат из автомата крупнокалиберного. Райделл обогнул заправку и увидел самый настоящий старинный трейлер – точно такой же «Эрстрим» был в Тампе у одного из отцовских соседей. Невысокий старик в красном комбинезоне стоял на коленях рядом с тлеющим хибати[37] и помешивал что-то в кастрюльке, рядом с ним сидели два черных Лабрадора.

Райделл заглушил мотор, проверил, дышит ли Шеветта, и выпрыгнул из кабины. Старик встал, распрямился и вытер ладони о комбинезон. Над его лицом нависал длинный, дюймов в девять, козырек оливково-зеленой рыбацкой шапочки, «шелловская» эмблема на левом нагрудном кармане выгорела до полной неразборчивости.

– Ты заблудился? – спросил старик. – Или есть проблемы?

Выглядел он лет на семьдесят с хвостиком. С длинным хвостиком.

– Нет, сэр, никаких проблем, но что я заблудился, так это точно. – Райделл посмотрел на лабрадоров. Лабрадоры смотрели

на Райделла. – Только эти ваши собаки – они, похоже, не очень мне рады.

– Редко видят чужих, – пожал плечами старик.

– Да, сэр, – кивнул Райделл. – Я так и думал, что редко.

– У меня и пара котов есть. Покупаю им всем сухой корм. Коты – те иногда птицу еще поймают, мышку. Заблудился, говоришь?

– Да, сэр, заблудился. Я не знаю даже, в каком мы штате.

– А кто это знает? – презрительно сплюнул старик. – Когда я, сынок, был в твоем возрасте, все это вместе называлось Калифорния, как то и назначено Господом. Теперь говорят, что здесь Южная, но только ты знаешь, что это такое в действительности?

– Нет, сэр. А что?

– Большая куча все того же дерьма. Вроде как баба, обосновавшаяся в долбаном Белом доме.

Старик снял шапочку, достал из кармана засаленный носовой платок, вытер со лба пот и водрузил шапочку на прежнее место. На темной от загара лысине четко выделялись серебристо-белые шрамы. Рак кожи…

– Так ты, говоришь, заблудился?

– Да, сэр. У меня сломалась карта.

– А простую, бумажную, ты понимаешь?

– Да, сэр. Понимаю.

– А что это за чертовщина с ее головой?

Старик смотрел куда-то вдаль, мимо Райделла.

Райделл повернулся и увидел Шеветту. Шеветта сидела на водительском месте рядом с открытой дверцей и смотрела прямо на них.

– Это у нее такая прическа, – неуверенно объяснил он.

– Ну ни хрена себе, – покачал головой старик. – А так ведь была бы вроде как и хорошенькая.

– Да, сэр, – согласился Райделл.

– Видишь эту пачку? Ты сумеешь засыпать чашку толокна в воду, когда закипит, и разболтать, чтобы без комков?

– Да, сэр, – кивнул Райделл, – сумею.

– Ладно, тогда я схожу поищу карту. А Скитер и Уайти посидят здесь, чтобы тебе не скучно было.

– Да, сэр…

ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА.

ТРИ МИЛИ

ПАЛАТКИ НЕ СТАВИТЬ

БЕТОННЫЕ ПЛОЩАДКИ

ВОДА И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ВЫСОКОВОЛЬТНОЕ ОГРАЖДЕНИЕ

БЕСПЛАТНОЕ КУПАНИЕ

ХРИСТИАНСКИЙ ДЕТСКИЙ САД

(лицензия штата Ю. Кал.)

327 СПУТНИКОВЫХ КАНАЛОВ

И крест, на этот раз – высокий, сваренный из ржавых рельсов, набитый старыми телевизорами, огромные бельма потухших экранов слепо уставились на шоссе.

Жаль, что Шеветта спит, такое зрелище пропустила.

Когда Райделл позвонил Саблетту, первый гудок был такой необычный, что он чуть не дал отбой, но это оказалось просто переключение связи на другой номер. Саблетта в Лос-Анджелесе не было, он взял отпуск, чтобы поухаживать за больной матерью.

– Так ты что, в Техасе?

– В Парадизе, Берри. Мама малость прихворнула. Потому, наверное, что она и еще куча наших перебрались в Парадиз, это Южная Калифорния.

– Парадиз?

– Да. На карте его нет, но это очень просто…

Райделл развернул бумажную карту и начал водить по ней пальцем.

– Слушай, – сказал он, получив, наконец, общее представление, где находится поселок, – а что если я к тебе

заеду?

– Так ты же вроде на работу устроился, в Сан-Франциско, – удивился Саблетт.

– Я тебе потом объясню, по телефону неохота.

– Ты знаешь, а на меня здесь бочку катят, – печально сообщил Саблетт. – Апостатом называют.[38]

– Как?

– Апостатом. И все потому, что я показал маме этот кроненберговский фильм. «Видеодром», ты же его вроде видел. И вдруг оказывается, что он от дьявола.

– А я-то думал, что все фильмы от Бога.

– Нет, Берри, есть фильмы, которые точно от Сатаны. Во всяком случае, так говорит преподобный Фаллон. Вот и кроненберговские тоже от Сатаны, все до единого.

– Он что, тоже в Парадизе?

– Нет, помилуй Господи, – почти испугался Саблетт. – Он на этих островах, между Англией и Францией, в старых бункерах. Не может оттуда и носу высунуть, прячется.

– От кого?

– От налогов. А знаешь, Берри, кто их построил, эти бункера?

– Кто?

– Гитлер. С применением рабского труда.

– Никогда не слышал, да у меня и вообще с историей не очень.

Райделлу живо представился этот кошмарный замухрышка с усами вроде черных зубных щеток, как стоит он на большом камне – чтобы за всеми, значит, уследить – и щелкает длинным бичом.

И еще один знак, грубый деревянный щит и надпись от руки, черной аэрозольной краской – никакого сравнения с тем, профессиональным:

ТЫ ГОТОВ К ВЕЧНОСТИ?

ОН ЕСТЬ И ПРЕБУДЕТ!

А ТЫ?

СМОТРИ ТЕЛЕВИЗОР![39]

– Смотреть телевизор? – недоуменно спросила Шеветта. И когда же это она проснулась?

– Фаллониты, они же верят, что Бог вроде как там и находится. В телевидении, во всем сразу.

– Бог в телевизоре?

– Ага. Вроде как на заднем плане, фоном. Саблетт, он отошел от этой Церкви, не знаю только, совсем или не совсем, а мама его, так та страстно верит.

– И они что, смотрят телевизор и молятся, или как?

– Ну, я думаю, это скорее похоже на медитацию. Если пересмотреть все старые фильмы, смотреть их по много раз и внимательно, то на тебя вроде как Дух Святой сойдет, это им так преподобный Фаллон объяснил.

– А у нас в Орегоне есть Новоявленные Арийские Назареи,[40] – сказала Шеветта. – И Первая Иисусова Церковь.[41] И Выживанцы. Злые как собаки, любого, кто не ихний, с дерьмом съесть готовы.

– С такими христианами лучше не связываться, – согласился Райделл.

Ар-Ви перевалил невысокую гряду, и впереди открылся Парадиз, залитый светом уличных фонарей. (Уличных? Улиц в нем не было вовсе.)

Полтора акра земли, обнесенные колючей проволокой. Никакими высокими вольтами и не пахнет, хотя сигнальные ревуны, развешанные по колючке с крохотными, фута по два-три, промежутками, обеспечивают щедро разрекламированному «высоковольтному заграждению» вполне удовлетворительную надежность. Подъездная дорога упирается в приличные ворота со сторожкой, только что тут, собственно, сторожить? Может, они за антенны свои боятся?

Гордый поселок Парадиз состоял из неполной дюжины старых разнокалиберных трейлеров. В самом его центре высилось нечто вроде древней радиобашни, ажурную конструкцию густо усеивали приплюснутые шары из темно-серого пластика – миниатюрные спутниковые антенны, очень современные и очень дорогие. Как там было написано? «Бесплатное купание»? Перегороженный земляной запрудой ручей разлился, образовав нечто вроде лужи, однако вода в ручье сильно смахивала на промышленные отходы, трудно было представить, чтобы кто-то стал купаться в этих помоях бесплатно и даже за деньги.

А вот освещения здесь хватало, даже с избытком, воздух дрожал от тяжелого гула электрогенераторов.

– Мамочки, – сказала Шеветта.

Райделл притормозил у ворот и опустил чудом уцелевшее

стекло дверцы. Секунд через десять из сторожки появился мужик в махровой, ослепительно оранжевой куртке и шапочке того же приятного оттенка.

– Частные владения. – Мужик перехватил поудобнее крупнокалиберную с откидным металлическим прикладом двустволку. – А что это случилось с вашим лобовым стеклом?

– Олень, – небрежно бросила Шеветта.

– Мы тут хотим повидать наших знакомых, Саблеттов, знаете таких? – затараторил Райделл в надежде отвлечь внимание охранника от машины; пулевые пробоины – их ни оленем не объяснишь, ни тюленем. – Саблетты нас ждут, мы договорились, вы только позовите кого-нибудь из них.

– Что-то не очень вы похожи на христиан.

Шеветта перегнулась через Райделла и окинула христианнейшего стража ледяным взглядом.

– Не знаю, кто уж там такой ты, брат, но мы – Арийские Назареи, из Юджина. Нам не очень-то и хочется заезжать внутрь, у вас же тут, говорят, кого только не встретишь – мулаты, полукровки, любое смешение рас. В наши дни, куда ни плюнь, везде расовые предатели.

– Назареи? – с сомнением переспросил охранник. – А чего вы тогда не бритоголовые?

– Шибко умный? – презрительно фыркнула Шеветта. – Ты скажи мне еще, что Христос был евреем. Ты дурак или только притворяешься? Знаешь, что это такое? – она тронула свою голову, короткие шипастые пучки волос.

Охранник растерянно молчал.

– У нас там священные гвозди. Ну что, дошло?

Пора выручать беднягу, подумал Райделл. Вон как побледнел, того и гляди, в обморок хлопнется.

– Слышь, приятель, – лениво бросил он, – так ты позовешь старину Саблетта или как?

Охранник молча повернулся и исчез в сторожке. И чего он, спрашивается, так дрожит?

– Какие еще гвозди? – спросил Райделл.

– Долго рассказывать, – отмахнулась Шеветта. – Это я от Скиннера слышала. Страшные дела.

Дора, Саблеттова мать, пила мексиканскую водку с кока-колой. Пьют и такое, пьют и похуже, но чтобы безо льда, при комнатной температуре… Да и наливалось все это из больших пластиковых бутылок, купленных, судя по внешнему виду, еще до Рождества Христова – может, последнего, а может, и того, самого первого. Водка-то еще и ничего, а вот кока-кола выдохлась

напрочь, ни одного пузырька; по некотором размышлении Райделл решил, что ему и вообще не хочется водки – ни теплой, ни холодной.

В гостиной Дориного трейлера не было ни стульев, ни табуреток, только диван и кресло с откидной спинкой. Дора полулежала в кресле, положив ноги на край столика, – это я, извинилась она, для кровообращения. Райделл и Шеветта примостились на крошечном, чуть побольше банкетки, диванчике, а Саблетт сидел прямо на полу, подперев коленями широкий костлявый подбородок. Гостиная поражала стерильной чистотой, полным – несмотря на изобилие безделушек – отсутствием пыли. Саблетта берегут, догадался Райделл. А украшалок быта было действительно много – картинки и фотографии, декоративные теремки и статуэтки, резные полочки с теми же самыми статуэтками и знаменитые молельные платочки. Ну, крыса крысой, подумал Райделл, взглянув на плоский голографический портрет преподобного Фаллона. Кожу себе на морде подтянул, загар искусственный навел, а все равно как был крысой, так и остался. Большой портрет Джей-Ди Шейпли действовал Райделлу на нервы, его глаза, казалось, все время смотрели на тебя. Самые, нужно думать, любимые в семье вещи, включая портрет Фаллона, группировались вокруг старомодного телевизора – большого, сверкающего хромировкой ящика, разительно непохожего на современные ультраплоские модели. По экрану беззвучно метались герои какого-то черно-белого фильма – громкость Саблетт убрал до нуля.

– А может, вы все-таки выпьете?

– Большое спасибо, – чуть поклонился Райделл, – но мне правда не хочется.

– Джоэлю я не предлагаю, он у нас трезвенник. Аллергия, и никак с ней не справиться.

– Да, мэм, я знаю.

Джоэль? До этого момента Райделл даже и не задумывался, что у Саблетта есть какое-то имя, Саблетт себе и Саблетт.

Одежда Джоэля Саблетта сверкала непорочной белизной – новехонькие белые джинсы, белая футболка, белые нитяные носки и белые одноразовые тапки.

– Джоэль всегда был очень чувствительным мальчиком, мистер Райделл. Один раз он взял у кого-то из других детей волчок, немного пососал ручку – и, вы не поверите, что с ним тогда было, ну прямо рот наизнанку вывернуло.

– Мама, – вмешался Саблетт, – ты забыла, что сказал доктор? Тебе нужно побольше спать.

– Понимаю, Джоэль, понимаю, – вздохнула миссис Саблетт. –

Вы, молодежь, хотите поговорить. И все-таки, – она повернулась к Шеветте, – это просто ужас, что сделалось с твоими волосами, и ведь такая красивая девушка. Но ничего, отрастут они, и все будет как надо. Помню, в Галвестоне еще, я хотела опалить на газе курицу, а плита была старая, никудышная, давно это было, когда Джоэль был совсем еще маленьким, он у нас очень чувствительный, очень, так плита взорвалась, чуть меня совсем не убила. Я тогда только что сделала себе перманент, и от него просто ничего…

Шеветта промолчала.

– Мама, – твердо сказал Саблетт. – Выпила ты вполне достаточно, так что пора бы…

Он помог матери встать и повел ее в спальню.

– Господи, – прошептала Шеветта, – да что это с его глазами?

– Ничего особенного, – пожал плечами Райделл. – Просто повышенная чувствительность к свету.

– Уж больно это выглядит жутко, прямо мурашки по коже.

– Да он и мухи не обидит, – ухмыльнулся Райделл.

Саблетт вернулся в гостиную, взглянул на бегущее по экрану изображение, вздохнул и выключил телевизор.

– Ты знаешь, Берри, а ведь мне запретили выходить из трейлера.

– С чего это?

– Нечто вроде карантина. Я же апостат, а ну как кого-нибудь заражу.

Он примостился на краешке кресла.

– Мне-то казалось, что у тебя с этой дурью покончено, – заметил Райделл.

– Понимаешь, – окончательно смутился Саблетт, – она же больная, уход нужен, вот я и сказал им, что раскаялся, а то бы ведь не пустили. Сказал, что буду медитировать над этим ящиком, и все такие дела. Укрепляться в вере. А потом, – он нервно побарабанил длинными бледными пальцами, – потом они засекли меня с этим «Видеодромом». А ты сам, Райделл, ты видел когда-нибудь Дебору Харри?

Он на мгновение оживился, но тут же вздохнул и поник.

– Как тебя засекли?

– Они могут подключаться и проверять, кто что смотрит.

– Кстати, давно хочу спросить. Чего это вашим на месте не сиделось? Что им в Калифорнии – лучше, что ли?

– Спроси чего полегче, – пожал плечами Саблетт. – Думаю, это как-то там связано с налоговыми заморочками преподобного Фаллона. Последнее время он ни о чем, кроме них, и не думает. А у тебя-то как, Берри? Выгорело что-нибудь с работой?

– Нет, – криво усмехнулся Райделл, – не выгорело.

– Расскажешь? Нет, если это секрет или ты не хочешь…

Райделл рассказал.

– Эта сволота, он же и печку прострелил, – пожаловался Райделл.

Им предстояло ночевать в Ар-Ви, по ту сторону забора.

– Мне нравится твой приятель, – сказала Шеветта.

– Мне тоже.

– Нет, я в том смысле, что он ведь и вправду беспокоится, как у тебя все будет.

– Занимай кровать, – сказал Райделл. – А я устроюсь в кабине.

– Там же и стекла нет. Замерзнешь.

– Ничего, выживу как-нибудь.

– Ложись и ты в спальне, нам же не впервые. Ложись.

Он перекатился на правый бок, чуть не упал с кровати и проснулся. Темно. И никаких звуков, кроме ровного дыхания Шеветты. И скрип кожи – это она пошевелилась под своей гиппопотамовой курткой.

Слушая длинный – и довольно сумбурный – рассказ, Саблетт кивал, время от времени вставлял вопросы; в его зеркальных глазах плавали крошечные отражения Райделла и Шеветты, сидевших бок о бок на диванчике. Потом, когда слушать было уже нечего, он негромко присвистнул и сказал:

– Вот теперь-то, Берри, ты и вправду влип. Крупно влип.

Да уж, не поспоришь.

Он выпростал руку из-под живота и осторожно, чтобы не разбудить Шеветту, ощупал задний карман. Здесь, в бумажнике, лежат все какие есть деньги. Других не предвидится. Деньги и визитная карточка Веллингтона Ма. Вернее сказать, то, что от нее осталось: последний раз, когда он смотрел, кварцевая пластинка была расколота на три куска.

– Крупно влип, – сказал он темноте.

Чуть слышно скрипнула кожа, звякнула молния, и Шеветта прижалась к его спине. И даже не проснулась, судя по дыханию. И хорошо, что не проснулась.

Он лежал и думал, и прошел, может быть, час, и у него начала вырисовываться эта идея. Самая бредовая изо всех, когда-либо приходивших ему в голову.

– Да, кстати, дружок твой этот, Лоуэлл…

Кухня в Дорином трейлере была микроскопическая, двоим и

не повернуться.

– А что Лоуэлл?

– Ты знаешь его телефонный номер?

Шеветта запила кукурузные хлопья молоком, только что приготовленным из порошка. Гнусная жидкость, словно мел разболтанный, но Дора другого не держит. Все Саблетт с его аллергией.

– Знаю, ну и что?

– Да вот решил я с ним поболтать.

– О чем?

– Об одном деле, в котором он мог бы мне помочь.

– Лоуэлл? Тоже мне, помощничка нашел, да он на всех кладет с прибором.

– Зачем спорить? – пожал плечами Райделл. – Вот поговорю с ним, и сразу все выяснится.

– Если ты скажешь ему, где мы находимся, или Лоуэлл сам отследит наши координаты по сотовой сети, он нас сдаст. Если, конечно, поймет, что нас можно сдать, что за нами охотятся.

– Почему?

– А вот такое он говно.

Но в конце концов Райделл получил от нее и телефонный аппарат, и номер.

– Лоуэлл?

– Кто это? Какого хрена…

– Привет, Лоуэлл, ну как там твое драгоценное здоровье?

– Кто дал тебе…

– Только не надо вешать трубку.

– Слушай, ты, зае…

– Полиция Сан-Франциско, отдел расследования убийств.

Пауза. Было слышно, как Лоуэлл глубоко затягивается сигаретой.

– Так что ты там сказал?

– Я сказал, где работает Орловский. Здоровенный мудила со здоровенным шпалером, который вломился тогда в бар. А потом еще свет потух, да ты же помнишь. Я сидел у стойки, беседовал с Билли Говнилой, а потом передвинулся к вам поближе.

Пауза. На этот раз Лоуэлл затянулся послабее.

– Слушай, я не понимаю, чего ты…

– А ты и не обязан ничего понимать. Ты можешь просто взять и повесить трубку. А потом можешь смело вешаться сам, на ближайшем крюке. Ведь ты же видел, как Орловский пришел туда за девушкой, верно? А ему это не понравится. Он же пришел туда не от полиции, а сам от себя, как частное лицо, если только эту

жопу с ушами можно назвать лицом. А Орловский, надо тебе сказать, офицер очень серьезный. Серьезный, как рак матки.

Пауза. Без затяжек.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Не понимаешь, так слушай. Слушай внимательно, и ты все прекрасно поймешь. Я скажу Орловскому, что ты его видел. Дам ему твой номер – и твой, и этого бритоголового. Скажу, что вы треплетесь о нем направо и налево. И знаешь, Лоуэлл, что он тогда сделает? Он найдет тебя и пристрелит. И никто ему не помешает. Убойный отдел – это тебе не шуточки. А потом он сам же и займется поисками твоего убийцы, не знаю уж точно, найдет или нет. Серьезный мужик, этого у него не отнимешь.

Лоуэлл закашлялся. Прочистил горло. Сплюнул.

– Это ведь шутка, да?

– А чего же ты не смеешься?

– О'кей, – сдался Лоуэлл, – будем считать, что все на полном серьезе. Ну и что тогда? Чего ты от меня хочешь?

– Говорят, ты знаешь людей, которые всякое там умеют. С компьютерами и со всяким там.

Щелкнула зажигалка, Лоуэлл раскуривал новую сигарету.

– Ну, – неохотно протянул он, – вроде того.

– Держава Желаний, – добавил Райделл. – Я хочу, чтобы ты попросил их оказать мне некую услугу.

– Только без имен и названий, – всполошился Лоуэлл. – Есть система сканирования, вылавливающая из телефонных разговоров…

– «Они». Пусть будут «они», о'кей? Так вот, я хочу, чтобы ты попросил их оказать мне некую услугу.

– Их услуги стоят, ой, как дорого, – заметил Лоуэлл. – Так что будь готов заранее.

– А я-то тут при чем? – удивился Райделл. – Это ты будь готов.

Он дал отбой, захлопнул телефон и пошел к трейлеру. Пусть старина Лоуэлл пораскинет мозгами, проверит список гражданских служащих, убедится, что Орловский действительно работает в отделе расследования убийств.

В трейлере было холодновато – Дора упорно врубала кондиционер на полную катушку.

Саблетт сидел на диванчике, печально уставившись в пол. Белая одежда придавала ему сходство с художником, или там со скульптором, только художники всегда замызганные, а Саблетт сверкал чистотой.

– Ты знаешь, Берри, я подумал и решил вернуться в Лос-

Анджелес.

– А как же твоя мама?

– Ну, тут недавно приехала миссис Бейкер из Галвестона, помнишь, я тебе рассказывал? Они же соседки, подружки, знакомы не знаю уж сколько лет, так что миссис Бейкер будет даже рада за ней поухаживать.

– Надоело быть апостатом?

– Еще бы. – Саблетт не очень дружелюбно покосился на голографического Фаллона. – Ты не думай, Берри, я все так же верую в Господа и ничуть не сомневаюсь, что видел Его лик на экране, в этом отношении преподобный Фаллон прав. Ну а все остальное… не знаю, но мне кажется, что все остальное – хрень собачья.

Саблетт поднял на Райделла серебряные, полные муки глаза; казалось, еще секунда – и он разрыдается.

– А еще, Берри, я все думаю и думаю про «Интенсекьюр». Про все, что ты мне вчера рассказывал. Ну как могу я вернуться к ним на работу, если знаю, какими делами они занимаются? Ведь я же считал, что помогаю людям, защищаю их хоть от какой-то малой доли вселенского зла, а тут вдруг выясняется, что все это время я работал на абсолютно аморальную фирму.

Райделл подошел к телевизору и начал разглядывать молельные платочки. Интересно, который из них спасает от СПИДа?

– Нет, – сказал он через пару минут, – ты должен вернуться на работу. Ты, действительно, защищаешь людей, в этом нет никакой фальши. И тебе нужно зарабатывать на хлеб.

– А как же ты?

– Что – как же я?

– Они выследят тебя и убьют. И тебя, и ее.

– И тебя тоже, если узнают о наших разговорах. Зря я сюда приехал, да что уж теперь плакаться. Просто нам с Шеветтой нужно линять, и поскорее, чтобы не впутать в это дело тебя и твою маму.

– Нет, – качнул головой Саблетт, – что бы ты там, Берри, ни говорил, на них я работать не буду. Но и здесь я тоже не останусь. Надоело.

Райделл вспомнил упрямого техасца в полной интенсекьюровской форме, нашивки, глок и все дела, и в тот же момент эта бредовая идея вроде как вздрогнула, перевернулась, открыв глазу свои новые, совершенно неожиданные стороны. Ты что, хочешь еще одного человека затащить в дерьмо по самые уши? – спросил кто-то, прятавшийся в его мозгу. Это просто нечестно.

– Саблетт, – сказал Райделл через минуту, – я бы мог предложить тебе такую работу, о какой ты, скорее всего, никогда и не думал.

– Какую? – заинтересовался Саблетт.

– Влипнуть на пару со мной.

33
Записная книжка

Рис
Кухонные мочалки
Швабра
Моющий раствор
Спальный мешок
Топливо для примуса
Масло, поршневой колпачок

Сейчас он спит. Рис и карри с таиландского лотка. Спрашивал, куда делась девушка. Сказал ему, что она звонила Фонтейну, неизвестно откуда. Почему ушла и когда вернется – тоже неизвестно. Револьвер на полке. Трогать его не хочется (холодный, тяжелый, пахнет оружейным маслом, на выступах ребристого барабана и по краям ствола воронение стерлось, обнажив тусклый, серебристый металл. «СМИТ И ВЕССОН». Томассон). Перед сном он снова говорил о Шейпли.

А что его замочили, так это, Скутер, чистое паскудство, то же паскудство, что и всегда и везде. Такая вот гнусь, посмотришь и думаешь, ну какого хрена эти долбаные религии существуют так долго, да и вообще, откуда они взялись на нашу голову. Вот и с ним будет то же самое, мудаков всегда хватает, и пойдут они мочить людей и будут считать, что ради него, скажут, что ради него, а там разбирайся, как хочешь. Ты не знаешь, наверное, а были такие психи, почитатели Распятого Христа, так они даже не разговаривали, кроме как в понедельник, а в понедельник они знаешь что делали? Шли и выкапывали одну лопату земли из могилы, каждый из своей. А время от времени кто-нибудь из них решал, что на него сошел Дух, вот тогда они это и делали, все честь по чести, специальными хромированными гвоздями, которые у них всегда при себе были, на шее в мешочке, обязательно из кожи нерожденного ягненка, только так. Кой хрен, да они ж были еще психованнее тех, что его замочили. Где-то после девяносто восьмого их и вообще не осталось, поубивали друг друга – и дело с концом, не знаю уж, куда делся последний.

34. Звонок из рая

– «Полостная операция», вот как он называется. Талита Морроу, Тодд Проберг, Гэри Андервуд, девятьсот девяносто шестой.

Миссис Саблетт лежала в кресле с холодным компрессом на лбу. Вчетверо сложенная тряпка – из точно такой же ткани были сшиты ее шлепанцы – начинала уже подсыхать.

– Нет, не видела, – сказала Шеветта.

Она перелистывала журнал, чуть ли не целиком посвященный преподобному Фаллону.

Бывшая эта артистка, Гудрун Уивер, стоит на какой-то сцене, облапила Фаллона сзади и улыбается. А если бы лицом к лицу, подумала Шеветта, то его нос уперся бы ей в ключицу или чуть пониже. А кожа у него розовенькая и гладкая, как на парафиновых фруктах, которыми украшают витрины, – может, и ему парафин впрыснули? Розовый. И волосы тоже жуткие, вроде короткого парика, но только это такой парик, что того и гляди слезет с головы и пойдет прогуляться.

– Там все вертится вокруг телевидения, – объяснила миссис Саблетт. – Ты понимаешь, насколько это важно для Церкви?

– А про что он?

– Талита Морроу, она телевизионный репортер, а Тодд Проберг – грабитель, банки грабит. Только он хороший грабитель, деньги ему нужны не на что-нибудь там, а чтобы сделать жене пересадку сердца. Кэрри Ли, ее-то ты наверняка знаешь. Поздняя роль, когда она достигла уже полной артистической зрелости. Эпизодическая, но очень яркая. Ну так вот, Гэри Андервуд, они были когда-то с Талитой и разошлись, но он все еще по ней сохнет – даже чересчур. У него эта – как там это слово? – эротомания, он вообще ни про что больше и не думает, и это толкает его на жуткие поступки. Он посылает ей непонятные, угрожающие вещи, сперва порубленные «барби», затем – дохлый белый кролик, кружевное белье с пятнами крови…

Понесло старушку. Еще в раннем детстве Шеветта научилась отключать внимание, чтобы не слушать материнских нотаций, сейчас она сделала то же самое. Интересно, о чем это они на кухне перешептываются? Не иначе что-то задумали.

Большая синеватая муха взлетела с одной из резных полочек, описала по комнате круг и уселась на телевизор. Вялая она какая-то, сонная, тоже небось страдает от холода, ну как же можно врубать кондиционер на такую температуру?

Да нет, сказала себе Шеветта, и ничего я в него не втюрилась,

просто он диво как похорошел, когда умылся, побрился, достал из своей дурацкой сумки все чистое и переоделся. И ведь что интересно, одежда оказалась точь-в-точь такая же, как и раньше. Может, он никогда другой и не носил. А вот задница у него ничего себе, аккуратная. Вот и Саблеттовой матери тоже понравился, ну прямо, говорит, как молодой Томми Ли Джонс. А может, и не в этом даже дело, а в том, что он вроде хочет устроить Лоуэллу веселую жизнь, только вот как у него это выйдет? Совсем недавно Шеветта считала, что все еще любит Лоуэлла или что-то в этом роде, а теперь вдруг выяснилось, что нет. Вот если бы не «плясун» этот проклятый, тогда бы еще неизвестно. А этот-то, и вспомнить страшно, в какого буйного психа превратила его одна ложка этой дури. Она спросила тогда у Райделла, может, он и вообще от такой дозы сдохнет, а Райделл сказал: нет, маловато, попсихует-попсихует и очухается, но вот ломка будет такая, что не позавидуешь. Еще она спросила, почему это Лавлесс лупил себя по яйцам, и тут Райделл почесал в затылке и сказал, что точно не знает, но это что-то такое с нервной системой, что эта дурь вызывает приапизм – так, по крайней мере, говорят. Тогда она спросила, а что такое приапизм. Ну, сказал Райделл, это, ну, вроде, когда мужчина перевозбужден. Она никогда о таком не слыхала, но ведь точно, все сходилось, вот, значит, почему у Лоуэлла иногда бывало, что встанет колом и ни в какую, не опадает и все тут. Оно бы вроде и ничего, и даже хорошо, но только Лоуэлл в таких случаях зверел, и все кончалось тем, что все у нее насквозь болело, а он еще крыл ее последними словами, прямо на глазах этих парней, с которыми он тусовался, вроде того же Коудса. Ладно, пусть Райделл делает с этим типом все, что хочет, беспокоиться нужно о Скиннере, жив ли старик, кто за ним ухаживает. Она не звонила больше Фонтейну, боялась и, когда Райделл куда-нибудь звонил, тоже боялась, а вдруг звонок перехватят, узнают откуда. А с велосипедом и вообще хоть плачь, ведь точно сделали ему ноги, точно, даже проверять не стоит. Гибель Сэмми и пропажа велосипеда огорчали Шеветту примерно в одинаковой степени, хотя она никогда бы себе в этом не призналась. А тут еще Райделл говорит, что и Найджела вроде бы ранили, а может, и убили…

– И тогда Гэри Андервуд вываливается из окна и попадает прямо на забор – ну, знаешь, такой, с шипами наверху…

– Слышь, мама, – укоризненно сказал Саблетт, – ты же совсем замучила Шеветту.

– Я просто пересказываю ей «Полостную операцию». – Миссис Саблетт обиженно замолчала и сдернула со лба окончательно

высохшую тряпку.

– Тысяча девятьсот девяносто шестой, – машинально отрапортовал Саблетт. – Прости, мама, но она нам нужна, дело есть небольшое.

– Только знаешь, Берри, – сказал он, пройдя следом за Шеветтой на кухню, – не стоило бы ей выходить наружу, а уж днем и тем более.

Шеветта взглянула на свое запястье. Узкий синеватый стальной ободок – не знаешь, так можно подумать, что это и вправду браслет, для красоты. Слава еще богу, что второго нет – Райделл разжился по дороге керамической ножовкой и перепилил цепочку под корень. Два часа работы, без обеда и перекуров.

А сейчас Райделл сидел за кухонным столиком – и упорно стоял на своем.

– Ты, Саблетт, не можешь выйти наружу из-за своего апостатства. А я не хочу идти в одиночку. Ну, представь себе, надел я эту штуку на голову, ничего вокруг не вижу и не слышу, а тут вдруг появляются его родители. Или он сам подслушает.

– Слушай, Берри, – взмолился Саблетт, – да позвони ты им по нормальному телефону.

– Рад бы, да не могу, – развел руками Райделл. – Они этого не любят. Он сказал, что, если связаться с ними по этой ВР-штуке, они хотя бы выслушают меня, а иначе – никак.

– Да о чем это вы? – не выдержала, наконец, Шеветта.

– У одного из Саблеттовых приятелей есть аппарат с наглазниками.

– У Бадди, – кивнул Саблетт.

– Бадди?

– Ну да, Бадди, звать его так,[42] – пояснил Саблетт. – Только эта штука считается вроде как богохульством, нарушением церковных законов. Преподобному Фаллону было откровение, что виртуальная реальность – от дьявола, ведь если ею увлечешься, так потом телевизор меньше смотришь.

– Но сам-то ты этому не веришь, – заметил Райделл.

– Бадди тоже не верит, – вздохнул Саблетт. – Только если папаша узнает про наглазники, он открутит ему голову.

– Так ты позвони ему, – сказал Райделл, – и все объясни. Две сотни наличкой плюс стоимость связи.

– Но ведь тогда ее люди увидят. – Саблетт покосился на Шеветту, залился густой краской и торопливо отвел глаза.

– Это в каком же смысле они меня «увидят»?

– Да вот прическа у тебя… – окончательно смутился Саблетт. – Необычная. Они же в обморок все попадают.

– Вот две сотни, как я и обещал, – сказал Райделл. – И когда, говоришь, вернется твой отец?

– Часа через два, не раньше. – Бадди осторожно, словно боясь обжечься, взял протянутые Райделлом деньги. – Там сейчас заливают фундамент под топливные элементы, церковный вертолет уже вылетел за ними в Финикс. – Круглые, как пуговицы, глаза воровато стрельнули в сторону Шеветты.

Соломенная шляпка с широкими мягкими полями, купленная миссис Саблетт в каком-то незапамятном году, плюс огромные солнечные очки с широкой лимонно-желтой оправой – в этом наряде Шеветта чувствовала себя пугалом огородным. Она ободряюще улыбнулась мальчику, чем смутила его еще больше.

– А вы оба друзья Джоэля?

Сквозь короткую, почти под корень, стрижку любителя виртуальной реальности просвечивала розовая кожа, его верхнюю губу оттопыривала металлическая скобка для выправления зубов, по тонкой, цыплячьей шейке нервно прыгал огромный, чуть не в кулак размером, кадык.

– Из самого Лос-Анджелеса?

– Да, – кивнул Райделл.

– Я… я т-тоже хочу т-туда уехать.

– Молодец. – Райделл потрепал его по плечу. – Верной идешь дорогой. Так вот, ты подожди снаружи, а если кто-нибудь появится – ты ей сразу свистни, Шеветте.

Бадди послушно вышел из крохотной комнаты и прикрыл за собой дверь. Ну, прямо не верится, подумала Шеветта, что здесь живет мальчишка. Все чистенько, аккуратно, даже на постерах не попсовые звезды, а Христос и Фаллон. Я бы на его месте не то что в Лос-Анджелес, к черту на рога сбежала. А почему в этой живопырке так душно? Вот уж вспомнишь Саблеттов трейлер.

Она с наслаждением сняла шляпу.

– Так вот, – сказал Райделл, беря со стола пластиковый шлем, – ты сидишь на кровати, а если что – щелкаешь этим выключателем, видишь – мальчонка все приготовил.

Он сел на пол, надел шлем, затем натянул специальную, для работы в виртуальной реальности, перчатку.

Обтянутый перчаткой палец быстро набрал номер на невидимой клавиатуре и замер. Затем Райделл попросил, чтобы сразу после звонка ему сообщили, на сколько он наговорил.

Прошло несколько секунд.

– Ну, поехали. – Райделл набрал в воздухе новый номер. Номер, полученный от Лоуэлла. Затем сжал руку в кулак. Покачал ею из стороны в сторону, словно передвигал какую-то рукоятку. Опустил на колени.

Теперь он крутил головой, словно осматриваясь в незнакомом месте. Перестал крутить. Увидел, наверное, что-нибудь.

– О'кей, – сказал Райделл.

Нет, не ей сказал, не Шеветте, а куда-то туда, голос у него был странный, почти незнакомый.

– О'кей, так есть здесь кто-нибудь или нет?

Шеветте стало страшно.

– О! – сказал он и чуть повернул голову. А потом уже не сказал, а почти вскрикнул:

– Мамочки!

35. Держава желаний

В Ноксвилле, школьником, Райделл увлекался «Мирами Мечты». Франчайзинговая фирма, купившая у японцев эту игру, приспосабливала под нее самые разные помещения – опустевшие кинотеатры, старые магазины, большие секции моллов. Даже заброшенный кегельбан, но там Райделлу не очень понравилось – узкий такой, очень длинный коридор, вроде бы и интересно, но только гнется все, искажается, особенно если двигать объекты побыстрее.

Играть там можно было по-разному, только мало кто этим разнообразием пользовался, ноксвиллские ребята предпочитали стрелялку. Берешь в руки пару пистолетов и палишь себе во всяких мерзких злодеев, они отстреливаются, а в конце тебе показывают результат, кто кого больше продырявил. ИОК, который в Академии, в нем разрешение повыше да и колорита побольше – крови, кишок всяких, а так – стрелялка стрелялкой.

Райделл тоже иногда постреливал, но больше всего он любил то место, где ты вроде как лепишь вещи из ничего, из облачка пикселей, или многоугольников, или кто уж они там такие, и ты видишь, как другие занимаются тем же самым, и может, даже соединяешь свое творение с чьим-нибудь еще, если, конечно, и ты этого хочешь, и он. Женское рукоделие – посмеивались другие ребята, хотя какое же оно женское, ведь девочки единорогов лепят, радуги по небу выкладывают и все такое, а он, Райделл, строил экспериментальные автомобили, как взаправдашний японский конструктор, тут и сравнивать даже нельзя. Хочешь сохранить свои творения – закажи распечатку, а если в динамике, то и кассету. Девицы, так те прямо обожали колдовать над своими собственными снимками – прическу поменяют, нос подправят, еще что-нибудь, а самые лучшие варианты выводят на печать, прямо тебе пластическая хирургия без ножа и топора.

Недоделанные красавицы кучковались обычно в самом дальнем конце, а Райделл работал поближе ко входу – изображал каркас, формовал из зеленых, полупрозрачных полотнищ корпус, затем накладывал цвет и текстуру, еще раз подправлял обводы…

Да бог с ними, с машинами этими. Войдя в Державу Желаний, Райделл сразу же вспомнил пространство «Мира Мечты» – не то, в котором ты строишь автомобиль или там что-то другое, а наружное, то, что вокруг. Если отвлечешься от работы и начнешь оглядываться, то все вроде бы в порядке, но как только сосредоточишься, появляется странное такое ощущение, будто стоишь на краю мира, над обрывом, а дальше ничего нет, не

просто ничего, а даже пространства – и того нет.

И стоишь ты уже не на полу старого кинотеатра или там кегельбана, а на стекле, на стеклянной такой равнине, и ты не видишь, конечно, что у тебя за спиной, но точно знаешь, что распростерлась эта равнина на тысячи миль и нет ей конца.

Здесь, в Державе Желаний, все было вроде и так же, и совсем не так. Когда логотип телефонной компании исчез и Райделл оказался на стеклянной равнине, он невольно сказал: «О!» – потому что отчетливо видел ее края, и равнина эта словно висела в пустоте, а вокруг нее колыхалось нечто неопределенное, то ли туман, то ли облако, то ли дымка, и было это оно никакого цвета и всех цветов сразу, призрачное такое мерцание.

А затем появились эти огромные, выше всего на свете фигуры, стеклянная равнина висела на уровне их… груди, что ли, хотя какая же у них грудь? И они смотрели на Райделла сверху, словно на муравья или там на игрушку детскую.

Один из них был похож на тиранозавра, только его короткие передние лапы заканчивались не когтями, а чем-то вроде пальцев. А рядом – гора с человеческими чертами. Широкое бесстрастное лицо, обрамленное растафарианскими косицами, полуприкрытые веки – и все это бурый, изборожденный расселинами камень, мелкий кустарник и мох. И еще плотная, слежавшаяся глина – из нее сформованы косицы.

Затем Райделл перевел глаза на третью фигуру и сказал: «Мамочки».

Такая же огромная, как и две предыдущие, она состояла из бесчисленных телевизоров, даже не телевизоров, а телевизионных изображений, слитых воедино и непрерывно меняющихся. Калейдоскопический экран мерцал миллионами цветов, от попытки присмотреться к какому-нибудь его участку повнимательнее кружилась голова, звуковое сопровождение сплеталось в нечто, отдаленно похожее на рокот водопада, в шум, который не был шумом, в звук, который не был звуком.

– Добро пожаловать в Державу, – улыбнулся динозавр.

Из его кошмарной пасти звучал голос веселой, очаровательной женщины, огромные зубы были обточены в форме храмов и пагод. Райделл вгляделся в искусную резьбу, какую-то долю секунды она была видна отчетливо, но затем дрогнула и расплылась.

– У тебя не больше тридцати процентов необходимой частотной полосы, – сказала гора с растафарианскими косичками голосом горы с растафарианскими косичками. – Ты находишься в Кей-Ти-пространстве и…

– Может, эмулятор вырубить? – предложил голос,

смодулированный из рокота телевизионного водопада.

– Лишние хлопоты, – проворковал динозавр. – Не думаю, чтобы это был серьезный разговор.

– Фамилия, имя, – сказала гора.

Райделл неуверенно замялся.

– И страховочный, – динозавр прикрыл пасть ладонью и зевнул, – номер.

Райделл вспомнил вечные рассуждения отца, что обозначала «страховка» прежде и что – теперь; кого теперь, от чего и как страхуют, присваивая человеку при рождении этот самый номер.

– Имя и номер, – сказала гора, – или мы уходим.

– Райделл, Стивен Берри. – А затем – цепочка цифр.

– Ясненько, – кивнул динозавр. – Бывший полицейский.

– Мамочки, – ужаснулась гора.

Кого-то она Райделлу страшно напоминала.

– Бывший – и безо всякой надежды на будущее, – добавил динозавр. – Затем работа в «Интенсекьюре».

– Вляпался, сердечный. – Гора ткнула в сторону Райделла – рукой? лапой? Гранитная, поросшая мхом клешня заслонила половину неба, словно идущий на посадку космолет. – Крутой облом?

– Да уж куда там круче, – согласился телевизионный водоворот. – Впервые вижу, чтобы Лоуэлла волновали чужие проблемы. Более того, он даже не сказал нам твоего имени.

– Не знает, вот и не сказал.

– Кули валять да к стенке приставлять – это дело он знает туго, а больше – ни хрена, ха-ха-ха, – ответила гора издевательски сэмплированным голосом самого Райделла. Тот попытался заглянуть горе в глаза, увидел на мгновение пару голубых озер, кусты, рыжеватого зверька, стремительно несущегося по склону… Картина расплылась и пропала. – Лоуэлл и ему подобные воображают, что мы нуждаемся в них больше, чем они – в нас.

– Изложи суть своего дела, Стивен Берри, – сказал динозавр.

– В Бенедикт-Каньоне было некое происшествие…

– Да, конечно, – прервал его динозавр, – и ты сидел за рулем. Но при чем здесь мы?

Только теперь Райделл осознал, что динозавру, да и остальным тоже, доступны все его досье – полицейское, интенсекьюровское, любое; что они просматривают эти материалы прямо сейчас. Странное было ощущение.

– Так вы что, в файлы мои залезли?

– И не нашли там ничего интересного. – Динозавр снова прикрыл рот рукой, но зевка не получилось. – Бенедикт-Каньон?

– Ну да, – сказал Райделл. – Это ваша работа.

Гора приподняла брови. Вздрогнули и поползли вверх чахлые, прибитые ветром кусты, лавиной посыпались стронутые с места камни, но Райделл этого почти не замечал.

– Строго говоря, это не совсем так. Мы придумали бы что-нибудь более изящное.

– Но зачем вы это сделали?

– Если тебе так уж важно, кто именно задумал и организовал это скандальное происшествие, – вмешался динозавр, – поинтересуйся супругом темпераментной леди. Он успел уже подать на развод, имея к тому весьма основательные причины.

– Так он что, нарочно ее подставил? И уехал нарочно, и садовника подговорил?

– Теперь я понимаю, с чего это Лоуэлл стал таким добреньким, – заметила гора.

– Так что же вам нужно, мистер Райделл? – пророкотал Телевизор. – Вы так ничего и не сказали по существу.

– Работу примерно того же рода. Я хочу, чтобы вы сделали такое еще раз. Для меня.

– Ох, Лоуэлл, Лоуэлл…

Гора сокрушенно покачала головой. Покатились вырванные из косичек комья глины, склон окутался пылью.

– Вы забываете, – заметил динозавр, – что работы подобного рода опасны. А опасная работа стоит весьма дорого. А у вас, мистер Райделл, нет ни гроша за душой.

– А что если вам заплатит Лоуэлл?

– Лоуэлл не заплатит. – На огромном непроницаемом лице змеились и переплетались миллионы изображений. – Рассчитался бы за старое, и то спасибо.

– Ничего страшного, не заплатит Лоуэлл – заплатят другие. – Райделл и сам не понимал, вранье это или не совсем вранье. – Только вы должны выслушать меня. Всю историю, от начала до конца.

– Нет, – сказала гора. Только теперь до Райделла дошло, кто послужил образцом для ее внешности. Этот мужик, которого показывают иногда в исторических программах, изобретатель наглазников или какой-то там еще хрени. – Нам обрыдли халявщики – можешь, кстати, передать это Лоуэллу.

Гиганты начали блекнуть, рассыпаться на крошечные цветные пятнышки, первичные атомы виртуального мира; Райделл терял их, терял навсегда.

– Подождите, – крикнул он. – Есть среди вас кто-нибудь из Сан-Франциско?

– А что, если да? – из расплывчатого, почти утратившего форму облака материализовался динозавр.

– И он вам нравится?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что он изменится, и очень скоро. Нашлись желающие переделать его по образу и подобию Токио.

– Токио? – телевизионный водоворот принял на этот раз форму бешено вращающегося шара. – Кто тебе сказал?

– В Токио не больно-то развернешься, – заметила вернувшаяся из небытия гора.

– Выкладывай, – коротко бросил динозавр.

Что Райделл и сделал.

Шляпу Шеветта уже надела, а очки держала в руке. Покачивала очками и смотрела, как Райделл снимает шлем, вытирает со лба пот, кладет шлем на крошечный столик.

– Не врубилась я что-то в идею, – сказала она. – Крыша у тебя съехала, вот это уж точно. Вместе с карнизом.

– Очень может быть, – согласился Райделл. – Сколько там, кстати, с меня.

Оказалось, что изрядно. Остатков наличности едва хватило.

– На кой ляд было через Париж? – пробормотал он.

– Спроси чего полегче, – сказала Шеветта и встала.

36. Записная книжка (2)

Залитый солнцем город, с крыши этой крошечной, прилепившейся к устою коробки. Люк открыт. Слышно, как Скиннер перебирает свое имущество. Медленно наполняет картонный ящик предметами, которые я должен отнести вниз, туда, где торговцы старьем раскладывают свой товар на вытертых одеялах и грязных, насквозь промасленных кусках брезента. Осака далеко. Ветер приносит обрывки песни, стук молотка. Сегодня утром Скиннер поинтересовался, видел ли я в штейнеровском аквариуме щуку.

– Нет.

– Она не двигается, Скутер. Совсем не двигается.

Жаль, что я не поговорил с Фонтейном сам. Так он точно ничего больше не сказал? И он нашел велосипед? Плохо это, очень плохо. Она ж без велосипеда не может. Жопу до костей стерла, пока заработала. Он из бумаги склеен, внутри. Японская конструкционная бумага, как она там называется? Ни хрена ты, Скутер, не знаешь. Это ж твой долбаный язык. Забываешь его еще быстрее, чем мы… Трубки из этой бумаги, затем их покрывают арамидом или чем там. А она, она, думаешь, все так и оставила? Хрен там. Приволокла его как-то домой и три часа напыляла фальшивую ржавчину. Фальшивую ржавчину, ну вот ты, Скутер, ты можешь себе такое представить? И тряпьем старым оклеивала, раму, все подряд. Чтобы не выглядел новым. Вообще-то от этого больше толку, чем от замков и всей этой хрени, точно больше. Знаешь, Скутер, как взломать криптонитовый замок? Домкратом от «вольво». Вольвовский домкрат подходит тик-в-тик, ну как нарочно подгоняли. Качнуть раза два – и пиздец котенку. Ими больше не пользуются, замками этими. А некоторые люди их все еще любят. Вон там лежит один такой, вон, посмотри… Я ее считай что нашел, на помойке подобрал. Они уже решили отвезти ее на тележке к концу моста, пусть город с ней разбирается. Да мы, говорят, и довезти ее не успеем, помрет раньше. А давитесь вы, говорю, конем, имел я вас в рот и в ухо. Затащил ее сюда, наверх. Сумел как-то. Почему? Потому. Вот ты увидишь, как человек умирает, так что, пройдешь мимо, словно это по телевизору?

37. Сенчури-сити

Шеветта не понимала, нравится ей Лос-Анджелес или нет.

Но уж пальмы-то эти, это уж точно дикость.

По пути в город Саблеттов электромобиль чуть не полчаса тащился следом за огромным белым трейлером с надписью «ЖИВЫЕ ИНСТАЛЛЯЦИИ, НАНОТРОННАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ» по боку, вот там-то Шеветта и увидела эти деревья – зеленые, обернутые прозрачным пластиком верхушки, торчащие из кузова.

Вообще-то она видела их и раньше, по Скиннерову телевизору, передача была специальная, как их сажают на место настоящих, погибших от мексиканского вируса. Они, деревья эти фальшивые, они вроде магнитной дороги, заменившей мост, или вроде тех зданий, которыми «Санфлауэр» хочет застроить Сан-Франциско, все эти штуки вроде как растут, но не как трава растет, а просто потому, что у них внутри крошечные такие механизмы. В той передаче все хвастались, как здорово эти деревья сконструированы, и что в них даже могут жить всякие птицы и крысы, и всякие там разные, которые жили в настоящих, которые засохли. А Скиннер тогда рассказал, как он раз впилился на джипе в настоящую пальму, это здесь же, в Лос-Анджелесе, и было, и сверху, из веток на капот шлепнулись крысы, штук десять, и они постояли на капоте несколько секунд, стоят себе, и все, а потом все-таки испугались и убежали.

Лучше там или хуже, но что Лос-Анджелес совсем не такой, как Сан-Франциско, это уж точно. Расхлюстанный он какой-то, всего много и все раскидано как попало, а с другой стороны – сразу понимаешь, что прикоснулся к чему-то большому – и все эти горы на горизонте, и еще энергия, которая вот прямо чувствуется, как течет сквозь город, зажигает его, освещает. А может, это все потому, что приехали они сюда ночью, может, днем бы все совсем по-другому казалось.

Машина у Саблетта была маленькая, белого цвета, со странным названием «Монтксо» – слово это было написано на приборной доске, Шеветта удивлялась на него всю дорогу от Парадиза до Лос-Анджелеса, а потом Саблетт сказал, что произносится оно «Мончо», в рифму с пончо. Сделали «Мончо» в Европе, в Барселоне, и обращаться с ним было совсем просто – подключи к домашней сети и жди, пока батареи там или что зарядятся. Скоростью машинка эта не отличалась, сорок миль в час и не больше, но Саблетт предпочитал ее всем другим из-за своей аллергии. Получается, сказала Шеветта, что электромобили ну прямо для тебя придумали, и что бы ты без них делал? И

Саблетт начал тогда жаловаться, как он боится теперь электромагнитных полей, ведь от них и рак бывает, и всякое.

Они оставили Саблеттову мать под присмотром миссис Бейкер, только никто из них в тот момент ни за кем не присматривал: они смотрели по телевизору «Космического охотника» и были до крайности возбуждены – ведь это же первый фильм Молли Рингуайлъд! Да хоть бы и последний, подумала тогда Шеветта. Вот каждый раз так – восторга море, а хрен поймешь из-за чего.

Она взглянула на свое запястье; яркая эпоксидка и горстка цветного бисера (слава богу, миссис Саблетт увлекалась когда-то рукоделием) превратили наручник вроде как в фенечку… Говно это, а не фенечка. Ладно, переживем, уж лучше говенная фенечка, чем самый роскошный наручник.

А Райделл как сел в машину, так и прилип к телефону, попросит иногда Саблетта остановиться, сбегать за свежими батарейками, и чешет языком дальше.

Шеветту вроде как тревожило такое невнимание, а ведь в мотеле они снова спали вместе – и снова ничего не произошло, хотя ведь никто не мешал, Саблетт лег прямо в машине на разложенных сиденьях.

А он, Райделл, все разговаривал и разговаривал с этими Лоуэлловыми дружками, с Державой Желаний, теперь они не возражали против обычного телефона, а еще он пытался послать кому-то сообщение по голосовой почте. Странная какая-то фамилия. Ну да, мистер Ма. Только сообщение это вроде как никто не принял, и тогда он снова позвонил этим «Желанным» и сказал им, что вот так, не получается, а потом пересказал всю историю с начала до конца, все, что с ним и с ней случилось, а те, Держава, все записывали, чтобы протолкнуть потом в почту этого мистера Ма. И они обещали стереть все остальное, что там ему успели написать, чтобы Райделлово письмо было одним-единственным, уж тогда-то он, мистер Ма, точно его заметит.

На окраине Лос-Анджелеса Саблетт свернул к мотелю, и Шеветта очень обрадовалась; по рассказам матери эти заведения представлялись ей в самом радужном свете. На практике мотель оказался чем-то вроде трейлерного поселка, только без трейлеров – россыпь маленьких бетонных домиков, поделенных на совсем уже крошечные комнатушки. В растрескавшемся, сто лет как пересохшем плавательном бассейне иностранцы готовили на костре мясо, Шеветте запах даже понравился, но Саблетт впал в черную тоску, начал говорить, что ему нельзя, чтобы какие-то углеводороды и еще что-то, а Райделл сказал: ничего, одну ночь потерпишь. Затем он, Райделл, сходил к иностранцам, поговорил

с ними немного, вернулся и сказал, что это тибетцы. Мясо у тибетцев получилось вкусное, но Саблетт отказался даже пробовать, пожевал взятую с собой еду, желтоватые такие брикеты, с виду точно как мыло, и по вкусу, наверное, тоже; так он пожевал этих брикетов, запил дистиллированной водой из бутылки и пошел к своему «Мончо» спать.

А теперь Шеветта чуть не дрожала от страха, входя в этот самый Сенчури-Сити-П, а дрожать было нельзя, никак нельзя – опытный курьер, спешащий к адресату с письмом, выглядит независимо и даже нахально. Сенчури-Сити-второй – это дом не дом, неизвестно даже, как назвать, зеленоватая такая штука, вроде сиськи и на трех подпорках, только подпорки эти не снаружи, а внутри, а снаружи их тоже видно, потому что стенки там стеклянные или еще какие, в общем – прозрачные. Огромная штука, больше всего, что есть в городе, а Райделл называет се просто «Пузырь».

И внутри тоже шикарно, вроде как в Чайна-Бейзин, и люди такие же – такие, каких видишь в финансовом районе, или в моллах, или когда работаешь на доставке.

Шеветта хорошенько вымылась, благо душевая в мотеле работала, и значки курьерские прицепила, и все равно это место действовало ей на нервы. Деревья и деревья, вся эта гигантская пустотелая подпорка усажена изнутри деревьями, словно лес какой, только не нормальный это лес, не горизонтальный, а наклонный, круто уходящий вверх, и свет, сочащийся сквозь прозрачные стенки, тоже странный, мутно-зеленый, как болотная вода. А посреди – эскалатор, в милю, наверное, длиной, и она стоит на нем и едет куда-то вверх, а вокруг эти здешние, и ей так все и кажется, что они косятся на нее и думают: а эта-то как сюда попала? Райделл сказал, что тут есть и лифты, в двух других подпорках, и кабины там поднимаются наискось, вроде как эта, у Скиннера, желтая корзина, но Саблеттов друг сказал: лифтами не стоит, уж там-то интенсекьюровские рентакопы каждого с ног до головы осматривают, бдят.

Шеветта знала, что Саблетт где-то сзади, во всяком случае, они так договорились. Райделл только подвез их ко входу, а внутрь не пошел. Она спросила: а куда ты теперь, а он сказал: да вот съезжу, фонарик возьму. Райделл нравился ей все больше и больше – и это ее тревожило. И она задавалась вопросом – а каким бы был он, Райделл, в другой ситуации, не в такой, как эта, и еще – а какой бы была она сама, не влипни она в эту самую ситуацию?

Удачно это вышло, что и в Сенчури-Сити интенсекьюровская охрана – Саблетт связался с каким-то своим приятелем и все

разузнал. Аккуратно разузнал, осторожно, ну словно хочет он попросить у фирмы перевод на новую работу, а потом они с Райделлом обсудили все и решили, что она, Шеветта, вполне может проникнуть внутрь, особенно если Саблетт будет прикрывать ее сзади.

Плохо вот только, что Саблетт ведет себя по-дурному, ну, прямо, словно не операцию проводит, а в петлю лезет. Выслушал программу, Райделлов, значит, план, и словно отрешился от всего земного, ну, прямо, блаженненький какой-то. Говорит все про свое апостатство, про любимые фильмы и еще про какого-то Кроненберга. Не нервничает, не дергается, ведет себя абсолютно спокойно, только вот спокойствие у него какое-то беспокойное, тревожное, в общем, спокойствие, словно знает человек, что скоро умрет, и вроде как с этим примирился, жалуется иногда на аллергию, а больше ни на что.

Зеленый свет. И все вокруг зеленое.

Там же, в мотеле, они соорудили этот пакет. В пакете очки. Адресат – Карен Мендельсон.

Шеветта на мгновение зажмурилась, представила себе, что скажет Банни, если она сорвет доставку (скажет? да он голову напрочь открутит!), и нажала кнопку.

– Да? – спросил компьютер.

– «Объединенная курьерская», для Карен Мендельсон.

– Доставка?

– Она должна расписаться.

– Я имею полномочия расписываться штрих-кодом…

– Подпись от руки. Я обязана видеть, как она расписывается, понятно?

Пауза.

– Что в пакете?

– А я их что, вскрываю по дороге или что?

– Что в пакете?

– На нем, – сказала Шеветта, – написано: «Суд по делам о наследстве», доставлен из Сан-Франциско. И если вы, мистер Волшебник, не откроете дверь, он туда же и вернется, ближайшим авиарейсом.

– Подождите, пожалуйста, – сказал компьютер.

По обеим сторонам двери стояли в кадках деревья – не какие-нибудь там чахлые прутики в горшочках, а большие и вроде бы самые настоящие. Шеветта не видела Саблетта, но знала, что он где-то там, за этой зеленью.

Между корней одного из деревьев валялся окурок.

Дверь приоткрылась.

– Да?

– Карен Мендельсон?

– В чем дело?

– «Объединенная курьерская», Сан-Франциско. Распишитесь в получении.

Только вот корешка, где расписываться, нету.

– Сан-Франциско?

– Тут так написано.

Дверь открылась чуть побольше. Темноволосая женщина в светлом махровом халате. Глаза женщины скользнули по значкам «Объединенной». Проверяет.

– Я не понимаю, – сказала Карен Мендельсон, – обычно мы пользуемся услугами «Глобэкс».

– Наша фирма доставляет гораздо быстрее, – сказала Шеветта.

Из-за деревьев вышел Саблетт в черной интенсекьюровской форме. Шеветта увидела в серебристых контактных линзах два своих маленьких, искривленных отражения.

– Миссис Мендельсон, – сказал Саблетт, – тут возникла небольшая проблема, связанная с безопасностью. Чрезвычайные обстоятельства.

– Чрезвычайные? – поразилась Карен Мендельсон.

– Не беспокойтесь. – Саблетт протолкнул Шеветту в дверь, мимо Карен. – Ситуация находится под контролем. Благодарю вас за оказанное содействие.

38. Чудесная миля

Уломать «Уолли» Дивака оказалось совсем просто, хотя в первый момент серб воспринял просьбу Райделла без малейшего энтузиазма.

– Я отдам фонарик сегодня, крайний срок – завтра, а заодно подыщу для тебя в «Интенсекьюре» что-нибудь серьезное, – беззастенчиво врал Райделл. – Что-нибудь такое профессиональное. Ну, скажем, телескопическую дубинку с тазерным наконечником.

Уолли относился к полиции с чрезмерным обожанием, подстать тринадцатилетней соплюхе, визжащей от восторга на концерте провинциальной рок-группы. Он любил теплое ощущение сопричастности, связанное со всем «профессиональным», и, подобно большинству своих сограждан, не проводил никакого различия между настоящими копами и наемными. Дом на Мар Виста находился под охраной; к вящей радости Райделла, на предостерегающей табличке стояло название какой-то мелкой, малоизвестной фирмы. «Интенсекьюр» был для Уолли недоступной роскошью, так же как и новая машина. К слову сказать, он называл свою машину не «подержанная», а «обкатанная», словно первоначальный ее владелец был этаким батраком, укротителем диких, необъезженных автомобилей.

Но зато кополюбивый серб являлся полноправным хозяином не только домика с нежно-голубой пластиковой обшивкой и синтетическим газоном (пластик очень походил на крашеное дерево, а газон выглядел даже лучше настоящего), где жили Райделл и Кевин, но и двух других. Сестра Уолли бежала из охваченной беспорядками Сербии в тысяча девятьсот девяносто четвертом, а сам он – чуть позже. Уолли не тосковал по родине. Он говорил, что Америка – прекрасная страна, вот ограничить бы только иммиграцию.

– Что это у тебя за машина? – спросил Уолли с верхней ступеньки крыльца.

– «Мончо», – объяснил Райделл. – Испанский электромобиль, из Барселоны.

– Не забывай, что ты живешь в Америке, – поучительно сказал Уолли; его седые волосы были гладко зачесаны назад, на узком, покатом лбу поблескивали бисеринки пота. – Ну как же можно ездить на такой таратайке?

Рядом с домиком стоял аккуратный, чуть не языком вылизанный «БМВ»; доставая фонарик, Уолли потратил добрые

пять минут на выключение охранной системы. Райделл вспомнил тот случай, когда ноксвиллская бригада по борьбе с наркотиками решила проверить новенькие, только что полученные уоки-токи. Тогда (было это в аккурат под Рождество) разом взвыли тысячи автомобильных сирен – неудачная радиоволна стронула все охранные системы в радиусе десяти миль.

– Почему? – удивился Райделл. – Это же очень хорошо для экологии страны.

– Это плохо для имиджа страны. Американец должен покупать автомобиль, вызывающий уважение. Баварский, в крайнем случае – японский.

– Спасибо, Уолли. – Райделл взмахнул длинным черным фонариком. – Скоро верну.

– С довеском, ты обещал.

– Раз обещал, значит, сделаю.

– И за квартиру заплати.

– Обращайся к Кевину, это по его части.

Он забрался в крохотный «Мончо», включил мотор и стал ждать, пока разгонится маховик. Уолли пожал плечами, махнул на прощание рукой и прикрыл за собой дверь. Прежде Райделл ни разу не видел его без всегдашней тирольской шляпы.

Райделл осмотрел фонарик, пытаясь разобраться, где у него предохранитель и где спуск. Не бог весть какое оружие, но на сегодня хватит. А что не смертельно, так это даже хорошо. Обзавестись стволом проще простого, в Лос-Анджелесе этого добра навалом, но если повяжут с оружием – припаяют больше.

На обратном пути к Пузырю Райделл вел машину медленно и осторожно, не нарушая никаких дорожных правил, и держался по возможности улиц, на которых были специальные полосы для электромобилей. Достав из бардачка Шеветтин телефон, он набрал номер в Юте, полученный от Пожирателя Богов еще в Парадизе, при первом разговоре. Пожирателем Богов представился тот, который гора. «А что это за имя такое?» – поинтересовался Райделл, и тогда Пожиратель сказал, что он – чистокровный индеец. Врал, наверное.

Да какие там имена, у них голоса и те ненастоящие, цифровое моделирование. Вполне возможно, что Пожиратель Богов – женщина или трое разных людей. Или наоборот, все эти трое – гора, динозавр и телевизор, – все они – один-единственный человек. Райделл вспомнил «Когнитивных диссидентов», женщину в инвалидном кресле. Это могла быть она. Это мог быть кто угодно, в том-то и штука с этими хакерами.

Гудок, другой… Где-то там, в Юте, звонил телефон. Как и всегда, Пожиратель поднял трубку посередине пятого гудка.

– Да?

– Парадиз, – сказал Райделл.

– Ричард?

– Никсон.

– Все в порядке, Ричард, твой заказ выполнен. Осталось последнее маленькое усилие.

– Вы можете назвать цену?

На светофоре вспыхнул зеленый. Отчаянные гудки сзади – какого-то торопыгу достала полная неспособность «Мончо» быстро брать с места.

– Пятьдесят, – сказал Пожиратель Богов.

Пятьдесят тысяч долларов! Райделл болезненно сморщился.

– О'кей, – сказал он. – Цена нормальная.

– Еще бы не о'кей. – Райделл представил себе косую ухмылку на гранитном лице горы. – А то ведь мы можем устроить тебе веселенькую жизнь, даже в тюрьме. Не «даже в тюрьме», а «тем более», там жизнь и сама по себе веселая, а с нашей-то помощью…

Это уж точно, подумал Райделл. Где-где, а в тюрьме-то у тебя дружков хватает.

– Вы можете оценить время реакции, хотя бы примерно? Как быстро появятся они после моего звонка?

Пожиратель Богов рыгнул, громко и беззастенчиво. Обожрался богами?

– Быстро. Минут через десять, максимум пятнадцать. Мы устроили все точно так, как и договаривались, эти ваши приятели навалят в штаны. Да и сам ты держись подальше, тут же будет такое, что ни в сказке сказать. Это у них новая, только что организованная бригада.

– Хотелось бы надеяться, – сказал Райделл и выключил телефон.

Райделл дал смотрителю автостоянки правильный номер квартиры – ну какой тут смысл врать? Перед тем как выйти из машины, он засунул фонарик за брючный ремень, сзади, и накинул на плечи джинсовую куртку, позаимствованную у Бадди. Судя по размеру, куртка принадлежала не Бадди, а его папаше. Отдам, сказал Райделл, в Лос-Анджелесе, а заодно подыщу тебе там какую-нибудь работу. Он очень надеялся, что мальчишка передумает, останется дома, ведь сколько раз бывало, что не успеет такой вот Бадди отойти от автобусного вокзала, как нарвется на шустрого городского хищника. Сверкнут волчьи зубки, хлопнет дверца, закрутятся колеса – и все, остались от козлика рожки да ножки. А с другой стороны, если войти в его

положение… Ну что у мальчишки за жизнь в этой комнатушке метр на два, оклеенной благочестивыми постерами? Одна в жизни радость – виртуалку посмотреть, так и то приходится ночью, крадучись, чтобы папаша, упаси Фаллон, не засек. Если не сделать хоть одну попытку вырваться из этого болота – ну как ты будешь потом смотреть себе в глаза?

А Саблетт молодец – это какую же надо иметь смелость, чтобы уйти вот так, в никуда, да еще с аллергией этой.

Неладно с ним, с Саблеттом. Не время сейчас думать о посторонних вещах, но ведь он, псих этот несчастный, совсем какой-то квелый стал. Двигается как во сне, ни на что внимания не обращает, ну разве что на аллергию.

А еще Райделл думал о Шеветте, о полоске белой кожи между черными велосипедными лосинами и футболкой, когда она лежала на кровати, лицом к стенке, и как он все хотел потрогать эту полоску, но так и не потрогал.

И соски, проступавшие сквозь футболку, когда она села и потянулась, и еще – темный завиток под мышкой. А ведь в ближайшие полчаса может произойти любое, вот упекут тебя за решетку, и кусай тогда локти, что упустил свой шанс, а если пристрелят, так и еще обиднее будет.

Прямоугольная головка хитроумного фонаря болезненно впивалась в позвоночник. Райделл свернул направо, к кофеварке, заказал чашку с двойным коньяком, расплатился последними своими деньгами и взглянул на часы. Без десяти три. Прошлой ночью он позвонил из мотеля по личному, не внесенному ни в какие справочники номеру Люциуса Уорбэйби и обещал перезвонить завтра – то есть сегодня – ровно в три.

Пожирателю Богов абсолютно безразлично, внесен номер в справочник или не внесен. Пожиратель Богов может узнать любой номер.

В голосе Уорбэйби звучала глубокая, неподдельная скорбь. Обида и разочарование.

– Мы и подумать не могли, что ты выкинешь такой фортель.

– Простите великодушно, мистер Уорбэйби. А все эти долбаные русские. И этот еще, ковбой хренов, Лавлесс. Ну, достали меня эти суки, вот я и сорвался.

– То же самое можно было бы выразить, не прибегая к непристойным выражениям. Кто дал тебе этот номер?

– Эрнандес, еще тогда, раньше.

Молчание.

– Мистер Уорбэйби? Очки все еще у меня.

– Где ты находишься?

Шеветта Вашингтон лежит на кровати, в ее глазах

беспокойство.

– В Лос-Анджелесе. Не нравятся мне эти русские, чем дальше от них, тем лучше.

Снова молчание. Очень похоже, что Уорбэйби прикрыл трубку рукой. Десять секунд молчания, пятнадцать…

– Я понимаю твое поведение. Не одобряю, но понимаю. Вполне возможно, что и я бы на твоем месте…

– А вы не могли бы приехать сюда и забрать их? И будем считать инцидент исчерпанным.

Новая пауза. Долгая. Очень долгая.

– Да, Райделл, да, я могу приехать. Только… – вздох, словно вобравший в себя все скорби мира. – Только не хотелось бы, чтобы ты забыл, как ты меня расстроил.

– Но только чтобы без посторонних, вы и Фредди, и никого больше, хорошо?

– Разумеется.

Райделл представил себе, как Фредди отчаянно молотит по клавиатуре какого-нибудь нового лэптопа, затем поднимает голову, виновато смотрит на своего шефа и пожимает плечами. Проверка по телефонной сети не дала ровно ничего. Звонок пришел с оклендской подстанции, а туда – с «пиратского» подключения.

– Мистер Уорбэйби, вы успеете сюда к завтра, да? Тогда я позвоню вам по этому же номеру и назначу место встречи. Ждите звонка в три ровно.

– Вот сейчас, Райделл, ты поступаешь совершенно правильно, – сказал Уорбэйби.

– Хотелось бы надеяться, – сказал Райделл и выключил телефон.

Райделл подул на горячий кофе, сделал осторожный глоток, взглянул на часы. Ровно три. Он поставил чашку на стойку, вынул телефон и набрал номер Уорбэйби.

Они приехали через двадцать минут, в двух машинах, с двух противоположных направлений. Черный «линкольн» с белой спутниковой антенной на крыше и потрепанная серебристо-серая «Лада», наверное, прокатная. С водительского места «линкольна» вышел Фредди. Он покрутил зачем-то головой, обошел машину, открыл правую заднюю дверцу и подал боссу руку. Орловский и Шитов выскочили на мостовую одновременно и дружно хлопнули дверцами. После короткой – секунд десять, не больше – беседы вся четверка вошла под Пузырь, миновала кинетические скульптуры и направилась к ближайшему лифту. Уорбэйби выглядел точно так же, как и прежде, – то же оливковое пальто,

тот же стетсон, та же самая бронебойная трость, та же самая скорбная рожа, зато Фредди щеголял новой рубашкой, выдержанной в ядовито-розовых тонах, и новым компьютером, однояйцевым близнецом старого. Русские вышли на дело в серых, со стальным отливом костюмах. Интересно, они костюмы выбирали под цвет машины или наоборот?

А Лавлесса нет как нет.

И ждать больше нельзя. Пора звонить в Юту.

Райделл набрал номер.

– Господи спаси и помилуй, – пробормотал он, отсчитывая гудки.

– Неужели кофе плохой? – всполошился чернявый азиатский парнишка, заправляющий кофеваркой.

– Все в порядке, – сказал Райделл и тут же услышал голос Пожирателя Богов.

– Да?

– Парадиз.

– Это Ричард?

– Никсон. Они здесь. Четверо, без Юмориста.

– Двое русских, Уорбэйби и этот, его помощничек?

– Все, как один.

– А последнего нет?

– Я его не видел…

– Неважно, в пакете описание всех пятерых. О'кей, Райделл, начинаем.

Щелчок. И короткие гудки.

Райделл сунул телефон в карман и почти побежал к эскалатору, оставив кофеварщика в тоске и недоумении.

Пожиратель Богов и его дружки – если только это разные люди, а не какая-нибудь, скажем, престарелая оклендская леди с аппаратурой на пару миллионов и скверным характером, – так вот они (будем считать, что они) поражали Райделла своим уникальным идиотизмом. Они – если верить их же словам – могли сделать абсолютно все. Но почему же тогда всемогущие эти люди вынуждены прятаться и зарабатывать деньги преступным путем?

Компьютерная преступность не входила в программу Академии отдельным предметом, а в двух обзорных лекциях пережевывались по преимуществу старые, любому ребенку известные факты. История того, как появились однажды на свете хакеры, такие себе хитрожопые ребята, хулиганившие не на улицах, а в телефонной сети. «Строго говоря, – сказал лектор, заезжий фэбээровец, – любое преступление, относившееся прежде

к „беловоротничковым“, неизбежно превращается в компьютерное, так как в наше время все конторские операции осуществляются через компьютер. Не следует путать этот вид правонарушений со все еще сохранившимися компьютерными преступлениями в старом смысле слова; если в первом случае нам противостоят жуликоватые чиновники и бизнесмены, то во втором – профессиональные преступники, называющие себя по старой памяти хакерами.

Рядовой гражданин, – продолжал фэбээровец, – все еще видит хакеров в романтическом свете. Веселые, безобидные шутники, вроде ребят, перетаскивающих ночью дощатый загородный сортир на новое место. В старые дни многие люди даже и не подозревали, что у них в хозяйстве есть сортир, который можно куда-то там перетащить, а потом окунались в говно по самые уши и начинали вопить. – Он сделал паузу. Курсанты послушно рассмеялись. – Теперь все переменилось, – продолжил федерал. – Современный хакер ничуть не романтичнее, чем боевик героинового картеля или тупой качок, выколачивающий долги из потребителей „плясуна“. И поймать его несравненно труднее. Средний хакер очень быстро колется на допросе – нажми чуть посильнее, и он выдаст всех своих сообщников. К сожалению, эти ребята переняли у террористов систему конспиративных ячеек, ячейки объединяются в группы покрупнее и так далее. В результате улов почти всегда ограничивается членами одной ячейки, они просто не знают, кто состоит в других ячейках, не знают и не желают знать.»

Практически наверняка Пожиратель и его приятели, сколько уж их там есть, составляют одну из многих ячеек так называемой Державы Желаний. И они выполнят заказ (если это действительно входит в их намерения) по трем причинам. Первое. Они не хотят перестройки Сан-Франциско, предпочитая его теперешнюю щелястую инфраструктуру. Второе. Они надеются получить с заказчика весьма приличные деньги – деньги, которых у него нет. И третье. Они намерены сделать нечто такое, чего никто и никогда прежде не делал. Судя по всему, именно третья причина является главной, именно она поддерживает в них необходимый для столь сложной операции энтузиазм.

Сейчас, шагая вверх по ступенькам эскалатора, чувствуя на себе недоуменные взгляды людей, то ли живущих, то ли работающих в этом то ли доме, то ли городе, сдерживая себя изо всех сил, чтобы не перейти на бег, Райделл почти уже не верил, что Пожиратель Богов сотоварищи действительно сделают то, что обещали сделать. А если не сделают? Тогда все, полный пиздец.

Да нет, успокаивал он себя, почему же не сделают? Сделают,

непременно сделают. Где-то там, в Юте, параболическая антенна развернулась к Тихоокеанскому побережью, нацелилась в калифорнийское небо. И с нее срываются эти упаковки – нет, пакеты сигналов. Пожиратель всегда говорит «пакеты» – кто их там, интересно, пакует.

А где-то здесь, над Пузырем, над лос-анджелесским бассейном, висит «Звезда Смерти».

До верха оставалось метров тридцать; Райделл протиснулся мимо седовласого джентльмена в снежно-белом теннисном обмундировании и рванул бегом. Вот он, бронзовый сосок. Люди входят и выходят из этого хитрого молла, в фонтане бьются и переливаются рваные полотнища зеленоватой воды. Две широкие серые фигуры уверенно шагают в направлении жилого комплекса. Не озираются, не ищут дорогу, идут прямо к нужной квартире. Великий Люциус и верный его соратник куда-то запропастились.

Три тридцать две.

– Вот же мать твою, – сказал Райделл. Ну, вот он и есть, тот самый пиздец. Ни хрена у этого пожирателя говна не вышло, а раз так, то Шеветта погибла, и Саблетт – тоже, и даже Карен Мендельсон, которая вообще здесь сбоку припека. Ну что, доигрался? Смелый ты мужик, чуть что – «была не была» и вперед, на танки. Вот больше и не будешь, никогда.

И в этот момент с юга, со стороны кортов для игры в мяч, появились непонятные угольно-черные предметы. Штук десять, а то и больше. Предметы проскользнули сквозь узкую щель в стеклянной стене и стали быстро приближаться. И все это – почти беззвучно.

Игроки в мяч провожали их недоуменными взглядами.

Вертолеты, вот что это такое. Маленькие беспилотные вертолеты огневой поддержки, хорошо знакомые по телерепортажам из Мехико. Гордость французской государственной компании «Аэроспасьяль». И можно ручаться, что управляет ими ЭККС, Экстренная командно-коммуникационная система. «Звезда Смерти» тоже находится под контролем ЭККС, это, так сказать, глаза, а теперь вот и руки появились. Один из вертолетов проскользнул совсем близко, футах в двадцати, над головой; Райделл отчетливо различил стволы то ли пушек, то ли ракетных пусковых установок.

Будущее «Интенсекьюра» виделось в очень мрачном свете.

– ЭКСТРЕННАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Со стороны молла донесся истошный женский вопль.

– СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

И в большинстве своем обитатели этой подоблачной страны

вели себя весьма достойно, никто из них не шарахался, не суетился, не пытался спрятаться.

Райделл сорвался с места.

Три вертолета снизились до высоты человеческого роста и хищно нацелились на сан-францисских копов. Шитов замер с отвисшей челюстью, половинковые очки Орловском го съехали на кончик носа, еще секунда – и упадут.

Райделл обогнал русских.

– НА ПОЛ, ЛИЦОМ ВНИЗ. БЫСТРО, ИЛИ МЫ СТРЕЛЯЕМ.

Но и эта угроза не произвела ни малейшего впечатления на стройных, подтянутых, по преимуществу белокурых небожителей. Кто с ракеткой в руке, кто с покупками, упакованными в темный глянцевый бумажный мешок, они стояли и смотрели. Смотрели на вертолеты. Смотрели на опрометью несущегося Райделла. В их холодных глазах не было ни тени испуга, только умеренное, хорошо сдерживаемое любопытство и какая-то малоприятная жесткость.

А вот Фредди послушно выполнил приказ бестелесного голоса – плюхнулся на гранитные плиты тротуара ничком и прикрыл голову драгоценным своим компьютером.

Хрен с ним, с Фредди.

– СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Немолодой, отошедший от дел господин устал сидеть в четырех стенах, вышел погулять, присел на чугунную скамейку и который уже час безучастно созерцает текущую мимо жизнь, самая обычная для городских улиц фигура. Уорбэйби поднял голову и взглянул на Райделла.

– ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Судя по металлической тросточке, прислоненной к боковине скамейки, у господина неладно с ногами. Уорбэйби взялся за трость, начал медленно ее поднимать.

Пиздец, мелькнуло в голове у Райделла. Дырка будет больше головы.

– СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Но бесконечно скорбный Уорбэйби лишь тронул концом трости поля стетсона, салютуя Райделлу.

– БРОСАЙ ЭТУ ПАЛКУ.

Громовой голос полицейского, засевшего в каком-то подземном бункере Восточного Сити-холла и управляющего крошечным вертолетом с помощью аппарата телеприсутствия.

Уорбэйби медленно пожал плечами и откинул трость в сторону.

Райделл стрелой пролетел сквозь распахнутые ворота и бросился к двери Карен Мендельсон. Дверь была приоткрыта. На

пороге стояли Карен и Шеветта. Удивленные, широко распахнутые глаза делали их похожими друг на друга.

– В комнату! – заорал Райделл.

Нуль реакции. Стоят и пялятся.

– Прячьтесь!

Из-за стоявшего рядом с дверью дерева вышел Лавлесс. На Лавлессе была серебристая спортивная куртка. Темные, не в тон коже нашлепки микропористого пластыря, густо усеявшие его лицо, казались пятнами проказы или экземы, левая рука на перевязи, правая поднимает тот самый пистолет. И улыбка – тоже та самая.

– Ах ты сучий потрох! – завизжала Шеветта. – Убирайся!

Пистолет почти уперся Шеветте в голову, позолоченная улыбка исчезла. Вместе с улыбкой исчезли и губы, прежде Райделл этого не замечал. Исчезли, будто их и не было совсем.

– НЕ ДВИГАЙТЕСЬ, – напомнил вертолетный голос, но Райделл уже вскинул полученный от Уолли фонарик.

Лавлесс так и не успел выстрелить. Перечный газ сделал с ним примерно то же самое, что аллергия делала с Саблеттом, только в десять раз хуже и во сто раз быстрее.

– Придурок, идиот, псих ненормальный!

Глаза Карен Мендельсон заплыли, превратились в узкие щелочки, Шеветта выглядела еще хуже – им обеим досталось по небольшой дозе перечного аэрозоля. Саблетт не пострадал – узнав о химической атаке, он залез в кладовку и собирался сидеть там до победного конца, пока не осядут последние микроскопические капли.

– Да ты, придурок, ты сам-то хоть понимаешь, что ты наделал?

Райделл сидел в белом «ретроагрессивном» кресле, наслаждался заслуженным отдыхом и слушал, как орут за стенкой вертолеты. Позднее он узнает, что Держава Желаний представила Уорбэйби и остальную компанию как бомбистов-наемников, работающих на Сонорский Фронт Независимости.[43] Нехорошие эти люди натаскали в квартиру Карен Мендельсон взрывчатку в количестве вполне достаточном, чтобы оторвать сосок от сиськи и забросить его аж в Малибу.[44] Чтобы спецназ действовал не слишком размашисто, Пожиратель Богов и его дружки придумали какую-то историю с заложниками. Выдумка помогла – но только на первое время. Настоящие, безо всяких там вертолетиков, спецназовцы устроили обитателям квартиры веселую жизнь; не будь Карен юристкой из знаменитого телешоу «Копы влипли», дело могло бы дойти и до членовредительства; чуть позднее на сцене появился Персли со своей командой, и

обстановка разрядилась окончательно.

Вскоре выяснился очень интересный момент: ДПЛА и не думал признаваться, что какие-то там хакеры взломали «Звезду Смерти». Тревожный сигнал был получен от неизвестной личности по телефону – копы заявили это с самого начала и твердо стояли на своем. Они были готовы спустить дело на тормозах, закрыть глаза на самые подозрительные обстоятельства – все что угодно, лишь бы не пострадала репутация наисовершеннейшего из полицейских спутников.

Но это все потом, а пока Райделл сидел в кресле, слушал руготню Карен, проникался понемногу идеей, что да, он, конечно же, идиот, но ей нравятся такие идиоты. И еще думал о «Фольклорном КошмАрте» и о той, как ее там, женщине. Вот именно – как ее там. Как ее там берут в оборот лихие стражи порядка. Дело в том, что Пожирателю Богов потребовался лос-анджелесский номер телефона, с которого вроде бы и пришла липовая информация. Райделл не хотел давать номер Кевина, а другого у него не было, он порылся в бумажнике и нашел обрывок «Пипла» с номером «КошмАрта», и сказал этот номер Пожирателю.

А затем пришла Шеветта и спросила, с трудом шевеля раздувшимися от перца губами: так что же получается, удалась эта штука или все-таки пиздец? Райделл сказал, что да, удалась, и нет, не пиздец, и тут вломились копы и так круто взялись за дело, что иногда уже казалось – а может, все-таки пиздец, ну а потом явился во всем своем великолепии Аарон Персли с такой мощной командой, что на каждого спецназовца получилось по два юриста и еще свободные остались, а еще через пару минут пришел Веллингтон Ма в нежно-голубом блейзере с золотыми пуговками.

Вот так-то вот и вышло, что Райделл сподобился лицезреть великого человека.

– Познакомиться с клиентом – величайшее для меня удовольствие, – сказал Веллингтон Ма и протянул руку.

– Очень рад с вами познакомиться, мистер Ма, – сказал Райделл.

– Я не буду спрашивать, что вы сделали с моей голосовой почтой, – сказал Веллингтон Ма, – но очень надеюсь, что это было в последний раз. Я прослушал ваш рассказ с огромным, огромным интересом.

Райделл вспомнил Пожирателя и подумал: а вдруг Ма и Карен станут возникать из-за тех пятидесяти тысяч? Да нет, вряд ли, вон ведь Аарон Персли два уже раза говорил, что сюжет получится куда сильнее, чем тот, с «медведями-шатунами», и Карен трещала без умолку, что какая, значит, телегеничная у

Шеветты внешность и как «Крутой Коран» в лепешку разобьется, лишь бы получить заказ на саундтрек.

И Веллингтон Ма сам, лично, заключил контракты с Шеветтой и Саблеттом, правда, Саблетт так и не захотел вылезать из кладовки, сунули ему бумаги в щель, он расписался и вернул через ту же щель.

За это время, пока Саблетт и Шеветта держали Карен взаперти и следили, чтобы она не исхитрилась нажать какую-нибудь там интенсекьюровскую сигнальную кнопку, Шеветта успела рассказать ей, считай, всю историю, от начала до конца. Карен, конечно же, разбиралась в этих ВС-очках, умела просматривать заложенный в них материал, так что теперь она знала о «Санфлауэре», или как он там называется, во сто раз больше всей остальной компании, вместе взятой. И она все говорила Персли, что это настоящий динамит, что тут же можно прижать к ногтю этого Коди дважды долбаного Харвуда, нужно только нигде не лопухнуться, а его, ублюдка этого долбаного, давно пора прищучить.

А вот Райделл так ни разу и не посмотрел, что же там за картины такие в этих очках, а сейчас уже было не до того, возникали проблемы поважнее.

– Мистер Персли?

– Да, Берри?

– А что с нами будет?

– Ну, – Персли подергал себя за подбородок, – для начала тебя и двоих твоих друзей арестуют.

– В тюрьму?!

– Да. – Персли взглянул на массивные золотые часы. В тех местах, где часы крепятся к браслету, красовались две большие цельные пластинки бирюзы, цифры на циферблате были выложены мелкими бриллиантиками. – Минут через пять. Первая пресс-конференция начнется около шести. Это как, удобно или вы хотите сперва поесть? Позвоните тогда в доставку, закажем что-нибудь.

– Но ведь нас арестуют.

– Залог, Берри. Освобождение под залог – вам знакомо такое понятие? Завтра утром вы снова будете на свободе.

– Ну а потом, мистер Персли? Что будет потом?

– Берри, – широко ухмыльнулся Персли, – ты вляпался. Ты – коп. Ты – честный коп. И ты вляпался. Вляпался по уши, в на редкость – извини, я должен это сказать – в на редкость героическое говно. – Он хлопнул Райделла по плечу. – А раз так, сынок, то «Влипшие копы» сделают все возможное и невозможное, чтобы эта история завершилась к полному твоему – и нашему –

удовлетворению.

– Тюрьма? – переспросила Шеветта. – Вот и чудесно. Только мне нужно сперва позвонить в Сан-Франциско, Фонтейну.

– Звони куда угодно, милая. – Карен взяла бумажную салфетку и промокнула слезы, брызнувшие из глаз Шеветты. – Они все запишут, но мы тоже получим копию. И ты не напомнишь мне имя твоего друга, черного, которого потом застрелили?

– Сэмми Сэл, – всхлипнула Шеветта.

– Персли, – повернулась Карен, – нужно связаться с Джексоном Кейлом, и побыстрее.

Джексон Кейл? – удивился про себя Райделл. А зачем? При чем тут этот долговязый молодой артист, чью черную нахальную физиономию знают все любители мыльных опер?

Вопросы остались без ответа, потому что в этот момент Шеветта обняла его, прижалась к нему всем телом. Она смотрела на Райделла снизу вверх из-под этой своей бредовой прически, глаза у нее были совсем красные, из носу текло, но Райделлу все равно было приятно.

39. Праздник в непогоду

Пятнадцатого ноября, в субботу, после четвертой ночи, проведенной в Скиннеровом гнезде, Ямадзаки надел балахонистую шерстяную куртку, от которой воняло парафином, открыл запертый на огромную бронзовую щеколду люк, обвязал большую картонную коробку веревкой, спустил ее на дощатый помост, спустился следом сам, сел вместе со своей поклажей в желтую пластиковую корзину лифта и поехал вниз, на барахолку. Коробка содержала несколько обломков окаменевшего дерева, левый рог оленя-самца, пятнадцать компакт-дисков, фаянсовую кружку с ребристой поверхностью и выпуклыми буквами ОХО (рекламный подарок какой-то фирмы?) и вздувшуюся от сырости книгу с поблекшими, еле различимыми буквами на синем картонном переплете: «Литературная история Соединенных Штатов».[45]

Серые, унылые облака плотно обложили все небо, от стылого, как в подземелье, воздуха коченели пальцы; Ямадзаки сунул руки в карманы Скиннеровой куртки, замусоренные опилками, песком и еще какими-то крошечными непонятными объектами. Торговцы раскладывали свой товар. Ямадзаки волновался, что не знает, как к ним подойти, не знаком с принятой в их обществе манерой общения, но торговцы взяли инициативу в собственные руки, они сгрудились вокруг, изучая содержимое коробки и часто повторяя имя Скиннера.

Первыми – и дороже всего – ушли куски окаменевшего дерева, затем – кружка, затем – восемь компакт-дисков. Мало-помалу Ямадзаки распродал все, кроме «Литературной истории» – слишком уж она заплесневела. Он положил синюю, рассыпающуюся по листочку книгу в мусорную кучу, пересчитал деньги и пошел искать старую женщину, торгующую яйцами. Кроме того, у них со Скиннером почти не осталось кофе.

Подходя к магазинчику, где жарили и мололи кофе, Ямадзаки заметил в утренней сутолоке знакомую фигуру. По случаю холода и сырости Фонтейн застегнул длинное твидовое пальто на все пуговицы и поднял воротник.

– Ну что, Скутер, как там наш старикан?

– Он все время спрашивает об этой девушке…

– Она в лос-анджелесской тюрьме, – ухмыльнулся Фонтейн.

– Тюрьма?

– Сегодня же утром выйдет под залог, она звонила мне вчера вечером и так и сказала: сейчас меня повинтят, а завтра утром выпустят. Я же, собственно, к вам и собирался, чтобы обрадовать.

Да, кстати. – Фонтейн достал из кармана телефон. – Бери, у нее есть этот номер. Захочешь позвонить домой – звони, только не очень часто.

– Домой?

– В Японию.

– Конечно, – кивнул Ямадзаки. – Я прекрасно понимаю…

– Не знаю, чем уж там она занималась все это время, да и знать не хочу, у меня и так хлопот полон рот. Энергоснабжение восстановлено, но теперь я не понимаю, что делать с этим раненым, никто его не знает, никому он не нужен. Вытащили красавчика в среду утром из остатков чьей-то теплицы. Тут вот, рядом, почти прямо под вами. Придет на пару минут в сознание и снова отключается – не знаю уж там, сотрясение у него или что. Так-то все вроде в порядке, кости целы. И еще ожог на боку, вроде как от теперешней хитрой пули.

– И вы не хотите отвезти его в больницу?

– Нет, – качнул головой Фонтейн. – Это только если парень сам попросит или будет совсем при смерти, на мосту иначе не делается. В больнице сразу прогоняют тебя через компьютер, устанавливают личность, а у многих из нас есть серьезные основания держаться от таких штук подальше.

– А-а, – тактично кивнул Ямадзаки.

– Вот тебе и «а», – передразнил Фонтейн. – Думаю, кто-то нашел этого парня раньше нас, во всяком случае, карманы у него пустые, ни бумажника, ничего. Ну да ладно, рано или поздно кто-нибудь его узнает – не по морде, так хоть по прибамбасам на болту.

– Да. – Ямадзаки сделал мысленную заметку спросить у Скиннера, что такое «прибамбасы» и о каком болте мог говорить Фонтейн в связи с опознанием травмированного человека. – А ваш револьвер так у меня и лежит.

– Лежит, говоришь? – Фонтейн опасливо огляделся. – Знаешь, если эта штука точно тебе не нужна, закинь ее в воду, ладно? А телефон я у тебя потом заберу. Да, кстати, сколько ты здесь еще пробудешь?

– Я… я не знаю, – чистосердечно признался Ямадзаки.

– А на парад сегодня пойдешь?

– Парад?

– Пятнадцатое ноября, день рождения Шейпли. Приходи, будет что посмотреть. Что-то вроде Марди Грас.[46] Молодежь, так та вообще раздевается догола, не знаю уж, как сегодня будет, при такой-то погоде. Ладно, увидимся. Приветик Скиннеру.

– Да, приветик, – улыбнулся Ямадзаки. Фонтейн пошел дальше. Яркий поплавок вязаной шапочки поплясал над морем

людских голов и пропал из вида.

По пути к кофейной лавке Ямадзаки вспоминал похоронную процессию, приплясывающую фигуру с багровым автоматом. Символ ухода Шейпли.

Шейпли убили в Солт-Лейк-Сити. (Некоторые называли это самопожертвованием.) Так или иначе, но семеро убийц, христианские фундаменталисты, члены белой расистской секты, загнанной после налета на аэропорт в подполье, все еще отбывали срок. Только, поправил себя Ямадзаки, их уже не семеро, а пятеро – двое умерли от СПИДа, подхваченного, по всей видимости, там же, в тюрьме штата Юта. Умерли, стойко отказываясь от прививки, запатентованной на имя Шейпли.

На суде они молчали. Перед оглашением приговора шестеро отказались от последнего слова, а седьмой, вожак, сказал, что СПИД – кара Господня, воздаяние грешникам по грехам их. Документальные пленки сохранили облик этих убийц Именем Божьим – сухопарые мужчины с наголо выбритыми головами и пустыми, стеклянными глазами, такими и останутся они в истории, в памяти людской.

Ямадзаки подошел к лавке и встал в довольно длинную очередь.

К концу недолгой своей жизни Шейпли стал очень богатым человеком. Может быть, он даже был счастлив. Он успел увидеть, как продукт, полученный из его крови, остановил наползавшую на мир тьму. Опасных болезней много, с каждым годом их количество нарастает – и все же живая вакцина Шейпли спасла бессчетные миллионы жизней.

Ямадзаки решил, что обязательно посмотрит на парад. Только бы не забыть записную книжку.

Он дышал запахом свежесмолотого кофе и терпеливо ждал своей очереди.

Благодарности

Я в неоплатном долгу перед Паоло Полледри, основателем и куратором отдела архитектуры и дизайна сан-францисского музея современного искусства. В 1990 году мистер Полледри попросил меня написать что-нибудь для выставки «Воображенный Сан-Франциско», результатом чего явился небольшой рассказ «Комната Скиннера». Более того, именно Паоло стал инициатором моего сотрудничества с архитекторами Мин Фун и Крейгом Ходжеттсом, чья переделанная карта города (каюсь, я переделал ее еще раз) дала мне и Скайуокер-парк, и Мышеловку, и «санфлауэровские» небоскребы. (Викторианская квартира Ямадзаки вместе со всей ее меланхоличностью позаимствована у Ричарда Родригеса из его потрясающей работы «Содом. Размышление над стереотипом», бывшей одним из экспонатов все той же выставки.)

Термин «Виртуальный свет» придуман Стивеном Беком для описания аппаратуры, «создающей зрительное ощущение непосредственно в зрительном нерве, без участия фотонов» («Мондо 2000»).

Исходным материалом для Райделлова Лос-Анджелеса послужил «Кварцевый город» Майка Дэвиса вообще и содержащиеся там наблюдения о приватизации общественных территорий в частности.

Я крайне обязан Маркусу, одному из редакторов журнала «Восходящий Меркурий», издаваемого сан-францисской ассоциацией велосипедных курьеров, который снабдил меня полным комплектом «Меркурия», после чего я исчез с его горизонта на год с лишним (прости, если можешь). «Восходящий Меркурий» – это «прикольный журнал, информирующий, развлекающий и прочими способами укрепляющий» членов курьерского братства. Именно там почерпнул я и рабочую атмосферу для Шеветты Вашингтон, и изрядную долю ее характера. Крути педали!

Я выражаю глубокую признательность следующим личностям, каждая(-ый) из которых внес(-ла) нужный элемент в самый нужный для этого момент или просто поддержал(-ла) мою работу своим советом, список прилагается: Лори Андерсон, Когти Чабб, Сэмьюэл Дилэни, Ричард Дорсетт, Брайан Ино, Дебора Харри, Ричард Кадри, Марк Лейдлоу, Том Маддокс, Пэт Мерфи, Ричард Пиллиш, Джон Ширли, Крис Стейн, Брюс Стерлинг, Роджер Триллинг, Брюс Вагнер, Джек Вомак.

Хочется особо поблагодарить моего литературного агента

Марту Миллард за терпеливое отношение к автору, который работает медленно.

А также Деб, Грейм и Клер, стоически выдержавшим мое подвальное затворничество.

Ванкувер, январь 1993

notes

Примечания

1

Ласаро Карденас (1895–1970) – мексиканский генерал и политический деятель. Президент Мексики в 1934–1940 гг.

2

Avenidas (исп.) – улицы

3

Здесь – катафалк (исп.)

4

Ральф Лорен (наст, имя Ральф Липшиц, р. 1939) – популярный американский модельер и дизайнер. Карьеру начал под псевдонимом Поло (делал шейные платки для «Красавчика Бруммеля»). Выпускает преимущественно готовую одежду, и, хотя он американец, его имя часто ассоциируется с английскими материалами (фланель, твид). Выступал костюмером при съемках фильмов «Великий Гэтсби» (1974) и «Анни Хилл» (1977)

5

Viva (исп.) – да здравствует

6

«Большой Круг» (Big Circle Gang) – одна из наиболее крупных гонконгских триад. Строго говоря, не гонконгская, а зародилась в материковом Китае и руководится оттуда же. С начала 1990-х гг, активно проникает в Америку (преимущественно через Канаду)

7

LAX – главный аэропорт Лос-Анджелеса

8

Тендерлойн (от англ. tenderloin – филе) – район Нью-Йорка, известный преступностью; название происходит от того, что полиция может здесь очень хорошо кормиться на взятках. Позднее так же стали называть аналогичные кварталы других американских городов.

9

Падуания (или Падания) существует уже в наше время. Самопровозглашенная республика, состоящая из северных районов Италии. Падуания имеет гимн, герб, знамя и даже выборный парламент. Центральное правительство Италии не обращает внимания на падуанских сепаратистов, все их государственные учреждения не имеют никакой реальной власти.

10

Баррио – бедный (как правило, латиноамериканский) квартал

11

Шрайнеры (от англ. shrine – святыня) – члены Древнего арабского ордена аристократов Таинственной Святыни (американская масонская ложа, образованная в конце XIX в.)

12

Уорбэйби (англ.) – дитя войны

13

Саут-Айленд, или Южный Остров, – самый большой из островов Новой Зеландии

14

Сэмми ссылается на любимую песню борцов за гражданские и прочие права «Мы победим» (We Shall Overcome). В этой песне есть строчка. «Правда сделает тебя свободным». Фраза взята из Евангелия от Иоанна (8: 32) и в русском переводе звучит: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»

15

Натаниэль Каррир и Джеймс Мередит Айвз – американские граверы конца XIX века, совладельцы фирмы, издававшей литографии со сценами из американской истории и быта

16

СФДП – сан-францисский департамент полиции

17

Panhandle (англ.) – ручка сковородки

18

Кимчи (чимчи) – корейское овощное блюдо, очень острое и пряное

19

Мишшн-Рок, Чайна-Бэйзин – старые прибрежные районы Сан-Франциско, где располагаются заброшенные доки и верфи. Существует план (у Гибсона он уже реализован) «освоить» район заново, застроить престижными домами

20

Масс. – сокращение от Массачусетс

21

Шаффл – танец с характерными шаркающими движениями ног

22

«Миранда» – знаменитая формула: «Вы имеете право молчать. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в качестве доказательства. Вы имеете право на совет адвоката». В 1966 г, некий Эрнесто Миранда, обвиняемый в похищении и изнасиловании, был, несмотря на признание, оправдан Верховным судом США, т, к, полицейские при аресте в спешке не зачитали ему эту формулу. Потом он, правда, все равно сел – но за другое.

23

Чарльз Мэнсон – глава небольшой сатанинской секты, зверски убившей актрису Шарон Тэйт (жену режиссера Романа Поланского) и всех собравшихся у нее гостей

24

Патио – крытый двор.

25

Берри (англ.) – ягода

26

N.Y.C. – Нью-Йорк-Сити

27

Гигер Г. Р. (р. 1940) – швейцарский художник, работающий также в театре и кино. Достойный продолжатель традиций Босха, Бёклина, Гауда, не говоря уж о Дали и Эрнсте. Для его творчества характерно сочетание машиноподобных и квазибиологнческих форм. Широким массам известен благодаря работе над фильмом Ридли Скотта «Чужой» (1979)

28

Ар-Ви – RV, аббревиатура от «recreational vehicle», транспортное средство, предназначенное для отдыха

29

Для любопытных – на вывеске было написано IN-AND-OUT BURGER Франклин разбил буквы B и второе R, получилось вроде «импульс сунь-вынь»

30

По положению цифр на часовом циферблате. Таким способом наблюдатель сообщает стрелку, в какое место мишени попала пуля (напр. «девятка на четыре часа»).

31

В Калифорнии, неподалеку от Сан-Франциско, есть свой Сан-Хосе.

32

Nom de guerre (фр.) – псевдоним, букв, «боевое имя». Лавлесс – главный отрицательный персонаж американского телесериала «Дикий, дикий Запад» (1965–1969). Известен киноримейк конца 90-х (реж. Барри Зоненфельд)

33

Nombre (исп.) – имя

Имеются в виду колумбийские кокаиновые картели

35

Имеется в виду всемирная сеть магазинов «The Gap». Основана в 1969 г., торгует одеждой, сумками и т, д.

36

La Noche de Muerte (исп.) – «Ночь мертвых», традиционный для Латинской Америки карнавал, проводимый в начале ноября

37

Хибати – японская жаровня

38

Апостат – вероотступник

39

В оригинале применено американское письменное сокращение «R. U.», обозначающее «Are you» (по названиям букв алфавита, «Ар-Ю»)

40

Назареи считали Иисуса Христа истинным Мессией, придерживаясь во всем остальном законов и обычаев иудаизма. Секта вела свою родословную от евреев, слышавших Христа и уверовавших, подвергалась гонениям со стороны более ортодоксальных иудаистов и давным-давно исчезла. (Не путать с назореями, они – нечто совсем другое.)

41

Первая Иисусова Церковь – подразумевается вымышленная юмористами Первая Церковь Иисуса Христа, Элвиса. В произведениях киберпанка эта Церковь часто фигурирует как реально существующая (напр., «Амбиент» Джека Вомака, «Армагеддон-крейзи» Мика Фаррена)

42

Buddy (англ.) – дружок. Иногда это слово используется как имя

43

Сонора. Судя по всему, автор имеет в виду мексиканский штат, граничащий с Калифорнией. В Калифорнии есть городок Сонора, но он находится в Северной Калифорнии и настолько мал, что вряд ли будет бороться за свою независимость

44

Малибу-Бич – приморский поселок километрах в пятидесяти от центра Лос-Анджелеса

45

«ОХО». ОКСО – фирменное название бульонных кубиков, производимых компанией «Брук Бонд Оксо Лимитед»

46

Mardi Gras (фр.) букв. – «жирный вторник». Вторник на масленичной неделе. В некоторых городах в этот день устраивается карнавал